

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 32

Издаётся с 1993 г.

**МОСКВА
2013**

ББК 83
Л 64

Главный редактор

А.Н. Никлюкин – д-р филол. наук

Редакция:

E.A. Цурганова – канд. филол. наук,
Т.Г. Юрченко (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

В.В. Агеносов – д-р филол. наук, *М.А. Айвазян* – канд. филол. наук, *В.Н. Аношикина* – д-р филол. наук, *П.П. Апрышко* – канд. филос. наук, *И.П. Волгин* – д-р филол. наук, *И.Л. Галинская* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *Б.А. Ланин* – д-р филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *А.И. Чагин* – д-р филол. наук, *Е.П. Чельщев* – академик РАН

Л 64 **Литературоведческий журнал № 32:** Науч. журн. / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит., ИНИОН; Гл. ред. Никлюкин А.Н. – М.: ИНИОН, 2013. – 380 с.

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученоей степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

The Journal of Literary History publishes articles and essays on the history of Russian and world literature, theory of poetry, as well as literary chronicle and bibliography. The manuscripts are reviewed. The articles by post-graduates are published gratis.

Выпуск журнала, приуроченный к 125-летию смерти М.Н. Каткова, включает статьи о его литературно-критических взглядах, взаимоотношениях с современниками, полемике с А.И. Герценом, о журнале «Русский вестник», где были опубликованы основные романы Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и др.

Для специалистов в области россиеведения, литературоведов, культурологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в систему elibrary.ru

ББК 83

© Литературоведческий журнал, 2013. Научное издание
© ИНИОН РАН, 2013

ISSN 2073-5561

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-летию рождения М.Н. Каткова

Вступление.....	5
<i>А.Н. Николюкин.</i> Катков и его современники.....	7
<i>А.П. Дмитриев.</i> Н.П. Гиляров-Платонов и Катков:	
Публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения	28
<i>Т.В. Федосеева.</i> Федор Тютчев и Михаил Катков в литературной и общественной жизни России 1860-х годов	44
<i>И.А. Едошина.</i> Катков как мыслитель	74
<i>И.А. Едошина.</i> Катков о просвещении в России	93
<i>А.О. Крылов.</i> Св. Димитрий Ростовский и концепция древнерусской литературы у Каткова	108
<i>В.Б. Трофимова.</i> М.О. Меньшиков о Каткове	117
<i>О.Л. Фетисенко.</i> Константин Леонтьев и Катковский лицей....	129
Программы Катковских чтений 2007–2012	141

История литературы

<i>В.Б. Трофимова.</i> Литературно-критические взгляды М.О. Меньшикова	146
<i>А.В. Громова.</i> «Подлинный, настоящий художественный талант» (О Л.Ф. Зурове)	169

Публикации

Воспоминания героев Белого движения: В.Г. Болдырев / Публикация Л.Л. Черниченко-Болдыревой.....	188
Красная Шапочка Людвига Тика / Вступит. статья И.В. Логвиновой. Перевод с нем.яз. А.М. Рапопорта под ред. И.В. Логвиновой	196

Библиография

Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807): Материалы к библиографии / Составление А.Н. Стрижёва	232
Леонид Фёдорович Зуров (1902–1971): Материалы к библиографии / Составление А.Н. Стрижёва	286
За свободу! (Варшава, 1928). Роспись литературных материалов / Составление О.А. Коростелёва	303
Коротко об авторах	377

К 200-летию рождения М.Н. Каткова

ВСТУПЛЕНИЕ

В советские времена было принято отмечать, «праздновать» юбилеи смерти. 21 января каждого года до начала Великой Отечественной войны вся страна праздновала день смерти В.И. Ленина. Дворцы пионеров проводили особые торжества в черно-алых цветах полотнищ и портретов.

В 1937 г. всенародно праздновали 100-летие гибели Пушкина. Летом 1941 г. готовились торжественно отметить 100-летие смерти Лермонтова, но помешала война. В 1948 г. в Большом театре весьма пышно отмечали 100-летие смерти Белинского, а в 1952 г. к 100-летию смерти Гоголя «советское правительство» (как написано на памятнике) открыло от себя новый памятник великому писателю. Даже иностранных писателей обычно отмечали юбилеи только смерти: 100 лет Байрону в 1924 г., 100 лет Гёте в 1932 г. и т.д.

Не лучше ли чествовать юбилеи рождения? В 1899 г. Россия отмечала 100-летие рождения Пушкина. Потому и мы в 1999 г. праздновали 200-летие рождения поэта. В 2009 г. – 200-летие рождения Гоголя. В 2014 г. будет 200-летие рождения Лермонтова. Право, это как-то человечнее.

Мы готовимся к предстоящему 200-летию рождения великого русского публициста Михаила Никифоровича Каткова, писателя, заведомо исключенного в XX в. из истории русской литературы. Только теперь, в наше время, мы можем по-настоящему осознать, что он значил и что он сделал в свое время. На это нужно время, чтобы прочитать его сочинения и понять его роль в истории, – только что закончилось издание 6-томного Собрания его сочинений.

С 2007 г. в Москве ежегодно в Михайлов день 21 ноября в Храме Всех Святых бывшего Алексеевского монастыря проводятся Катковские чтения. Под руководством настоятеля Храма, члена Союза писателей России протоиерея Артемия Владимирова на чтениях выступают многие писатели, ученые, деятели культуры и религиозных организаций Москвы и Петербурга.

В 2008 г. издательство «Прогресс-Плеяда» выпустило первый «Катковский вестник» (редакторы С.С. Лесневский и Б.Н. Романов), в котором опубликованы доклады на Первых чтениях протоиерея Артемия Владимирова, И.А. Едошиной, А.Н. Николюкина, Ю.В. Климакова, Л.Л. Черниченко, Т.Ф. Прокопова, Джеки Хоскинга (Лондонский университет), А.А. Ширинянца, Ст. Лесневского, а также статьи М.Н. Каткова о Пушкине и Глинке.

В настоящем номере «Литературоведческого журнала» печатаются несколько докладов, прочитанных на Катковских чтениях последних лет.

А.Н. Николюкин

КАТКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ

Аннотация

Катков как редактор журнала «Русский Вестник» и газеты «Московские Ведомости» вел полемику с А.И. Герценом, в результате чего революционная газета Герцена «Колокол» утратила свою притягательность в России.

Ключевые слова: «Русский Вестник», «Московские Ведомости», «Колокол», большевистский переворот, политические экспериментаторы, русский народ.

Nikolukin A.N. Katkov and his contemporaries

Summary. Katkov as the editor-in chief of the journal «Russky Vestnik» and the newspaper «Moskovskie Vedomosty» entered into polemics with A.I. Herzen. After this controversy Herzen's revolutionary newspaper «Kolokol» lost its popularity in Russia.

В здании на Страстном бульваре в Москве, где в XIX в. находилась редакция журнала «Русский Вестник», где печатались знаменитые романы Тургенева, Достоевского, Толстого, Лескова, Писемского, в 1970-е годы располагалось одно из управлений Министерства культуры. Однажды Марго Светлакова, ведавшая там делами театров, пригласила меня с женой (подругой Марго еще с аспирантских времен). Когда мы поднялись на этаж, Марго показала в кабинете большой дубовый стол Михаила Никифоровича Каткова, за которым теперь восседала она, Марго, имевшая право разрешать или запрещать спектакли, в частности в театре на Таганке.

Марго предложила мне сесть за стол Каткова, но такового желания я не испытывал, хотя в Орле в музее писателей-орловцев, где в запаснике хранится стол В.В. Розанова, я с удовольствием

садился, выдвигал все ящики, представляя, как сидел за столом Розанов. От посещения кабинета Каткова у меня в душе осталось некое несоответствие между старым русским журналистом, издателем, крупнейшим человеком своего времени, блестящим русским умом и современным советским чиновничеством по делам культуры, процветавшим в том же доме, буквально за тем же столом.

В 100-летнюю годовщину со дня смерти Каткова 1 августа 1987 г., которого тогда никто не вспоминал, я вместе с женой Светланой Алексеевной Коваленко отправился в Новоалексеевский монастырь на севере Москвы, лежавший тогда в руинах. Там был похоронен Катков, о котором советская пресса писала когда-то, что он «объединил вокруг себя все темные силы дворянско-помещичьей реакции». Мы не знали места захоронения, но, подойдя к храму Алексия человека Божия, где в советские годы находился читальный зал Архива Москвы и где мне приходилось бывать десятилетиями ранее, мы развесили принесенные цветы на деревьях, поскольку от могил ничего не осталось. Как оказалось потом, это было, действительно, вблизи могилы Михаила Никифоровича, памятник на которой был уничтожен вскоре после революции. Большевики считали, что, воздвигнув мраморный мавзолей, они навечно сохранят славу первого вождя революции, а стертая могила Каткова заставит забыть его. Но у истории свои правила и обычаи. И хотя мавзолей кровавому вождю еще простоял какое-то время, пока живы те поколения, которые поклонялись ему, память великого публициста и мыслителя Каткова важнее для русской мысли, для будущего России, чем преступления прошлого, забывать которые нам тоже не след.

Прошло 20 лет. Россия стала другой. Ее ценности и память изменились. В день именин Каткова – в Михайлов день 21 ноября 2007 г., когда отмечалось 190-летие рождения Михаила Никифоровича, с благословения протоиерея Артемия Владимира, настоятеля храма Всех Святых, что в Красном Селе, нам удалось организовать ежегодные Катковские чтения в обителе, где покоятся останки писателя. Сначала немногочисленные, эти чтения год от года стали привлекать к себе все большее внимание. Уже десятки историков, философов, социологов, литературоведов, писателей принимают в них участие. Издательство «Прогресс-Плеяда» под

руководством С.С. Лесневского выпустило сборник «Катковские чтения». Имя и дела писателя ожили и возродились. Стал вопрос о восстановлении памятника на могиле.

Неисследованными остаются многие стороны деятельности Каткова, в частности переводческая работа. Известно, что он переводил Фенимора Купера, Генриха Гейне, Гёте, Рюккерта. Известно, что он первый в 1841 г. издал свой перевод трагедии Шекспира «Ромео и Юлия», как он назвал ее. При этом его перевод гораздо точнее, чем кастрированный в эротических местах перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник, печатаемый и поныне. Но едва ли кто-либо слышал, что Катков первый опубликовал в редактировавшейся им газете «Московские Ведомости» (1853. 14–19 февраля) перевод (с французского) отрывков из неизвестного тогда у нас романа Г. Мелвилла «Моби Дик» (под названием «Китовая ловля»). А уже в следующем году в журнале «Пантеон» (1854. № 3) появилась единственная в русской журналистике XIX в. анонимная заметка «Герман Мельвиль (североамериканский писатель)», к возникновению которой, возможно, причастен Катков.

Историческая роль М.Н. Каткова определяется прежде всего тем, что он первый во время реформ 1860-х годов выступил с критикой антирусских тенденций в писаниях Герцена в «Колоколе» и нигилистов-революционеров, обосновавшихся в журнале «Современник». В статье в журнале «Современная Летопись» 16 мая 1862 г. Катков называет Герцена «свободным артистом», который «сериозно воображает себя представителем русского народа, распорядителем его владений, и действительно вербует себе приверженцев, во всех уголках Русского царства, и сам сидя в безопасности, за спину лондонского полисмена, для своего развлечения высыпает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирию, да еще не велит “сбивать их с толку” и “не говорить ему под руку”?».

6 июня 1862 г. Катков пишет в «Современной Летописи» статью, еще не называя имени Герцена, которое находилось под цензурным запретом. Катков иносказательно полемизирует с Герценом и его сторонниками, которых он именует «заграничными беженцами»: «Наши заграничные *refugiés* (мы хорошо знаем, что это за люди) находят, что Европа отжила свое время, что революции не удаются в ней, что в ней есть много всякого хлама, препятст-

вующего прогрессу, как например: наука, цивилизация, свобода, права собственности и личности, – и вот они вызывали благую мысль избрать театром для своих экспериментов Россию, где, по их мнению, этих препятствий нет или где они недостаточно сильны, чтобы оказать успешный отпор. Они пишут и доказывают, что Россия есть обетованная страна коммунизма, что она позволит делать с собою что угодно, что она стерпит всё, что оказалось нестерпимым для всех человеческих цивилизаций. Они уверены, что на нее можно излить полный фиал всех безумств и всех глупостей, всей мертвчины и всех отседов, которые скоплялись в разных местах и отовсюду выброшены, что для такой операции время теперь благоприятно и что не надо только затрудняться в выборе средств. Все эти прелести с разными гримасами появились в русских заграничных листках, – все оне воспроизводятся и развиваются в подметных прокламациях, которые появляются в самой России и которые были бы невозможны нигде, кроме России».

Действительно, такой «полный фиал всех безумств», какой произошел в результате большевистского переворота 1917 г. и «всей мертвчины» в буквальном смысле за годы советской власти, случился именно в России. Народ «позволил делать с собою что угодно» и стерпел в течение семи десятилетий то, что «было бы невозможно нигде, кроме России». Поистине, «терпеньем изумляющий народ», как сказал поэт. Выходит, все предупреждения Каткова оказались втуне, и политические экспериментаторы, маня сияющими вершинами коммунизма, сумели сотворить в России то, что хотели. Россия не вняла словам Каткова и поплатилась своей горькой судьбой в XX столетии. Как писал М. Пришвин в недавно опубликованном дневнике 9 октября 1937 г., у нас получился «народ, плененный своим собственным правительством».

В «Русском Вестнике» (1862. Июнь; номер вышел в июле), игнорируя цензурные запреты, Катков прямо обратился к Герцену в статье «Заметка для издателя “Колокола”» и дал оценку его выступлений в «Колоколе» с точки зрения интересов России. Пытаясь надеть на себя маску руководителя национально-освободительной борьбы, наподобие Дж. Мадзини и Л. Кошути, Герцен захотел стать «генералом от революции». Однако, пишет Катков, «родина его не разделена и не находится под иноземным политическим игом; тяжкая и трудная история создала ее великим цель-

ным организмом; русский народ, один из всех славянских, достиг политического могущества и стал великой державой; благодаря ему славянское племя не исчезло из истории... Государственное единство есть благо, которым русский народ дорожит и должен дорожить, если не хочет обратить в ничто дело тяжкого тысячелетия и исчезнуть с лица земли. Это основа его национального бытия, купленная дорогой ценой, и он должен крепко держаться ее, и он крепко ее держится».

Лишенный «всякой ответственности, ничем не рискуя», Герцен «издали поджигает человеческие страсти». Предвосхищая за полвека большевистские идеи «всемирной революции», он нашел себе понимание и поддержку у идеологов большевизма. И хотя лозунг «мировой революции» был снят большевиками после поражений 1920-х годов, симпатии советских коммунистов к наследию Герцена оставались неизменными все годы.

Герцен, пишет Катков, проповедовал «кровавые реформы». Вспоминая прокламацию, распространявшуюся в Москве и Петербурге под названием «Молодая Россия», Катков приводит «содержание этого безобразного изделия наших революционеров», требовавших «ни более ни менее как признать несуществующим Бога, затем уничтожить брак и семейство, уничтожить право собственности, открыть общественные мастерские и общественные лавки, достичнуть всего этого путем самого обильного кровопускания, какого еще никогда не бывало, и забрать крепко власть в свои руки».

Читая такое, думаешь, будто листаешь воспоминания человека, уже пережившего ужасы первых лет господства большевиков. То ли еще было в период оккупации России большевистской мафией! Такая программа «обильного кровопускания» и легла в основу теории ленинизма с ее лозунгом «диктатура пролетариата», означавшим на деле уничтожение всех сословий в России, кроме партийного и околопартийного. Понятие классов, заменившее прежнее представление о сословиях, было использовано «ради революционной целесообразности» для уничтожения всех классов, не отвечавших представлению о «советском обществе».

Писатель Н.М. Павлов рассказал со слов очевидца, как Герцен получил в Лондоне и прочитал статью Каткова в «Русском Вестнике». Взяв из рук Огарёва только что полученный журнал, Герцен предложил прочитать текст вслух. «Это обращение, как

нельзя более, понравилось всем, — повествует очевидец, — смеялись, радовались, просили читать. Он начал. Статья, действительно, была им прочитана вслух, от начала до конца. По мере того как он читал, всему обществу делалось все неловче и неловче, а особенно против того игривого настроения духа, с которым приступили к чтению. В начале еще — Герцен то и дело вставлял от себя отрывочные заметки, иногда очень ловко и остроумно, так что даже все смеялись. Но чем дальше, тем Герцен становился тише, наконец и вовсе ничего не прибавлял от себя; чтение становилось все тяжелее как для него, так и для всех. Вторая половина была уже прочтена мрачно и выслушана в молчании: уж никто и из слушателей не вставлял от себя никаких заметок — хоть бы полусловом. Слушатели не знали, как и досидеть до конца чтения, а чтец, очевидно, не знал, как и дочитать. Когда Герцен кончил, в комнате воцарилась гробовая тишина, — тут уж окончательно стало неловко до немоготы. Герцен закрыл книгу и также ничего не говорил; его собственное и такое долгое молчание еще более сконфузило всех. Наконец он сказал: “Можно ли так ругаться? Как это терпится такая ругательная литература? Это просто ругательство. На это и отвечать с моей стороны нечего: это ругательство”. Вечер, начавшийся, было, весьма оживленно, кончился, таким образом, как-то неудачно. После того мы скоро взялись за шляпы и разошлись»¹.

О восприятии статьи Каткова русским обществом рассказал священник И. Фудель: «В “Заметке для издателя «Колокола»” русские читатели увидели в обнаженном виде не только Герцена, но и самих себя, потому что заметка, нанося удар пропаганде Герцена, наносила удар и тому хамскому настроению русского общества, которое делало возможным и питало эту пропаганду. Очень понятно, как эта статья Каткова могла быть принята обществом; яркая правда статьи не могла быть опровергнута, но эта же правда была для большинства очень горькой правдой. Все переконфузились, а когда первое впечатление прошло, стали искать мотивов для осуждения виновника конфузу. Так мы объясняем себе ту загадку, что правдивая “Заметка” Каткова никому в то время не понравилась»².

Катков глубже, чем кто-либо в то время, понял суть грядущего «коммунизма» и пытался бороться с этой идеей, хотя русская «передовая» интеллигенция была склонна прислушиваться к голо-

сам Герцена и иже с ним. Тем не менее выступление Каткова сыграли на время свою отрезвляющую роль. Как вспоминал один из современников, после статей Каткова «лондонский кошмар исчез. Оставился тот же Герцен, печатался тот же “Колокол”, но значение его было утрачено – его не читали»³. Так Каткову удалось «заткнуть рот» пустозвонству Герцена в «Колоколе».

Много лет спустя, после 100-летнего юбилея Герцена, восторженно отмечавшегося либеральной Россией, В.В. Розанов в статье «Из судеб русской литературы и общественности» противопоставил Герцену Каткова, на котором и оборвалась его слава: «Герцен добровольно, sua sponte, уступил свое место “влиятельного человека” влиятельного ума и советчика – Каткову, с необозримыми последствиями сей “пересадки” для России... Самолюбие, переходящее в мелкое тщеславие, требовало у Герцена, чтобы он был непременно в “оппозиции” правительству, даже когда оно работало над великими реформациями».

Более восьми статей в «Колоколе» Герцен посвятил полемике с Катковым. Стремясь к разрушению существующей России, ее государственной власти и сложившихся форм жизни, Герцен не брезговал самыми резкими выражениями. Так, в связи с возобновлением 25 июня 1866 г. издания «Московских Ведомостей» Герцен пишет статью «Катков и Государь», которую начинает с изысканных словес, присущих этому демократу-разрушителю: «Не спрavился государь без Каткова и снова приставил его к тем шлюзам московской клоаки, из которой четыре года била ключом грязь и нечистота, заражающая всю Россию». По существу, самые неотразимые слова для характеристики десятилетней деятельности герценовского «Колокола» и ее пагубных результатов. Понадобилось полтора столетия, чтобы осознать это в полной мере. Хотя и поныне, возможно, сохранились приверженцы иллюзий, приведших Россию к катастрофе и преступлению 1917 г.

Современник Каткова государственный деятель и мемуарист Е.М. Феоктистов вспоминал: «Катков, роль которого в событиях 1863 и 1864 гг. представляла великое и еще небывалое у нас зрелище. Это был первый пример в России, чтобы человек без связей и покровительства, единствено силой своего таланта и горячего убеждения приобрел неслыханную диктатуру над умами. Кто пережил это время, тот никогда его не забудет. Отрадно было видеть,

как под влиянием громовых статей “Московских Ведомостей” рассеивался мало-помалу хаос в понятиях общества и как проникалось оно сознательным участием к своим интересам. О Каткове можно без преувеличения сказать, что он создал здоровое общественное мнение; у него был целый сонм пламенных приверженцев, которые чуть не клялись его именем, и множество исступленных врагов, которым хотелось быстереть его с лица земли. Правительство боялось его и вместе с тем заискивало перед ним. Несмотря ни на какие препятствия, он смело шел вперед, и тщетно тупоумная цензура пыталась остановить его. “Московские Ведомости” читались нарасхват, имя его гремело по всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такою славой»⁴.

В статье «Ответ на книгу Шедо-Ферротти» (Московские Ведомости. 1864. 5, 6 сентября) Катков рассказал, как польские повстанцы 1863 г. использовали имя Герцена в своих целях. «Герценом пользовались многие», – пишет он и приводит факты, как плодили «герценистов» в интересах польского мятежа: «Плодить их было выгодно в интересах всякого дела, имеющего целью раздробить русское государство и отнять его у русского народа».

Парижскую коммуну Катков оценил по достоинству. 14 мая 1871 г., еще в дни террора коммунаров в Париже, он писал: «Каким образом в продолжение целых двух месяцев могла держаться во главе двухмиллионного города горсть людей, большую частью невежественных и бездарных, самовольно распоряжаясь жизнью и имуществом? Как в целой Франции не нашлось сил, чтобы мгновенно положить конец этому дикому безобразию?». Памятные слова, которые можно было бы повторить после расстрела большевиками мирной демонстрации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 г.

Даже М. Горький, сравнивая 9 января 1905 г. с расстрелом 5 января 1918 г., писал о большевистской лжи в газете «Правда», утверждавшей, что демонстрация была организована буржуями: «5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы»⁵.

Сходным образом оценил Парижскую коммуну и Ф.М. Достоевский. В письме к Н.Н. Страхову в последние дни Парижской

коммуны 18 (30) мая 1871 г. он писал: «Пожар Парижа есть чудо-вищность: “Не удалось, так погибай мир, ибо коммуна выше счастья мира и Франции”. Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а напротив, *красотою*».

После убийства императора Александра II Катков писал: «Изменническая крамола в полном разгаре» (Московские Ведомости. 1881. 20 мая). Россия стала средоточием политического террора. Всякого рода халтурины, желябовы, софьи первовские в мужском или женском обличье захлестнули страну, трагические отголоски чего мы переживаем и в наше время. После того как Александра Ульянова повесили за попытку покушения на императора, его младший брат Владимир Ульянов (Ленин) заявил: «Мы пойдем другим путем», т.е. путем не индивидуального, а массового террора. Этот бесславный путь массовых убийств партия ленинцев-большевиков начала осуществлять сразу же с кровавого расстрела 5 января 1918 г. демонстрации молодежи в поддержку Учредительного собрания – одного из первых в ряду бесчисленных злодеяний большевистской партии. Коммунисты очень любили чтить память жертв 9 января 1905 г., даже установили поначалу памятный день, совмещавший дату смерти Ленина с 9 (22 по новому стилю) января. Однако никогда их горе-историки не вспоминали кровавый расстрел 5 января 1918 г. на Литейном проспекте Петрограда.

Катков вместе с созидателями России противостоял силам разрушителей родной страны, которые восходят к именам Герцена и Чернышевского, а завершаются командой Ленина и его подельников по уничтожению государственного строя России, всего того, что произошло после 1917 г.

Новые поколения террористов-националистов выступают против России и ее граждан. Ну что ж, всякое зло приносит рано или поздно свои плоды. В этом тоже один из уроков большевистской истории XX столетия, истории XIX в., преподанный нам Катковым. Жаль только, как всегда бывало в истории, уроки ничему не учат.

Через десятилетия критику наследия Герцена продолжил В.В. Розанов, со всем блеском своего публицистического таланта показав легковесность «вечно топырящегося Герцена». Даже не разделяя убеждений Белинского, Добролюбова, Чернышевского,

Розанов ценил их как «вечных работников» на ниве отечества. Герцен-эмигрант не мог вызвать у него таких чувств. В первое время по выезде из России Герцен еще мог создавать «прелестную литературу». Но писатель не может жить без родины, и это трагическим образом сказалось на судьбе Герцена.

Главный упрек Герцену – он занимался не «делом», в то время как в 1860-е годы вся Россия кипела в работе, деятельности. Он «напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это “политика” и “история”...», – писал Розанов в «Опавших листьях». Он говорил, что Герцен «основатель политического пустозвонства в России. Оно состоит из двух вещей: 1) “я страдаю”, и 2) когда это доказано – мели какой угодно вздор, все будет “политика”». Так как все гимназисты страдают у нас от лени и строгости учителей, то с Герцена началось, что после него всякий гимназист есть “политик”, и гимназисты делают политику».

Так Герцена воспринимали среди молодежи уже после Каткова. Он был кумир, перед которым все блекло для молодых либералов и радикалов. «Все учение Герцена, вся его обаятельная публицистика – были игрою юности, без серебряных старческих волос. Он восстал против великой исторической России, не низкой, а благородной, не расслабленной, а могущественной, – восстал легкомысленно, как новорожденный Аполлон, у которого кудри по плеча, и все на него молятся, но нельзя забыть, что ему 17 лет. Великолепие – да, но мудрости – ни на грош» (Розанов В. Из прошлого нашей литературы // Новое Время. 1912. 18 сент.). У Розанова всегда один критерий оценки заслуг писателя – его роль в упрочении России и ее духовной мощи. Нигилисты, революционеры подрывали силы великой исторической России и в конце концов разрушили ее. Такое отношение к своей стране было чуждо и неприемлемо для Каткова и Розанова.

Сопоставляя славянофилов и западников, Розанов говорит, что от И.В. Киреевского пошли русские одиночки, а от Герцена – русская «общественность». В марте 1912 г. отмечалось 100-летие рождения Герцена. Розанов написал воспоминания «Герцен и 60-е годы», однако статью сняли с набора в «Новом Времени». Розанов говорил, что Герцен подготовил подъем 60-х годов, а с другой стороны, утверждал, что «в Герцене, собственно, не зароди-

лась, а погибла русская революция». «Вся Русь поняла и сразу оценила стих Добролюбова», – писал Розанов о строках

«Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен,
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен».

«Вот таких... строк во “всем” Герцене нет, – продолжает Розанов. – На “родное” по-родному и отозвались. Вся Русь отклинулась на стих Добролюбова; больше: она вся встала перед ним»⁶.

Когда в Петербурге на людном собрании «Общества в память Герцена» после чтений о нем «корифеев петербургского либерализма», Розанов заговорил «и о Добролюбове», то был остановлен пренебрежительным замечанием: «Ну можно ли сравнивать Добролюбова с Герценом... Добролюбов же был совсем не образован. А Герцен – европейский ум. Да и какой талант, – разнообразие талантов!».

Да, замечает Розанов, Добролюбов и Киреевский были беднее Герцена, но в каком-то одном и чрезвычайно важном отношении они были и неизмеримо даровитее его. «Ключ и Киреевского, и Добролюбова был из глубины земли... Был и не истощался, и поил многих и многих... Это – любовь к родной земле, к дальней околице, к деревенской песне... Капля крови, общая с народом у них, у обоих была».

Тогда же Розанов записал строки, вошедшие затем в «Опавшие листья»: «Базар. Целый базар в одном человеке. Вот – Герцен. Оттого так много написал: но ни над одной страницей не впадет в задумчивость читатель, не заплачет девушка. Не заплачет, не замечается и даже не вздохнет. Как это бедно. Герцен и богач и бедняк».

* * *

В одной из статей 1897 г. В.В. Розанов дал развернутую характеристику Каткова: «Дивный мастер слова, великий Антей, знаяший тайну прикосновения к матери-земле, Катков из нее почерпал силу и у нее же подслушал лучшие свои слова; но земля всегда есть земля, и она совершенно не могла научить его тем

утонченностям умственных концепций, где открываются истинные основания консерватизма (как равно и противоположных течений) и самые далекие его заключения. Оттого невозможно даже политическую часть идей Каткова свести ни в какую систему; от этого его требования классической системы в образовании имеют перед собою элементарные и наивные аргументы; он весь, во всем своем мышлении, есть ряд афоризмов, то прекрасных, то ребяческих, всегда чистосердечных, но иногда аляповатых»⁷.

Через десять лет после смерти М.Н. Каткова В. Розанов выступил со статьей «О постановке памятника М.Н. Каткову» (газета «Мировые Отклики». 1897. 25 июля), в которой сообщал: «В печати заговорили о постановке памятника Каткову. В добрый час!.. Катков давно стал знаменем, символом известных стремлений. Соединим их в одно: он есть символ всего центростремительного в нашей земле, устремляющегося к центру, к сосредоточению, – в противовес иным центробежным силам, также обильно развитым в нашей земле, – силам, разбегающимся от центра к периферии, стремящимся разорвать целость нашего сознания, целость истории нашей, наконец, целость нашей территории».

При этом Розанов рассматривает деятельность Каткова как часть общего движения в русской культуре и литературе того времени: «Катков был не один; в стороне от него, во многих частных вопросах расходясь с ним, но сходясь во всем главном, говорили Н.Я. Данилевский, автор “России и Европы”, Н.П. Гиляров-Платонов, И.С. Аксаков и только теперь начинающий получать себе истинную оценку К.Н. Леонтьев, автор сборника политических статей “Восток, Россия и Славянство” и нескольких замечательных брошюр».

Столетие назад Розанов сумел обозначить проблему, которая остается животрепещущей и в наше так называемое «постсоветское время»: «Много людей, в частности много их в литературе, которым претит идея единства и целости, да и всякого вообще величия России. Эти бедные люди, эти слабые умы и не подозревают, до какой степени мало свободы и самостоятельности в их мышлении. Они все – официозы, но одной и дурной стороны нового правительенного механизма у нас, под именем то “западников”, то “либералов”, они развивают одну слабую сторону в реформе Петра Великого: этот жест презрения к старине, который

невольно вырвался у Великого Преобразователя России рядом с гигантскою работою ее укрепления и возвеличивания».

В том же 1897 г. Розанов начинает свою статью «О гимназической реформе семидесятых годов» (Новое Время. 1897. 5 авг.) с характеристики вклада Каткова в дело образования в России: «Десять лет, истекшие со времени смерти Каткова... дают нам повод остановиться на главном практическом деле, которое связывается с его памятью, системе классического у нас образования. Он не был ее организатором: едва ли он знал все подробности, с какими она осуществлялась у нас. Но, ссылаясь на примеры Англии и Германии, он если и не убедил всех, то заставил всех, от кого зависело практическое разрешение вопроса, поверить, что классицизм есть единственное для России средство стать умственно независимою страною, стать равною среди равных в семье просвещенных европейских наций. Он дал этой системе победу как идею, как принципу – в противовес системе утилитарного, практического обучения».

Розанов ценил Каткова как «страстного консерватора», каким он стал с 1863 г. Но вместе с тем считал, что консерватизм не приспособился к условиям российского общества. «Весь наш консерватизм есть какие-то ископаемые допотопные чудовища, – считал Розанов, – совершенно не приспособленные к условиям новейшего существования... И посему вымирающие...

“Вымирающее” – Катков.

“Вымирающее” – Кон. Леонтьев.

“Вымирающее” – Ап. Григорьев и Н. Страхов.

Что же “не вымирающее”? Владимир Набоков <отец>, Оль-д'Ор, Кондурушкин. Эти “приспособлены к условиям существования”. Мелкая река и мелкая рыбка.

Боже мой, все мелеет. Вот ужас. Это не исторический переворот, это космологический переворот» («Сахарна». 17 ноября 1913).

Осенью того же юбилейного года Розанов написал большую полемическую статью «Катков “как государственный человек”», вошедшую затем в его книгу «Литературные очерки» (1899), в которой не соглашался с хвалебной статьей В.А. Гриングмута, ставшего редактором «Московских Ведомостей» – газеты, которую много лет до самой смерти редактировал Катков. Розанов отметил «меч-

тательность ума, неопытность сердца, незнание действительности» у Каткова, с которым был знаком. Возражая против неумеренных похвал Глингмута, Розанов закончил свою статью, как всегда, многозначно: «Вот, мы, “искренно уповая”, как и г. Глингмут, “на Бога”, окончили анализ “идеала” и определили “великое” как малое, поставив на место его кой-что “малое”, но что и для Бога, а главное – для самих людей, есть истинно “великое”, оплакиваемое и возлюбленное».

Чтобы закончить с 10-летней годовщиной смерти Каткова, следует напомнить, что еще в 1891 г. Розанов направил в «Московские Ведомости» статью о необходимости сооружения памятника Каткову. Однако по поручению газеты Ю.Н. Говоруха-Отрок вернул ему рукопись, сообщив, что «Из агитации, направленной на сооружение памятника Каткову, кроме скандала, ничего не выйдет» (письмо Говорухи-Отрока к Розанову 13 октября 1891 г.).

В своей оставшейся неопубликованной при жизни книге «Мимолетное» Розанов дал 27 февраля 1914 г. характеристику роли и значения Каткова в русской журналистике: «...смертная часть Каткова в том, что он никому не был дорог...

“Нужен” – да; “полезен” – да; “великие таланты ума и пера” – да! да! да!

“Великий стиль”: – о, конечно, да.

И все эти вещи не образовали даже крупицы бессмертия потому, что как лицо и лицу он никому не был дорог...

И он всеми забыт и никем не оплакиваем. А был великий человек...

В сущности, у русских это был единственный оратор “в пере”. Как известно, лично и конкретно он плохо говорил. Но он врожденно что бы ни делал, ни говорил, ни думал “про себя” – делал и говорил и думал ораторски. Он был внутренно весь оратор – сидя у себя в редакторском кабинете один, за лампой с зеленым абажуром... Если газетам для чего-нибудь стоило родиться, то только для Каткова, т.е. чтобы мог осуществиться Катков. Ибо Катков лично, но на кафедре утратил бы целомудрие и уже не был тем, чем ему удалось или посчастливилось быть: оратором, который не видит вовсе толпы, оратором без “публики”, которая глязами и аплодисментами съедает оратора и обращает его в мусор и ничто.

Катков – один у нас. И, м. б., он ни у кого не повторится. Место его, без всякого умаления, возле плеча Демосфена, и неизмеримо выше, нежели место Цицерона и, может быть, Питта. В нем было настоящее величие ума, характера и всей фигуры, он был постоянно серьезен.

Шутки, даже улыбки, – нельзя себе представить у Каткова».

16 июля 1914 г. Розанов в «Мимолетном» продолжает характеристику Каткова: «В Каткове было нечто непереносимо сухое. Помилуйте, – о человеке нельзя рассказать никакого анекдота: что же это за человек? Ни одного приключения – ни любовного, и никакого. Томительность – пустынная...

Я даже не понимаю, как будет введена глава “О Каткове” в “Историю русской словесности”. Нельзя вообразить, представить.

Не в этом ли суть, что взор Каткова был фиксирован на правительстве, а не на душе человеческой.

А ведь “правительства” – так преходящи... Ужасная участь. А все оттого, что без анекдота. Без веселости, без “физиognomии”. Мaska – ужасная маска, гипсовая маска. И она рассыпалась».

Для Розанова всегда оставались живы университетские впечатления об имени Каткова (запись 31 августа 1915): «Конечно, нет в России грамотного человека, который при имени “Катков” выразил бы на лице недоумение, незнание.

ИМЯ
его есть
ГРОМ

И доселе. Но какой-то глухой, странный, особенный и безличный.

“Безличный?” – Да. Это – явление, событие, громадной величины и силы. “Но никто не запомнит лица”...

Катков говорил царям, правительствам – и те его слушали, ненавидимые им (Германия), боялись. Во всяком случае “слово Каткова” всех тревожило, смущало...

Помню в университете впечатление: профессору, чуть ли не Троицкому, пришлось упомянуть имя “Катков”... “Напр., тот-то, тот-то, Катков и еще другие”. Мы, студенты, все вздрогнули. И я подумал:

– Его никто не видел.

Он был мифом, “богом” и горою уже в свое время. Он был современником нам, “его никто никогда не видел”. Это-то и сообщало ему таинственность, что он наполнял собою улицы, говоры, газеты, журналы; и не было человека, который бы сказал: “Шел туда-то и встретил Каткова”, “был на вокзале – и увидел, как прошел к вагону Катков”.

“Прошел к вагону” слишком по-человечески: а Катков был “не человек”.

Гора.

Огромная.

Гремит. Все слышат. Лица никто не видит.

Удивительно. Но никто не рыдает. Не плачет.

Не вспоминает.

Горько.

Горько и страшно».

В статье «Суворин и Катков» (11 марта 1916) Розанов определил историческую роль Каткова: «Катков создал государственную печать в России и был руководителем газеты, которая, стоя и держась совершенно независимо от правительства, говорила от лица русского правительства в его идеале, в его умопостигаемом представлении».

Все опиралось на «золотое перо» Каткова. «В чем же лежала сущность этого пера? Нельзя сказать, чтобы Катков был гениален, но перо его было истинно гениально. “Перо” Каткова было больше Каткова и умнее Каткова. Он мог в лучшую минуту сказать единственное слово, – слово, которое в напряжении, силе и красоте своей уже было фактом, т.е. моментально и неодолимо родило из себя факты и вереницы фактов. Катков – иногда, изредка – говорил как бы “указами”: его слово “указывало” и “приказывало”. “Оставалось переписать”... – и часто министры, подавленные словом его, “переписывали” его передовицы в министерских распоряжениях и т.д. Что-то царственное; и Катков был истинный царь слова. Если бы в уровень с ним стоял ум его – он был бы великий человек. Но этого не было. Ум, зоркость, дальновидность Каткова – были гораздо слабее его слова».

А через полгода, 14 октября 1916 г. Розанов называет Каткова «Петром Великим газетного слова». Такое многое стоит. Помимо прямых противников у Каткова бывало немало споров и с

теми классиками русской литературы, которых романы он печатал в «Русском Вестнике»: Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Лескова и др. Так, Катковым была исключена глава «У Тихона» из романа Достоевского «Бесы». Восьмая часть романа Толстого «Анна Каренина» из-за разногласий редактора с автором не вошла в журнал «Русский Вестник» и была напечатана отдельно.

Редакторские указания Каткова нередко были дальными и принимались авторами. Однако личные отношения с писателями, которых он публиковал в «Русском Вестнике», не всегда складывались благополучно. Обратимся хотя бы к Тургеневу. Из-за введения в России классической системы образования в гимназиях, одним из инициаторов которой был Катков, особенно «осерчал» на него Тургенев. 27 мая 1871 г. он писал П.В. Анненкову: «Я очень рад поражению гнусного Каткова». 15 мая на Государственном совете сторонники классического образования потерпели поражение. Несмотря на это Александр II утвердил мнение меньшинства.

В письме А.А. Фету 8 сентября 1871 г. Тургенев утверждает, что в жизни презирал только трех людей: Жирардена, Булгарина и издателя «Московских Ведомостей». В письмах различным лицам Тургенев упорно распространял ложные слухи о помешательстве Каткова. Из Парижа он писал С.К. Кавелину 2 октября 1872 г.: «Какие положительные известия о Каткове? Здесь уверяют, что с ума сошел. Плакать не буду». О вечное наше «горе от ума»!

Вообще Тургенев имел привычку представлять своих врагов сумасшедшими. В письме Я.П. Полонскому 24 апреля 1871 г. Тургенев сообщал, что Достоевский пришел к нему лет пять назад, «чтобы обругать меня на чем свет стоит за “Дым” <...> Я слушал молча всю эту филиппику – и что же узнаю? Что будто я ему выразил всякие преступные мнения, которые он сообщил Бартеневу... Это была бы просто-напросто клевета – если бы Достоевский не был сумасшедшим – в чем я нисколько не сомневаюсь».

Полемика между журналами «Время» и «Русский Вестник» – между Достоевским и Катковым – читается сегодня, полтора века спустя, как неизменный факт литературной истории, ущемляющий, однако, роли обоих писателей в литературе, подобно «ссоре» Тургенева и Толстого. О чём спорили Достоевский и Катков?

Неоконченную повесть Пушкина «Египетские ночи» с входящей в нее поэмой Катков называет стихотворением, а в статье

«Наш язык и что такое свистуны» (1861) пишет: «Мы согласны, что в фрагменте Пушкина нет ничего безнравственного. Но это только фрагмент, и о нем можно сказать то же, что и вообще о Пушкине: это только намек, это только мотив, это несколько чудных аккордов, в которых что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается для ясного и полного созерцания; надообно слишком много условия, чтобы кроме прелести стихов и очарования образов уловить в этой пьесе намеки ее внутреннего смысла, который раскрылся бы в ней для всех доступно, если бы художник совершил свое произведение вполне»⁸.

Понятие «фрагмент» вызвало резкое возражение со стороны Достоевского: «Не можем не сказать несколько слов, по поводу суждения “Русского Вестника” о “Египетских ночах”. Из этого суждения перед нами ярко выставляется вся сила “Русского Вестника” в понимании поэзии. Вообразите: он называет “Египетские ночи” “фрагментом” и не видит в них полноты – в этом самом полном, самом законченном произведении нашей поэзии! Он говорит, что “это только намек, мотив, несколько чудных аккордов, в которых что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается (!) для полного и ясного созерцания...”»⁹.

Когда В. Брюсов написал в 1916 г. продолжение поэмы Пушкина «Египетские ночи», это вызвало заинтересованные отклики современников. Пушкин со своей поэмой (или «фрагментом») оказался выше критических споров и взаимонепониманий.

В отличие от Тургенева и многих либералов западной ориентации, «равнодушных к целостности и силе государства нашего», у К.Н. Леонтьева было совсем иное отношение к Каткову и его деятельности. Он называл таких либералов «интеллигенцией» и делал при этом пояснение: «Прошу простить мне это хамское слово! Серьезно, без кавычек я его не позволю употребить»¹⁰.

Катков произнес речь на Пушкинских торжествах 1880 г. и призвал к примирению идейных противников: «Кто бы мы ни были, и откуда бы ни пришли, и как бы мы ни разнились во всем прочем, но в этот день, на этом торжестве мы все, я надеюсь, единомышленники и союзники. Кто знает, быть может, это минутное сближение послужит залогом более прочного сближения в будущем и поведет к замирению, по крайней мере, к смягчению вражды между враждующими».

В ответ на это Тургенев демонстративно отказался поддержать предложенное примирение и чокнуться с протянутым к нему бокалом Каткова. Достоевский, ранее резко полемизировавший с Катковым, теперь оказался на его стороне¹¹.

К.Н. Леонтьев, не присутствовавший на Пушкинских торжествах, в статье «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» высказался по этому поводу со всей определенностью: «Если бы у нас, у русских, была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было сделать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку на памятник ему, тут же близко от Пушкина на Страстном бульваре»¹² (т.е. напротив редакции «Русского Вестника»). И далее Леонтьев продолжает, ссылаясь на мнение известного слависта О.М. Бодянского: «Кого можно счесть по силе, по дару и влиянию на поприще политической словесности чем-то равносильным Пушкину на поприще словесности изящной? Конечно, Каткова! Конечно, всякий, даже и ненавидящий его лично человек, должен повторить слова Бодянского: “Он – личный враг мне (или я ему враг), но он первый и величайший русский публицист!”»¹³.

К десятилетию смерти Каткова Вл.С. Соловьёв в статье «Несколько личных воспоминаний о Каткове» отметил его заслугу в освобождении от доктрины «старого славянофильства»: «Он был увлечен политическою страстью до ослепления и под конец потерял духовное равновесие. Но своекорыстным и дурным человеком он не был никогда»¹⁴. Большое внимание уделил Каткову Вл. Соловьёв в своей книге «Национальный вопрос в России».

Многие лучшие русские люди были созидаелями России, ее культуры и государственности. Среди них в XIX и начале XX столетия М. Катков, Ф. Достоевский, К. Леонтьев, великий просветитель А. Суворин, В. Розанов, П. Флоренский, П. Столыпин, Н. Вавилов и тысячи тех, кто погиб в русское лихолетье века двадцатого.

Велико было число и разрушителей России, которые в конце концов взяли верх и на долгое семидесятилетие установили свое «царство зверя». Начиналось с благородных декабристов и прекраснодушного А. Герцена. Потом замелькали топоры Н. Чернышевского и Д. Писарева, рубившего пушкинскую поросль («наши топоры лежали до поры»). Тут подоспели террористы-народники и

их наследники во главе с Лениным и его подельниками, приведшими Россию к краху 1917 г., а затем к естественному краху 1990-х годов, ставшему расплатой за преступное господство над страной одной партии. И выход из этого затянувшегося кризиса, порожденного всей нашей историей XX в., возможен лишь при обращении к тому лучшему, светлому, что было создано в России за многие века ее существования. Не переосмыслив прошлого, не создадим будущего.

Насколько важен нам ныне Катков, показали недавние дискуссии о его наследии. Ключевой при этом стала его статья «Наше варварство – в нашей иностранной интеллигенции» (1878), слова которой относятся и к сегодняшней либеральной интеллигенции в России: «Наша интеллигенция выбивается из сил показать себя как можно менее русскою, полагая, что в этом-то и состоит европеизм <...> Наше варварство заключается не в необразованности наших народных масс: массы везде массы, но мы можем с полным убеждением и с чувством достоинства признать, что нигде в народе нет столько духа и силы веры, как в нашем, а это уже не варварство... Нет, наше варварство – в нашей *иностранный* интеллигенции. Истинное варварство ходит у нас не в сером армяке, а больше во фраке и даже в белых перчатках»¹⁵. Как при этом не вспомнить Розанова, выразившего ту же мысль образно: «Все “мертвые души” Гоголя вдруг выскоцили в интеллигенцию, и началось такое “шествие”, от которого только оставалось запахнуть дверь»¹⁶.

Новое издание «Собрания сочинений» М.Н. Каткова в шести томах (2010–2012) содействует тому, что глава о нем станет частью «Истории русской словесности».

¹ Павлов Н.М. Полемика Каткова с Герценом // Русское Обозрение. – 1895. – № 5. – С. 323.

² Русское Обозрение. – 1895. – № 6. – С. 904.

³ Русский Вестник. – 1897. – № 8. – С. 6.

⁴ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. – М., 1991. – С. 143–144.

⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. – М., 1990. – С. 232.

⁶ Розанов В. И.В. Киреевский и Герцен // Новое Время. – 1911. – 12 февр.

⁷ Розанов В.В. Собр. соч. Эстетическое понимание истории. – М.; СПб., 2009. – С. 579.

- ⁸ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. – СПб., 2010. – Т. 1. – С. 362.
- ⁹ Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. – Л., 1979. – Т. 19. – С. 132.
- ¹⁰ Леонтьев К.Н. ПСС: В 12 т. – СПб., 2006. – Т. 7. – Кн. 2. – С. 202.
- ¹¹ Подробнее об «инциденте Каткова» см. в кн.: Волгин И. Последний год Достоевского. – М., 1986. – С. 232–238.
- ¹² Леонтьев К.Н. Там же. – С. 199.
- ¹³ Там же. – С. 199–200.
- ¹⁴ Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 634.
- ¹⁵ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. – СПб., 2011. – Т. 2. – С. 405.
- ¹⁶ Розанов В.В. Собр. соч. О писательстве и писателях. – М., 1995. – С. 356.

А.П. Дмитриев

**Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И КАТКОВ:
ПУБЛИЦИСТЫ-АНТИПОДЫ В ПОЛОСЕ
ВЗАЙМНОГО ТЯГОТЕНИЯ**

Аннотация

В статье показаны 30-летние взаимоотношения двух публицистов-«охранителей» – Н.П. Гилярова-Платонова и Каткова, развивавшиеся от приятельства и сотрудничества в 1850–1860-х годах до их идеиного противостояния в 1870–1880-х годах. Если Гиляров в публицистике был больше философом-созерцателем, то Катков всегда оставался практиком и политическим борцом.

Ключевые слова: публицистика, история журналистики, консерватизм, цензура, революционный терроризм, мемуаристика.

Dmitriev A.P. N.P. Gilyarov-Platonov and Katkov: Publicists-antipodes in the stripe of mutual gravitation

Summary. The article deals with the history of 30-year relationship between the two «conservative» publicists – N.P. Gilyarov-Platonov and Katkov, developed from friendliness and collaboration in the 1850–1860-s prior to their ideological confrontation in 1870–1880-s. If Gilyarov in his journalism was more of a philosopher-spectator, Katkov always remained a practitioner and political activist.

Двух известных московских публицистов, принадлежавших к лагерю «охранителей» и одновременно в 1860–1880-х годах издававших ежедневные политические газеты, нередко сопоставляли друг с другом. И хотя гиляровские «Современные известия» в свое время были популярны не менее «Московских ведомостей» как в родном городе, так и в провинции (по тиражу иногда и превосходили), однако, конечно, близкий к славянофилам Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) и при жизни, и тем более после смерти всегда находился в тени своего старшего современника

Каткова (их разделяло шесть лет). Причина такого положения ве-щай лежала на поверхности: если Гиляров в сфере публицистики оставался утонченным философом и богословом, порой слишком своеобычным и замысловатым для широкой публики, то Катков как бы воплощал некий образец по-настоящему востребованного журналиста-практика – «властителя дум», поборника национально ориентированной государственной политики. Тем не менее неслучайно имена Гилярова и другого их знаменитого современника, И.С. Аксакова, часто, особенно же с начала 1880-х годов, объединялись с именем М.Н. Каткова в некий метафорический «триумвират московских консерваторов», будто бы монолитный и миро-воздренчески, и в своих каждодневных практиках.

Существенно, однако, что ближайшее литературное окружение видело в Гилярове и Каткове во многом антиподов. Приведем три, на наш взгляд, наиболее проницательных суждения современников, сравнивавших их как публицистов.

Во-первых, интересна оценка третьего члена «триумвиата» – И. Аксакова, высказанная им в письме к самому Гилярову, которое по содержанию можно датировать серединой сентября 1884 г., когда ими обсуждался план слияния «Современных известий» с «Русью», чтобы на этой основе, с привлечением значительных купеческих капиталов, создать большую национальную газету вроде «Таймса»¹. Аксаков писал другу, что тот в качестве редактора этого издания, в отличие от Каткова, не сможет удовлетворить промышленников-меценатов: «Вы же не удовлетворите – потому, что вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, – потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. Вам под стать написать: “Новые начала политической экономии” – целый трактат, и его оценят прежде всего германские учёные. Этого достоинства Катков не имеет, а потому именно он и сильнее Вас, его слово более веско, ближе к делу как оно есть, – что современникам, вообще практикам, а нашим купцам пуще всего – на потребу. Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он, несомненно, стоит выше и меня, и Вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, – слово его не замысловатое, не мудре-

ное, но властное. Ваша же газета, напр^{<имер>}, это – “альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей”»².

Общедоступность прямолинейного слова Каткова по сравнению с многозначной глубиной гиляровского подчеркивал и литератор И.В. Павлов, знакомый Герцена, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, «человек живого и острого ума»³, в своем письме от 3 июня 1893 г. к князю Н.В. Шаховскому, биографу Гилярова. Павлов дал ему такую характеристику: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немногого»⁴. Как видим, вывод Павлова о том, кто «выше как публицист», оказался прямо противоположен заключению Аксакова.

Третье, показательное по своей аналитической выверенности, сопоставление публицистов принадлежит упомянутому выше князю Н.В. Шаховскому, филологу и экономисту, в 1900–1902 гг. возглавлявшему Главное управление по делам печати. По смерти Гилярова, своего учителя и друга, он посвятил ему 14 обстоятельных статей и подготовил к печати девять его книг. Но он был близок и к Каткову, и его семье, поскольку его дядя по матери, географ А.П. Ефремов, был ближайшим приятелем Каткова, а брат Лев женился на дочери последнего Варваре, – во всяком случае, Шаховского никак нельзя заподозрить в предвзятости. Он писал в одной из своих первых статей о Гилярове, отталкиваясь от оценок Павлова: «Катков был не только “блестящ”, но он обладал *талантом* публициста. У него были истинный энтузиазм и лирическое чувство. Он не только разъяснял вопросы, но он *увлекал*; он действовал не на один ум, а также и на *волю*, и преимущественно на сию последнюю. Катков мог своею статьей *уничтожить* человека и тем подорвать его направление, на что Гиляров не был способен, потому что был христианский философ-созерцатель, который *убеждал*, а не *сокрушал*»⁵. И далее о главной заслуге Каткова как охранителя: «Он не проповедовал ничего нового, он заботился об укреплении старых наших исторических и бытовых основ, потрясенных в общем сознании после освобождения крестьян. Святость и неприкосновенность Русской территории, добытой не-

когда русскою кровью; святость формы правления, выработанной историей народа, незыблемость Православия именно в том виде, в каком оно есть, и пр.: вот чего Катков был стойкий защитник»⁶.

«Гиляров, – продолжал свое сопоставление Шаховской, – был иной: в каждой его статье сквозил уголок никому неизвестного, но тщательно выработанного им мировоззрения <...> Гиляров был сильнее Каткова шириной взглядов, строгостью и последовательностью убеждений, а с практической стороны, в отношении к каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрешения сейчас, сию минуту, он должен был уступать Каткову, который и лучше знал среду, приемы, и обладал большим одушевлением и убедительностью для читателей»⁷. И наконец: «Люди, подобные Никите Петровичу Гилярову, – роскошь. Их не замечают при жизни, но им удивляются и поклоняются после их смерти. <...> У Гилярова у одного были свои собственные убеждения»⁸.

Приведенные суждения, разумеется, не являются истиной в последней инстанции и могут быть скорректированы (например, оспорен тезис об отсутствии у Каткова своеобычных убеждений), но нельзя не признать, что высказанные столь глубокомысленными современниками из окружения Гилярова и Каткова, тем более людьми, близкими им по взглядам, они в первую очередь заслуживают того, чтобы быть услышанными и осмысленными.

Начало взаимоотношений Гилярова и Каткова относится к середине 1850-х годов, причем период до личного знакомства интересен некоторым сходством их жизненного пути: оба преподавали в высшей школе – Катков логику, психологию и историю философии в Московском университете (1845–1850), а Гиляров – библейскую герменевтику, сравнительное богословие и расколование у Троицы в Академии (1848–1855), и оба вынужденно прервали свою педагогическую деятельность: Катков – по причине ликвидации кафедр философии в университетах, Гиляров – из-за конфликта с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Познакомились они, когда Катков приступил к изданию своего «Русского вестника», имевшего поначалу либерально-западническую окраску, а Гиляров примкнул к узкому кружку славянофилов, основавших журнал «Русская беседа», в котором принял ближайшее участие и как автор ряда принципиальных статей по литературной критике и методологии истории, и как правительственный цензор.

Одновременно (с 1858 г.) он цензировал и журнал Каткова. Современники не раз отмечали необычное поведение Гилярова при исполнении им своих служебных обязанностей: он не только не стремился запретить тот или иной неудобный материал в порученных его опеке изданиях⁹, но подчас сам его редактировал, сглаживая острые моменты, а порой на свой страх и риск пропускал важные для общества злободневные статьи вопреки инструкциям, требовавшим утомительные согласования таких решений с высшими инстанциями (так было, например, с публикациями в «Русском вестнике» по крестьянскому вопросу¹⁰).

Неудивительно, что впоследствии параллельно с цензированием журнала Каткова Гиляров по его просьбе стал и редактировать отдельные поступавшие в редакцию материалы. Своему почитателю, публицисту И.Ф. Романову-Рыцы Гиляров писал о себе 15 ноября 1886 г.: «Ценили Катков / Леонтьев, но умозрительно! – в числе условий моей работы (письменных) поставлено было, чтобы я являлся в редакцию (“Русского вестника”) “высказывать (словесно) свои мысли по текущим вопросам”»¹¹. А 1 марта 1862 г. М.Н. Катков и П.М. Леонтьев предложили Гилярову «расширить содействие» «Русскому вестнику», фактически – взять на себя заведование редакцией этого журнала¹². Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой взглядений и самостоятельностью мышления. Эти обязанности Гиляров, по всей видимости, выполнял недолго, потому как в августе 1863 г. возглавил Синодальную типографию в Москве. Позднее, в 1886 г., когда очередной заведующий редакцией этого журнала, В.П. Клюшников, покинул Москву и переехал в Петербург, Гиляров, теснимый кредиторами, попробовал снова испросить эту должность у Каткова и написал ему так: «Мне скаживали, верно или нет, не знаю, что В.П. Клюшников оставил занятия свои по “Русскому вестнику”. Вспоминаю, что некоторое время на мне лежали приблизительно обязанности, которые перешли потом к Н.А. Любимову и В.П. Клюшникову, и Вы с Павлом Михайловичем <Леонтьевым> не были мною недовольны»¹³. Однако в тот период пути бывших друзей сильно разошлись и Катков отказался от сотрудничества Гилярова в своем издании. Изредка последний и сам печатался в «Русском вестнике». Так, известен его ироничный отклик на статью А.Н. Муравьёва «Обличение на

книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”¹⁴. О драматичной истории, связанной с публикацией в журнале Каткова мемуарной книги Гилярова, скажем ниже.

Следующий и наиболее важный этап их взаимоотношений начинается в декабре 1867 г., когда Гиляров основал первую в Москве ежедневную газету «Современные известия» («Московские ведомости» тогда не выходили по понедельникам), которая стала, с одной стороны, конкурентом изданию Каткова, а с другой – идейно дополняющим и во многом поддерживающим его позицию органом печати.

Гиляров относился к Каткову-редактору поначалу довольно тепло, но начиная с 1870-х годов все более и более несочувственно и критически. До этого периода позиции Каткова и И. Аксакова (с его газетами «День», «Москва» и «Москвич») оценивались Гиляровым одинаково высоко – как ориентированные на смелый и плодотворный диалог с правительством. Позднее он писал в брошюре «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева» (Лейпциг: Тип. Ф.А. Брокгауза, 1887; под псевд. «Р.С.Т.»): «В прежнее время Главное управление печати прощало резкие выражения консервативных органов печати, которые, как у И.С. Аксакова или М.Н. Каткова (до 1870<-х> годов), вызывались глубоким патриотизмом и любовию к России и к ее Монарху. Теперь же подобные выражения преследуются, что можно было видеть на предостережениях, данных газетам “Восток” и “Русь”»¹⁵.

Можно привести немало примеров, где «триумвират» выступал как бы единым фронтом. Особенно показательны передовицы во всех трех газетах, посвященные юбилею митрополита Московского Филарета (Дроздова), праздновавшемуся в августе 1867 г. и фактически замолченному либеральной прессой¹⁶. Впоследствии такое единомыслие Гилярова с Катковым встречалось все реже.

Отметим два случая. В 1869 г., при обсуждении нового Устава духовных академий, Катков предложил заменить их богословскими факультетами при университетах ради экономии казенных средств. Он выдвинул идею перевода Московской духовной академии из Троице-Сергиевой лавры в Москву, считая ее размещение в Лавре проявлением волюнтаризма Павла I и призывая исправить историческую несправедливость, вернув Академию

в Москву¹⁷. На это суждение, выдигавшее на первый план мотив нравственного искупления, с сочувствием откликнулась газета Гилярова¹⁸.

Второй случай связан с неисполнением обоими редакторами Высочайшего распоряжения от 5 января 1873 г., требовавшего, чтобы при освещении Нечаевского процесса «повременные издания ограничились перепечатками стенографического отчета “Правительственного вестника”»¹⁹. Однако Гиляров и Катков в своих газетах не удержались и дали сообщения о процессе Нечаева до появления отчета в официозе²⁰, за что и поплатились – номера их газет были арестованы. Об этом Гиляров с нескрываемой горечью писал своему приятелю и многолетнему корреспонденту К.П. Победоносцеву 29 января 1873 г.: «Нам было объявлено Выс<очайшее> повеление заимствовать отчет из “Прав<ительственного> вест<ника>”. Но я, конечно, и Катков также – решили, что медлить сообщением впечатления, которое в правительственном смысле очень хорошо, поведет лишь к тому, что ослабится и заподозрится впечатление “Прав<ительственного> вест<ника>”. А за это прогневались!»²¹

Сохранившиеся девять писем и записок Гилярова к Каткову (едва ли их было больше, учитывая то, что они оба москвичи и если общались, то исключительно по делу) по тону сдержанны, хоть и доброжелательны: Гиляров в августе 1862 г. ставит Каткова в известность, что уволен от цензорской должности, а в марте 1877 г. поясняет претензии цензоров к публикации речей И. Аксакова в Славянском комитете²², просит поддержать в трудную минуту и ссудить то 10, то 15 тыс. рублей, в марте 1884 г. предупреждает о возможном закрытии «Современных известий» (в этих последних письмах сквозит отчаяние)²³.

Но именно в письмах к тому же Победоносцеву, позиции которого во властных структурах в то время неуклонно усиливались, Гиляров чаще, чем кому бы то ни было из своих корреспондентов, очень искренно высказывает свое растущее недовольство Катковым. Причины этого очевидны: во-первых, «Московские ведомости» оказывали все большее влияние на правительенную политику; во-вторых, через Победоносцева Гиляров хотел донести до верховной власти свое убеждение в том, что это влияние тлетворно и способствует обострению политической ситуации в стране, и,

наконец, ему было важно разубедить самого Победоносцева, как известно, из всех русских газет признававшего полезным только издание Каткова. Так, накануне приезда Александра III с семьей в Москву, 15 июля 1881 г., Победоносцев писал сопровождавшему их министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву: «Сделайте милость, не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один – достойный уважения и преданный, разумный человек. Все остальные – сволочь или полуумные»²⁴. Под «половумными» в первую очередь подразумевались как раз Гиляров, с его оригинальными проектами по умиротворению общества после цареубийства, и И. Аксаков, вынашивавший тогда проект созыва нового Земского собора.

Почему же Гиляров полагал, что подобное чуть ли не подобострастное отношение петербургских чиновников к Каткову пагубно для России? Дело в том, что он считал позицию, занятую «Московскими ведомостями» в вопросе революционного движения, провокационной, разжигающей недобрые страсти и множащей ряды нигилистов. Например, по поводу прокламации студента Н.Н. Гончарова («Виселица» от 14 мая 1871 г.), протестовавшей против классического образования и его пропаганды Катковым (как некоего противоядия от распространения социалистических идей в молодежной среде), Гиляров писал Победоносцеву 19 февраля 1872 г.: «...На мой взгляд, “Московские ведомости” суть главнейший враг истинно классического образования и во многих отношениях главнейшая причина и Нечаева, и Гончарова. Разве не “Русский вестник” – родоначальник самого нигилизма? Отсутствие нравственных начал, исконное, привело их к полицейскому возврению, из боязни попасть в грубый нигилизм, и к классицизму, по-своему понимаемому. Эко спасение! Но классицизм, по ихней мерке проводимый, только отупляет: это факт, подтверждения которому имею многие. Заранее грустно за реакцию, которая рано ли, поздно ли наступит и которая погубит даже ту долю истинного, что есть в теперешних “Московских ведомостях”»²⁵.

Та же мысль развивается и в дальнейшей переписке. Так, 20 февраля 1874 г. Гиляров делился с приятелем впечатлением от одной из катковских передовиц: «На душе неимоверно скверно. Видишь положительно борьбу двух нигилизмов, радикалистического и консервативного; последний еще хуже первого. Первый,

по крайней мере, по-своему честен, но от чтения “Московских ведомостей” можно получить истерику; лесть никогда не доходила до такого бесстыдства: от статьи, восхваляющей Габсбургов, обругавшей славян и выдавшей все эти похвальные чувства за мнение Москвы и России, я сделался почти болен»²⁶. (Речь идет о передовой статье, приуроченной к визиту императора Франца-Иосифа и носящей подчеркнуто официозный характер; в ней, в частности, утверждалось: «В России высказывались сочувствия к соплеменным народностям, живущим под скипетром Габсбургского дома, но не в ущерб целому, которого единство и сила заключаются в этом скипетре»²⁷.)

24 октября 1880 г. Гиляров прямо обвиняет Каткова в разгуле терроризма (в частности, в связи с покушением на императора А.К. Соловьёва): «...Воспоминание о роли, которую исполняли “Московские ведомости” последние три-четыре года особенно, не может не вызывать раздражения; но источник его не личный. Ужа-сающие выходки революционной шайки должны быть на большую половину поставлены в вину “Московским ведомостям”. Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина – вот был бы их идеал. <...> Разумеется, не они подусыкивали Соловьёва и его братию, но они отлично распахивали почву, рассеивая недовольство и озлобление в публике, так что публика под конец пассивно относилась к злодействам. <...> Пред обществом была дилемма: революционная дерзость возбуждала омерзение, но не меньшее и идеалы “Московских ведомостей”»²⁸.

В том же письме Гиляров возлагал на Каткова и вину в усиливении влияния на общество антинациональных сил и утверждал, что такая безответственность подпитывается только тщеславием: «...Либеральная фраза, праздная оппозиция получает в обществе незаслуженный авторитет, благодаря душительному направлению “Московских ведомостей”, которым общество не может же сочувствовать. И добро бы их мнение было жизненным убеждением. При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, безграничным самолюбием. Он убежден на ту минуту, когда он говорит, в том, что говорит. Но убежден по самолюбию. <...> Надо уметь отыскать клапан;

всякая дальнейшая реакция, всякая репрессия будет уголья горящие на голову»²⁹.

Приведем еще суждение Гилярова, развивающее эти его последние мысли о славолюбии Каткова. 6 декабря 1872 г. он писал Победоносцеву: «“Моск^{<овские>} вед^{<омости>}” хотели быть русским “Times’ом”, насколько это возможно в России, давать лекции министрам и Госуд^{<арственному>} совету, соуправлять им, помогать в законодательстве и администрации. <...> В сущности, вся независимость, которою хвалились “Моск^{<овские>} вед^{<омости>}”, есть пух <...>. Говорю это не по внешнему наблюдению, но по внутреннему опыту; я ведь стоял отчасти около самой этой лаборатории»³⁰. И далее Гиляров очень резко высказывается о якобы безыдейном политиканстве Каткова: «Да, впрочем, что об этом толковать; это слишком известно и несомненно, как несомненно и то, что начиная с 1856 г., т.е. с “Русского вестника”, было, может быть, до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях по известным вопросам, оказывавшихся на деле отчасти внушениями личного самолюбия редакторского, отчасти торговыми соображениями, отчасти подслуживанием сначала пошлому либерализму, а потом властям»³¹.

В духе этих своих рассуждений, не становясь, впрочем, на сторону гонителей Каткова, Гиляров (в уже цитированном письме от 24 октября 1880 г.) осмыслил как само собою разумевшуюся и неизбежную попытку либерально настроенных писателей во главе с Тургеневым исключить «ренегата» Каткова из числа участников Пушкинских торжеств в июне 1880 г.: «Разве мог встретиться с Катковым Тургенев, разве могли встретиться представители всей петербургской печати?»³²

Следует упомянуть, что свое неприятие практических действий Каткова-публициста, и именно публициста всероссийского масштаба и влияния, Гиляров не только выражал в частной переписке, но и открыто оспаривал их в печати. Например, он язвительно обсуждал передовицу М.Н. Каткова, где разгул революционного движения конца 1870-х годов уподоблялся периоду Польского восстания 1863 г. и автором глухо рекомендовалось ужесточить административные меры, в том числе и в области цензуры³³. Гиляров требовал уточнений: «...Друзья порядка не посетуют, если и еще усиленнее будут преследования злой подземной

шайки, столь дерзко тревожащей покой России. Но спасительно было бы, наоборот, развязать руки и язык благонамеренной части общества. <...> К какому практическому выводу газета клонила сегодняшнюю речь <...> трудно догадаться; но во всяком случае видим – в сторону, противоположную свободе и общественному простору, и об этом нельзя не пожалеть с точки зрения общественного порядка, основами которого мы столь же дорожим, как и “Московские ведомости”»³⁴. Своему ученику князю Н.В. Шаховскому Гиляров комментировал этот свой вызов Каткову так: «Вы хвалите Каткова за мужество. В чем оно и что он сказал? Вы теперь уже прочитали мой запрос ему, на который он, вероятно, ничего не найдет нужным ответить, потому что ответить нечего. <...> Нет, я похвалил бы Каткова, если бы он имел мужество отказаться от графа <Д.А.> Толстого и признать его одним из виновников анархии. Я поставил бы ему памятник, если бы он во время пребывания своего в Крыму, где он почти ежедневно обедал у Государя и гулял с ним, если бы он, воспользовавшись этою редкою от Царя милостию, доложил ему истинное положение России, чем она недовольна и чего желает. Это было бы мужество. А смущать Россию сравнением настоящего положения с 1863 годом, обвинять правительство в слабости, не указывая определенных мер, к каким оно должно прибегнуть, – это есть тоже своего рода агитация»³⁵.

Очевидно, что Гилярову, как публицисту-философу, была ближе позиция умозрителя, только осмысляющего ситуацию, а не практического деятеля, не утилитарного политика. Поэтому в своей критике правительства и разрушительных сил, ему противостоявших, он был антиподом Каткова. Но тут стоит продемонстрировать ту «стереоскопичность» зрения Гилярова, то его умение «видеть ясно оба полюса каждой мысли», о которой писал И.В. Павлов. Когда Катков скончался, Гиляров посвятил ему поминальную статью, которая из-за смелости своих чеканных формулировок послужила материалом для донесения Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати. На защиту редактора «Современных известий» тогда встал исправлявший в тот период должность начальника этого учреждения Ф.П. Еленев, резко одернувший подчиненных, – он высоко оценил статью Гилярова: «Из множества статей по поводу кончины М.Н. Каткова статья Гилярова в № 202 выдается по уму, верности

оценки, блестящему изложению и в полной мере правительственно-ному направлению. Только канцелярский взгляд может находить резким и неблагонамеренным все умное и сильно выраженное и одобрительным только бесцветное и льстивое. Цензура, руководя-дящаяся такими канцелярскими взглядами, приносит больше вре-да, чем пользы»³⁶.

А Гиляров в этой своей статье действительно сумел взгля-нуть на дело жизни Каткова под иным, может даже неожиданным для самого себя, углом зрения – и увидел личность, вклад которой в русскую культуру и в политическое самосознание народа неоце-ним. При этом надо учитывать, что Гиляров всегда был противни-ком этикетного принципа «о мертвых либо хорошо, либо ничего» и обычно давал сошедшем с жизненного поприща деятелям самые нелицеприятные характеристики. Катков для него уже не адепт «каракчеевщины» и «всякой реакции», а «явление небывалое, бес-примерное», поскольку «постоянное соединение государственного деятеля и публициста в одном лице <...> самое понимание обязан-ности публициста как стражи государственных интересов – это явилось с Катковым и, должно полагать, с ним прекратится». И далее: «Нужно было польское восстание, нужна была анархист-ская пропаганда, чтобы голос со Страстного бульвара получил си-лу трубную архангельского гласа, который будил мертвых в обще-стве и от которого содрогались даже власть имущие»³⁷. И то, что раньше раздражало Гилярова в Каткове («до десятка перемен де-корации в quasi-убеждениях»), теперь оказалось наполненным новым, благодетельным смыслом. Он писал: «Катков был не догма-ти克, не творец, а боец <...>. Отсюда нередкие противоречия в его частных положениях: их должно судить с точки зрения общей идеи, которой они подчинялись. А идея эта – единство Русского Государства и его мощь. Частные факты, теоретические права и интересы преклонялись пред ней, исчезали в ней»³⁸.

Известно, что смерть Каткова вызвала в неославянофиль-ских кругах и другие оценки, граничащие с мстительностью и зло-пыхательством, – так, О.Ф. Миллер говорил об «увлечении» Кат-кова «чуждым нам строем немецкого полицейского государства» и о том, что он якобы «мог только подрывать политическую мощь России, лишать ее голоса в международных делах всякой силы и всякого веса, а тем самым действовать в руку нашим врагам...»³⁹.

Гиляров, таким образом, шел «против течения», но в исторической перспективе его слова были куда более справедливы. Он указывал на заслугу Каткова как раз в деле социальной либерализации, риторически вопрошая при этом: «Если кому казался Катков силой, задерживающею движение вперед, то не покатимся ли мы назад с неудержимо быстротой по кончине того, кому всякая общественная свобода многим обязана, а свобода печати, как она ни умеренна, обязана даже всем?»⁴⁰.

Так прощался с Катковым человек, которому впору было бы затаить обиду на него, – ведь последние четыре года, которые им были отсчитаны (они умерли один за другим, с промежутком в три месяца), оказались для их многолетних отношений настоящим испытанием. Все началось с публикации в 1884–1885 гг. в «Русском вестнике» воспоминаний Гилярова «Из пережитого». 23 ноября 1886 г. в письме к Романову-Рыбы Гиляров кратко описал, почему их печатание прервалось на 53-й (из 63-х) главе: «Вы полагаете, что я мог бы писать в “Русском вестнике”. Скрепя сердце я писал свою Автобиографию (деньги были нужны); но подвергался таким глупым вычерткам (от собственной руки Михайла Никиф^{<оровича>}), что только руками разводил. Я терпел, имея в виду, что в издании книгою воспроизведу зачеркнутое. Но потом вынужден был взять рукопись из редакции по следующему слушаю. Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже напечатанную речь? За это в “Московских ведомостях” буквально меня обругали и даже назвали антихристом (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в “Русском вестнике”. Видите, какие отношения!»⁴¹. Сличение журнальной и книжной публикаций показывает, что Катков убирал отдельные слова и выражения и даже целие абзацы в мемуарах Гилярова главным образом в двух случаях: если в неблаговидном свете изображались представители дворянства (например, рассказы о любовницах старого князя Черкасского из числа его дворовых девушек или о «дворянах-прихлебателях» при его доме), либо если, с точки зрения редактора «Русского вестника», не соблюдалась должная мера благоговения при описании явлений и событий церковной жизни (например, обращение Гилярова к легенде о святых Касьяне и Николае или описание им неправедного духовного суда над протоиереем В.И. Груздевым).

Всего же, по нашим подсчетам, Катковым было сделано 18 существенных «вычерков» по идейным соображениям. Конфликт же разгорелся из-за передовицы Гилярова, в которой он рассказал о «психологическом факте»: викарий Московской епархии, епископ Михаил (Крылов), открывая публичные собеседования со старообрядцами, «произнес чужую речь, сказанную при подобных же обстоятельствах в Калуге преосвященным Владимиром Калужским за год назад и даже напечатанную»⁴². Катков тут же откликнулся статьей, где «Современные известия» именовались «органом общественного безобразия»⁴³, а также поместил заметку, содержавшую личные оскорблении в адрес Гилярова⁴⁴.

Потом, в 1886 г., уже не могло быть и речи о том, чтобы Гиляров заменил Ключникова в заведовании редакцией «Русского вестника». Не помог Катков собрату по перу и с кредитом тысяч в десять, хотя его личное состояние, как было известно Гилярову, достигало тогда трех миллионов рублей⁴⁵.

Кончина же его тоже оказалась роковым образом связана с Катковым. Гиляров мечтал взять в аренду осиротевшие «Московские ведомости», его кандидатуру поддерживали, помимо вдовы С.П. Катковой, московский градоначальник князь В.А. Долгоруков и ряд петербургских сановников. Гиляров предпринял две утомительные поездки в Петербург, чтоб заручиться поддержкой влиятельных чиновников⁴⁶. Здесь 13 октября 1887 г. он и скончался – в номере гостиницы, находившейся у самой Дворцовой площади – в том месте, куда сходились токи русской государственности, над проблемами которой он размышлял всю жизнь и в практическом осуществлении которой действительно участвовал Катков.

¹ См. об этом проекте «большой московской газеты» обстоятельную публикацию Д.А. Бадаляна: «Мы с Вами – последние могикане...»: Н.П. Гиляров-Платонов, И.С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г. // Гиляровский историко-литературный сборник. – СПб.: Росток, 2012. (Готовится к печати.)

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистоляр. дневник 1838–1886 гг. – М.: Рус. книга, 2004. – Т. 3. – С. 442; уточнено по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 13. Л. 35 об. – 36.

- ³ Мостовская Н.Н. И.В. Павлов – корреспондент Тургенева // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. – Л.: Наука, 1982. – С. 143.
- ⁴ ОР РНБ. Ф. 847. № 144. Л. 1–1 об.
- ⁵ Шаховской Н., кн. Из подготовительных работ по биографии Гилярова // Русский архив. – 1893. – Кн. II. – Вып. 7. – С. 428.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. – С. 429.
- ⁸ Там же. – С. 430.
- ⁹ См., например: Ф.Е. <Еленев Ф.П.>. Черта из жизни Гилярова-Платонова // Русский архив. – 1887. – Кн. III. – Вып. 12. – С. 571–575.
- ¹⁰ Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу (от 9 марта 1859 г.) опубл.: Любимов Н.А. Докладная записка Н.П. Гилярова-Платонова // Русский вестник. – 1888. – Т. 195, март. – С. 423–426.
- ¹¹ «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н.П. Гилярова-Платонова к И.Ф. Романову-Рыцы) / Вступ. ст., подгот. текста и comment. А.П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. – Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2007. – С. 287.
- ¹² См.: ОР РНБ. Ф. 847. № 654. Л. 1–2.
- ¹³ Там же. – № 421. Л. 5.
- ¹⁴ Ц. <Гиляров-Платонов Н.П.>. Библиографическая заметка // Русский вестник. – 1859. – Т. XX, апр. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 245–250. Полемическая статья Муравьёва была направлена против книги Н.Б. Голицына.
- ¹⁵ Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887) / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и comment. А.П. Дмитриева. – СПб.: Росток, 2011. – С. 331.
- ¹⁶ См.: Дмитриев А.П. Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, М.Н. Катков) // Филаретовский альманах. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 165–186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – Т. 1. – С. 115–124.
- ¹⁷ См.: Московские ведомости. – 1872. – 9 марта (№ 60). – С. 2.
- ¹⁸ См.: Современные известия. – 1872. – 13 марта (№ 71). – С. 2.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.
- ²⁰ Современные известия. – 1873. – 9 янв. (№ 8). – С. 2; Московские ведомости. – 1873. – 9 янв. (№ 5). – С. 2.
- ²¹ Разумевающие верой. – С. 131.
- ²² НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 24, кн. 3. Л. 162–163 об.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 847. № 421. Л. 1–8.
- ²⁴ Былое. – 1924. – № 27/28. – С. 57.
- ²⁵ Разумевающие верой. – С. 82.
- ²⁶ Там же. – С. 161.
- ²⁷ Московские ведомости. – 1874. – 7 февр. (№ 35). – С. 3.
- ²⁸ Разумевающие верой. – С. 194.

- ²⁹ Там же. – С. 195, 196.
- ³⁰ Там же. – С. 121.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. – С. 195.
- ³³ Московские ведомости. – 1879. – 1 дек. (№ 306). – С. 2.
- ³⁴ Современные известия. – 1879. – 2 дек. (№ 332). – С. 2.
- ³⁵ ОР РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 3 об.
- ³⁶ Цит. по: Шаховской Н., кн. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений: В 2 т. – М.: Изд. К.П. Победоносцева, 1899. – Т. I. – С. XLIV.
- ³⁷ Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. – М., 1900. – Т. II. – С. 522.
- ³⁸ Там же. – С. 523.
- ³⁹ Миллер Ор. Славянофилы и Катков // Русский курьер. – 1887. – 28 сент. (№ 267). – С. 2.
- ⁴⁰ Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. – Т. II. – С. 524.
- ⁴¹ «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...». – С. 306.
- ⁴² Современные известия. – 1885. – 10 сент. (№ 231). – С. 2.
- ⁴³ Московские ведомости. – 1885. – 13 сент. (№ 253). – С. 2.
- ⁴⁴ А.М. Письмо в редакцию // Там же. – С. 3. Подробнее об этой истории см.: Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого: Автобиогр. воспоминания: В 2 т. – СПб.: Наука, 2009. – Т. 2. – С. 315–317. (Лит. памятники).
- ⁴⁵ См. письмо Гилярова к Д.Н. Шубинскому от 24 сентября 1887 г. (РО ИРЛИ. Ф. 71. Д. 49. № 10. Л. 1).
- ⁴⁶ См. об этом подробно: Гиляров-Платонов Н.П. Письма к Анне Михайловне Гальперсон: «Эпистолярный дневник 1887 года» // Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. – Т. 2. – С. 220–247, 497–539.

Т.В. Федосеева

**ФЕДОР ТЮТЧЕВ И МИХАИЛ КАТКОВ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
РОССИИ 1860-х ГОДОВ**

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о характере взаимодействия Ф. Тютчева и М. Каткова в литературном и общественно-культурном пространстве России 1860-х годов. Уточняется вопрос о степени общности мировоззренческих установок и жизненной позиции. Особое внимание уделяется отношению к наиболее острым проблемам современности: свободы печати, российской государственности, народного просвещения.

Ключевые слова: «Московские ведомости», переписка, вопрос о совпадении мировоззренческой позиции, сотрудничество, вопрос о печати, российская государственность, народное просвещение.

Fedoseeva T.V. Fedor Tutchev and Michael Katkov in Russian literary and public life of 1860-th years

Summary. The article deals with the nature of Tyutchev's and Katkov's interaction in the literary, public and cultural space of Russia in 1860 s. It analyzes the degree of commonality of their worldviews and life philosophies. Special consideration is given to their attitude to the most pressing problems of modernity: freedom of press, Russian national identity, public education.

Ф.И. Тютчев в русский период своего творчества проявлял чрезвычайную заинтересованность в вопросах внутренней и внешней политики Российского государства. Он был сосредоточен на вопросах философии истории, много размышлял о прошлом, настоящем и будущем своего отечества, о тех духовных и нравственных ценностях, которые составляют основание национального самосознания. Именно эти ценности, по твердому убеждению поэта, должны определять собою отношения власти и народа. «После возвращения в Россию в 1844 г. Тютчев, оказавшись на

Родине, испытывая искренний патриотический подъем, – пишет В.Н. Аношкина, – осмысливал заново мировой исторический процесс и судьбу России в нем¹. В сложной политической ситуации, которой была отмечена середина века, поэт-патриот и сотрудник Министерства иностранных дел был заинтересован в том, чтобы политика правительства корректировалась общественным мнением.

В печати Тютчев видел эффективное и действенное средство воздействия на власть, силу, способную изменить состояние дел в стране и мире. Не случайно в творческом наследии поэта заметное место занимает публицистика, которая, по словам Б.Н. Тарасова, органично сочетала в себе «злободневное» и «непреходящее», интерес к событиям и явлениям современности – «внешним политическим столкновениям», «дипломатическим конфликтам» – с глубокой мыслью, обращенной к основам бытия². Мысль Тютчева распространялась от событий далекого прошлого к сегодняшним впечатлениям и грядущим перспективам. Политика в его сознании существовала не отдельно, а как одно из проявлений извечного противостояния добра и зла в мире, христианского самоутверждения и эгоистического самоутверждения в человеке.

Политическая, философская, идеологическая сфера интересов русского поэта, мыслителя, патриота сблизила его в начале 1860-х годов с московским публицистом, издателем и журналистом М.Н. Катковым.

Катков был лицом, заслужившим в русском обществе второй половины XIX в. большую известность. Ко времени знакомства с Тютчевым он был автором целого ряда научно-исторических и художественных переводов с европейских языков, а также оригинальных работ о русском народном творчестве и национальной словесности, в частности успешно защищенной магистерской диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка». Начиная с 1856 г. и до конца жизни (умер в 1887 г.) Катков был издателем и редактором одного из ведущих литературных и общественно-политических журналов в России – «Русского вестника». В первые годы своей издательской деятельности был далек от политики, занимался «литературным вопросом», возглавляя отдел «Литературное обозрение и заметки»³. В первых выпусках журнала в январе-марте 1856 г. им была опубликована концептуальная статья о творчестве А.С. Пушкина. В ней было дано теоретически

аргументированное обоснование пониманию национального таланта поэта. Эта статья стала продолжением мысли, высказанной в 1828 г. С.П. Шевыревым и И.В. Киреевским о зрелости пушкинского гения и его национальном характере. В условиях развернувшейся полемики о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе слово Каткова было замечено и по достоинству оценено как «капитальный» труд даже его идеологическими противниками в лице Н.Г. Чернышевского. Основным тезисом статьи «Пушкин» было утверждение, что в таланте поэта «впервые со всею энергию почувствовалась жизнь в русском слове и самобытность в русской мысли⁴. Именно способность мыслить самостоятельно и служить отечеству более всего ценил Катков. Известно, что он со всей страстью своей натуры демонстрировал то и другое, наживая личных врагов.

В творческой судьбе Тютчева имя Пушкина тоже заняло особенное место. Со временем созданной Иваном Аксаковым первой биографии поэта его справедливо считают продолжателем Пушкина. Небезынтересны в связи с этим рассуждения В.В. Кожинова о наследовании пушкинской традиции не только в творчестве, но и в той жизненной позиции, которую занимал поэт. В монографии приведены биографические факты, свидетельствующие об этой общности⁵. В условиях занявшего наступательную позицию в литературе «реализма» и восторжевавшего в умах и сердцах прагматизма идеал гармоничной личности, воплощенный в творчестве Пушкина и его жизненной философии, оказался одинаково привлекательным для Тютчева и Каткова.

Идеологическая основа, на которой базировалась деятельность Каткова, до последнего времени трактовалась как крайне реакционная⁶. Ему было отведено место среди авторов, занявших охранительную по отношению к имперской политике российского правительства позицию, что в значительной степени обедняло представление о значении этой яркой фигуры в литературной и общественной жизни России второй половины XIX в. Для современного уровня осмыслиения мировоззренческих оснований деятельности Каткова эта оценка неприемлема. В последние десятилетия успешно преодолевается односторонность трактовки его общественной позиции, выраженной в журнально-публицистической деятельности⁷.

Уже в 1992 г. С.С. Ванеян предложил основанный на отечественных, зарубежных источниках и архивных материалах развернутый очерк жизни и творчества Каткова как публициста, издателя, критика. В очерке был воссоздан образ цельного и глубокого человека, для которого «нравственно и метафизически оправдано только личное служение монарху как воплощению власти народа»⁸. С. Лебедев в статье, опубликованной в исторической энциклопедии, пишет о нем как о человеке большого ума и образованности, горячем патриоте и талантливом филологе⁹. Ф. Селезнёв и М. Смолин убедительно говорят о последовательности его позиции в отношении к наиболее острым вопросам современной ему русской жизни. Пишут о характерном для Каткова сочетании «искренней религиозности», глубокого патриотического чувства и убежденности в том, что истинный прогресс состоит в наращивании положительных явлений жизни¹⁰.

Степень общности взглядов Тютчева и Каткова до сих пор определяется устоявшейся в науке прошлого века точкой зрения. Самую суть ее выразил К.В. Пигарёв, объяснявший интерес первого популярностью изданий второго. Исследователь писал, что хотя «ни со стороны Тютчева, ни со стороны других славянофилов полного единомыслия с издателем “Московских ведомостей” не было», «в вопросах внешней политики славянофилы близко соприкасались с Катковым, и этого было достаточно, чтобы Тютчев считал необходимым всячески поддерживать последнего»¹¹. Этой точки зрения придерживается большинство современных исследователей жизни и творчества поэта. В сравнительно недавно изданной монографии В.В. Кожинова вопросу о взаимоотношениях Тютчева с Катковым уделяется значительное внимание¹². При этом сохраняется резко негативное отношение к личности Каткова и акцентируются критические замечания в его адрес, имевшие место в некоторых письмах поэта. Г.В. Чагин тоже пишет об активном участии Тютчева в политической жизни России, о поддержке им вступившего после поражения России в Крымской войне в должность министра иностранных дел А.М. Горчакова. Стремясь повлиять на российскую политику, Тютчев, по словам ученого, «нередко внушал ему [Каткову. – Т. Ф.] под видом горчаковских свои мысли»¹³.

В том же ключе трактуется наступившая в конце 1860-х годов взаимная отстраненность поэта и публициста. В комментариях к шестому тому Полного собрания сочинений Тютчева отмечено: Катков бывал излишне категоричен и прямолинеен в выражении своих взглядов. Влиять на него было крайне сложно. «Постепенно нараставшее несогласие Тютчева с Катковым, – пишет Л.Н. Кузина, – привело к окончательному охлаждению отношений в 1867 г., когда Аксаков возобновил свою издательскую деятельность. Не в “Московских ведомостях”, а в “Москве” нашли отражение взгляды поэта на внешнюю и внутреннюю политику России»¹⁴.

Таким образом, сближение Тютчева с Катковым в начале 1860-х годов объясняется односторонне – стремлением первого повлиять на издательскую деятельность и публицистику второго. Эта позиция оставляет, на наш взгляд, недооцененной общность их взглядов, пристрастий и гражданственных устремлений. Был ли вызван интерес Тютчева к деятельности Каткова лишь возможностью использовать его издания в качестве рупора идей Министерства иностранных дел и стремлением повлиять на политику Российского правительства, или причина глубже, в их единомыслии и общности взглядов? Чем было вызвано последовавшее после 1866 г. отдаление двух единомышленников? Действительно ли «нараставшее несогласие» в вопросах внутренней и внешней политики России предопределило взаимное отдаление поэта и издателя?

Попытаемся взглянуть на вопрос, расширив поле зрения за счет более полного раскрытия содержания деятельности Каткова. Опираясь на публикации последних лет – полной переписки Тютчева, исследований его творческого наследия, материалов о жизни и литературной деятельности Каткова, – сопоставим отношение двух выдающихся деятелей непростого момента русской истории к самым животрепещущим проблемам современности. Надеемся, что проведенный анализ поможет до некоторой степени восполнить пробелы в раскрытии темы «Тютчев и Катков».

Вопрос о печати

Тираж возглавляемого Катковым журнала «Русский вестник» быстро рос. В конце первого года его издательской деятель-

ности 28 ноября 1856 г. И.С. Аксаков писал родителям из Харькова: «Сочувствие к “Русскому Вестнику” в провинции растет все сильнее и сильнее и ослабляет влияние Петербургских журналов». Успех журнала особенно ценен для Аксакова тем, что заслужен «не дрянными повестями и рассказами, не задором критики, а больше всего тем, что отзывался на все живые современные вопросы»¹⁵. С 1863 г. Катков вернулся к редактированию газеты «Московские ведомости». С этого момента его имя стало известным в самых широких кругах. Его знали как автора ярких публицистических статей, в которых обсуждались самые острые вопросы российской действительности.

Личное знакомство поэта, жившего в Петербурге, с московским издателем и публицистом произошло, очевидно, во время поездки Тютчева, которая датируется 25 апреля – 1 мая 1859 г. Целью этой поездки, судя по содержанию писем Тютчева, было участие в заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете, действительными членами которого были, в числе других, его единомышленники М.П. Погодин и А.С. Хомяков. В письме к жене Эрнестине Федоровне от 27 апреля Тютчев упоминает о том, что собирается обедать вместе с ними у общего друга писателя Н.Ф. Павлова и там «будет редактор “Русского вестника”» (5; 291). Судя по письмам, встрече с представителями московской печати Тютчев придавал большое значение.

После состоявшегося знакомства Катков становится одним из адресатов Тютчева, к которому тот обращается с развернутыми, подробными посланиями. Эти письма посвящались определению позиции российского правительства, в условиях «приближающегося европейского кризиса», во внешней и внутренней политике. Они всегда завершались уверениями в уважении к адресату и выражением душевной преданности. Расположение поэта было так значительно, что он предлагал Каткову в планируемый им летом 1866 г. приезд в Санкт-Петербург «сделать честь и особенное удовольствие», остановившись в его доме (6; 159). Очевидно, что такое предложение не могло поступить человеку, в котором Тютчев был заинтересован лишь как в рупоре своих идей. В нем, как и в тоне письма, ощутимо выражение теплого дружеского чувства.

Нередко имя Каткова упоминалось также и в письмах к другим адресатам, самым близким поэту лицам, жене Эрнестине Федоровне и дочери Анне, А.М. Горчакову и А.И. Георгиевскому. Неизменно в первой половине 1860-х годов Тютчев отзывался о Каткове как о «симпатичной личности», «прекрасном человеке», в котором «непреклонность духа и большая проницательность ума трогательно сочетаются с превосходным нравом» (6; 29–37). Всегда давалась высокая оценка профессиональной деятельности Каткова и оказывалась поддержка при возникновении конфликтных ситуаций во время выносимых властями предостережений и запретов в адрес газеты «Московские ведомости».

С моментом вступления на престол Александра II в общественных кругах России все отчетливее формируется недовольство политикой государства по отношению к печати. Шел, по словам Б.Н. Тарасова, «своеобразный поиск адекватного отношения к нарождавшимся в России феноменам общественного мнения, гласности, свободы журналистики» (3; 490). Ф.И. Тютчев был одним из первых, кто обратил внимание властей на этот вопрос¹⁶. «Письмо о цензуре в России» (1857) было представлено министру иностранных дел А.М. Горчакову и, судя по сделанной рукой Эрнестины Федоровны надписи, прочитано императором (опубликовано лишь в 1873 г., когда поэт находился на смертном одре). В периодической печати Тютчев видел реальную силу, способную повлиять на решение острых политических вопросов. В частном письме Горчакову от 21 апреля 1859 г. поэт прямо говорил о том, что не только правительство, но и «сам государь» в создавшихся условиях «нуждается в более твердой точке опоры, в национальном сознании, в достаточно просвещенном национальном мнении» [выделено мною. – Т.Ф.] (5; 287). Печати придавалось значение силы, способной «противодействовать» тому направлению, которое служит интересам правительственной элиты и европейской коалиции государств в ущерб национальным.

Почти в то же время Катков, стремясь прояснить назначение цензуры и ее функции в обществе, становится автором нескольких записок, из которых нам известны две. Первая посвящена вопросу о духовной цензуре. Она была вызвана необходимостью объяснения по поводу опубликованной в 1858 г. в «Русском вестнике» анонимной статьи «Турецкие дела» (в результате изысканий исто-

рика-слависта С.А. Никитина было предположительно установлено, что принадлежала она перу А.В. Рачинского, известного в то время писателя и публициста, одного из соучредителей Славянского благотворительного комитета, хотя и подписана была буквой «Д.»¹⁷). В статье шла речь о двойном гнете, под которым оказались балканские славяне, турецких военных и чиновников, с одной стороны, и «фанариотских митрополитов и архиереев», назначенных Константинополем, – с другой. Главная опасность такого двойного притеснения, по мнению автора статьи, – в стремлении подавить нравственную и духовную жизнь народов. Препятствуя отправлению службы священниками из болгар, фанариоты попирают «священнейшее достояние – язык и народность»¹⁸. От Каткова по этому поводу потребовала объяснений церковная цензура, однако он доказывал неправомочность этого требования, поскольку статья «Д.» не содержит богословских рассуждений.

Назначение духовной цензуры автор видел в том, чтобы контролировать содержание сочинений с точки зрения их соответствия учению православной церкви. Приданье же русской церкви изначально чуждых ей «инквизиционного начала и полицейского духа», по его мнению, значило «низводить ее на арену человеческих страстей и преходящих мнений, унижать ее достоинство, оскорблять ее характер, затемнять ее святую сущность и скоплять против нее напрасную горечь в умах»¹⁹.

Во второй подробной записке со ссылками на множество фактов из русской жизни и жизни других государств речь шла о роли официозной печати. Она была направлена в адрес тогдашнего министра народного просвещения Е.И. Ковалевского, вынесшего предостережение издателю «Русского вестника». В записке Катков «самым решительным образом высказался против правительенного вмешательства в журналистику путем субсидий, внушений и тому подобных средств». Она, по словам Р.И. Сементковского, оказалась столь убедительной, что «всякие дальнейшие меры против Каткова были признаны излишними»²⁰.

Ф.И. Тютчев в эти годы неоднократно в письмах к разным адресатам утверждал единственное для общества значение свободного печатного слова, выражающего глубинные, из народной среды идущие мнения и призванного обеспечить государственный

прогресс. Эти мнения он считал важными и для государственных чиновников, и для верховной власти. В 1865 г., когда в правительственные кругах обсуждался новый закон о печати, поэт делился с А.И. Георгиевским своими горькими мыслями о том, что «вопрос о печати поставлен у нас криво и косо» и что у «большинства наших законодателей» по отношению к печатному слову «одни глупые страхи и невежественные предположения» (6; 93).

Самый большой вред запретительных, «полицейских» мер по отношению к печати поэт видел в том, что они препятствуют выработке в обществе осознанного неприятия ошибочных мнений и ложных теорий. Поэт сетовал на ложно поставленный вопрос о печати, на ошибочное его понимание не только в правительственные кругах, но и широкой общественностью. Общество далеко от знания истинного положения вещей, еще не сформировалось сознание того, что «всякое вмешательство власти в дело мысли не разрешает, а затягивает узел». Даже самые просвещенные люди, писал Тютчев, не замечают очевидного – запретительная политика приводит к тому, что «пораженное ею ложное учение – тотчас же, под ее ударами изменяет т^{ак} с^{казать} свою сущность и вместо своего специфического содержания приобретает вес, силу и достоинство угнетенной мысли» (6; 118). Поэт считал именно недальновидную политику правительства в области печати одной из причин активного распространения в 1860-х годах в России нигилистического учения.

Природа нигилизма и результаты его воздействия на общественное сознание интересовали также и Каткова. На нежизнеспособность отрицания как мировоззренческой базы он обратил свое внимание в связи с публикацией на страницах «Русского вестника» романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (февраль 1860 г.). Нигилизм он считает большим злом, но предостерегает против всяких репрессивных мер. Подобно Тютчеву считает нигилизм болезнью, запрет без лечения может «сделать ее хроническою». Распространение нигилистических взглядов в молодежной среде связывал с деятельностью А.И. Герцена. Ошибочной он считает позицию издателя «Колокола» потому, что тот ограничивался «одною лишь скептическою критикою», это «отражается самым невыгодным образом на молодежи и делает ее неспособною к полезной деятельности в сфере реальных интересов, вызванных самою

жизнью». Наилучшим средством против нигилизма он считает «усиление всех положительных интересов общественной жизни»²¹.

Сам Катков был «неудобным» для властей издателем. Первый конфликт с властью предержащими возник у него еще до момента введения нового положения о печати. Недовольство в Министерстве внутренних дел вызвало опубликованное им в 1864 г. стихотворное послание «Другу Илье Ильичу» в первом номере приложения к «Русскому вестнику» «Новые стихотворения (1859–1863). А.Н. Майков». В стихотворении изобличалась недальновидная политика, направленная на разрушение сложившихся устоев общества. В иронической форме восхвалялись возможные последствия нигилизма:

*И пусть кричат слепцы: ты деспот! ты тиран!
Не слушай! Это толк распущенных славян,
Привыкших к милостям и грозам деспотизма!
Тиран ты – но какой? Тиран либерализма!
А с этим можешь ты – не только все ломать,
Не только что в лицо истории плевать,
Но, тиская под пресс свободы, – половину
Всего живущего послать на гильотину!²²*

В стихотворении был создан сатирический портрет некоего чиновника и общественного деятеля, вращающегося в высшем свете и намеренного перестроить все «общественное здание».

Первоначально стихи Майкова вызвали замешательство председателя Московского цензурного комитета М.П. Щербинина. Он обратился за разрешением сложной ситуации к министру внутренних дел П.А. Валуеву, в ведении которого находилась тогда цензура. Не дождавшись ответа от своего руководителя, цензор разрешил публикацию. Редакции «Русского вестника» удалось убедить его в том, что стихи «не заключают в себе ни малейшего намека на какое-либо государственное лицо, а делается обращение к другу поэта, юному либералу, толкующему с товарищами и обнаруживающему бюрократические и лжелиберальные наклонности»²³. Валуев был недоволен решением Московского цензурного комитета. В своем письме он указывал на вредные «толки и недоразумения», которые могут быть вызваны намеками, заключенными в стихах. Ответственность за текст опубликованного послания

легла и на редакцию журнала, и на Тютчева, под началом которого служил Майков.

М.Ф. Тютчева по этому поводу сделала следующую запись в дневнике: «Папа получил записку от Валуева, который требует объяснения стихотворения Майкова “Илье Ильичу”, в котором просвещенная публика видит государя описанного» (6; 445). В объяснении по поводу возникшего «недоразумения» автор стихов заверял, что в лице Ильи Ильича создал обобщенный образ распространенного в начале 1860-х годов «типа недоучившегося либерала». По его словам, в этом образе иронически высмеиваются черты молодых людей, утопистов, которые «мечтали устроить Россию по Фурье, по Луи Блану и воображали, что свободу и пропаганду надо вводить насильтвенными мерами». Именно такого недальновидного реформатора высмеивал поэт в своем стихотворном послании²⁴. Тютчев как руководитель Майкова по службе, тепло к нему по-человечески относившийся, сопроводил адресованное Валуеву объяснение собственными суждениями, в которых опроверг подозрения в политической неблагонадежности поэта, называя обвинения «нелепыми» и «гнусными», «глупейшей выдумкой каких-то злопыхателей» (6; 68).

Только на этом дело не кончилось. Майков счел необходимым писать по поводу стихотворения к редактору «Русского вестника». Он объяснял трактовку своих иронических стихов как политического памфлета происками недоброжелателей самого Каткова. «Я уверен (и многие тоже), – писал поэт, – что вся интрига направлена против Вас». Далее он передал свой разговор с Валуевым, который мог быть причислен к высмеянному в стихотворении поколению «недоучившихся лжелибералов». Получив объяснения по поводу стихотворения, он в личной беседе с поэтом допытывался: не на него ли намек в образе Ильи Ильича? Не его ли имели в виду? Этот вопрос не остался без ответа. Не самому министру, а Каткову поэт пояснил: «Конечно, во многом и его»²⁵.

Негативное отношение к публикации стихов Майкова, таким образом, могло быть вызвано личным недовольством министра Валуева общественной позицией Каткова и враждебным отношением к нему лично. О том же свидетельствует письмо к Майкову его тетки из Москвы. Некоторое время спустя после инцидента она писала племяннику: «Как пояснил мне один мой знакомый, хотят

таким неясным заключением подрыть яму Каткову, у коего много завистников»²⁶. Очевидно, что опубликованные Катковым стихи были удобным поводом к тому, чтобы воздействовать на него и других слишком, на взгляд правительственные чинов, самостоятельных и решительных в своих выступлениях московских журналистов.

Благодаря дружескому участию Тютчева конфликтная ситуация благополучно разрешилась. Очевидно, что его поддержка была оказана не только Майкову, чью репутацию как автора стихов, показавшихся в правительенных кругах опасными, пришлось защищать, но и Каткову как издателю сборника, к которому поэт в июле 1864 г. снова обращался со словами поддержки, называя его «лучшим представителем русской гласности» (6; 72–73).

6 апреля 1865 г. состоялся высочайший указ Правительствующему Сенату, который при поверхностном взгляде на его содержание должен был переменить ситуацию к лучшему. Этим указом предоставлялось право повременным изданиям выходить без предварительной цензуры, но вместе с тем вводилась система так называемых «предостережений», заимствованная из практики французского закона, введенного министром Персины²⁷. В России эта система обернулась еще большим злом для печати. Предостережения и запреты посыпались, как из рога изобилия. Они относились не только к изданиям либерально-демократической направленности, как журнал «Современник», редактируемый в то время Н.А. Некрасовым, но и к тем, что могли служить лишь укреплению монархической власти в России (журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости» М.Н. Каткова; газеты «День» и «Москва» И.С. Аксакова).

Катковым вмешательство в его издательское дело в виде предостережений и запретов было воспринято болезненно, он намеревался отказаться от него вовсе. В этой ситуации чрезвычайно значимой оказалась поддержка Тютчева.

Тютчев и впредь оказывал негласное содействие в издательской деятельности Каткова. Он прикладывал усилия к тому, чтобы сохранить «Московские ведомости», когда газета в 1866 г. оказалась под угрозой закрытия. В письме к Георгиевскому поэту говорил о том, что газета имеет «огромное значение для общего дела»

и обладает большим влиянием на читающую публику, о том, как важно, чтобы она продолжила свое существование именно под руководством Каткова. С ней он связывал распространение истинного понимания роли печати в обществе, способного предотвратить возвращение в русскую жизнь николаевской реакции. Насильственное подавление мысли, по словам Тютчева, только раздражает и усиливает общественное зло (6; 145). Цензурные санкции он считал противоречащими «всякому национальному чувству, всякому национальному стремлению», «положительному направлению всей правительственной системы» (6; 135).

Репрессии по отношению к «Московским ведомостям» поэт трактует как проявление силового воздействия на печать в целом. Возвращение Каткова к редактированию газеты, после небольшого перерыва, им приветствуется как общественно значимое событие. Обращаясь к нему в письме от 5 июля 1866 г. Тютчев пишет: «...благодаря вам наконец у нас – и в нашей правительственной среде – сила печатного слова не как факт только, но как и право...» (6; 159–160).

Из переписки Тютчева мы видим, что заинтересованность в деятельности Каткова с годами не убывала. Он неизменно отмечал успехи публициста, хотя и сетовал на излишнюю категоричность его суждений. В вопросе о печати Тютчев и Катков были единомышленниками. Каждый отстаивал ее независимость доступными ему средствами, первый – как политик, используя свое влияние при дворе, второй – в издательской практике.

О российской государственности

Понимание Тютчевым основ российской государственности было выражено в ряде публицистических статей, написанных и анонимно опубликованных в Европе на французском языке в 1840-х годах. В России четыре его статьи «Россия и Германия», «Россия и революция», «Римский вопрос», «Письмо о цензуре в России» впервые увидели свет лишь в 1873 и 1886 гг. в номерах «Русского архива». Идея Тютчева о российской государственности основывалась на единстве, составлявшем основания национального консерватизма, и некогда сформулированном С.С. Уваровым как «Православие – Самодержавие – Народность». «В по-

нимании поэта единство веры, государства и народа в монархическом правлении, – пишет Б.Н. Тарасов, – предполагало в идеале развитие всех сторон социальной, экономической и политической жизни, при котором разные слои общества не утрачивали бы ее духовного измерения...»²⁸.

В начале 1863 г., когда Катков приобрел право на издание «Московских ведомостей», вопрос о российской государственности рассматривался им в целом ряде передовиц, представивших систему взглядов издателя газеты. О катковской концепции государственности говорят уже названия его статей: «Самодержавие царя и единство Руси», «Истинный и разумный патриотизм», «О свободе совести и религиозной свободе» (все – 1863 г.). Первая из перечисленных нами статей была посвящена открытию «новоустроенной городской Думы в Москве», которую автор статьи счел «началом единения сословий в общественном деле»²⁹, в условиях, которые в связи с польским восстанием, были очень неблагополучны. Катков высоко ценит гражданское чувство москвичей, поддержавших императора в его действиях по преодолению наступившего кризиса. «В ком живо сказалось единство Отечества, в том с равной живостью и силой сказалась идея Царя; всякий почувствовал, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила»³⁰. Олицетворением российской государственности, по мысли Каткова, является Царь, воля которого в идеале является воплощением воли народа. Рассуждая о преданности россиян своему отечеству, автор статьи об истинном и разумном патриотизме замечает, что выражаться она должна не в готовности погибнуть, а в действиях, обеспечивающих безопасность государства. Истинный патриотизм – «в решимости подвергнуть себя благородно некоторым тягостям и лишениям, чтобы поддержать честь и права своего народа...»³¹. Именно к такому – разумному – патриотизму призывает автор статьи своих читателей.

В условиях, когда Европа требовала от русского правительства уступок польской аристократии, поднявшей восстание ради возвращения утраченной некогда государственной автономии страны и сохранения своих независимых прав, «Московские ведомости» заняли решительную позицию, выступив за сохранение целостности российского государства. Эта позиция была поддер-

жана широкой общественностью, о чем говорит возросший в два раза в течение года тираж газеты.

И в этом вопросе Тютчеву была близка позиция Каткова. В октябре 1864 г. он писал из Женевы к Георгиевскому и его жене о прочитанных в «Московских ведомостях» статьях по поводу брошюры барона Ф.И. Фиркса, выступившего под псевдонимом Шедо-Феротти, «Que fera-t-on de la Pologne? (Что будет с Польшей?)». В брошюре, как известно, были изложены предложения западнически настроенной правительственной оппозиции по изменению государственного статуса Царства Польского – о предоставлении ему ограниченной автономии. Статьи Каткова содержали близкие Тютчеву идеи целостности Российского государства как оплота единения всех славян. По поводу прочитанных статей поэт писал: «Удар был электрический. Все было прочувствовано и оценено – и художественное мастерство отделки, и самая сущность содержания. Благодаря этим двум статьям французская брошюра превратилась в огромную услугу, оказанную русскому чувству и русскому делу...» (6; 81, 450).

В России же опубликованные Катковым статьи навлекли на газету цензурные преследования и штрафы. В этих обстоятельствах, как пишет Л.Н. Кузина в комментариях к письму Тютчева от 14 января 1865 г. из Ниццы, А.И. Георгиевский обратился к поэту «с воплями о помочи свыше, подробно описав ему все истязания и пытки», которым была подвергнута редакция «Московских ведомостей» (6; 453). Конфликт Каткова с властями Тютчев считал очень нежелательным именно потому, что высоко было общенациональное значение газеты и выражаемого в ней общественного мнения.

Тютчев, как известно, всегда подчеркивал вынужденность карательных мер по отношению к польским повстанцам. Считал, что восстание было вызвано ложными силами, и поддержку его народом – заблуждением. В этом роде он неоднократно высказывался в письмах к частным лицам и в поэтических произведениях.

Любопытна в этом смысле история стихотворения «Его светлости князю А.А. Суворову» (1863). Стихотворение обращено к петербургскому военному генерал-губернатору, внуку великого русского полководца. Речь в нем идет о подавлении польского восстания под предводительством М.Н. Муравьёва,

назначенного весной 1863 г. генерал-губернатором шести северо-западных губерний с чрезвычайными полномочиями. Подавление восстания оценивается Тютчевым как важнейшее государственное дело, послужившее сохранению целостности России, в разрушении которой были заинтересованы западные державы, поддержавшие восстание польской аристократии. Поэт с иронией отнесся к резкому выражению князем Суворовым неприятия решительных действий Муравьёва.

В стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...» (август 1863 г.) поэт писал:

*Осьмой уж месяц делятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь.
Притон разбойничий в дому молитвы,
В одной руке распятие и нож.*

В этих строчках – намек на поддержку мятежа римской католической церковью. Закончил поэт стихотворение выражением уверенности в том, что в противостоянии прагматичному Западу – великое предназначение России:

*О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твоё значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей! (2; 121).*

Для Тютчева единство России и ее предназначение во многом обусловлено чистотой сохраненной исторически православной религии. Именно это ставит российское государство на особое место в отношениях с другими славянскими народами, в которых чистота веры была значительно поколеблена в результате наступательных действий европейских держав с католическим вероисповеданием. (Значение православия как основы мироизмерения поэта активно изучается в последнее время В.Н. Аношкиной-Касаткиной, М.М. Дунаевым, А.Л. Казиным, Б.Н. Тарасовым, М.А. Розадеевой и другими учеными.)

Катков в своих публицистических высказываниях и в последующие годы продолжал придерживаться самостоятельной позиции, которая далеко не всегда совпадала с правительственной. Имеется немало фактов, опровергающих закрепившееся в истори-

ческой науке убеждение в том, что он «твердо веровал в правильность политики русского правительства»³². Известно, что со страниц «Московских ведомостей» звучали слова поддержки освободительной борьбы южных и западных славян, отстаивавших свою национальную независимость, выражалась забота о возможности для каждого народа наладить самостоятельную жизнь на той земле, которая ему исторически принадлежала. Так, в майском выпуске газеты за 1867 г. было высказано мнение относительно стремления добившегося некоторых автономных прав сербского правительства подчинить себе болгар. Поглощение одного славянского народа другим Катков считал недопустимым, союз народов представлял как равноправное единство «в однообразном устройстве военной силы и в военной конвенции». Не исключал он и союза славянских народов в границах единой государственности, замечая при этом, что время такого союза не настало, «более тесный союз вызвал бы теперь непреодолимые трудности...»³³. В том же 1867 г. в статье «Неразрывная связь русского народа с Верховной властью» писал: «В России не могло бы возникнуть никаких внутренних недоразумений и опасностей, если бы всё, что живет в ней, было одушевлено русским гражданским чувством, и если бы политика постоянно следовала только тем побуждениям и идеям, которые из этого чувства черпаются»³⁴.

Правительственные предостережения изданиям Каткова были вызваны именно тем, что причины многих современных бед он находил в ошибочной политике правительства. Так, о причинах польского восстания, а затем и покушения на императора russkimi nihilistami он писал: «Где был истинный корень мятежа, – в Париже, Варшаве, Вильне? Нет, – в Петербурге!»³⁵ Столь смелые речи не могли остаться без последствий: «Кончилось дело тем, – пишет биограф, – что Катков получил 6 мая 1866 г. второе предостережение, а на следующий день третье, и его издательская деятельность была приостановлена на два месяца»³⁶.

В отношении единства власти и народа взгляд Каткова был близок Тютчеву, которого распространение в либеральных кругах российского правительства антипатриотических настроений приводило в состояние тревоги и негодования. По словам поэта, в российском правительстве происходит губительное «охолощение русского начала», которое неизбежно приведет к разрушению

единства нации, катастрофическому отдалению царя от народа. «Мы видим теперь в России, – писал он в январе 1865 г. А.И. Георгиевскому, бывшему в то время сотрудником “Московских ведомостей”, – как все элементы, или нерусские по происхождению, или антирусские по направлению <...> силятся совокупиться в одно целое <...> в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разрозненности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные или заштатные» (6; 90). Этому опасному для России и губительному для славянского мира в целом «совокуплению», по мысли Тютчева, активно противостояли «Московские ведомости», редактируемые Катковым. Поэт видел в публикуемых в газете «горячих» материалах выражение общественного мнения, силы, способной воспрепятствовать разрушению российской государственности изнутри.

Основным делом Каткова как издателя «Московских ведомостей» и публициста было утверждение положительных основ русской жизни и критика не самодержавия как такового, но реальной власти и реально действовавшего тогда правительства. И в этом он тоже сходился с Тютчевым. Их объединяло убеждение, что деятельность правительства должна быть направлена на укрепление исконных начал русской жизни. В сознании двух мыслителей национальное единство предопределяется подчинением частных интересов власть имущих общему интересу. Тютчев сожалением замечает, что современное российское правительство далеко от идеала. В августе 1867 г. он писал дочери Марии: «В правительственные сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию...» (6; 256). Его поддерживает Катков, отмечая: «Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов». Смысл монархической власти сводится, по его мысли, к служению народному благу, включая распространение «самого широкого самоуправления, которого может потребовать благо самого народа – народа, а не партий» [выделено мною. – Т. Ф.]³⁷.

Все вышесказанное убеждает, что Тютчев и Катков безусловно принимали самодержавие как принцип государственного устройства России, что не мешало им быть непримиримыми вра-

гами правительственные лиц, которые вольно или невольно иска-
жали его смысл.

О народном просвещении

Препятствование со стороны властей издательской деятель-
ности М.Н. Каткова объясняется также и тем, что на страницах его
изданий осуществлялась нелицеприятная критика Министерства
народного просвещения. В критическом отношении к направле-
нию, восторжествовавшему в деятельности Министерства в
1860-х годах, Тютчев и Катков тоже были едины. Так, Д.О. Воево-
да характеризует непростую ситуацию, возникшую в связи с изда-
тельской деятельностью Каткова, в следующих словах: «Тютчев
своими связями и советами помогал редакции “Московских ведо-
мостей” еще с 1864 г., когда над ней сгустились первые тучи из-за
критики газетой министра народного образования А.В. Головнина,
деятельность которого расходилась с консервативной позицией
газеты. Тютчев, одно время служивший под началом Головнина,
тоже был настроен к нему критически»³⁸.

О критическом отношении Ф.И. Тютчева к деятельности
Министерства народного просвещения мы знаем из его писем.
В частности, 7 октября 1863 г. он призывал Каткова еще более ре-
шительно изобличать «зловредности теперешней системы <...>, в
отношении к которой может быть только одно сомнение: безумие
ли это или преднамеренное предательство» (6; 48). Поэт выражал
надежду, что журнальная деятельность Каткова и его прямое об-
ращение к правительству послужит усовершенствованию системы
народного просвещения в России. Для этого у него были все осно-
вания: в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» одна за
другой публиковались статьи, касающиеся вопросов образования.

С начала 1860-х годов в России активно обсуждалась необ-
ходимость в реформировании образования. Заинтересованность в
этом вопросе выразили и консерваторы, и прогрессисты, славяно-
филы и сторонники западнической идеологии. В обществе, в печа-
ти, в правительственные учреждениях обсуждались произошед-
шие изменения в системе преподавания среднего образовательного
звена. Полемика о школьной реформе была вызвана нововведе-
ниями предыдущего десятилетия, когда Уставом школы 1849 г.

«были ниспровергнуты гуманитарные основания средней школы», а с 1852 г. «был изгнан греческий язык почти из всех гимназий»³⁹. В результате этого народное образование получило направленность узкопрагматическую.

Своебразным итогом дискуссии стал сборник статей «Наша учебная реформа» (1890), опубликованный по инициативе и на средства С.П. Фишер с предисловием и примечаниями Льва Поливанова. В сборник вошли статьи Каткова по вопросу образовательной реформы, в приложении опубликованы статьи И.М. Муравьёва-Апостола «Русское воспитание и обучение в начале нашего века» (Письма из Москвы в Нижний Новгород. – 4-е письмо) и Т.Н. Грановского «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы» (написана в 1855 г.).

Основу этого уникального издания составили статьи Каткова 1864–1871 гг., ранее собранные им самим и помещенные в шестом номере журнала «Русский вестник» за 1879 г. В сборник были включены также труды его предшественников и современников, явившихся, по выражению автора вступительной статьи Поливанова, носителями «постоянной глубокой думы лучших людей нашего отечества» о состоянии народного просвещения в России⁴⁰. Эпиграфом к сборнику статей послужили замечательные слова Софии Фишер: «Побуждением предложить русскому обществу ряд статей Михаила Никифоровича Каткова по учебной реформе было для меня, с одной стороны, чувство благоговения к памяти покойного, с другой – горячее желание блага просвещению родной страны»⁴¹.

Статья Муравьёва-Апостола посвящена утверждению первостепенного значения классического образования и изучения родной словесности не только для формирования достойно образованной личности, но для воспитания человека, осознающего сопричастность всему наследию родной культуры и искусства. Такой тип образования автор статьи считает служащим национальному самосознанию личности. Среднее звено образования, по его мнению, предназначено для обогащения памяти отрока предметами, которые «питают душу, располагают сердце к добру и укрепляют разум <...>. Отчество не расположено к холодному умствованию – оно расположено к памяти и воображению»⁴².

Положительный пример соответствующей постепенному взрослению человека образовательной системы автор статьи видит в Англии. Здесь средняя школа предполагает не преподавание наук, а «приуздание к наукам, вкус к изящному и красноречию», «воспитание ума и воображения», тогда как высшая – дает специальное научное знание. Цели воспитания чувств, направления детской фантазии и воображения в безопасное, нравственное русло, по мысли Муравьёва-Апостола, служит изучение древних языков и поэзии, родного языка, истории, географии, геометрии⁴³. Слабость образовательной системы в России он видел в том, что она базируется на изучении новых языков и точных наук. В результате того что из программ изъяты знания древних языков и истории, основ национальной словесности, вместо формирования глубокой самостоятельно мыслящей личности воспитывался «внешний блеск».

В статье Грановского был подвергнут критике циркуляр о народном образовании 1851 г., предлагающий ввести «новое распределение учебных предметов» с приоритетом естественных наук. Выражая общее мнение профессоров Московского университета, автор статьи отстаивал ущемленное в правах гуманитарное знание. Он говорил об успехах науки и образования предыдущих десятилетий, в которые русское просвещение было возвращено «к коренным началам русской жизни»⁴⁴. Самым главным недостатком современного ему образования Грановский считал односторонность: «Задача педагогии состоит в равномерном (гармоническом) развитии всех способностей учащегося <...>, естествознание, отрещенное от учений, имеющих предметом духовные стороны бытия, неминуемо приводит к материализму» и «не в состоянии удовлетворить нравственным потребностям человека»⁴⁵.

Каткову были близки мысли Муравьёва-Апостола и Грановского. В своих статьях он настаивал на сохранении традиционного для России классического образования, утверждал необходимость возвращения классической гимназии в том виде, в котором она является первой ступенью высшего образования. Именно классическое образование, по его твердому убеждению, дает государству людей умственно зрелых в сферах научной, учебной, медицин-

ской, судебной, административной деятельности. Именно оно будет служить сближению российского образования с европейским.

Активно включившись в полемику о школьной реформе, Катков подчеркивал государственную и национальную значимость поставленного вопроса. Объясняя своим оппонентам личную заинтересованность в вопросе, он писал: «Не кто-либо потеряет или выиграет от устройства наших учебных заведений – потеряет или выиграет Россия, русское правительство, русское общество, русский народ. <...> Педагогическое дело есть сеяние, и жатва его восходит лишь по прошествии многих лет. Время и силы, погибшие вследствие какой-либо ошибки, вкравшейся в основание педагогического дела, ничем не вознаградимы»⁴⁶.

Спор о состоянии образования в России Катков понимает вовсе не как соревнование между классическим и «реальным» направлениями. Цель широкого, повсеместного распространения в стране классических гимназий он объясняет так: «...требуется, чтобы поднялся уровень нашего умственного образования и чтобы вообще наука пустила корни в нашей почве»⁴⁷.

В последующих статьях Катков отстаивает принципы классического образования, приводя примеры школьного устроения в европейских странах, где обучение детей в гимназиях зиждется на древних языках. Он утверждает в качестве основной цели среднего образования воспитание ума: «...в школе воспитываются дети для того, чтобы они вместе со своим физическим возрастанием и умственно могли быть способными как для наук, так и для всякой серьезной умственной деятельности»⁴⁸. Изучение древних языков в качестве основного предмета в средней школе обосновывается тем, что они требуют от ребенка сосредоточенности и внимания. Ребенок должен усвоить себе их логику, освоив языки, приобщаясь к историческому миру, лежащему в основании современной цивилизации. Юный ум знакомится со всеми родовыми оттенками человеческой мысли и духовной организации человека.

Среднее образовательное звено Катков считал «корнем науки», его назначение видел в подготовке учащихся к овладению специальным знанием, в развитии ума, воспитании собранности и сосредоточенности. Основа этого приготовления – системное изучение словесности и элементарная математика. Такая школа основывается на объективном предмете и дает не столько знание,

сколько развитие умственных способностей. «Она приучает к труду и, развивая способности к нему, делает его легким, – пишет Катков. – Напрягает и изнуряет силы только многопредметная школа или неправильно односторонняя, при сосредоточении занятий, например исключительно на математическом элементе»⁴⁹.

В своей деятельности Катков предпринимал попытки практической реализации своего взгляда на образование. В 1868 г. им и его другом профессором латинской словесности Московского университета П.М. Леонтьевым был основан Лицей цесаревича Николая. В историю он вошел под именем «катковский лицей». Учебная программа лицея была основана на религиозном просвещении, изучении древних языков и математики. Обучение предполагало индивидуальный подход, при котором самостоятельную работу воспитанника организовывал преподаватель и наблюдал за ней педагог-наставник. Назначение классического образования Катков видел в противостоянии падению образовательного уровня в вузах, по его словам, забитых «толпами полуграмотных мальчишек, не способных ни к чему отнести критически, не способных продержать две минуты одну и ту же мысль в своей голове...»⁵⁰.

Известны отрицательные отзывы Тютчева о деятельности Каткова и Леонтьева как учредителей Николаевского лицея. Но относились эти отзывы скорее не к самой образовательной системе, а к способу ее реализации.

* * *

Во второй половине 1860-х годов Катков перестает быть одним из основных адресатов в переписке Тютчева, однако из писем же и следует, что произошедшее охлаждение вызвано скорее личными причинами, чем мировоззренческими. Вряд ли можно разделить точку зрения исследовательницы В.А. Твардовской, которая пишет, что с годами они расходятся во взглядах, в связи с чем «высказывания поэта о московском публицисте становятся все более неприязненными, отрицательное отношение к нему – более определенным»⁵¹. Это охлаждение отношений было обусловлено скорее личными качествами Каткова, чем его убеждениями. Именно его неспособность к компромиссу, резкость и категоричность суждений со временем стали, по мнению Тютчева, мешать общему делу. Тон публикаций «Московских ведомостей» ставило

под угрозу существование популярных и важных для выражения и развития общественного сознания в России изданий.

В письмах Тютчева этого периода звучат отголоски их взаимного недовольства. Не сразу смирился Катков с инициированным Тютчевым уходом из редакции «Московских ведомостей» Георгиевского, в письме к которому от 3 сентября 1866 г. Тютчев пишет: «Надеюсь, что расставание ваше с Катковым и Леонтьевым будет мирное и любовное, и что они примирятся наконец с мыслью вашего отпадения...». Далее по поводу страстного нежелания редакторов отпустить ценного сотрудника писал: «Есть же минуты страсти, когда и умные, и неумные люди становятся совершенно на один уровень» (6; 179).

Катков недоволен тем, что поэт не счел нужным скрывать ставшее ему известным содержание его тайной переписки с М.Н. Муравьевым о следствии по делу Каракозова. Взаимное недовольство Тютчева и Каткова было, насколько можно судить по их письмам, спровоцировано третьими лицами. Об этом поэт прямо говорит в письме от 8 мая 1867 г.: «Не знаю, вследствие каких сплетней – вольных или невольных – вы могли, почтеннейший Михаил Никифорович, заподозрить меня в таком фантастическом извращении всех моих понятий и убеждений касательно Вас...». Причина возникшей неловкости, по словам поэта, – «прекуриозное недоразумение». Заканчивается письмо обычным для автора уверением в «неизменном, глубоко сознательном уважении и совершенно искренней преданности» адресату и надеждой на прояснение ситуации при личной встрече (6; 226–227).

Несмотря на взаимное недовольство, Тютчев счел необходимым защитить Каткова от резкой критики П.А. Вяземского, который в стихотворении «Хлестаков» (1866) создал карикатурный образ, намекающий на личность издателя «Московских ведомостей». Герой стихотворения высмеивался за «самохвальство», желание поучать общество и правительство, присвоение себе ничем не ограниченного права судить о важнейших вопросах внешней и внутренней политики России, ложную популярность в обществе:

Всё знает, всех всему он учит.
Кого не взлюбит – страшен он;
Когда листок его получит,
Бледнеет сам Наполеон.

Всё это вздор, но вот что горе:

*Бобчинских и Добчинских род,
С тупою верою во взоре,
Стоят пред ним, разинув рот,*

*Развеся уши, и внимают
Его хвастливой болтовне,
И в нем России величают
Спасителя внутри и вне⁵².*

Известно, что Тютчев порицал Вяземского за резкость и необъективность оценки деятельности Каткова. А.И. Георгиевский цитировал присланное ему письмо поэта, написанное 3 сентября 1866 г.: «Здесь все друзья князя огорчены этою *неуместною выходкою*, и вот вам несколько строк, определивших экспромтом мое впечатление по этому поводу» [выделено мною. – Т. Ф.]⁵³. К письму прилагались стихи, которые предназначались для печати при условии неполного обозначения авторства – буквами «Ф. Т.». Это было стихотворение «Когда дряхлеющие силы...», в котором поэт выразил неприятие раздраженного чувства стареющего человека по отношению к прославленному «обновляющимся миром» новому герою. Он пишет о «малодушных укоризнах», «чувстве затаенной злости» и «сварливом старческом задоре» как о «позорных» проявлениях человеческой натуры. При этом считает ревностность к славе вновь пришедшего на арену борения идей и мнений естественным чувством, которому не следует давать ходу. Стихотворение начинается словами:

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –*

*Спаси тогда нас, добрый гений.
От малодушных укоризн.
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь...(2; 162).*

В них не случайно употреблено местоимение «мы», именно оно переводит смысл текста на уровень обобщения. По справедливому замечанию Т.А. Алпатовой, как это часто бывало у Тютчева, стихотворение, написанное «на случай», приобрело «и более шир-

рокое значение, вписываясь в ряд художественных размышлений поэта о скоротечности жизни и о том, что несет человеку старость»⁵⁴.

Позднее поэт вполне обоснованно был недоволен тем, что стихи вошли в первый его сборник, подготовленный к печати в 1868 г. В нарушение его авторской воли стихотворению придавалось значение личного выпада против человека, чувствами которого он дорожил. Оно было опубликовано под данным издательями, а не автором названием «Еще князю П.А. Вяземскому». Тютчев предпринял решительные действия к тому, чтобы изъять текст из уже опубликованного издания, но не потому, что был недоволен качеством самого текста, на что он указывал в своих письмах к близким людям.

Содержание писем поэта, написанных в конце 1860-х годов, позволяет предположить, что охлаждение его отношения к Каткову, если оно и было, скорее вызвано личностными причинами. Направление мысли и общественная позиция оставались для них общими. В частности, в письме Тютчева к И.С. Аксакову от 9 сентября 1868 г. содержалась положительная оценка «решительной инициативы Каткова», включившего в передовые статьи «Московских ведомостей» отрывки и цитаты из опубликованной в Праге брошюры Ю.Ф. Самарина «Окраины России».

Критика Катковым деятельности или бездеятельности российского правительства вполне отвечала убеждениям Тютчева. Он решительно осуждал утрату многими из его членов духовной связи с народом, стремление к идейной монополии, упование на «материальную силу» – те болезни власти, которым поэт противостоял всеми доступными ему средствами. Эти отклонения от идеала и препятствовали, по его мнению, исполнению основной – всеславянской – миссии России. Катков по-своему служил той же самой цели, действуя самостоятельно и, судя по содержанию переписки, нередко противоречил не только политике правительства, но и намерениям стремившегося направить эту критику в безопасное для газеты русло Тютчева.

Судя по заверению В. Кожинова, «Тютчев, несмотря на некоторые точки соприкосновения с Катковым, никогда не был его единомышленником, а в целом ряде важнейших моментов самым решительным образом расходился с ним»⁵⁵. Проанализированные

нами материалы говорят как раз о том, что «точки соприкосновения» в мировоззрении того и другого были очень значимы. Для нас очевидно, что недовольство Тютчева Катковым было обусловлено резким неприятием его личностных качеств, а отнюдь не убеждений.

В глубине мировоззрения и во взглядах на государственную политику Катков был близок Тютчеву прежде всего утверждением идеи национального права. Их общая позиция определялась также теоцентризмом философских взглядов и пониманием органичной природы единства общества и государства.

В современной науке эта позиция осмыслена как консервативная. Консерватизм как идеология основывался на убеждении в необходимости «сохранения и сбережения универсальных, вечных ценностей⁵⁶. Его позитивный исторический смысл в культурно-историческом пространстве России второй половины XIX в. состоял в противостоянии разрушительным тенденциям либерализма и социализма как основанных на «идеалах безрелигиозного гуманизма <...> и освобожденного от социальных пут (средневековых сословий и цехов) общества». Общинное сознание консерваторов является безусловной антитезой индивидуализму либералов⁵⁷.

Для Тютчева и Каткова важнейшими ценностями были христианство (православие) как основа государственной и национальной жизни, целостность России, обеспеченная политикой соблюдения народного интереса. Тот и другой своим сознанием устремлен в будущее. Оба они видели его смысл не в разрыве с прошлым, а в развитии начал, искони определявших духовную культуру и общественно-политический строй российского государства.

¹ Аношина В.Н. Заключение // Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева. – М.: Пашков дом, 2011. – С. 555.

² Тарасов Б.Н. Историософская основа публицистики Ф.И. Тютчева // Там же. – С. 290–291.

³ М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк Р.И. Сементковского. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1892. – С. 24.

- ⁴ Катков М.Н. Пушкин // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX в. / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. – М.: Искусство, 1982. – С. 400.
- ⁵ Кожинов В.В. Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев / Вадим Кожинов. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2002. [Электронный ресурс]: URL: <http://lib.rus.ec/b/172701/read/> (дата обращения 01.09.2012).
- ⁶ См.: Кантор В.К. М.Н. Катков и крушение эстетики либерализма // Вопросы литературы. – 1973. – № 5. – С. 173–212; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М.: Наука, 1978. – 278 с.
- ⁷ Репников А.В. Русский консерватизм: Михаил Никифорович Катков. [Электронный ресурс]: URL: http://www.perspektivy.info/history/russkiy_konservatism/ (дата обращения: 19.10.2011).
- ⁸ Ванеян С.С. Катков Михаил Никифорович // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 2: Г – К. – М.: Большая рос. энцикл., 1992. – С. 506–513.
- ⁹ Лебедев С. Катков Михаил Никифорович // Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – С. 263–269.
- ¹⁰ Катков М.Н. Имперское слово / Составл., примеч. М.Б. Смолина; вступ. статья Ф. Селезнёва и М. Смолина. – М.: Москва, 2002. – С. 38.
- ¹¹ Пигарёв К.В. Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. Т. 19–21. – М.: Журн.-газетн. объединение, 1935. – С. 201.
- ¹² Кожинов В.В. Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2002. – 510 с.
- ¹³ Чагин Г.В. Горчаков Алексей Михайлович. (1798–1883) // Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь / Сост. Г.В. Чагин. – М.: Просвещение, 2004. – С. 244.
- ¹⁴ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 6. Письма 1860–1973 / Отв. ред. Л.Д. Громова-Опульская. – М.: Классика, 2005. – С. 436. Далее ссылки на это издание обозначены в тексте статьи указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ¹⁵ Аксаков И.С. в его письмах. Т. 3. Письма 1851–1860 гг. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1892. – С. 305.
- ¹⁶ О перипетиях этой деятельности см.: Г.В. Чагин, Л.Е. Петрова. Служба в российской цензуре // Литературоведческий журнал. – 2004–2005. – № 18. – С. 45–79.
- ¹⁷ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. – М.: Изд. МГУ, 1960. – С. 188.
- ¹⁸ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. – М.: Наука, 1970. – С. 186.
- ¹⁹ М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность... – С. 31.
- ²⁰ Там же. – С. 31–32.
- ²¹ М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность... – С. 28.
- ²² Майков А.Н. Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1984. – С. 342.

- ²³ Там же. – С. 501.
- ²⁴ Ямпольский И.Г. К истории взаимоотношений Тютчева и А.Н. Майкова // Ф.И. Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Гос. лит. Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. – М.: Наука, 1989. – Кн. II. – С. 487.
- ²⁵ Там же. – С. 490.
- ²⁶ Там же. – С. 492.
- ²⁷ Чулков Г.И. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурою // Мурановский сборник. – Мураново: Изд. Музея им. поэта Ф.И. Тютчева, 1928. – Вып. 1. – С. 9.
- ²⁸ Тарасов Б.Н. Историософская основа публицистики Ф.И. Тютчева... – С. 298.
- ²⁹ Катков М.Н. Имперское слово. – М., 2002. – С. 109.
- ³⁰ Там же. – С. 110–111.
- ³¹ Там же. – С. 126–127.
- ³² Никитин С.А. Цит. изд. – С. 234.
- ³³ Московские ведомости от 12 мая 1867.
- ³⁴ Катков М.Н. Имперское слово... – С. 203.
- ³⁵ Цит по: М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность... – С. 53.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – С. 267.
- ³⁸ Воевода Д.О. «И в Божьем мире то ж бывает...» // Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь / Сост. Г.В. Чагин. – М.: Просвещение, 2004. – С. 86.
- ³⁹ Поливанов Л. Предисловие // Катков М.Н. Наша учебная реформа: С приложениями / Предисл. и примеч. Л. Поливанова / Изд. С.Н. Фишер. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1890. – С. 8.
- ⁴⁰ Там же. – С. 3–5.
- ⁴¹ Там же. – С. 1.
- ⁴² Муравьев-Аpostол И.М. Русское обучение и воспитание в начале нашего века // Катков М.Н. Наша учебная реформа: с приложениями... – С. 145–150.
- ⁴³ Там же. – С. 148–149.
- ⁴⁴ Грановский Т.Н. Ослабление классического образования в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М.: Просвещение, 1987. – С. 427.
- ⁴⁵ Там же. – С. 431.
- ⁴⁶ Катков М.Н. Значение классической школы как общеобразовательной // Московский вестник. – 1864. – № 205. Цит. по: Катков М.Н. Имперское слово... – С. 173.
- ⁴⁷ Там же. – С. 175.
- ⁴⁸ Этому вопросу посвящена отдельная статья Каткова: Концентрация гимназии не может быть ни на каком предмете, кроме древних языков // Московский вестник. – 1864. – № 238; Цит. по: Имперское слово... – С. 181.
- ⁴⁹ Там же. – С. 277.

-
- ⁵⁰ Цит. по: *Измельцева Г.П.* Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 86.
- ⁵¹ *Твардовская В.А.* Тютчев в общественной борьбе пореформенной России // Ф.И. Тютчев: pro et contra / Сост., вступ. статья и comment. К.Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 2005. – С. 786.
- ⁵² *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения / Ред., статья и comment. В.С. Нечаевой. – М.; Л.: Academica, 1935. – С. 466.
- ⁵³ Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. – М.: Наука, 1989. – С. 153.
- ⁵⁴ *Алпатова Т.А.* «Когда дряхлеющие силы...» // Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь / Сост. Г.В. Чагин. – М.: Просвещение, 2004. – С. 98.
- ⁵⁵ *Кожинов В.В.* Цит. соч.
- ⁵⁶ *Попов Э.А.* Русский консерватизм: Идеология и социально-политическая практика. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/popov/index.php/ (дата обращения 10.09.2012).
- ⁵⁷ Там же.

И.А. Едошина

КАТКОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

Аннотация

Рассматриваются вопросы, связанные с научными интересами М.Н. Каткова, процессом их формирования. На основе биографических фактов устанавливается: первый интерес к научной деятельности был определен русской словесностью, в частности вопросами истории языка; одновременно активно занимается репетиторством, журналистской деятельностью, переводами – в основном для заработка. Стремясь углубить свои познания в области философии, поскольку филология и философия в его представлении были неразрывно связаны, Катков уезжает за границу – в Берлинский университет. На основе анализа его писем родным выявляется влияние философии Гегеля и Шеллинга. Указывается влияние «Философии Откровения» Шеллинга на формирование мировоззрения Каткова, который уехал за границу «из кружка Станкевича», а вернулся глубоко верующим человеком. Обосновываются защита Катковым магистерской диссертации по русской словесности, актуализация занятий философией, в частности философией досократиков. Выявляются причины, по которым Катков расстался с научной деятельностью, полностью погрузившись в журналистскую работу. На основе анализа «Очерков древнейшего периода греческой философии» представляются содержательные и методологические особенности научных взглядов Каткова, а также их оценка современниками.

Ключевые слова: научные интересы Каткова, биография, компаративистика, философия мифа и философия Откровения Шеллинга, древняя греческая философия, религия, оценка современников.

Yedoshina I.A. Katkov as a thinker

Summary. The problems connected with M.N. Katkov's scientific interests, the process of their shaping are examined. On the base of the biographical facts we established: the first interest in science was determined by Russian philology, in particular, by the issues on the history of language; at the same time he is actively involved in tutoring, journalism, translations – mostly for money. In an effort to extend his knowledge in the field of philosophy, since philology and philosophy in his view are

inseparably linked, Katkov goes abroad – to Berlin University. Based on an analysis of his letters to relatives the influence of the philosophy of Hegel and Schelling is revealed. The influence of Schelling's «Philosophy of Revelation» on the shaping of Katkov's world-view, who went abroad from «the circle of Stankevich» and returned being a deeply religious man, is pointed out. The defense of Katkov's master's thesis on Russian philology, the actualization of study of philosophy, in particular, the philosophy of the pre-socratics are justified. The reasons of Katkov's giving up the scientific activity and his complete immersion in journalistic work are revealed. Based on the analysis of «Essays of the ancient period of Greek philosophy» the substantial and methodological peculiarities of Katkov's scientific views, as well as their assessment by his contemporaries are presented.

Я был знаком с Катковым во время моего пребывания в Москве. Это был человек в высшей степени цивилизованный, развитой, обладавший редким высоким умственным образованием. В этом Москвиче, страстно любившем все свое национальное, не было ничего восточного и еще менее варварского. Он никогда не принадлежал к слепым ненавистникам «гнилого Запада». Своим воспитанием, своими вкусами, всею своею личностью, этот ярый защитник Славянства был западником, настоящим Европейцем.

А. Леруа-Болье

В советское время М.Н. Катков (1818–1887) был определен в реакционеры, черносотенцы и вычеркнут из культурного пространства России. Но и до октябрьского переворота 1917 г. в глазах либерально настроенной интеллигенции Катков подвергался резкой критике. Пожалуй, только В.С. Соловьев из чуждого Каткову лагеря написал добрые слова (с огорчением замечают современные публикаторы, ссылаясь при этом на статью Соловьёва «Славянофильство и его вырождение», 1889 [17, с. 707]) об «опальном» журналисте и мыслителе в статье «Несколько личных воспоминаний о Каткове» (1897). Соловьев отмечает, что он единомышленник с Катковым в метафизике [17, с. 627]. Одновременно он признается: «Но в то время, как я негодовал на Каткова, вдруг всплыл в моей памяти духовный облик этого человека, каким я знал его в лучшие минуты с его глубоким благочестием, сердечною добротой в личных отношениях и высоким пониманием христианских идей» [17, с. 632]. Значительную роль в становлении

духовного облика Каткова, черты которого обрисовал Соловьёв, сыграли его научные интересы.

В 1834 г., закончив «приготовительный курс», М.Н. Катков был зачислен в Московский Императорский университет на словесное отделение философского факультета, которое с отличием закончил в 1838 г., получив степень кандидата (11 июня 1838 г.). Далее в течение года он занимался подготовкой к магистерскому экзамену по русской словесности, который успешно сдал в 1839 г., и затем, как пишет Р.И. Сементковский, «в течение восьми лет занимался исключительно ученой деятельностью, продолжая давать уроки в аристократических домах (Голицыных, Римских-Корсаковых, Талызиных. – И. Е.)» [16, с. 20]. Замечу, менее всего в 1839–1840 гг. Катков занимался научной деятельностью, полностью отдавшись журналистской работе. А вот уроки Катков действительно давал, но не только в аристократических домах, а и в домах много проще. Так, он готовил к сдаче экзамена на звание домашней учительницы будущую актрису Н.В. Рыкалову (1824–1914), блестящую исполнительницу ролей «классических старух» в пьесах А.Н. Островского на сцене Малого театра. Экзамен Рыкалова успешно сдала профессорам Московского университета Т.Н. Грановскому и И.И. Давыдову, даже поступила на службу в богатую семью Мельгуновых, но все-таки ушла в актрисы. Уроки не были призванием Каткова, но приносили определенный доход, позволяя хоть как-то сводить концы с концами в его наполненной журналистской поденкой жизни.

Собственно, до поездки в Германию Катков на досуге, коего оставалось совсем немного, если учесть, что он печатал статьи, рецензии и переводы (особенно стихотворные) в «Московском Наблюдателе», «Отечественных Записках», живо интересовался философией. Глубокие знания в области филологии и философии способствовали тому, что «непрерывная вереница переводов, больших критических статей и кратких рецензий отличалась такими богатыми, светлыми мыслями и таким необыкновенно блестящим стилем, что невольно останавливалась внимание тех, кому были дороги интересы науки и литературы» [11, с. 143]. Однако журналистская работа пока не захватила всего Каткова, не стала смыслом творческой деятельности, хотя, видимо, все-таки сформировала те основания, благодаря которым журналистика в итоге

победила в Каткове ученого. Но это все еще в будущем, а пока, думается, интерес к философии и, возможно, не утратившая актуальности защита магистерской диссертации активизировали его интерес к науке. Потому и Берлин был выбран не случайно: здесь находился университет, где читали лекции знаменитые философы - Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) и Ф.В.Й. Шеллинг (1775–1854), где не так давно работал В. Гумбольдт (1767–1835), философ языка, заметивший, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [4, с. 304]. Магистерская диссертация Каткова будет связана с изучением вопросов языковой фонологии в историческом аспекте. Напомню, именно с вопросов фонологии родился в Гумбольдте интерес к языку как феномену культуры.

В Германию Катков поехал через Петербург, отправился на собственные весьма скромные средства. Как вспоминал Н. Любимов, «Он имел в кармане, как рассказывал мне, всего 200 рублей, когда... пустился в путь» [10, с. 41]. 19 октября 1840 г. В этой дате заключена своя мистика: 19 октября – День Лицея. Эта дата Каткову, как, впрочем, и всякому образованному человеку в России XIX в., была хорошо знакома. В хрестоматийно известном стихотворении А.С. Пушкина «19 октября» (1825) есть строки:

*Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.*

Здесь все сошлось: первая статья, которую опубликует Катков в уже своем «Русском Вестнике», будет посвящена Пушкину (Русский Вестник. 1856. № 1, 2), а ее автор по убеждениям станет государственником, умеющим говорить и находить общий язык с царями. Но все это – в будущем, а пока Катков отправляется в Германию. Его ждет Берлин, университет. По прибытии в Берлин Катков записывается в слушатели университета. О том, что происходило с Катковым в Германии, он сообщал в своих письмах к родным. Эти письма помогают увидеть, как зарождается в Каткове интерес к философии. Письма, к счастью, сохранились, приведу выдержки, которые связаны с его обучением в университете [8].

«Лекции у нас кончились 5 марта. Здесь академический год не так, как у нас: здесь в году два семестра, совершенно отдельные – один зимний, другой летний; летний начнется в последних числах апреля и кончится в августе. В продолжение зимнего семестра я, слава Богу, выслушал целый курс логики, слушал прилежно, записывал, составлял лекции, теперь рассчитываюсь с собою. Живое и серьезное занятие философию, не так как прежде – пошлое, брошюровочное, благотворно и глубоко подействовал на меня. Но надо еще много и много поработать мне: в течение каких-нибудь трех месяцев никакая сила не может овладеть таким предметом, – лекции же летели так быстро, так ярко, так ослепительно – ни на минуту нельзя остановиться и укрепиться. Надобно по крайней мере прослушать еще курс при помощи особых уроков.

<...>

… я выбрал для слушания… один предмет – логику у Вердера… В половине семестра я присовокупил к логике и историю новой философии: оно и у Вердера это мне очень помогало в изучении логики, хоть я не слыхал первой половины: от Декарта до Канта. Изучение логики вместе и дьявольски трудно, и божественно легко. Венец философии и всякого развития, начало и конец вселенной есть личность, абсолютная субъективность; все что существует – природа и история есть степени ее развития, момент ее целости; но она прежде всякого развития и истории – через них только приходит к себе. Цель философии и цель логики проследить ее развитие в чистой мысли, в общем, в знании; тут мы присутствуем в первоначальном недре творения. Категории логики – души всего сущего (логос), все что после вышло быть и жить для себя. Изучение логики не есть, стало-быть, просто изучение: это сообщение с Творцом, высшее священное действие; влияние его объемлет всего человека и на каждом шагу он должен становиться чище и достойнее.

<...>

Созерцание без труда диалектики (Шеллингова *Intellectuelle Anschauung* [интеллектуальное созерцание в наглядных проявлениях. – И. Е.]) хотя и объемлет в себе все содержание, но владеет

им. Форма только тогда достигает своей истины когда перестает быть формою, для того кто прошел весь путь и объял всю целость нет уже никакой важности в абстракции, он может начинать отовсюду – прекращается всякая формальность. В спекулятивном вдохновенном созерцании после диалектики открывается абсолютная личность с полным и раздельным знанием всех своих моментов. Личность есть последнее слово всей философии, – тут она оканчивается, но тут оканчивается и все конечное, тут все богатство и прошедшего и будущего, тут бесконечность, тут бессмертие, тут Бог и в Боге мы – как бы полная личность, оригинально отражающая божественную.

<...>

Скажу тебе несколько слов о Берлинском университете: Гегелева философия в нем оставалась долгое время, благодаря покровительству министров, интересовавшихся ею, процветала беспечно; теперь ей похуже и на нее смотрят недоброжелательно; может быть немножко потреплят ее, но это всегда обращается к пользе гонимого. ...На кафедру Ганса (философия права) был избран Шталь, обскурант и пиетист, который с самого начала объявил, что Гегелева философия есть змея подколодная, а что наука должна основываться единственно на предании и авторите-те. За это его приветствовали шипением и шарканьем. Теперь... вызывается Шеллинг, может-быть с намерением для противодействия, а может-быть и не с тем; но, во всяком случае, истинные представители Гегелевой философии с любовью и радостью ждут его, благоговея перед его гением...

<...>

Лекций я взял немного у Шеллинга – философию мифологии, практическое изучение в музее истории живописи у Кушера и археологическое упражнение у Панофки. Преимущественно же я занимаюсь древними языками и особенно греческим, – хочется побольше успеть в них. Шеллинговы лекции имеют для меня великое значение, я слушал их с жадностию: столько глубокого, оригинального, поучительного! У меня открылись глаза на многое на

что прежде были закрыты; много предчувствий моих уяснились и большая часть сомнений и вопросов моих получили по крайней мере более определенный вид. Я много трудился над Шеллинговыми лекциями и владею теперь лучшею тетрадью в Берлине, так что у меня со всех сторон выпрашивают ее для изучения, где всех цветов и гегелианские профессоры; но, по правде сказать, не хочется давать, пусть бы сами ходили, записывали и трудились».

Из воспоминаний литератора и переводчика на немецкий язык произведений русских авторов Ф. Боденштедта узнаем, что Катков не только слушал лекции Ф.В.Й. Шеллинга в университете, но и бывал у него дома, «где был принят весьма радушно и часто посещал его. ...немецким языком разговорным и письменным Катков владел... в совершенстве» [1, с. 62]. Катков слушал позднего Шеллинга в зимний семестр 1841–1842 гг., Шеллинга времени «Философии откровения» и «Введения в философию мифологии» (Шеллинг читал названные курсы в Берлинском университете в 1841–1846 гг.). В данном случае уточнение «поздний Шеллинг» является содержательно значимым. В этой связи напомню принципиальное возражение Ф.И. Тютчева Шеллингу начала 1830-х годов: «Вы пытаетесь совершить невозможное дело. Философия, которая отвергает сверхъестественное и стремится доказывать все при помощи разума, неизбежно придет к материализму, а затем погрязнет в атеизме. ...Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом» [9, с. 37]. Каткова увлекла в Шеллинге, по свидетельству Т.П. Пассек, «мистическая сторона этого учения» [2, с. 294].

«Философия откровения» (иначе – «положительная философия»), написанная не без воздействия трудов Б.Ф.К. Баадера (1765–1841), явилась итогом размышлений Шеллинга, с одной стороны, над утверждением Гегеля, что Бог есть *понятие*, а с другой – над индифферентным признанием Якоби (1743–1819) *идеи* Бога. У самого Шеллинга, как отмечает современный исследователь, «предметом знания становится вся религиозная жизнь человечества в том виде, в каком она уже явлена нам Божественным волением: сначала мифология, в которой Божественная интенция содержится в непросветленном виде, но не утрачивает своей значимости, а затем собственно христианское Откровение, которое,

как и мифология, требует и философского осмыслиения» [20, с. 418–419].

Шеллинговская идея мифологии раскрывается через ее становление, через историю, но история эта укреплена не только в человеческом сознании, а через него – в Боге: «Субъективно, или по своему возникновению, мифология – это *теогонический процесс*. Мифология – это 1) процесс вообще, процесс, какой совершает сознание, – совершает так, что оно, будучи вынужденным останавливаться на отдельных моментах и во всем последующем удерживая предшествующее, *переживает* таким образом движение в буквальном смысле слова. Мифология – это 2) *действительно* теогонический процесс, т.е. такой, который происходит из существенного отношения человеческого сознания к Богу, из отношения, в котором сознание по своей субстанции, в силу которого сознание вообще по своей природе (*natura sua*) есть полагающее Бога сознание. Поскольку же изначальное отношение таково по природе, сознание не может выступить из него так, чтобы не быть возвращенным в него *посредством процесса*. При этом сознание неизбежно (прошу хорошо заметить себе это) является как вновь полагающее Бога лишь *опосредованно* – именно в процессе, т.е. сознание неизбежно является именно как порождающее Бога, соответственно теогоническое сознание» [19, с. 327]. Как замечает А.В. Михайлов, «самоё сознание как момент бытия имеет свою историю, а бытие имеет свою историю в сознании через него: человеческие представления о Боге тоже, естественно, складываются в свою историю, и тут Шеллинг доказывает, как первоначальный монотеизм (а иным не могло быть, согласно его взглядам, первоначальное сознание о Боге) должен разложиться на разные политеистические, собственно мифологические системы» [19, с. 580].

Понятно, что Шеллинг – дитя европейского антропоцентризма, потому у него сознание полагает Бога, а не наоборот. Но в данном случае не это важно. Другое не могло не захватить Каткова: самая мысль, что человек просвещенный полагает Бога! Для него, человека, поехавшего в Германию из «кружка Станкевича», где собирались люди «передовых взглядов» и Катков – один из них, подобное утверждение представилось бы абсолютно диким. Подчас смысл «передовых взглядов» в России сводился к простой формуле: «Бога нет, а царя не надо» (Н.П. Мещерский). Иное

слышал Катков здесь, в центре просвещенной Европы: профессор, читая лекции с кафедры, занимается герменевтикой библейских текстов и доказывает, что греческая мифология есть результат изначально существующего монотеизма [3, с. 380]. И Катков признается, что у него (добавлю: подобно Пушкинскому *Пророку*) открылись глаза. Он не отказывается от своей давней любви к Гегелю, но знакомые триады наполняются конкретным содержанием, и в центре всего – Бог.

Именно здесь, в Берлинском университете, Катков открывает для себя, что мир един и целостен, что мир пребывает в процессе развития (замечу, не прогресса), что процесс этот схватывается человеческим разумом «в известных фазах его развития», в тех системах, в которых «он высказался» [5, с. 2; совр. переизд. см.: 7]. Понять же смысл этого развития можно только через филологию и философию, через любовь к слову и мудрости, открывающую разумные начала бытия. Потому он усиленно занимается древнегреческим языком и греческой философией. Как заметил В.В. Розанов, «вся греческая философия выросла и развивалась в глубоко религиозное время: Ксенофан, Эмпедокл, Parmenid, Анаксагор, Сократ и ученики его – все они жили в эпоху, чуждую распущенности религиозного чувства, и потому-то именно во всей жизни и в каждом слове их чувствуется такая удивительная любознательность, и любовь их к трудно доставшейся истине была так велика, что некоторые из них ради нее решались оставить отчество, а другие приняли смерть» [13, с. 142].

В конце 1842 г. Катков возвращается в Россию. И, видимо, пока не зная, как применить полученные знания, решает устроиться в Петербурге на государственную службу, чтобы иметь средства для существования. Решительную роль в его научной судьбе сыграла встреча с графом С.Г. Строгановым, который был попечителем Московского учебного округа [12]. Строганов помнил Каткова еще со времен его студенчества. Именно тогда граф Сергей Григорьевич Строганов обратил внимание на талантливого юношу и тогда же посоветовал ему выбрать ученую стезю [2, с. 294]. Видимо, встретившись с Катковым вновь, граф вспомнил свои давние впечатления. В результате по совету графа Строганова Катков уезжает в Москву, где вплотную занимается написанием магистерской диссертации на тему «Об элементах и формах славяно-

русского языка». В 1845 г. диссертация объемом в 255 страниц будет напечатана в Москве и 9 июня этого же года успешно защищена. Как записал в своем дневнике М.П. Погодин, на защите (или, как тогда говорили, «диспуте») «спорило человек десять – и прекрасно, и учено и дельно. И Гриммы, и Боппы, и Бюргнуды – все прочтены, изучены, оценены! Вопрос осмотрен со всех сторон» [цит. по изд.: 15, с. 172].

Диссертация включала две части: в первой – объяснялось происхождение звуков, исследовалась функция ударений; во второй – внимание автора было сосредоточено на грамматических функциях падежей и глагольных форм. Катков избрал для исследования историко-культурный аспект, привлекая значительное число древних памятников (прежде всего, древнерусских), но при этом он стремился найти аналоги или источники тех грамматических форм, что сложились в русском языке, поэтому привлекал сведения из самых разных древних и современных языков. В результате возникала единая картина языкового мира, где все было взаимосвязано, поддержано и представлено в богатейшем разнообразии формального выражения. В диссертации Катков приводит множество самых различных фактов, которые собраны автором, но в малой степени осмыслены, что и послужило причиной появления критических откликов А. Студитского, А. Галахова, П. Плетнева в печати [см. изд., кот. приводятся в: 15, с. 171]. Правда, магистерская диссертация и не требовала от автора каких-либо открытий: написание магистерской диссертации должно было свидетельствовать, что ее автор имеет познания в определенной области, которые позволяют ему занять должность приват-доцента на соответствующей кафедре университета. Приведенное свидетельство Погодина, присутствовавшего на защите Катковым магистерской диссертации, не позволяет усомниться в том, что ее автор в полной мере владел как историей вопроса, так и источниками. Здесь проявилась черта личности Каткова, которая сформировалась в результате научной деятельности и которая сослужит ему добрую службу в журналистской работе, – исследование проблемы во множестве аспектов, их сумма позволяла прийти к обоснованным, а потому убедительным выводам.

Однако получить должность на кафедре русской литературы Московского университета Каткову не удалось: там уже работали

два профессора – С.П. Шевырев и И.И. Давыдов. В конце концов был найден выход, и 27 июля 1845 г. Катков получил в Московском университете место адъюнкта (помощника профессора) по философии, которую вместе с логикой и психологией начал читать на словесном отделении. Собственно, получение этого места и потребовало написания диссертации, содержание которой соответствовало бы профилю читаемых по кафедре дисциплин (*pro venia legendi*). При условии защиты диссертации могли бы последовать звания сначала экстраординарного, затем ординарного профессора. И Катков начал усиленно заниматься философией досократиков. Конечно, в выборе темы сказалось влияние лекций Шеллинга, где мифология и рождение философии тесно переплетались. Греческая философия открывалась Каткову через язык, на котором писали и говорили досократики. В результате определилась тема докторской диссертации – «Очерки древнейшего периода греческой философии».

Но дальше в его жизнь вмешались события европейской истории. Французская революция 1848 г. отозвалась в русском правительстве упразднением философии, которую в 1850 г. повсеместно заменили богословием. Преподавать богословие светским лицам было запрещено. По этим причинам весной 1851 г. Катков, сохранив должность адъюнкта, был отправлен в редакцию издаваемых университетом «Московских Ведомостей», вскоре став (что называется, по случаю) их «казенным редактором», а с 1854 г. еще и чиновником особых поручений при министре Народного Просвещения. Но научной работы не бросил, завершил ее и опубликовал в «Пропилеях» (сборники статей по классической древности) П.М. Леонтьева (1852, кн. 1–2), а затем – отдельным изданием. Так появилась книга Каткова «Очерки древнейшего периода греческой философии» (М., 1853) [см. совр. переизд.: 7]. Исследование Каткова привлекло внимание современников [7, с. 751–755]. Сумма их впечатлений свидетельствует о неоднозначном восприятии этого труда. С одной стороны, в нем справедливо видят первую попытку целостного осмысления философии «досократиков». Напомню, что до труда Каткова на русском языке вышло два сочинения, в которых затрагивались вопросы древнейшего периода греческой философии: А.А. Галича «История философских систем, по иностранным руководствам составленная», кн. I. – СПб., 1818;

К. Зедергольма «История древней философии, приспособленная к понятию каждого образованного человека», ч. I. Греческая философия в своем начале. Введение. Мифический период. Семь мудрецов. – М., 1841 (досократикам уделено шесть страниц). Современниками специально подчеркивается, что труд Каткова написан на основании первоисточников, им превосходно изученных и переведенных, отмечается яркость стиля. С другой стороны, профессору философии МДА В.И. Лебедеву видится недостаточно ясным изложение философских систем «досократиков» [7, с. 751–752]. На это и другие критические замечания профессора Катков отзываеться обширной статьей, помещенной в «Московских ведомостях» (1854. Т. 5. № 18) [7]. В частности, он пишет: «В своих исследованиях яшел от начала до конца своею дорогою» [7, с. 342]. Признавая значимость трудов таких ученых, как Брандис, Беккер, Штальбаум, Бек, Лобек, Карстен, Штурц, Шлейермахер, Катков замечает, что они были скорее собирателями, чем исследователями, они составили то основание, без которого «Очерки» не могли бы им быть написаны. Но философским путеводителем, по признанию Каткова, ему был Шеллинг: «Ограничив свой труд одною из самых тесных, скучных и темных частей науки, автор “Очерков древнейшего периода греческой философии”, одушевляемый тем общим воззрением, которое дает жизнь его мысли и вынесено им из Положительной Философии Шеллинга, старался сблизиться с предметом и изучать его в самой действительности» [7, с. 342].

Н.А. Любимов, близкий по взглядам Каткову автор, дает высокую оценку его диссертации: «Оригинальное философское сочинение Михаила Никифоровича “Очерки древнейшего периода греческой философии” помещено в 1852 г. в “Пропилеях” – сборнике, издававшемся покойным П.М. Леонтьевым. В сочинении этом кроме оригинальности воззрения обнаруживается замечательное искусство в передаче древних текстов и угадывании смысла выражений, в каких дошли до нас мнения древнейших философов Греции. Особенное внимание обращено на Пифагоровскую философию, которую в исторической последовательности учений он отодвигает на древнейший план» [10, с. 43]. Представляется, что оценка Любимовым диссертации Каткова в целом вполне адекватна ее содержанию. Но сочинение Каткова содержит еще и ту новизну, которая, может быть, не открылась его совре-

менникам, но которая, думается, составляет самую сердцевину заветных мыслей автора.

Уже во вступлении Катков излагает методологические основы своего труда: «Мы не столько должны смотреть на то, что сказано им (мышлением. – И. Е.) ложного или истинного, сколько на то, чтобы самим не сказать об нем чего либо ложного. И так, прежде всего мышление в своей истории должно быть рассматриваемо лишь относительно себя самого. Что с необходимостью вытекает из самой природы человеческого разума вообще и в известных фазах его развития, в каких системах он высказался: вот предмет и интерес нашего изучения в истории философии, точно так как следили бы мы за развитием какой либо области природы, или всякой другой области человеческого быта» [5, с. 2]. Выбрав позицию рассмотрения предмета исследования относительно его самого, без включения позднейших или современных представлений (важно «перенестись в то созерцание, которое существовало прежде»), Катков приходит к мысли, что подходить к пониманию досократовской философии нужно с позиций ее самой: «Все направления, все роды мышления находятся здесь в первом непосредственном синтезе, в этой первой философии, где собственно философское еще не пришло к своему самосознанию и не успело отличить себя от всего нефилософского» [5, с. 4]. Подобное неразличение не должно помешать пониманию досократиков как философов, которые мыслят в имманентных их мышлению категориях, образах и понятиях. «Все прежде всего должно быть рассматриваемо в своей сфере и в своих пределах» [5, с. 45].

В таком случае можно избежать главной ошибки историков философии, которые не представляют себе «существенного, внутреннего единства мышления», потому древняя философия распадается на отдельные, не связанные друг с другом фрагменты. «Вместо того, чтобы выхватывать фрагменты какого либо физиолога и придумывать, Бог знает что, для того, чтобы их связать и дать им смысл, стоит только взглянуть одним взглядом на весь этот фрагментарный период, и фрагменты сложатся сами собою для образования цельного смысла. Такое воззрение не исключает возможности существенных различий между школами и системами. Задача состоит лишь в том, чтобы признать в них различные моменты одной основной системы» [5, с. 8]. Представить фраг-

менты как философское целое, отражающее специфику человеческого мышления в определенную историко-культурную эпоху, – такова задача, поставленная Катковым в его научном труде о «досократиках».

«Очерки» состоят из двух частей: в первой части Катков дает общую картину древнейшей философии в именах и судьбах, во второй части излагает развитие философских идей, подчеркивая их тесную связь с мифологией, неокрепший характер. Философия рождается на последней фазе мифологического развития. Здесь отражаются только «начатки человеческого разумения» [5, с. 64]. При этом Катков стремится к предельной объективности, его интересует адекватная тому или иному автору передача его философских идей. Думается, именно вот эта авторская «отстраненность» не вызвала сочувствия в С.Н. Трубецком, отзаввшемся об «Очерках» Каткова пренебрежительно: «...юношеская диссертация... произведение весьма незначительное, бессвязное и фантастическое, написанное к тому же туманно и тяжело» [18, с. 160]. Эти слова написаны Трубецким в магистерском сочинении «Метафизика Древней Греции» (1890), когда ее автору было 28 лет, т.е. он был ровно четырьмя годами младше Каткова, опубликовавшего свои «Очерки» в 32 года. Но, конечно, не вся правда здесь заключена, есть и другая сторона: существенная разница в понимании философии «досократиков». Если Катков стремился очертить не слишком ясные контуры этой философии, сохранить ее интуиции, образы в органике древних представлений о мире, то Трубецкой ставит иную задачу: выявить объективные законы человеческой мысли в сочетании с ее диалектикой [18, с. 38]. При этом он совпадает с Катковым, когда пишет, что в досократовский период метафизика не отделилась еще от физики [18, с. 39]. Для сравнения из «Очерков» Каткова: «Первоначальный период философского мышления в Греции обозначался еще в древности преимущественно названием физиологического или физического» [5, с. 2]. Мысль эта напрямую вытекает из трудов самих «досократиков», писавших о природе, которая понималась ими как «физика». Более того, по структуре работа Трубецкого фактически повторяет «Очерки» Каткова: от мифологии – к философии. Разница, повторю еще раз, заключается в том, что а) Катков был первопроходцем, написав историю философии «досократиков» по-русски, б) он не

стремился в отличие от Трубецкого к систематизации, более всего желая сохранить в русском варианте стихию, свойственную греческой мысли в период ее становления.

Годом позднее выхода книги Трубецкого Р.И. Сементковский, исследователь творчества Каткова, не без влияния сочинения князя напишет: «Ученых исследований Катков за это время не написал (с 1845 по 1850 г. – И. Е.) Только в 1852 г. он напечатал оригинальное философское сочинение, озаглавленное “Очерки древнего периода греческой философии”, в “Пропилеях”, – сборнике, издававшемся в то время Леонтьевым, с которым Катков близко сошелся еще в 1847 г., когда Леонтьев получил кафедру в московском университете. Этот труд по отзывам компетентных лиц, также не представляет собою ничего выдающегося. Особенное внимание обращено автором на пифагорову философию. Весь труд построен на началах шеллинговой философии. Любопытно только, что в нем Катков остается верен гегелевскому принципу о “разумности всего существующего”, между тем как Белинский совершенно отказался от этой точки зрения еще в начале 40-х годов» [16, с. 21].

Сементковский упрекает Каткова в том, что за время своей работы в университете тот не написал никаких научных трудов. При этом автор словно забывает, что Катков читал несколько курсов: логику, психологию, философию. Причем философия Нового времени составляла основную часть курса. Над текстами своих лекций Катков работал самым тщательным образом. Видимо, именно эта кропотливая отделка написанного текста не позволила Каткову стать блестящим лектором. Звучащее слово не давалось ему, о чем сохранилось немало свидетельств современников. Но дело даже не в этом, а в том, что написание лекций является одним из видов научной работы. Кроме того, он в это же время внимательно изучал древнюю греческую философию, причем изучал по первоисточникам, собранным и опубликованным в основном германскими исследователями. Что касается Белинского, то своим знакомством с философией Гегеля он обязан исключительно переводам Каткова, которые тот делал специально для не знавшего никаких языков «неистового Виссариона». Так что и в отказе Белинского от утверждений Гегеля без Каткова не обошлось. Кроме того, из написанного Сементковским ясно видно, что сам он этого

труда Каткова не читал, потому туманно ссылается на некие авторитетные мнения, не задавшись целью хотя бы назвать тех, кому они принадлежат. Хотя, с другой стороны, он ведь писал популярную биографию в серии «Жизнь замечательных людей» Павленкова.

В отличие от Сементковского князь С.Н. Трубецкой все же найдет в «Очерках» Каткова лучшие (хотя не без иронического оттенка) страницы: те, что посвящены софистам [18, с. 387]. В частности, он замечает, что Катков вслед за Гегелем (сам Катков назвал еще и Дж. Грота [5, с. 54]) оправдывает софистов. Да, Катков оправдывал софистов в том, что они брали деньги за обучение. Одновременно от софистов он обращался к веку, в котором жил сам: «Но если Платон или Сократ могли упрекать в этом софистов; то несколько странно слышать тот же упрек в наше время, когда наука, литература, искусство считается самым честным и благородным промыслом. ...Благоустроенное, разумное общество обеспечивает умственную деятельность в материальных средствах» [5, с. 52]. Конечно, в достаточно либерально настроенном Трубецком не могли вызвать сочувствие некоторые утверждения Каткова в связи с софистами. Например: «Существовавшее общество брали они (софисты. – И. Е.) так, как оно было, и не увлекаясь высшими идеалами, старались принаравливаться к положительным условиям общественного быта своей страны и своего времени» [5, с. 53]. Конечно, прогрессивно мыслящий человек не мог в России согласиться с этим тезисом. Но мудрый Катков, который не успел застать труда Трубецкого, но был хорошо знаком с «прогрессивными» идеями своего времени, подмечает некоторую закономерность: «Однако же в Афинах было неудовольствие против софистов... Но эта неприязнь относилась не к тем одним, которые специально называются софистами: она безразлично обнимала и таких, которых никто не думает подводить под это название. Книга Протагора была сожжена на афинской площади, и сам он изгнан; но та же самая гроза гремела и над Диогеном Аполлонийским и над Анаксагором Клазоменским, наконец, разразилась над Сократом, и удовлетворившись этою великою жертвою, исчезла с атического неба, оставив за собою мысль человеческую в таком могуществе как никогда прежде, мысль, которой суждено было проявить себя в произведениях всемирных и бессмертных» [5,

с. 54–55]. Да и сам Трубецкой задается вопросом: «Должна ли философия искать истины для нее самой и, опознав ее, ставить обществу идеалы?» [18, с. 386]. Ответ на этот вопрос он находит, в частности, в определении Каткова как софиста (в данном контексте оправдателя) русского самодержавия [18, с. 387]. Однако еще более убедительный ответ, на мой взгляд, предоставляют события 1917 г., до которых, к его счастью, философ (в отличие от брата – Е.Н. Трубецкого) не доживет. Князья Трубецкие, в чьем имении умер их близкий друг Владимир Соловьев, принадлежали к людям высоких идеалов справедливости, которых они не находили в отечестве. Им казалось, что если эти идеалы будут восприняты обществом, то жизнь в государстве изменится к лучшему. Но, увы, благие намерения обернулись октябрьским переворотом, который смёл как идеалы, так и их носителей. Имение «Узкое» будет отобрано (по сей день нет на здании главного усадебного дома никакой таблички, которая извещала бы о прежних владельцах), семья, спасаясь, уедет в Новороссийск, где придется жить в страшной нищете, юясь в двух комнатах неотапливаемого дома, и где Евгений Николаевич Трубецкой, выдающийся русский мыслитель, умрет от сыпного тифа 23 января 1920 г. Цена вбросывания «идей» (философской в том числе) в общество может обернуться гибелью не только худшего, но и лучшего, что вслед за софистами понял Катков.

В некрологе Каткову, напечатанном в «Современных известиях» (1887. № 202), было высказано предположение: «Когда бы смерть похитила тридцать два года назад редактора *Московских Ведомостей*, бывшего профессора философии, на современниках лежал бы долг помянуть его заслуги *науке и литературе*, сказавшиеся в высоком значении диссертации *Об элементах и формах славяно-русского языка*, – произведении, которому равного по глубине и основательности долго не появлялось потом. Не пройдены были бы молчанием *Очерки древней до-Сократовской философии*, – опыт самостоятельного исследования об этом периоде, представленный русским ученым».

Современная публикация двух диссертационных сочинений [6, 7] Каткова делает неактуальным сослагательное наклонение в отношении его научных изысканий, позволяя читателю приобщиться к еще одному имени в истории языка и постижения древ-

ней греческой философии в России. Кроме того, выдвинутые Катковым принципы подхода к изучению культурных явлений прошлого (в данном случае философии, но, как свидетельствуют материалы диссертации, не только философии) предвосхищают идеи французской школы *Анналов*, которая сформируется в 30-е годы XX столетия.

-
- ¹ *Боденштедт Ф.* Воспоминания о пребывании в России в 1841–1845 гг. // Русская старина. – 1887. – Май. – С. 57–89.
- ² Воспоминания Т.П. Пассек («Из дальних лет»). Второе изд. Т. III. – СПб.: Изд. Ф. Маркса, 1906. – С. 287–307.
- ³ *Гайденко П.П. Шеллинг // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4.* – М.: Мысль, 2010. – С. 380–382.
- ⁴ *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г.В. Рамишивили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. – 400 с.
- ⁵ *Катков М.Н.* Очерки древнейшего периода греческой философии. – М., 1835. – 156 с.
- ⁶ *Катков М.Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка / Коммент. Л.Д. Захаровой // *Катков М.Н. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Философские чтения: Статьи, трактаты, полемика / Под общ. ред. А.Н. Николюкина.* – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2011. – С. 12–160.
- ⁷ *Катков М.Н.* Очерки древнейшего периода греческой философии. Пер. с древнегр. И.А. Едошиной, И.И. Маханькова, О.А. Чулкова; comment. И.А. Едошиной // *Катков М.Н. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Философские чтения: Статьи, трактаты, полемика / Под общ. ред. А.Н. Николюкина.* – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2011. – С. 161–328.
- ⁸ Из писем М.Н. Каткова к матери и брату // *Русский Вестник.* Т. 250. Год изд. 42-й. 1897. Август. – М., 1897. – С. 132–171.
- ⁹ Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн. II. – М.: Наука, 1989. – 847 с.
- ¹⁰ *Любимов Н.А.* Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям) // *Русский Вестник.* – Т. 194. – 1888. – Январь. – С. 1–46.
- ¹¹ Материалы для жизнеописания М.Н. Каткова // *Русский Вестник.* Т. 250. Год изд. 42-й. 1897. Август. – М., 1897. – С. 1–182.
- ¹² Письма М.Н. Каткова к А.Н. Попову 1843–1857 гг. Публикация и примеч. П. Бартенева // *Русский архив.* – 1898. – № 8. – С. 129–147.
- ¹³ *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – 766 с.
- ¹⁴ *Русский Вестник.* – Т. 194. – 1888. – Январь. – 285 с.
- ¹⁵ *Русский Вестник.* Т. 250. Год изд. 42-й. 1897. Август. – М., 1897. – 250 с.

- ¹⁶ Сементковский Р.И. М.Н. Катков: Его жизнь и публицистическая деятельность. Биографический очерк. – СПб., 1891. – 80 с.
- ¹⁷ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Ращковского. – М.: Правда, 1989. – 735 с.
- ¹⁸ Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции / Примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 2003. – 589 с.
- ¹⁹ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. Пер. с нем. Т. 2 / Сост., ред. А.В. Гулыга; прим. М.И. Левиной и А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1989. – 480 с.
- ²⁰ Шурбелев А.П. Философское постижение веры: поздний Шеллинг и христианское Откровение // Шеллинг Ф.В.Й. Философия Откровения: В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем., статья, примеч. А.П. Шурбелева. – СПб.: Наука, 2002. – С. 411–426.

И.А. Едошина

КАТКОВ О ПРОСВЕЩЕНИИ В РОССИИ

Аннотация

В статье излагаются взгляды Каткова на образование, его структуру, содержание, выявляется сущностная связь образования с уровнем развития общества, его государственная функция. Взгляды Каткова на образование даются в суммарном виде и в развитии на основе анализа его статей. Специально подчеркивается актуальность позиции Каткова в области образования для наших дней.

Ключевые слова: образование, реформа, классическое образование, гимназия, университет, гражданин.

Edoshina I.A. M.N. Katkov about Education in Russia

Summary. The article relates the views of Katkov on education, its structure and subject matters, identifies the essential connection of education with the level of the development of the society, its governmental function. Katkov's views on education are given in a concise way and in the course of development based on the analysis of his works. The immediacy of Katkov's standpoint with regard to education is especially accentuated in today's context.

Михаил Никифорович Катков был не только талантливым ученым, блестящим мыслителем, но еще и общественным деятелем, который искренне заботился о гармоническом устроении русской жизни. Потому он активно откликался на самые злободневные вопросы, касающиеся общества, предлагал варианты их решения, обращался с письмами к государям, а в статьях – к своим согражданам. Как редактор «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника» он, подобно солдатику из сказки Андерсена, неотступно стоял на страже государственных интересов, указывая, к чему может привести общество, например, заигрывание с револю-

ционными идеями или неверное понимание задач в области образования. Соответственно личность Каткова, его взгляды после октябряского переворота 1917 г. были преданы забвению, а если и упоминались, то лишь как предмет для критики. Однако и при жизни Каткова его труды воспринимались просвещенной частью общества как ретроградные, имели множество недругов.

В России XIX в. было модно ругать правительство, жаждать перемен и сочувствовать революционерам разных мастей. Хотя самая глубинная суть всех так называемых революционных преобразований была художественно осмыслена уже в то время, например А.К. Толстым. Вот несколько красноречивых строф из его «Баллады с тенденцией», впервые опубликованной, кстати, в «Русском Вестнике»:

— Но кто же люди эти,
Восхлинула невеста, —
Хотящие, как дети,
Чужое гадить место?»

— Чужим они, о лада,
Не многое считают:
Когда чего им надо,
То тащут и хватают.

Они, вишь, коммунисты,
Честнейшие меж всеми,
И на руку нечисты
По строгой лишь системе;

Системы их дешевле
Другая есть едва ли,
Станичниками древле
У нас их называли;

Они же и реалисты,
Изящного не любят,
Знать сами не казисты,
Затем красу и губят;

Они же материалисты,
От имени прогресса
Кричат, что трубочисты
Суть выше Апеллеса.

— Не тель то нигилисты, —
 Невеста вопросила, —
 В честь коих журналисты
 Качают так кадила?

— Те самые, о лада,
 Так точно, нигилисты;
 Ни толку в них, ни склада,
 Но бойки и речисты;

Весь мир желают сгладить
 И тем внести равенство,
 Что всё хотят загадить
 Для общего блаженства!¹

Конечно, печатание такого рода баллад не могло не вызвать гнев со стороны прогрессивно (читай: революционно) мыслящей части общества. Но Катков отстаивал традиционные ценности, критикуя псевдонаовизму требуемых частью общества реформ.

Будучи человеком православным, искренно и глубоко верующим, Катков чутко относился к духовным (сверхчувственным) основаниям бытия. Как замечает либерально настроенный П.В. Анненков, «по всему складу мысли и деятельности К^{<атко>}ва, с первых же его шагов за границей, все яснее оказывалось, что он гораздо более занят мыслию водворить в своем отечестве новые основы положительного созерцания и верования... чем призванием работать на просветление загрубелой русской общественной среды прямо и непосредственно, как того требовало время»². Как видим, в восприятии Каткова Россия в силу своей природы вполне способна усвоить «новые основы положительного созерцания и верования», а по Анненкову, «загрубелая» Россия требует общественной переработки. А ведь Катков начинал свою творческую деятельность с Белинским, но весьма скоро расстался и с либерализмом, и с его сторонниками³.

Не случайно князь Николай Мещерский видит в Каткове «мученика русского дела»⁴. Под «русским делом» в данном случае понимается отношение к России как государству с имманентным ей общественным строем. Причем Катков никогда не видит в России окраины Европы, как и не отрицает значимости связи отечественной культуры с европейской, что со всей очевидностью

проявляется в его взглядах на современное ему состояние просвещения в России и на его будущее⁵.

Проблемы просвещения привлекают внимание Каткова, поскольку невежество, по его мнению, есть «злейший враг России». Действительно, как замечает младший современник Каткова В.А. Грингмут, «лишите человека возможности серьезно мыслить и логически анализировать чужие мысли, – и вы сделаете его негодным для всякой серьезной умственной работы; но *кроме того*, вы сделаете его жертвой и политических шарлатанов, которые воспользуются отсутствием у него логической критики, чтобы сбить его с толка»⁶. Потому образование есть проблема государственная.

Исследование этой проблемы свидетельствует, что причисленный к славянофилам Катков предлагает за основу гимназического и университетского образования в России взять европейскую систему, давшую хорошие результаты. В частности, в своей первой статье «Значение классической школы как образовательной» (1864) он указывает на положительные стороны образования в Европе, где «университет занимает центральное место, но под университетской системой следует разуметь не только те специальные факультеты, в которые принимаются молодые люди достаточно зрелые и достаточно подготовленные, а также и те учебные заведения, где эти молодые люди с детских лет приготовляются к высшим специальным факультетским занятиям. Эти учебные заведения называются у нас, как и в Германии, гимназиями; во Франции они называются лицеями, в Англии – грамматическими школами. В целом в образованном мире, везде, где существует система университетская, гимназии имеют одинаковый, общий им всем тип. Знания разветвляются в факультетах университета, а в гимназии совершается то воспитание ума, которое равно необходимо для всех специальностей знания»⁷.

Как видим, расхожее представление о Каткове как о мыслителе, которому все *нерусское* было чуждо, не имеет под собой оснований. Кстати, многие из так называемых славянофилов получали образование и в Европе, владели иностранными языками, что позволяло им быть в курсе как исторических, так и современных событий в самых разных областях человеческой деятельности. С европейской системой образования Катков непосредственно

познакомился, скорее всего, во время заграничных поездок 1840, 1842, 1859 гг.

Вопросам образования Катков посвящает целый ряд статей, которые он пишет в период с 1864 по 1884 г.⁸, в тот период, когда в России вопрос о реформировании образования широко обсуждался в обществе. Исследуя процесс образования 1840–1850 гг., Катков обнаруживает, что главным предметом в образовательной системе оказалась русская словесность с ее критическим отношением к государственности. В результате, как позднее заметит Розанов, «вся русская история стала представляться или была выставлена как гноище пороков и преступлений, которое чем больше кто ненавидел, тем он казался сам пророчественнее, священнее...»⁹. Критика в адрес государства породила, по Каткову, нигилизм, «это одурение», которое «есть специфический продукт русской обанкротившейся школы»¹⁰.

Здесь Катков удивительным образом совпадает с теми обвинениями, которые в начале XX в. выскажет Розанов в адрес русской литературы и ее роли в деле уничтожения России: «...гибель от литературы, единственный во всей всемирной истории образ гибели, способ гибели, метод гибели»¹¹.

Но Катков этой гибели не застанет, он еще надеется, что с помощью реформ удастся изменить сложившуюся ситуацию. Поэтому он вдумчиво изучает европейский опыт и на его основании излагает основные положения об устройстве просветительной программы в России как единой системе: церковно-приходская школа – гимназия – университет. В результате подобного устройства образования через церковно-приходские школы в народе будет сохраняться живое религиозное чувство, через гимназии (разных степеней) общество будет приготавливаться либо к получению ремесленной профессии, либо к поступлению в университет и занятиям наукой. В 1868 г. Катков совместно с П.М. Леонтьевым основал в Москве Императорский лицей памяти Цесаревича Николая. Лицей был открыт на частные пожертвования, в том числе и на деньги, внесенные его основателями. Покровительствовал лицею будущий император Александр III. В основу образования в лицее было положено изучение древних языков. Так идеи Каткова получили сначала свое частное воплощение, а в 1872–1873 гг.

классические гимназии обрели государственный статус образовательных учреждений и стали повсеместно внедряться.

Хотя его статьи написаны в позапрошлом столетии, основные мысли не утратили, на мой взгляд, своей актуальности и в наши дни, когда российское образование в который раз подвергается реформе. В качестве примера. «Как у нас, так и в других странах масса учащихся не может или не хочет учиться долго. ...Гимназия ведет к высшему образованию, но сама она есть среднее учебное заведение и соответствует разным степеням общего образования средней руки. Ее восьмилетний курс распределяется также и в этом смысле, и отдельные части ее курса пользуются каждой своими правами. Четырехклассная прогимназия соответствует по возрасту учащихся и по степени образования городскому училищу; шестиклассник прогимназии – шестиклассному реальному училищу. ...Тысячи средних профессий нуждаются в людях грамотных и более или менее образованных. ...Не всем быть профессорами, судьями, учеными, врачами, не всем быть и министрами»¹². Катков предлагает вполне разумную систему подготовки к профессии, учитывающую способности ребенка, степень его стремления к знанию и глубине его постижения.

А сегодня в нашей стране по большей части хотят получить даже не образование, а диплом, свидетельствующий о его наличии. Хотя именно о знаниях современный диплом свидетельствует в наименьшей степени. Скорее о том, что данный человек пробыл в стенах того или иного учебного заведения пять лет. На смену порочной в своей идеологии советской системе образования пришла школа, идеологическую пустоту которой заполнили все виды внешнего проявления так называемой «свободы» (секс, курение, наркотики). В этом контексте знание утратило всякую ценность. Потому современному образованию требуется не реформа, а коренная переделка, но, конечно, вовсе не в том русле, которое навязывается обществу. Всеобщая компьютеризация образования никогда не приведет к развитию человеческой личности, разве что научит искусству «скачивания» нужной информации.

В этой ситуации идеи Каткова выглядят еще более притягательными в силу своей разумности и продуманности, опоры на человеческое «разнообразие», государственно и национально укрепленное. Основу образовательной программы Каткова составля-

ет государственный подход. Учащаяся молодежь должна быть образована таким образом, чтобы, развиваясь в личностном аспекте, способствовать процветанию науки. Он справедливо замечает, что обучение на любом уровне не может подчиняться сиюминутным надобностям только: «Педагогическое дело есть сияние, и жатва его восходит лишь по прошествии многих лет»¹³. Однако чтобы «жатва» состоялась, необходимо выстроить продуманную систему образования. В своих размышлениях Катков опирается на европейские традиции, которые устоялись, продемонстрировав хорошие итоги. В частности, он пишет: «В европейской системе образования университет занимает центральное место; но под университетской системой следует разуметь не только специальные факультеты, в которые принимаются молодые люди, достаточно зрелые и достаточно подготовленные, а также и те учебные заведения, где эти молодые люди с детских лет приготавляются к высшим специальным факультетским занятиям. ... Знания разветвляются в факультетах университета, а в гимназии совершается то воспитание ума, которое равно необходимо для всех специальностей»¹⁴. И основано это «воспитание ума» на знании языков, в первую очередь древних – греческого языка и латыни. Катков определяет их положение в учебном процессе словом «концентрация».

Как известно, в основе европейской и русской цивилизаций лежат традиции античного общества, которые усваивались этими цивилизациями, правда, по-разному: европейские языки сформировались на основе латыни, а русский язык – на основе византийских традиций греческого языка. Но латынь формировалась на основе греческого языка. Потому для легкого усвоения европейских и русского языков древние языки просто необходимы. Они суть основание языкового образования. Язык – ключ к пониманию других и родной культур, любых отраслей человеческого знания. Никто не строит дом с крыши, а изучать языки без их основания считается возможным.

Напомню, что до октябрьского переворота 1917 г. благодаря усилиям Каткова, которые нашли сочувствие в государстве, в России были введены классические гимназии, где изучение древних языков было обязательным элементом в процессе образования. На основе этих языков изучались современные европейские языки. Окончив гимназию и словесное отделение философского факуль-

тета Московского университета, тот же Катков отправляется в Германию, где слушает лекции по философии Шеллинга, которые, естественно, читались на немецком языке. В обычной гимназии в Ельце двое учителей – Первов и Розанов – переводят «Метафизику» Аристотеля. Этот перевод с примечаниями печатается в Журнале министерства народного просвещения.

Факты – невозможные в наше время. Нет у нашего министерства образования и науки (эта добавка в виде «и науки» весьма показательна!) таких журналов, где бы печатались подобные тексты, как нет и учителей, которые бы в свободное время занимались переводами философских сочинений; не всякий студент, окончив факультет иностранных языков, способен воспринимать философский текст на чужом языке, не зная философии и на родном. Иностранные языки в обычной школе и обычном вузе изучаются так, что никто из обучающихся их попросту не знает.

Как известно, изучение древних языков запретили большевики, изгнав их из школьного образования навсегда, позднее оставив в малом количестве на филологических факультетах столичных университетов. В конце концов классические отделения были восстановлены в столичных университетах, набор не превышал пяти-десяти человек. Как видим, древние языки были выброшены, якобы за ненадобностью. А на самом деле совсем по другой, сугубо идеологической причине.

Изучение древних языков (еврейского, греческого, латыни) не только «выстраивает» и упорядочивает умственную деятельность, но и открывает богатый мир иных культур. В результате в родном языке обнаруживаются «следы» этих культур, а на их фоне открывается своеобразие отечественного развития. Малообразованным большевикам знающие и думающие люди были не только не нужны, но и опасны. Потому древние языки изъяли из образования. Сравните с сегодняшней ситуацией: объем часов, выделяемых на изучение древних языков при получении филологического образования, столь незначителен, что в провинциальных вузах их не знает ни тот, кто их преподает, ни тот, кто их изучает.

Мне могут возразить, предъявив в качестве аргумента изменившийся мир. Обществу потребления нужны спорт, пища, одежда и развлечения, а вовсе не древние языки. Конечно, человеку все перечисленное необходимо, но жизнь не может быть сведена толь-

ко к необходимому. Иначе начнутся «окаянные дни». Вот характерный пример из «Окаянных дней» (1918–1920) лауреата Нобелевской премии Ивана Бунина: «...Все так плоско, лживо так явно, что не веришь ни единому слову... А на стенах возвания: “Граждане! Все к спорту!” Совершенно невероятно, а истинная правда. Почему к спорту? Откуда залетел в эти анафемские черепа еще спорт?»¹⁵. К слову, в современных вузовских программах физкультуре отдано столько аудиторных часов, сколько не имеет ни одна специальность.

Современная реформа в области образования губительна для образования в его подлинном смысле. Введение ЕГЭ под предлогом равных возможностей поступления в вузы страны ведет к тому, что получение знаний подменено (полностью!) подготовкой к сдаче пресловутого ЕГЭ. Система тестирования не требует от человека умения думать, приходить к каким-то собственным решениям, открытиям. Главное – встроиться в заданную кем-то схему. Потому и определение главных предметов пало на русский язык и математику. Министерству кажется, что эти области знания проще, чем иные могут быть схематизированы. Не берусь рассуждать на предмет математики, но язык – живой организм, русский язык – один из сложнейших в мире. Его схематизация неизбежно приведет к самым плачевным результатам, о которых уже сегодня свидетельствуют, например, предлагаемые нормы в области произношения. Упрощение языка есть свидетельство упрощения умственной деятельности тех, кто говорит на этом языке. Не удивлюсь, если через некоторое время нам предложат писать слово «корова» через «а» в первом слоге и ходить в «польтах» с «портфелями».

Но вернусь к Каткову, в частности, к его размышлениям об университетском образовании в статье «Университетский вопрос» (1884). По его справедливому утверждению, «цель университетской реформы одна: поднять дело науки и обучения»¹⁶. По этой причине из университета необходимо удалить все, что мешает *свободному* приобщению человека к научным знаниям. В частности, должны быть запрещены экзамены, которые, как правило, сводятся к постижению студентами объема знаний преподавателя. Лекционные курсы должны заменить семинарии, где под руководством профессора студенты выполняют самостоятельные научные рабо-

ты. Общение профессора со студентами есть совместный научный труд на пользу общества и государства. Потому университеты должны стать «рассадниками высших знаний», в пределах которых формируется думающая и потому свободная личность.

К сожалению, университетская реформа, которую предлагал Катков, только начала вводиться, когда ее верный «Санчо Панса» скончался. С его смертью реформа сошла на нет, так и не успев укрепиться. Зато связь эта свидетельствует о масштабности самой личности Каткова: он мог влиять на реальную жизнь общества, не только чутко улавливая ее боли и язвы, но и предлагая реальные способы их лечения.

К слову, российские вузы, в годы перестройки в мгновение ока превратившиеся в университеты и академии, ныне являются собой что угодно, но только «не рассадники высших знаний». А судя по внедряемым программам болонского бакалавриата и магистра (в народе эта система получила характерное прозвище – «болонка»), вузы таковыми и не станут. За всеми реформами в области образования недвусмысленно прочитывается одна простая мысль, которая скрывается под пышной риторикой «заботы» об улучшении образования: стране, добровольно ставшей сырьевым придатком, качественное образование просто не нужно. Ведь думающая личность способна распознать подлинные смыслы происходящих событий и адекватно к ним отнеслись.

О воспитании подобной личности заботился Катков: «Мы желаем, чтобы наши университеты давали нам людей поистине знающих и более или менее сильных в своей специальности, ибо *scientia est potencia*, между тем как наши противники клонятся к тому, чтобы из наших университетов выходили *хлыщи*, которыми, к истинному бедствию русского народа, не оберешься у нас»¹⁷. В словаре В.И. Даля слово «хлыщ» объясняется как «фат, франт, щеголь, повеса»¹⁸. Иными словами, кто угодно, но только не деятель, не личность. А по мысли Каткова, чтобы университеты выпускали людей знающих, необходимо в гимназическом курсе сосредоточиться (сконцентрироваться) на древних языках. Именно такого рода концентрации, по Каткову, составляет прочное основание для получения подлинного и успешного образования. Возможно, по этой причине статьи, написанные им в связи с рефор-

мированием образования в России, построены не без влияния традиций античной риторики.

Одно из основных правил риторики – требование ясности в изложении мысли и ее соответствия предмету. Обычно Катков сразу и безоговорочно заявляет свою позицию по обозначенной в названии проблеме. Так, статья «Значение концентрации» (1864) начинается с сообщения о полученном письме от неких лиц, просящих пояснить, «в силу чего изучение древних языков может иметь столь важное приписываемое ему действие на развитие и образование ума». За этим вопросом Катков угадывает сопротивление, потому он указывает на значимость живого опыта, который не может заменить никакая талантливая статья в журнале. Обладая «живым опытом», Катков подробно и убедительно излагает свои мысли. В результате им дается возможное решение этой проблемы.

Обращается Катков к теме не новой, в данном случае – образованию, давая этой теме в соответствии с правилами риторики новую трактовку. Вот, например, начало статьи «Возобновившаяся агитация против учебной программы» (1880): «Писарев, испортавший столько голов между мальчиками и девочками, изучавшими его обильные писания дома и в школе (в школе господствовала тогда русская словесность), был самый искренний изо всех проповедников нигилизма. “Когда взята школа, – писал он в 1865 г., – тогда победа упрочена, *таракан* *пойман*. Взять школу значит упрочить господство своей идеи над обществом”. Он надеялся тогда, что само начальство введет в школы “последовательный реализм” и даст “ дальнейшие предписания”. Надежды его не сбылись, начальство сменилось, последовательный реализм не последовал. Совершилась реформа нашей школы, самая существенная изо всех нынешнего царствования после отмены крепостного права. *Таракан* не был пойман, и русская наука была спасена»¹⁹. На значимость школьного образования Катков указывает, используя слова противника, что удваивает справедливость пристального внимания к реформам в области образования. В результате обращение, казалось бы, к частному факту позволяет автору прийти к аргументированным выводам.

Статьи Каткова отличает, подобно античным риторическим текстам, «стремление проникнуть в психологию явления и его генезис»²⁰, что сопровождается риторическими и нериторическими

вопросами, углубляется благодаря использованию элементов об разной стилистики. Словно следя античным риторикам, Катков стремится к той степени завершенности своей мысли, когда самая форма ее изложения может служить средством убеждения.

Вот финал статьи «Значение концентрации» (1864): «С чего началась история нашей новой литературы, с чего начался наш нынешний литературный язык? Кто дал нам грамматику нашего языка? Кто вышколил наш язык в строгом периоде? Кто дал нам русскую прозу и русский стих? Кто первый внес в нашу народность дух науки и коснулся рукою мастера почти всех специальных знаний своего времени, и физико-математических, и естественных, и филологических? Архангельский рыбак, воспитавшийся в греко-латинской школе. Вот с чего началась история русского образования на европейской почве; вот откуда пошла наша литература, наша наука! Мальчик, выхваченный судьбой из самой глубины русского народа и приведенный ею в Греко-латинское училище, вот кто первый у нас стал на почву европейской науки! Вот многознаменательный символ и пример, взятый из нашей собственной истории! Ломоносова одушевляла мысль:

*Что будет собственных Платонов
И быстрых разумом Ньютонов
Российская земля рождает.*

Увы, эта надежда, одушевлявшая Ломоносова, до сих пор сбывается плохо! Не потому ли это, что мы, погнавшись за европейской цивилизацией, потеряли ту почву, на которой только и возможно сравняться с Европой и на которой стоял наш крестьянин из Архангельска?»²¹.

Указывая на присутствие некоторых элементов античной стилистики в статьях Каткова, хочу напомнить, что в период эллинизма начальное образование получали в грамматической школе, а своеобразным университетом того времени была именно риторическая школа. В частности, об этом свидетельствуют сведения из жизни Плиния Младшего²².

Остается только с сожалением вздохнуть, что продуманная Катковым система образования, основанная на европейских традициях, оказалась невостребованной в России. Но деятельность Каткова как человека, оставившего труды, глубокий смысл кото-

рых не покрылся патиной времени, образный стиль не утратил своих эстетических достоинств, осталась в истории русской культуры. А выдвинутая им благородная задача образования – «воспитание ума» – рождает живое сочувствие во всяком думающем человеке.

¹ Толстой А.К. Баллада с тенденцией // Русский Вестник. – 1871. – Октябрь. – Т. 95. – С. 596–597. В письме к М.М. Стасюлевичу от 1 октября 1871 г. Толстой высказывает в адрес нигилизма резкое неприятие, усматривая в этом учении глубокую язву: «Отрицание религии, семейства, государства, собственности, искусства – это не только нечистота, – это чума... <...> Это какое-то идолище, сидящее в терему у Владимира и которому служат все без исключения, даже и не хотящие, а оно только раззевает рот и пожирает все, что ему несут...» (А.К. Толстой. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4 / Подгот. текста и примеч. И. Ямпольского. – М.: Художественная литература, 1964. – С. 376, 378). По пути замечу, что даже в последнем по времени издании стихотворений поэта приведенный текст так и не получил авторского названия, по-прежнему не дан (хотя бы в примечаниях) первоначальный текст «Баллады». Меж тем в аннотации к тому, который слово в слово повторяет соответствующий том из собрания сочинений поэта 1963–1964 гг., сообщается: «Том, подготовленный выдающимся российским филологом И.Г. Ямпольским незадолго до смерти, является **образцом** (выделено мной. – И. Е.) лучших традиций Библиотеки поэта» (А.К. Толстой. Полное собрание стихотворений и поэм. – СПб., 2006. – С. 719). Видимо, и более чем через 100 лет, и в условиях так называемой свободы слова авторский текст «Баллады с тенденцией» все еще застит глаз тем, кто по духу своему родные братья всем отечественным революционерам-нигилистам. И эта фраза на предмет образца лучших традиций серии, основанной в 1931 г. пролетарским писателем Горьким, образцовым «совписом» (термин Войновича), свидетельствует все о той же кровной связи. Потому А.К. Толстого надо читать по тем изданиям, которых не коснулась традиция поступать с авторским текстом так, как идеология велит или не велит.

² Анненков П.В. Литературные воспоминания / Вступ. статья В.И. Кулешова; comment. А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной и др. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 176.

³ <С.> Катков и Белинский (1837–1840) // Русский Вестник. – Т. 196. – 1888. – Июнь. – С. 16–54; Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818–1856). – М.: АПК ППРО, 2008. – С. 28–69.

⁴ Мещерский Н., князь. Воспоминания о М.Н. Каткове. (Письма в Тверитино) // Русский Вестник. Т. 250. Год изд. 42-й. 1897. Август. – М., 1897. – С. 41.

⁵ О том, как близкие Каткову по взглядам современники оценивали его деятельность на ниве просвещения см.: Грингмут В.А. Заслуги М.Н. Каткова по

- просвещению России // Русский Вестник. Т. 250. Год изд. 42-й. 1897. Август. – М., 1897. – С. 81–100.
- ⁶ Грингумт В.А. Заслуги М.Н. Каткова по просвещению России. – С. 92.
- ⁷ Катков М.Н. Значение классической школы как общеобразовательной // Катков Н.М. Идеология охранительства / Составл., предисл. и comment. Ю.В. Климакова; Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 480.
- ⁸ Катков М.Н. Значение классической школы как общеобразовательной // Московские Ведомости. 1864. № 205; Катков М.Н. Концентрация гимназии не может быть ни на каком предмете, кроме древних языков // Московские Ведомости. 1864. № 238. Под названием «Значение концентрации» опубликована в кн.: Катков М.Н. Наша учебная реформа. – М., 1890. – С. 17–36; Катков М.Н. О пропорциональном отношении объема основных предметов правильной школы к объему предметов неосновных // Московские Ведомости. 1865. № 273; Катков М.Н. Свод существенных черт настоящей классической школы. Перед рассмотрением проекта нового устава гимназий в Общем собрании Государственного совета // Московские Ведомости. 1871. № 99; Катков М.Н. Обозрение всего пути возрождения русских гимназий. По Высочайшем утверждении устава гимназий 1871 г. // Московские Ведомости. 1871. № 144; Катков М.Н. Наглядное разъяснение полной концентрации в классической школе // Московские Ведомости. 1871. № 156; Катков М.Н. Психическая болезненность молодого поколения образованных классов // Московские Ведомости. 1871. № 260; Катков М.Н. Возобновившаяся агитация против учебной реформы // Московские Ведомости. 1880. № 36; Катков М.Н. Постом и молитвой искупим нашу вину по отношению к воспитанию настоящего поколения // Московские Ведомости. 1881. № 69; Катков М.Н. О необходимости изменения университетских экзаменов // Московские Ведомости. 1881. № 109; Катков М.Н. Ключ предстоящей реформы университета // Московские ведомости. 1882. № 220; Катков М.Н. Церковь и народная школа // Московские Ведомости. 1882. № 290; Катков М.Н. Университетский вопрос // Московские Ведомости. 1884. № 178; Катков М.Н. Церковно-приходские школы // Московские Ведомости. 1884. № 347.
- ⁹ Розанов В.В. Сочинения / Сост., подгот. текста и comment. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской; вступ. статья А.Л. Налепина. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 463. На предмет отношения Розанова к Каткову см.: Николюкин А.Н. В.В. Розанов о Каткове / Катковский вестник: Религиозно-философские чтения: К 190-летию со дня рождения М.Н. Каткова. – М.: Прогресс-Плеяда, 2008. – С. 38–45.
- ¹⁰ Катков М.Н. Возобновившаяся агитация против учебной реформы // Катков М.Н. Идеология охранительства / Сост., предисл. и comment. Ю.В. Климакова; Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 509. Другим источником нигилизма Катков считал духовное сословие. Так, в статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» он пишет: «...Белое духовенство стало у нас сословием униженным, стесненным в своей дея-

тельности и лишенным всякого значения в деле общественного развития. <...> Общественное тело в своих отщепенцах может стать обильным источником злобных отрицаний того самого начала, чье имя оно носит» / Катков М.Н. Идеология охранительства. – С. 662, 663.

- ¹¹ Розанов В.В. Сочинения / Сост., подгот. текста и comment. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской; Вступ. статья А.Л. Налепина. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 463.
- ¹² Катков М.Н. Возобновившаяся агитация против учебной реформы. – С. 512, 513.
- ¹³ Катков Н.М. Значение классической школы как общеобразовательной // Катков Н.М. Империя и крамола / Сост. и вступ. статья М.Б. Смолина. – М.: Издательство «ФондИВ», 2007. – С. 68.
- ¹⁴ Там же. – С. 69. О справедливости утверждений Каткова свидетельствует, например, признание академика С.С. Аверинцева о решающей роли в его судьбе обучение в школе, где преподавали латинский язык.
- ¹⁵ Бунин И.А. Окайянные дни. Воспроизведено по изд.: Собрание сочинений И.А. Бунина, т. 10, «Петрополис», Берлин, 1935 г. Репринтное издание. – М.: Сов. писатель, 1990. – С. 58. Кстати, Катков считал, что занятия физической культурой должны быть обязательными в процессе образования, занимая при этом соответствующее место, никоим образом не утесняя предметов, способствующих «воспитанию ума».
- ¹⁶ Катков М.Н. Ключ предстоящей реформы университетов // Катков М.Н. Идеология охранительства / Сост., предисл. и comment. Ю.В. Климанова; Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 466.
- ¹⁷ Катков М.Н. Университетский вопрос / Катков М.Н. Идеология охранительства. – С. 473.
- ¹⁸ Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринт. воспроизв. издания 1903–1909 гг., осуществленного под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Изд. группа «Прогресс»; «Универс», 1994. – Ст. 1194–1195.
- ¹⁹ Катков М.Н. Возобновившаяся агитация против учебной реформы / Катков М.Н. Идеология охранительства. – С. 500. В цитате курсив принадлежит Каткову.
- ²⁰ Меликова-Толстая С. Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля (антология текстов) / Под общ. ред. О.М. Фрейденберг. – СПб.: Алетейя, 1996. – С. 174.
- ²¹ Катков М.Н. Значение концентрации / Катков М.Н. Идеология охранительства. – С. 499–500.
- ²² См. статью М.Е. Сергиенко в кн.: Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Изд. подгот. М.Е. Сергиенко, А.И. Доватур. – М.: Наука, 1982. – С. 275.

А.О. Крылов

СВ. ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ И КОНЦЕПЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ У КАТКОВА

Аннотация

Катков отмечал особую «жизненность» языка св. Димитрия Ростовского, выделяя его среди русских авторов XVII в. В статье говорится о месте, которое св. Димитрий и его произведения занимали в культурной жизни России рубежа XVII–XVIII вв., и о том, как процесс конфессионализации и те цели, которые онставил перед Русской церковью, определили выбор св. Димитрием простого «жизненного» литературного языка для своих произведений.

Ключевые слова: Димитрий Ростовский, конфессионализация, история культуры.

Krylov A.O. St. Dimitriy Rostovsky and the Katkov's concept of old Russian literature

Summary. Katkov pointed a specific «livefullness» of st. Dimitriy Rostovsky's language, and distinguished him from other Russian authors of 17th century. Article shows the place of st. Dmitry in cultural life of Russia late 17th – early 18th centuries and how did the process of confessionalisation of Russian society determined st. Dimitry's choice for simple and «livefull» language for his works.

«Особенно приятен, правилен, свеж и проникнут какой-то жизненностию язык Димитрия Ростовского. Хотя его язык и есть церковнославянский, но церковнославянский в новом виде, освобожденный, однако ж, от малороссийской и польской примеси. Он производит на читателя особенного рода впечатление: он как будто покрыт тонкою, прозрачною плеовою, сквозь которую, хотя и тускло, виднеются уже переливы живой русской речи», – так писал М.Н. Катков, излагая свою концепцию истории русской литературы, в отзыве на сочинение М. Максимовича: «История древнерусской литературы». Святитель Димитрий Ростовский –

единственный писатель XVI–XVII вв., на творчестве которого М.Н. Катков, рассуждая о развитии русского литературного языка, останавливается особо. В нашем докладе мы попытаемся показать, насколько оправданным было такое внимание литератора к святителю Димитрию.

Митрополит Димитрий Туптало был уникальной фигурой церковной жизни России рубежа XVII–XVIII вв. Окончив Киево-Могилянскую коллегию, Димитрий в 1668 г. принял монашеский постриг. Тем самым он связал свою жизнь с Малороссийской церковью, обращаясь в кругу таких выдающихся богословов и проповедников, как Варлаам Ясинский, Иннокентий Гизель, Иоанн Максимович, Иоанникий Галятовский, Лазарь Баранович, Мелетий Дзик. Способности молодого монаха не оставались незамеченными. В 1675 г. после своего рукоположения в иеромонахи черниговским архиепископом Лазарем Барановичем Димитрий был оставлен в Чернигове проповедником. В 1677–1678 гг. он совершает поездки в литовские монастыри, посещает Вильно и Слуцк, где монахам так пришлись по сердцу его проповеди, что они долго не желали его отпускать, несмотря на настойчивые требования священноначалия из Чернигова². Вернувшись из Литвы, Димитрий становится проповедником в Никольском Батуриńskом монастыре³. В 1684 г. Димитрий был назначен казнодеем, т.е. проповедником Киево-Печерской лавры⁴. На этом посту он произносит многочисленные проповеди на самые разные темы, которые позже издаются в печатном виде. Во многом благодаря своему красноречию Димитрий получает широкую известность как талантливый и высокообразованный проповедник. Поэтому, когда в 1700 г. царь обратился с просьбой к киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому прислать для поставления в сибирские митрополиты игумена или архимандрита, способного организовать масштабную миссионерскую работу⁵, кандидатуру Димитрия сочли самой подходящей. Однако обстоятельства сложились так, что в Тобольск Димитрий не поехал, а в 1701 г., после года, проведенного в столице, он был рукоположен в митрополиты Ростовские. За восемь лет своего последующего служения в Ростове митр. Димитрий много раз произносил проповеди, расходившиеся позднее в списках.

Однако Димитрий Туптало был известен не только как проповедник, но и как талантливый литератор. Первым его литературным произведением стало «Руно Орошенное», написанное в 1675 г. и посвященное чудесам, происходившим от икон Божией Матери. Став митрополитом, свт. Димитрий не только не оставил своих литературных трудов, но, наоборот, стал придавать им особое значение. В 1708 г. он писал: «Моему сану, его же несть достоин, надлежит слово Божие проповедовати не точию языком, но и пишещею рукой»⁶. Из-под пера владыки Димитрия в это время выходят многообразные сочинения самых различных жанров: наставления пастырям и драмы для учеников Ростовской школы, краткие изложения основ веры и духовные стихи-канты. Однако главным трудом всей своей жизни митр. Димитрия Ростовского было написание сборника Житий святых, Четий-Миней. Осуществление этого колоссального труда было поручено Димитрию самим киевским митрополитом Варлаамом Ясинским в 1684 г.

Работа Димитрия Туптало заняла 20 лет, с 1684 по 1705 гг. Важнейшей чертой труда митр. Димитрия было стремление автора изложить конкретные исторические факты жизни святых, подвергнув их литературной обработке. Димитрий обращался непосредственно к греческим, латинским и славянским источникам. При этом греческая агиография использовалась по латинским переводам из западных агиографических сборников. Таким образом, Димитрий привлек все доступные славянские и латинские источники, однако приоритет отдавался Великим Четьям-Минеям, составленным московским митрополитом Макарием в сер. XVI в. Разнообразнейшие сведения были сопоставлены друг с другом и обработаны таким образом, что о каждом святом, упомянутом в месяцеслове, был написан краткий рассказ, имевший, помимо исторических фактов, еще и нравоучительное содержание. Новым был и способ изложения Димитрия: «Его задача состояла в том, чтобы передать по возможности всю историю жизни святого, в её подвигах и деяниях, но передать просто, без лишних слов и стилистических украшений». Это требовало от автора высокого литературного мастерства.

Труд, затраченный на подготовку Четий-Миней, не пропал даром. Православные России с нетерпением ожидали издания каждого тома Четий-Миней. Работа над подготовкой второго из-

дания Четый-Миней началась сразу же после окончания работы над первым, что свидетельствовало о необычайной востребованности книг. Такой интерес к Четырям-Минеям был вызван целым рядом факторов. Во-первых, самые широкие круги православного населения России – миряне, священники, монашествующие – нуждались в доступном и написанном на понятном языке сборнике жизнеописаний святых, т.е. конкретных примеров того, как должен жить христианин, чтобы достичь цели своего земного существования – святости. Во-вторых, церквям и монастырям требовалась книга, в которой были бы помещены богослужебные тексты, посвященные каждому святому из месяцеслова. В-третьих, для полемики с католиками и униатами был нужен сборник Житий Святых, который бы был независим от католической литературы и демонстрировал богатую историю святости православной церкви после XI в. и ее преемственность с древней церковью.

Написание Четый-Миней, сочинения, которое бы стало своего рода компедиумом примеров благочестивой жизни для православных христиан, требовало огромной работы. И здесь сил одного Димитрия не хватало. На Украине Димитрий мог пользоваться поддержкой киевских коллег, среди которых были такие эрудиты, как митр. Варлаам Ясинский. Но из Ростова эти связи поддерживать было крайне проблематично, и свт. Димитрий, волей-неволей, был вынужден вращаться в великорусской интеллектуальной среде.

Казалось бы, «для Московской Руси и сам Святитель, урожденный малороссиянин, воспитанник Киево-Могилянской коллегии, деятельно проживший в “русском Париже” и окрестных монастырях почти всю свою жизнь, является “иноzemцем” и “западником”». Однако Димитрий Ростовский вовсе не чувствовал себя чужим в культурной среде Великороссии. От Ростовского периода жизни святителя Димитрия сохранилась обширная переписка его с людьми, принадлежавшими к московской культурной традиции⁷.

Среди них важнейшим адресатом свт. Димитрия Ростовского был иеромонах Чудовского монастыря Феолог. Известно более 30 писем Дмитрия, обращенных к нему. Переписка началась в 1697 г. по инициативе Феолога и продолжалась до самой смерти свт. Димитрия. Между тем в письмах, адресованных Феологу, Ди-

митрий постоянно упоминает еще несколько лиц. Фактически письма, адресованные лично к Феологу, обращены также и к определенному дружескому кружку, членом которого являлся Феолог. Другими членами этого кружка были Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, Карион Истомин Заулонский, иеромонах Иосаф Колдычевский, иеромонах Иосиф Булгаков и некий Стефан Васильевич. Тесно связанные с Московским Печатным двором, эти люди находились в центре культурной жизни России того времени. Карион Истомин был не только образованнейшим человеком, но и обладал обширнейшими связями в церковной и придворной среде, знал проблемы и нужды великорусской церкви. Феодор Поликарпов последовательно руководил Славяно-греко-латинской академией и Московским Печатным двором, основными интеллектуальными центрами великорусской церкви. Наконец, Феолог был не только личным другом Димитрия, но и, как монах Чудовского монастыря, наследником многолетней книжно-богословской традиции, заложенной еще при патриархе Никоне многоуученым Епифанием Славинецким⁸.

Однако и в Ростове свт. Димитрий имел возможность общаться с одним из своих ученых соотечественников, а именно местоблюстителем патриаршего престола, митрополитом Стефаном Яворским. Несмотря на разницу в возрасте, Стефан был одним из ближайших друзей Димитрия Ростовского. Для Ростовского митрополита он был ближайшим представителем той киево-могилянской традиции, с которой Димитрий был так тесно связан. В отличие от Димитрия, Стефан, после трехлетнего обучения в Киево-Могилянской коллегии, по рекомендации Варлаама Ясинского в течение пяти лет продолжал свое образование в католических учебных заведениях Речи Посполитой, а после возвращения почти десять лет преподавал в Коллегии. Стефан Яворский был по своему складу человеком книжным и весьма тяготился многочисленными административными обязанностями. Мечтой его было вернуться в Киев, по его словам: «Ради отдыха и спокойной жизни, в которой бы я мог оставить потомству какое-нибудь произведение своего умишка»⁹. Сожалея об отсутствии возможности реализовать свои знания и способности, Стефан Яворский был рад оказать помощь своему старшему товарищу. Как он писал в письме Димитрию о книжных трудах последнего: «Мы смотрим на это

не без зависти, в этом случае позволительной»¹⁰. Так, именно при посредничестве Стефана Яворского Димитрий получил возможность заказывать интересовавшую его европейскую литературу у архангельского книготорговца Исаака Вандербурга¹¹. Однако, зная о многочисленных трудах Стефана, Димитрий обращался к нему нечасто, лишь по наиболее важным вопросам, требовавшим совета и консультации одного из наиболее образованных богословов России.

Переписка свт. Димитрия может рассказать нам многое о культурном облике Ростовского святителя. Особо интересно сравнение писем к москвичу Феологу и киевлянину Стефану Яворскому. Прежде всего бросается в глаза то, как сильно изменяются язык и стиль свт. Димитрия в зависимости от того, к кому он адресует свое послание.

Письма к Стефану Яворскому написаны на той «смеси», которую М.Н. Катков характеризовал как «плест्रую, неживую, неорганическую»¹². Это язык ученого человека эпохи Барокко. Он наполнен не только латынью, которая иногда составляет чуть ли не половину текста, но и стилистическими украшениями, перефразами и метафорами, отсылками не только к Священному Писанию и святым отцам, но и к античным классикам и католическим богословиям Нового времени. Это язык эрудита, живущего в восточноевропейской барочной культуре. В переписке с Феологом стиль святителя значительно менее формален, «украшения» уходят на второй план. Здесь мы видим скорее непринужденный разговор двух близких друзей.

Письма Феологу и Стефану Яворскому написаны в одно и то же время, часто посвящены одним и тем же вопросам, например – написанию Летописи Келейного, задуманного владыкой Димитрием как сочетание краткого изложения Священной истории с поучениями¹³. Поэтому нельзя говорить о неком изменении языка свт. Димитрия со временем. До конца своих дней митр. Димитрий принадлежал ученой культуре латинской Европы, его библиотека, по замечанию о. Георгия Флоровского, есть «типический подбор книг латинского эрудита того времени»¹⁴. Та «жизненность» языка произведений свт. Димитрия, которая восхитила М.Н. Каткова, есть результат намеренного выбора, отказа от «ученого» стиля в пользу языка, доступного для любого грамотного православного.

Причем использование чистого и правильного церковнославянского языка было также обусловлено ориентацией на максимально широкую читательскую аудиторию: Четыи-Минеи свт. Димитрия читались не только в Восточной Европе, но и на православных Балканах¹⁵.

Выбор в пользу «жизненности» и доступности для простого читателя не был случаен. Он становится понятен, если принять во внимание то обстоятельство, что деятельность свт. Димитрия была во много обусловлена процессом конфессионализации, затронувшим православные общества в XVII – начале XVIII в.

Концепция конфессионализации появилась в мировой исторической науке в 1980-е годы благодаря работам немецких ученых Вольфганга Рейнгарда и Хайнца Шиллинга¹⁶. Их подход сводился к тому, что поскольку в Европе позднего Средневековья и раннего Нового времени религия была тесно связана с политикой, а церковь – с государством, то разделения и конфликты христианских конфессий второй половины XVI–XVII вв. затрагивали не только сферу религии, но и общественно-политическую систему в целом. Эта совокупность взаимосвязанных религиозных, политических, социальных изменений, приведших к политico-религиозной интеграции общества и реализации на практике принципа: «Чья власть, того и вера», получила название «конфессионализация». Краеугольным камнем конфессионализации было установление «чистой, истиной доктрины» и ее формулирование в письменном исповедании веры или катехизисе. Это позволяло четко различать конфессиональные церкви одну от другой и устраниять возможные непонимания. Церковь, поддерживаемая государственной властью, осуществляла целый ряд мер, направленных как на регулирование религиозности верующих внутри конфессии, так и на укрепление позиций своей конфессии в противостоянии с другими. Установление и введение новых религиозных норм в повседневную жизнь осуществлялось различными путями, прежде всего – через образование, но также и через катехизацию, проповеди, паломничества и т.д.

Особое значение при этом приобретала многочисленная церковная литература, предназначенная для клира и мирян, например книги о благочестивой жизни, проповеди, поучительные драмы, сборники песнопений, в том числе и жития святых¹⁷. По-

скольку значительные усилия направлялись теперь на то, чтобы донести вероучение до простого прихожанина, то проповеди и литературные произведения должны были быть изложены на языке, доступном их потенциальному читателю или слушателю. Кроме того, в языке могла проявляться и конфессиональная специфика, которая особо подчеркивалась в ходе конфессионализации. Так, католики часто называли своих детей в честь святых, но это было прямо запрещено в кальвинистской Женеве. Для православной церкви в славянских странах церковнославянский язык имел особое значение, будучи языком конфессиональной идентичности.

Подведем итоги. «Жизненность» языка произведений свт. Димитрия Ростовского не была обусловлена чуждостью для Святителя того «ученого» языка, который, по мнению Каткова, «представлял пеструю, неживую, неорганическую смесь»¹⁸. Простота и ясность литературного языка Димитрия Ростовского были обусловлены теми задачами, которыеставил перед собой святитель: сделать свои творения доступными для широкого круга читателей из разных слоев общества. В этом одно из главных достоинств свт. Димитрия как литератора, во многом благодаря которому его творения пользовались неизменным успехом как у современников, так и у потомков. «Церковнославянский в новом виде»²⁰ Димитрия Ростовского стал не только результатом развития русской литературы, но и был вызван процессом конфессионализации российского общества на рубеже XVII–XVIII вв.

¹ Катков М.Н. Собрание сочинений. – М., 2010. – Т. 1. – С. 90–91.

² Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). – СПб., 1891. – С. 28.

³ Шляпкин И.А. Указ. соч. – С. 18–38.

⁴ Там же. – С. 43–44.

⁵ Шляпкин И.А. Указ. соч. – С. 274–275.

⁶ Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. – М., 2005. – С. 167.

⁷ Федотова М.А. Указ. соч.

⁸ См.: Алексеев М.П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. Сб. статей. IV Международный съезд славистов. – М., 1958. – С. 275–336.

⁹ Федотова М.А. Указ. соч. – С. 252.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. – С. 170–171.
- ¹² Катков М.Н. Указ. соч. – С. 190.
- ¹³ Ср.: Федотова М.А. Указ. соч. – С. 132–136; 89–90.
- ¹⁴ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – М., 2009. – С. 78.
- ¹⁵ См.: Православная энциклопедия Т. XV. – М., 2007. – С. 17–18.
- ¹⁶ См.: Wolfgang Reinhard W. Reformation Counter-Reformation and the Early Modern State. A reassessment // Catholic Historical Review. – 1989. N 7. – P. 383–404; Schilling H. The Second Reformation – Problems and Issues // Religion, Politica, Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in Germany and Dutch History. – Leiden, Brill. 1992. – P. 247–301.
- ¹⁷ Schilling H. Confessional Europe // Handbook of European History 1400–1600, ed. T.A. Brady, H.A. Oberman and J.D. Tracey. – Leiden, 1995. – P. 653.
- ¹⁸ Катков М.Н. Указ. соч. – С. 190.
- ¹⁹ Там же.

В.Б. Трофимова

М.О. МЕНЬШИКОВ О КАТКОВЕ

Аннотация

В статье проанализированы суждения о Каткове известного отечественного публициста М.О. Меньшикова. Размышления о судьбе Каткова, его служении России были тесно связаны с разработкой очень важного для Меньшикова вопроса о судьбах консерватизма и либерализма в России, точках соприкосновения славянофильства и западничества. Меньшиков считал Каткова идеологом возрождения русского национального самосознания, одной из заслуг журналистской деятельности которого было открытое противодействие разрушительной активности лидеров радикальной интеллигенции, ведущей Россию к политическому террору и революции.

Ключевые слова: политическая публицистика, журналистика, консерватизм, либерализм, свобода печати.

Trofimova V.B. M.O. Menshikov about Katkov

Summary. The article deals with the famous Russian publicist M.O. Menshikov's opinion about Katkov whom he considered to be the ideologist of revival of the Russian national consciousness and with whom he shared almost the same political views.

«Четверть века назад, в день Ильи-пророка, Россия потеряла своего писателя-громовержца – Михаила Никифоровича Каткова. Вместе с раннею смертью Достоевского, Скобелева, Тургенева и Аксакова эта смерть была одним из ударов, обессиливших тогда царствование императора Александра III, как бы обездушивших Россию. Если национальное самосознание наше, одержав победу над смутой 1881 г., не в силах было справиться с затухлою бюрократией и ввести полное оздоровление в русское общество, то это следует приписать отчасти тому длинному ряду потерь, которые

пережила тогда Россия. Столь мужественные и сильные голоса, каковы Достоевский, Катков, Аксаков, Леонтьев, Гиляров-Платонов, с их обширным влиянием на современную мысль, никем не были заменены, и вот уже через немного лет общество вновь склонилось к революции и докатилось до 1905 года... Из пробудителей народного духа в обществе наибольшим могуществом тогда обладал Катков»¹. Так оценивал масштаб личности М.Н. Каткова, значимость его работы на благо России известный русский политический писатель М.О. Меньшиков (1856–1918) в статье с красноречивым названием «Памяти великого гражданина» (1912). Эта статья написана к 25-летию со дня кончины Каткова и посвящена жизни и творчеству знаменитого редактора «Московских ведомостей». Меньшиков не раз упоминал о Каткове и в других статьях, посвященных различным общественным вопросам и значимым персонам (например, «Знание и понимание» (1908), «Он – не ваш» [к 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя] (1909), «Памяти Ф.М. Достоевского» (1911), «Кого хоронит Россия» [отклики на кончину А.С. Суворина] (1912), опубликованных в сборниках статей М.О. Меньшикова «Выше свободы: Статьи о России» (М., 1998) и «Письма к русской нации» (М., 2005)). Размышления о судьбе Каткова, его служении России были тесно связаны с разработкой очень важного для всего творчества Меньшикова вопроса о судьбах консерватизма и либерализма в России, точках соприкосновения славянофильства и западничества. По политическим убеждениям Меньшиков был умеренным консерватором, государственником, сторонником ограниченной парламентом монархии. В русском парламенте Михаил Осипович являлся сторонником партий правого центра, которые он предлагал объединить на основе национальной идеи, создав великорусскую партию умеренно правого направления, способную остановить в России революционную смуту, поддержанную инородческими элементами. Меньшиков стал одним из идеологов и создателей Всероссийского национального союза (1908). Меньшиков считал Каткова идеологом возрождения русского национального самосознания, одним из наиболее образованных людей своего времени, во всей полноте воспринявшим и творчески переработавшим общественно-философские учения европейских мыслителей. В статье «Памяти великого гражданина» Михаил Осипович не только опроверг представ-

ления о Каткове как о полуобразованном реакционере, но и прямо сказал, кому и почему было выгодно создать искаженные представления о Каткове. По мнению Меньшикова, именно «инородческая» печать в России внедрила в сознание русского общества представление о Каткове как об «апостоле застоя»: «Благодаря возобладанию у нас инородческой печати, в нашей полуобразованной публике укоренилось представление о Каткове как о каком-то реакционере, мракобесе, апостоле застоя и т.п. Точно репейником поля – клеветой и ложью поросло русское общественное сознание. Если предки народов когда-то “избивали” своих пророков, то и потомство их не отличается большей благодарностью. Катков – представитель застоя! Но забывают, что Катков из незнатной и очень бедной семьи, добыл себе еще в ранней юности самое широкое европейское образование. Уже в университете он выдвинулся блестящими способностями. Еще студентом он принадлежал к знаменитому кружку Станкевича, который можно назвать у нас единственной философской школой, наподобие древних школ Эллады. Кроме удивительного Станкевича, память о котором спасена главным образом Добролюбовым, к этому кружку принадлежали такие выдающиеся таланты, каковы Белинский, Аксаковы, Кавелин, Грановский, Герцен, Тургенев и др. В ближайшем общении с философской литературой Запада эта дружина пламенных и чистых душ создавала новое сознание общества, организовала как бы новую общественную совесть. Бесконечные споры и одушевленные беседы тогдашней московской молодежи были, может быть, высшим расцветом нашей истории. Для поставленных тогда идеалов нации стоило родиться, стоило существовать. Если Катков впоследствии разошелся, и подобно Достоевскому – с большой резкостью, с членами станкевичского кружка, зато он мог сказать, что всех их хорошо знал еще в их зачатии, всех изучил в натуре. По таланту и образованию Катков был не в хвосте кружка, а по характеру превосходил многих товарищей. Он не довольствовался, как Белинский, “схватыванием” философских тезисов из устной передачи более просвещенных приятелей. Он сам был “более просвещенным”, углубляясь в первоисточники тогдашней философии»².

Так, первоисточники немецкой философии Катков изучал в Берлине. Один из первых русских пропагандистов идей Шеллинга,

профессор Московского университета М.Г. Павлов сумел увлечь Каткова еще не известными в русских научных кругах идеями этого немецкого философа-идеалиста. В статье Меньшиков напомнил факт из биографии Каткова, что он двадцатилетним юношей после окончания Московского университета поехал в Берлинский университет слушать лекции Шеллинга. Восприятие в юности идеалистических философских идей из уст самого автора не только образовало неординарный ум Каткова, но и способствовало его духовному развитию, которое во многом определило характер его творчества: «Тот восторг, которым пленены были наши юные философы, слушая великого мудреца, вероятно, наложил печать на весь их духовный облик – и на всю жизнь. Общение с настоящим великим духом подобно целебной воде источника: как эта вода, прошедшая земные слои, насыщена особым электричеством, возбуждающим жизнь, так гениальная мысль, бьющая из недр природы, – на все сколько-нибудь одаренные души ее влияние неисследимо-благотворно. Мог ли Катков, вышедший восторженным поклонником “системы трансцендентального идеализма”, оказаться впоследствии ретроградом и сикофантом, как его честили врачи? Пребывание в Берлинском университете, у самых истоков европейского просвещения, раскрыло Каткову легкомыслie нашей заимствованной, за все цепляющейся, быстро схватывающей и все растеривающей образованности»³.

Меньшиков не сомневался, что образованность, «трезвый ум» и невероятная трудоспособность позволили бы Каткову сделать блестящую научную карьеру, руководя кафедрой философии в Московском университете. Однако в 1850 г. бюрократия, ведающая университетским образованием, решила передать преподавание философии богословам, чем, по мнению многих ученых и публицистов, в том числе и Меньшикова, нанесла удар только еще формирующейся русской философии. Профессору философии Каткову это обстоятельство помешало сделать научную карьеру, но, по мнению Меньшикова, сохранило в Михаиле Никифоровиче, который был назначен редактором университетской газеты, «более великое дарование»; с этого назначения началась журналистская деятельность Каткова. В годы жестокого гнета цензуры Катков создавал русскую независимую политическую публистику. Меньшиков отмечал: «Под чудовищным гнетом тогдашней бюро-

кратии ежедневная печать была невозможна. Была возможной так называемая “литература”, крупные ежемесячники, где за ширмами поэзии, беллетристики, художественной критики, эстетики и т.п. могла прятаться и довольно громко говорить самая необходимая по тому времени мысль общества – политическая публицистика. При тяжком цензурном гнете тогда стоял расцвет нигилистического радикализма; старый друг Каткова, Белинский, создатель либерально-разночинной интеллигенции, уже отгремел, но он оставил школу еще более обличительную, чем был сам. Иные друзья Каткова, как Герцен и Бакунин, резко ударились в разрушение. Катков был гораздо более уравновешен. Он сумел вместить в себе и западничество, и славянофильство в здравом синтезе национализма. В противовес надвигавшейся смуте Катков основал “Русский вестник”, но для этого потребовалась протекция товарища министра просвещения, поэта кн. Вяземского⁴. Меньшиков напоминал имена писателей и ученых, которые сотрудничали в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» якобы «ретрограда» и «мракобеса» Каткова. Среди них были отец и сыновья Аксаковы, А.А. Григорьев, И.А. Gonчаров, Ф.И. Буслаев, К.Д. Кавелин, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, Я.П. Полонский, А.А. Потехин, С.М. Соловьев, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.К. Толстой.

По словам Меньшикова, одна из заслуг журналистской деятельности Каткова состояла в активном противодействии разрушительной деятельности лидеров радикальной интеллигенции, ведущей Россию к политическому террору и революции. В статье «Памяти Ф.М. Достоевского» (1911) Меньшиков поставил рядом имена Каткова и Достоевского как единомышленников, которые противопоставили революции и нигилизму христианское и национальное: «Но, несмотря на неслыханную в истории лютость этой кучки злодеев, достаточно было побывать на похоронах Достоевского, чтобы убедиться, что тогдашней революции наступал конец. Она тогда еще не поставила своей кровавой точки, но психологически была подорвана – и главным образом благодаря Достоевскому. Разве не он гремел тогда против нигилизма, разве не он звал к новому высокому настроению, христианскому и национальному? Правда, он был не совсем одинок. Бок о бок с ним сражались единомышленные ему и одушевляемые им таланты – Писем-

ский, Лесков, Аксаков, Катков, но он возвышался между ними, как Аарат, и все поглядывали на него, как на свою вершину»⁵.

В статье «Памяти великого гражданина» Меньшиков писал, что Катков противопоставил русскому радикализму созданную им «национальную литературу, верную духу народному, и это ему в значительной степени удалось. Пользуясь дремотой тогдашней власти, журналистика конца 1850-х годов явочным порядком за- воевала себе право обсуждать государственные вопросы, и в числе первых пионеров в этом направлении был Катков: “ретроград” и будто бы “крепостник”, Катков еще за три года до отмены крепостного права объявил себя горячим сторонником английского, т.е. парламентского, строя жизни. <...> К глубокому сожалению, проповедованный публицист наш был головой выше и правой и левой половин общества. Он был гораздо выше тогдашних революционеров и анархистов вроде Герцена и Бакунина, гораздо трезвее их понимал действительность и человеческую природу, – но он же неизмеримо выдавался и над тогдашнею бюрократией, эгоистически отстаивавшей свою канцелярски-полицейскую власть. Все тогда ждали государственного перерождения, но немногие вместе с Катковым были способны понять, что такое истинный либерализм и истинный консерватизм»⁶.

Суть успешной борьбы Каткова против радикального направления заключалась, по словам Меньшикова, именно в ясном понимании Катковым природы истинного либерализма и истинного консерватизма, органическом их соединении в его мировоззрении. Изучая природу консерватизма и либерализма, видя в этих направлениях две стороны одного предмета, Меньшиков, являвшийся сторонником английского парламентаризма, считал, что Катков как поклонник английского политического порядка и законодательной системы одним из первых выступил на публицистическом поприще как свободный гражданин, отстаивавший свободу слова перед властью и бюрократией: «Поклонник Англии, Катков именно в ней видел живое воплощение обоих начал – разных, но нераздельных, одинаково законных, одинаково необходимых, как внешняя и внутренняя сторона того же предмета. Все вечно истинное должно быть осуществлено – вот основание либерализма. Все вечно истинное должно быть сохранено – вот основание консерватизма. Катков застал Россию в глубоком извращении обоих

начал. Свобода, основное условие органического роста, была раздавлена чиновничеством, захватившим власть. Охранялись же рабские, т.е. искаженные, формы жизни. Катков не только был англофилом, но он первый и начал действовать как англичанин в области своего призыва. Он вступил в серьезную, упорную, систематическую борьбу с обеими неправдами русской жизни: с отсутствием свободы и с излишествами свободы. Именно Каткову, будто бы «мракобесу», русская печать и Россия обязаны благодарностью как первому освободителю русского печатного слова. В ужасное время он имел мужество заговорить языком свободного гражданина с тем достоинством, которое обезоруживало тогдашнюю власть. Не всякий публицист мог и не всякий умел это сделать: строго взвешенное слово, хотя и свободное, самим появлением своим опровергло суеверие, будто всякое свободное слово опасно. Катков шаг за шагом отвоевывал свободу печати, вводил ее в обычай. Имея постоянные столкновения с цензурой, Катков не давал ей одолеть себя: он посыпал правительству доклады и разъяснения, настолько убедительные, что выходил обыкновенно победителем⁷.

В статье «Кого хоронит Россия» (1912), посвященной кончине главы издательского дома «Новое время» А.С. Суворина, Меньшиков проводил параллели между личностями Суворина и Каткова, показывая преемственность их титанической работы в деле создания русской политической публицистики как свободной и независимой трибуны общественной совести: «Суворин был одним из тех немногих, что создали новый тип гражданственности – общественную и государственную публицистику. Вместе со Щедриным и Михайловским, с одной стороны, и Катковым и Аксаковым – с другой, Суворин в большей степени, чем они, создал новое политическое учреждение – печать. Называю печать «учреждением», ибо она давно переросла характер частного про мысла или дешевого развлечения. По гегелевскому закону эволюции, современное общество, видимо, возвращается к республиканскому типу, к эпохе, когда на площадях городов гремели ораторы и народные трибуны. Политическая печать есть, бесспорно, современное вече, а писатели – те же ораторы. В лице публицистов, несомненно, возродились древние трибуны, заступники за народ, надзиратели за государственными интересами. Отстающая

от культурной семьи народов Россия и здесь почти на столетие позже развила сколько-нибудь независимую печать»⁸.

Политическим взглядам Меньшикова всегда были чужды крайности. Михаил Осипович выступал против крайних проявлений либерализма и консерватизма, которые, по его убеждению, всегда сходились между собой. Во время революции 1905–1907 гг. и до 1914 г. Меньшиков жестко критиковал крайних либералов и их представителей в русском парламенте, которые отстаивали там интересы противников России. Перед началом Первой мировой войны он остро критиковал псевдопатриотов и крайних консерваторов из высшей военной бюрократии, привлекая внимание общества к преступному невниманию к проблемам укрепления обороноспособности России и многочисленным аферам в военном ведомстве, странному бездействию Министерства иностранных дел в вопросах отстаивания национальных интересов России. Во время Первой мировой войны, когда особенно свирепствовала цензура, и в предреволюционный период Меньшиков отстаивал свободу печати и необходимую либерализацию, напоминая, что именно периоды усиления полицейского произвола, цензурного гнeta и крайней политической несвободы приводили к революциям. Поэтому Меньшиков очень ценил во взглядах Каткова не только неприятие революционного радикализма, но и резкое отторжение им крайнего консерватизма, проявлявшегося во всеяластии полицейского бюрократизма, административном подавлении необходимых свобод. Меньшиков видел в Каткове своего единомышленника, предшественника, который «...боролся на два фронта, как, впрочем, и все великие борцы в области мысли»⁹. Борьбу против произвола власти и бюрократии Меньшиков называл еще одной заслугой Каткова, которая, к глубокому сожалению Меньшикова, не осталась в памяти последующих поколений: «Сражаясь против крайностей демократизма, Катков ополчился столь же пламенно и против крайностей выродившегося тогда нашего полицейского бюрократизма. Он обвинял администрацию в “систематическом превышении власти” и боролся одинаково против превышения, как и против бездействия власти. Что это была именно борьба, связанная с великими трудами и страданиями, показывает история “Московских ведомостей” с 1862 по 1887 год. Пересмотрите хоть бегло эти 25 огромных томов, составленных из передовых статей

самого Каткова. Какая напряженная, всегда сдержанная, временами страстная и яркая работа! Ей недоставало только соответствующей общественности и государственности, чтобы быть великой работой. Пророк, вопиющий в пустыне, – согласитесь, всегда плохой пророк, – равно как и вопиющий слишком в пустынной умственно общественности. Если бы либеральные идеи Каткова были приняты в эпоху освобождения крестьян и Россия, подобно Японии, сразу сбросила с себя отлинявшую историческую кожу, – история наша и сама деятельность Каткова сложились бы совсем иначе. Может быть, и не нужна была бы его борьба с радикалами и бюрократами или она шла бы в более высоких слоях человеческого прогресса. Польское восстание показало Каткову, что тогдашнее малодушие и бездействие власти приближают Россию к внутреннему распаду, и вот он поднимает свой мощный голос, заставивший прислушиваться к нему всю Россию. Многие уверяют, что именно громовые статьи Каткова (я их не помню) спасли тогда Россию, разбудили власть, ободрили ее, вызвали огромный патриотический подъем, который заставил отступить слагавшуюся на Западе коалицию. В своем роде это был голос патриарха Гермогена, как бы воскресший через два с половиной века в сходственных обстоятельствах польской смуты. На призыв Каткова отозвалось дворянство, старообрядчество и все наши политические классы, кроме заведомых предателей, – и Россия была спасена»¹⁰.

В статье «Памяти великого гражданина» Меньшиков напоминал, что петербургская бюрократия не только не откликнулась на призывы Каткова, но продолжала притеснять его, давая не раз предостережения «Московским ведомостям». На это Катков ответил мужественным поступком, угрожая закрыть свою газету, аренда которой приносila ему не только славу, но и огромный доход. Меньшиков соотносил цензурные преследования «Московских ведомостей» Каткова и закрытие всех периодических изданий Ивана Аксакова, которому петербургская бюрократия тоже не давала работать. Как правило, Меньшиков упоминал имена Каткова и Аксакова рядом не случайно, так как, по его мнению, именно эти русские мыслители казались особенно опасными «коренным русским Фамусовым, пуще смерти боявшимся свободной критики, а в особенности высокопоставленным инородцам»¹¹. В этой статье Меньшиков упомянул о доносах высокопоставленных чиновников

из инородцев о вольности и неблагонадежности политических комментариев в «Московских ведомостях» Каткова. Меньшиков в статьях о национальном вопросе предостерегал правительство от засилия необрусивших инородцев на ключевых постах в министерствах и ведомствах Российской империи. Многие из этих инородцев продолжали отстаивать интересы своей исторической родины, а не России. По мнению Меньшикова, особую опасность представляли равнодушные и враждебные России инородцы, занимавшие посты в высшей петербургской бюрократии. Подчеркивая национальную составляющую в преследовании бюрократией Каткова, И. Аксакова и других независимых и честных русских патриотов, Меньшиков говорил: «Подумайте, какие все преступления! Господа инородцы, подобравшись к превосходительным и высокопревосходительным чинам, до такой степени глядят сверху вниз на русское “быдло”, что даже заведомый спаситель России, глубокий патриот и ничем не запятнанный гражданин, каким был Катков, в их глазах не имел права даже “давать советы и указания” правительству. Он, просвещеннейший человек своего века, полвека следивший за государственными вопросами, не смел оценивать и комментировать действия должностных лиц. О, эти господа инородцы, залезшие в русские раззолоченные мундиры! Может быть, главным образом их нашептыванию Россия обязана целым столетием своей безгласности и связанной с нею отсталости. Не иначе как презрением к великой нации, удивлявшей мир доверием к своей власти, можно объяснить страх петербургского чиновничества перед Катковым и крайние усилия зажать ему рот. Что ж, и зажали бы всевозможными доносами, научничеством, клеветой и ложью, если бы не проснувшееся наконец национальное наше сознание»¹².

В статье «Знание и понимание» (1908), размышляя о задачах современной ему публицистики, Меньшиков с горечью отмечал, что современные публицисты перестали быть трибунами, подобно Каткову и другим, приблизились к толпе и потворствуют ее вкусам: «Именно теперь, имея великие школы мыслителей, поэтов, ученых, художников и публицистов – из последних достаточно назвать Белинского, Герцена, Аксакова, Каткова, – именно теперь, когда переведена на русский язык вся великая литература, замечается поразительное одичание нравов, затмение мысли, извращение

вкуса, упадок героизма. Чем объяснить это? Чем объяснить, что поучающий гений приблизился к толпе, а поучительность его как будто отдалилась?»¹³.

В статье «Памяти великого гражданина» Меньшиков с сожалением признавался, что лично не знал Каткова и не помнил его эпохи. Поэтому он воссоздал в этой статье лишь свое представление о Каткове. Меньшиков показал нам образ Каткова исходя из своего восприятия личности этого публициста, которое основывалось не только на внимательном изучении наследия Каткова, но и на несомненном сходстве политических взглядов и фактов из биографий Каткова и Меньшикова. Подводя итог творческой работы Каткова, Меньшиков говорил о роли этого знаменитого публициста в развитии общественной мысли в России: «Он представляется мне не столько великим писателем, сколько великим гражданином, пришедшим, к сожалению, во времена неблагодарные, не способные ни оценить его мысли, ни воспользоваться ими. Заслуга Каткова в том, что он пламенно верил в народные, государственные и религиозные идеалы и отстаивал их с надлежащей ревностью. Ошибка же Каткова в том, что он меньше верил в народ, который любил, нежели в бюрократию, которую презирал. Все-таки он не мог совлечь с себя ветхого Адама и найти для русского возрождения стихию более чистую, чем отрешенная от народа власть. Великий это был гражданин, но очень уже не великой эпохи»¹⁴.

¹ Меньшиков М.О. Памяти великого гражданина // Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. – М.: Соврем. писатель, 1998. – С. 117.

² Там же. – С. 118.

³ Там же. – С. 118–119.

⁴ Там же. – С. 119.

⁵ Меньшиков М.О. Памяти Ф.М. Достоевского // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. – М.: Изд-во журн. «Москва», 2005. – С. 123.

⁶ Меньшиков М.О. Памяти великого гражданина... – С. 120.

⁷ Там же. – С. 120.

⁸ Меньшиков М.О. Кого хоронит Россия // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. – М., 2005. – С. 199.

⁹ Меньшиков М.О. Памяти великого гражданина... – С. 120.

¹⁰ Меньшиков М.О. Указ. соч. – С. 121.

¹¹ Там же. – С. 122.

¹² Там же.

¹³ Меньшиков М.О. Знание и понимание // Меньшиков М.О. Выше свободы. – М., 1998. – С. 127.

¹⁴ Меньшиков М.О. Памяти великого гражданина… – С. 123.

О.Л. Фетисенко

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ И КАТКОВСКИЙ ЛИЦЕЙ

Аннотация

В статье прослежена история сближения К.Н. Леонтьева с основанным в 1867 г. Катковым Лицем цесаревича Николая (так называемым Катковским Лицем), воспитанники которого стали первыми учениками Леонтьева.

Ключевые слова: классическое образование, изучение древних языков, умственный труд, воспитание русских европейцев.

Fetisenko O.L. Konstantin Leontjev and the Katkov's Lyceum

Summary. The article deals with the tie between K.N. Leontjev and the established by Katkov in 1867 Lyceum of the heir to the Russian throne Nicolaj (the so called Katkov's Lyceum), among the students of which Leontjev found his first pupils.

Тема «К.Н. Леонтьев и М.Н. Катков» включает в себя историю взаимоотношений двух консервативных публицистов, их высказывания друг о друге, историю сотрудничества Леонтьева в изданиях Каткова (1867–1882), характеристику отношения Леонтьева к Каткову как политику и публицисту. Для этой статьи выбрана другая тема: К.Н. Леонтьев и любимое детище Каткова и П.М. Леонтьева – Лицей Цесаревича Николая.

В статье 1888 г. «Владимир Соловьёв против Данилевского» (в главе, посвященной русской науке) Леонтьев приводил свой разговор с Катковым, состоявшийся, как он думал, в 1868 г., а точнее, что устанавливается по другим свидетельствам, в январе 1869 г. Говорили о классическом образовании, о необходимости «умственной гимнастики».

Леонтьев вспоминал: «Живя в Турции, я читал его <Каткова. – О.Ф.> статьи в пользу классического образования и желал еще больше разъяснить себе его цели. Я сказал ему, между прочим, так:

– На что эти насильтственные труды в школе, когда в хороших переводах дух греческих и латинских авторов вполне доступен. Хотя бы я сам: я древнегреческому языку вовсе не учился; по-латыни знаю плохо, Софокла я читал в переводах П.М. Леонтьева <...> оды Горация в переводе Фета, Аристофана по-французски с толкованиями, а Гомера знаю по Гнедичу. И не только восхищаюсь ими; но, право, мне кажется, что я и понимаю их получше многих из тех, которые твердили все это в училище и потом бросили без внимания. <...>

На это Катков отвечал так:

– Дело не в том только, чтобы понимать дух древних авторов, а в том, чтобы с ранних лет привыкнуть к упорному и последовательному умственному труду. И я не отвергаю, что в России много умных людей; *только и из них очень немногие умеют продержать пять минут в голове одну и ту же мысль*. А европейцы умеют!

Кажется, он говорил и еще что-то о самом духе древности; но этого я не запомнил, вероятно потому, что для меня оно было менее ново и поразительно, чем это прямое указание на *умственную гимнастику*¹.

Этот разговор произошел в самом начале существования Лицея, разместившегося в бывшем доме Цыплаковой на Большой Дмитровке. 13 января 1868 г. в частный пансион было принято 15 мальчиков в первые три класса; к маю их было уже 26. Еще только-только обкатывалась программа, уточнялся устав (он будет утвержден в 1869 г.). Особенностью структуры этого учебного заведения стало то, что в нем были не только восемь гимназических классов, но и три университетских (с разделением на три факультета, но при сохранении связи между этими факультетами), и наличие института тutoров (так, на английский манер, здесь назывались классные наставники и инспекторы) и старших воспитанников. Изначально учредители нацеливались на полное изгнание казарменности и максимальное приближение к «семейственности»: учащиеся жили в маленьких пансионах, которые поначалу

были разбросаны по разным зданиям. Классы были очень маленькими, а «тutorы» успевали углубленно заниматься во внеклассное время с каждым учеником. Уникальным для России было внимание, которое уделялось в Лицее физическому воспитанию, играм на воздухе, прогулкам. А главной целью учебного заведения ставилось воспитание русских европейцев, слуг Государя и Отечества; воспитание юношей, «которые в своем звании Русского были бы в полной силе детьми Европы»².

В следующие приезды в Москву, в июне и в конце сентября – начале октября 1874 г., Леонтьев виделся с Катковым уже во флигеле Михайловского дворца на Остоженке близ Крымского моста. Этот дом доставал последние дни: на его месте спешно строилось здание Лицея. «...Маленький дворец (или скорее прекрасный барский дом) <...> ...глаз отдыхает на этих гостиных с расписными потолками, со свежей изящной мебелью *не нынешнего* фасона, с мраморными столами, яшмовыми вазами и т.п. Кажется, есть и штоф на стенах. <...> ...этот дом, снаружи пошлый, но внутри очаровательный...»³. Вместо этого маленького дворца через год здесь возвышалось современное многоэтажное здание, выстроенное по проекту архитектора А.Е. Вебера. Позднее, в 1879 г., была отделана и освящена церковь, которую основатели Лицея мыслили его «сердцем»⁴. (Сейчас в хорошо сохранившемся здании Лицея размещается Дипломатическая академия МИД; главный корпус выходит на Крымский проезд.)

Из преподавателей Лицея Леонтьев к началу 1880-х годов хорошо знаком с его будущими директорами – К.Н. Станишевым и В.А. Грингмутом, с Н.А. Любимовым, который безвозмездно преподавал физику (впрочем, он скоро перебрался в Петербург, став чиновником), а также с законоучителем о. И.Г. Виноградовым (1827–1901) (между прочим, Леонтьев бывал часто и в его храме – св. Параскевы Пятницы в Охотном ряду). «На приватную цензуру» о. Иоанна Леонтьев носил в 1882 г. свои статьи о Достоевском и Толстом. Болгарин Станишев в 1883 г. выполняет некоторые поручения Леонтьева (служит, например, посредником в его делах с И.С. Аксаковым), Грингмут – вообще давний и тайный его сочувственный. Но главную роль в сближении с Лицеем для Леонтьева сыграли не они, а философ и психолог Петр Евгеньевич Астафьев, принятый сюда на службу осенью 1881 г.

Астафьев, назначенный старшим тутором университетского отделения, начал устраивать на своей профессорской квартире «Пятницы», на которых начинает бывать Леонтьев. На свои вечера Астафьев охотно приглашал старших воспитанников и студентов. Среди этих лицеистов Леонтьев впервые в жизни обрел учеников. Один из них, А.Н. Волжин, писал ему в 1884 г.: «Что касается Вас, Константин Николаевич, Вы действительно нашли отклик своим чувствам в людях много Вас моложе. Я дерзаю даже думать, что они Вас более понимают, а следовательно и любят, чем Ваши сверстники»⁵.

С осени 1883 г. лицеистам тем легче стало бывать у него, что он поселился близ Пречистенки, в конце Денежного переулка, в доме Авдеевой. «...Квартира в Денежном переулке Пречистенки <...> сделалась скоро настоящей аудиторией, куда в долгие осенние и зимние вечера спешили» лицеисты «послушать этого удивительного, ни на кого другого не похожего старика с сильным, острым, гибким умом, чутким, добрым, нежным сердцем и громовою, огненною, смелою, своеобразною речью»⁶. Первые участники будущего маленького кружка могли побывать у Леонтьева еще не здесь, а по другую сторону Арбата – в Малом Песковском переулке (предыдущий его адрес), но полноценно кружок зажил только с зимы 1883–1884 гг., о чем свидетельствует и запись в автобиографическом документе Леонтьева «Хронология моей жизни» (1883, 1889): «84-й год. Зима. Сближение с молодыми людьми (Кристи, Александров и т.д.)» (б2, 35).

В новообретенных молодых знакомых Леонтьеву нравилось сочетание хорошего образования, светскости и в то же время церковности⁷. «Совершенно светские молодые люди; – но к Церкви прибежные», – скажет он позднее о нескольких из них⁸. Леонтьев в письме к Н.А. Уманову, воскликнул: «... идеи, вкусы, веяния и молодые люди 80-х годов *несравненно лучше* людей 40-х...⁹ Несравненно! <...> Вы живете в хорошее время... Прочно ли это движение в “новейшей” России – не знаю; – но что оно прекрасно – это верно. – Никогда еще образованные люди в России не стремились так к Церкви, как теперь!»¹⁰.

Первые «прозелиты» Леонтьева: дворяне хороших родов Иван Кристи (1861–1894), его двоюродный брат Дмитрий Нелидов (1863–1935), сын крупного дипломата А.И. Нелидова, Павел Ман-

суров (1860–1932), сын дипломата и общественного деятеля Б.П. Мансурова, будущий обер-прокурор Синода Александр Волжин (1860–1933), Сергей Озеров (1863–1904)¹¹, а рядом с ними «ломоносовцы»¹², выходцы из крестьянства и разночинства: Анатолий Александров (1861–1930), Григорий Замараев (1860–1902), Яков Денисов (1862–1919), Павел Маликов (ок. 1860–?), Сергей Миронов (1863–1890).

Кружок «собирался обыкновенно у К.Н. Леонтьева часам к восьми вечера. Неизменным угождением <...> был крепкий чай какого-то необыкновенно приятного вкуса. Тему разговора обыкновенно давал сам К.Н. и сам же ее и развивал. <...> ...речь К.Н., рассказывал ли он о пережитом им, излагал ли он свои политические воззрения, церковные или литературные, что бывало чаще, предавался ли он воспоминаниям <...> была настолько интересна, образна и красива, что окружавшая его молодежь жадно слушала каждое его слово. Иногда, впрочем, К.Н. кому-нибудь из присутствующих предлагал тему для статьи или рассказа, которую тут же нужно было более или менее разработать, и надо было видеть радость хозяина, если гость удачно решал предложенную ему задачу»¹³.

Воздействие речей Леонтьева и самого его облика на его молодых знакомых было поистине завораживающим¹⁴. Анатолий Александров уже в первые месяцы знакомства посвятил ему стихотворение, которое назвал «Чародей».

*Вокруг него внимательной толпою
Стояли мы... Глагол его звучал,
Лился широкой, бурною рекою,
Небесным громом громыхал¹⁵.*

После нескольких строф, посвященных тем сторонам леонтьевской проповеди, которые особенно были вняты молодому поэту (обличение духа «мельчающего века» и «холопства» перед «отживающей Европой», вера в культурное призвание России, поклонение красоте и вражда с «прозой пошлой»), стихотворение завершается уже знакомым нам мотивом передачи секрета «чародейства» (т.е. самого заветного учения) ученикам. По свидетельству Александрова, последняя строфа представляет собой «перело-

жение его <Леонтьева> собственных слов, применение им к себе известного народного поверия о колдуне»¹⁶.

*Глагол его могучий, непокорный
Был чужд погрязшей в пошлости толпе,
Но чутких юношей привлек сердца к себе
Он силой животворной.*

*И думал он: «Как старый чародей
Передает свое заветное искусство,
Так я в них перелью мои мечты и чувства
Пред смертью близкою своей!»¹⁷*

По воспоминаниям Александрова, стихотворение было показано Леонтьеву Астафьевым, и именно после этого лицеисты и получили приглашение в дом философа¹⁸. Получается, не будь Александровского опуса, мог не сложиться и кружок? Ясно, что это не так. Ретроспективный взгляд слишком все спрямил. Само стихотворение было отредактировано «чародеем»-Леонтьевым, а строфы, передающие суть учения, вообще появились по его подсказке, о чем писал Александров, посыпая новую редакцию стихотворения¹⁹.

Секрет притягательности Леонтьева для молодых душ так объяснял впоследствии его любимый ученик о. И. Фудель: «Трудно было с ним соглашаться, невозможно было с ним не спорить, но и трудно было устоять против обаятельной красоты этой титанической натуры, которая была весь пламень, весь благородный гнев, о которой уже никто не мог бы сказать словами Апокалипсиса “Ты ни холоден, ни горяч”²⁰. Обаятельность заключалась и в скрытых противоречиях духа Леонтьева, в раздирающей его душу драме всей жизни, и это ясно ощущалось всяkim, кто соприкасался к этому новому Прометею XIX в.

И Леонтьев в полной мере пользовался этой своей притягательной силой “чародея”. Он старался использовать всякую даже малейшую возможность повлиять на молодую душу, на молодой ум. Он старался *внушить* юноше свои понятия о религии, морали, культуре, красоте, призвании России, хамстве и разложении Западной Европы, ненадежности славян, необходимости дисциплины и крутого режима во внутренней политике, близости конца мира и т.д., всего, что составляло сущность его мировоззрения, его

социально-политических взглядов. <...> Это был прозелитизм чистейшей воды в благородном смысле слова... <...> В своих стремлениях обратить своего молодого собеседника в свою веру, навязать ему свои точки зрения он доходил до религиозного пафоса. Он так *верил* в правильность своих теорий и выводов <...> и так глубоко был разочарован в возможности влияния своего слова на общество, что уже не думал ни о славе литературной, ни о широком влиянии, а думал только о том, чтобы оставить следы в молодом поколении, чтобы найти или воспитать единомышленников среди ее, чтобы через талантливую молодежь <...> его *учение* победило впоследствии общественное равнодушие и тупость»²¹.

Леонтьев учил «своих юношей» видеть все «сквозь призму»²² своего извода русского консерватизма, с его византийским православием, «аскетической эстетикой», «свирепыми» инвективами современной Европе и утопическими проектами «охранительного социализма». Г.И. Замараев писал ему 13 декабря 1885 г.: «...Никто здесь не может осветить мне какую-либо мысль или дело так рельефно и так беспристрастно-объективно, как умеете Вы»²³. Они учились понимать, а потом и применять – каждый в своем деле – полученные в леонтьевской школе навыки, приемы, критерии оценки.

Леонтьев был для своих молодых собеседников не только наставником, но любящим отцом²⁴. Фудель так рассказывал об этом в своих воспоминаниях: «Интересны отношения Константина Николаевича к окружавшей его или только знавшей его издали молодежи. Он любил эту свою молодежь беззаветно, как можно любить только своих детей. <...> ...болел душой за каждого из своих питомцев; хлопотал за них перед сильными мира сего, выпрашивал стипендии, устроивал, молился за них во время болезни, скучал, когда долго не имел известий, отечески дружески понуждал их писать ему часто и т.д.»²⁵. «Питомцы» («дети души», сказал бы он сам по-восточному) чувствовали эту любовь – «греющее отношение», по удачному выражению Евг. Поселянина²⁶, – и платили ответной. Это видно по их письмам, в которых они искали, помимо всего прочего, «любящего и опытного совета»²⁷. Ив. Кристи, например, писал 5 декабря 1883 г. из Гейдельберга: «...Знайте, что Ваше всякое письмо целое событие в моей внут-

ренней жизни как знакомство с Вами целая счастливая эпоха моей жизни»²⁸.

Познакомившиеся с Леонтьевым несколько позже совершенно разные по воспитанию и роду занятий молодые люди – петербуржец Иосиф Кольшко и провинциальный народный учитель, «обращенный нигилист» Федор Чуфрин – едины в ощущении какой-то удивительной льющейся на них *доброты*. Они понимают, что им посчастливилось попасть в поле любви, участия, молитвы. В молодых друзьях Леонтьев также старался возвращивать и укреплять любовь и заботу друг о друге. Сам «дружась» с кем-нибудь, он сразу вводил этого человека в свой круг и призывал всех заботиться о новичке.

Леонтьев – человек диалога, а с восприимчивой молодежью ему вести беседу вдвойне проще и интереснее, потому что по природе своей он – проповедник, педагог, «катехизатор». Его жизнь – это постоянная «проповедь» и устная, и письменная – в статьях, очерках и романах. Выступления в печати встречали мало сочувствия, а чаще – замалчивание или же выслушивание. Письма и беседы поэтому приносили больше плода: «Знаешь, что кой-что “сеешь”, что так или иначе взойдет»²⁹.

Большая часть «первого призыва» леонтьевского кружка рассыпалась сразу по окончании молодыми людьми курса. Причем исчезали не только достаточно случайные участники, но и фавориты вроде «хитрого Дениски» (Денисова). Тут нужно разобраться – было ли это обусловлено обычной, житейской, неизбежностью (птенцы вылетают из гнезда и проч.) или имело еще какие-то причины. Одно из объяснений: юноши были не готовы к повышенной требовательности своего наставника.

Самые способные из студентов рано начинали печататься. Конечно, сначала у Каткова в «Московских ведомостях». (Например, Кристи помещал здесь короткие заметки с 1882 г.) Но потом – через Леонтьева и сами – они попадали и в другие издания, где, «страха ради катковска», сотрудничали под псевдонимами (Кристи в «Гражданине» под псевдонимами «Кр.» и «П. Сергиевский», Денисов в «Русском Деле» Шарапова с измененным первым инициалом; Александров там же – чаще всего под криптонимом «А.»).

Но и верность Каткову они тоже сохраняли. Кристи в 1883 г. писал: «...Я очень жалел бы разорвать с Катковым, которого – Вы

это знаете – очень уважаю и люблю», а после смерти Каткова признавался: «...Видел с его стороны заботу обо мне, о моем здоровье, о моей душе. Я никогда не забуду, как он у меня в глазах прошел присутствие известной детской болезни-привычки и поступил со мною не как директор, а как отец, ничего ни мне, ни другому не сказавши, а пославши ко мне доктора переговорить и посоветовать. Я к нему исторически только не могу относиться и в телеграмме я не мог найти другого слова, кроме, может быть, доброго (вернее всегда доброго ко мне)...» Н.А. Уманов (не лицеист, но участник кружка П.Е. Астафьева и тоже леонтьевский «прозелит» писал Леонтьеву в 1887 г.: «...Думать начал я за катковскими статьями и давно уже понял, что только в них и была истина». «Мне именно хочется отделить Вас от Аксакова и приблизить к Каткову, каким мы его знали за последние 4–5 лет. Ведь он, как мне кажется, отстаивал тот же Византизм, что и Вы, только не называл его по имени». «Цель остается все та же: доказать, что Катков не был только практиком-дельцом, что у него во всем одна руководящая идея, идея истинно русская и гораздо более справедливая, чем аксаковская»³⁰.

Поэт и филолог Александров – автор нескольких стихотворных посвящений Каткову, в том числе и стихотворения «На смерть М.Н. Каткова» (1887):

*Еще одна великая утрата...
Молчать – нет сил, а говорить – нет слов...
Россия скорбью великою объята:
Угас ее Катков!..
<...>
О, как идут к нему слова простые,
Которые дороже всех венков:
«Когда бы не твои враги, Россия,
Не много б он имел врагов!»³¹*

Еще один «леонтьевец», епископ Трифон (Туркестанов)³², будучи викарным, неоднократно служил в день годичного акта Лицея в его храме. И вот, в революционные дни, 13 января 1905 г., он снова служил здесь и в проповеди сказал, обращаясь к лицеистам: «Вы счастливее многих ваших сверстников. Вам дано твердое воспитание, вы знаете, куда идти и что делать. Поэтому Вам остается лишь быть верными этим началам, не падая духом, не мало-

душествуя...»³³. И это «твёрдое воспитание» юношества – возможно, одна из главных исторических заслуг Каткова, оцененная, без сомнения, и Леонтьевым, который получил своих первых учеников, можно сказать, прямо из его рук.

- ¹ *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и comment. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. – СПб., 2007. – Т. 8, кн. 1. – С. 380–381. Далее ссылки на это издание даются в тексте. В скобках указываются том (при необходимости – книга) и страница.
- ² Цит. по: Историческая записка Императорского Лицея в память Цесаревича Николая (Лицей Цесаревича Николая) за XXX лет (1868 – 13 января 1898) / Под ред. Л.А. Георгиевского. – М., 1899. – С. 9.
- ³ *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. – СПб., 2003. – Т. 6, кн. 1. – С. 75–76.
- ⁴ Это воплощено даже архитектурно: Церковная главка была видна из окон всех аудиторий.
- ⁵ Гос. литературный музей (далее: ГЛМ). Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 7 об.
- ⁶ *Александров А. И.* Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. – Сергиев Посад, 1915. – С. 2.
- ⁷ Церковность в Лицее не навязывалась, а «предлагалась» живым примером, и благодаря этому стала не показной, а искренней. Правда, не сразу повезло с законоучителем. Отец Иоанн Виноградов, по воспоминаниям одного из лицеистов конца 1870-х годов, преимущественно останавливался на уроках на сообщении «текстиков» и «фактиков» (*Вишняков П.М. В Катковском Лицее. Записки старого пансионера (1875–1882)*. – М., 1908. – Вып. I. – С. 82). Позже его сменил о. И. Соловьев, не только законоучитель, но и первый настоятель лицейского храма. Среди его учеников можно вспомнить С.В. Симанского, будущего Патриарха Алексия I.
- ⁸ *Леонтьев К.Н.* <Список верующих> / Публ. О.Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. – СПб., 2010. – С. 312.
- ⁹ Для леонтьевского круга 1880-е годы вовсе не были «безвременьем», напротив, его ученики были полны бодрости и надежд: «А право, кажется, настает уже пора нашему поколению, и Вы, хотя и временами негодуете на апатию, будете еще иметь утешение; я говорю это потому, что, кроме Вас, никого не знаю из старых, который бы так понимал стремления и задачи нас, молодых» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 20–21 об.; письмо И.И. Кристи к Леонтьеву от 31 мая 1888 г.).
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 18 об. (письмо от 22 сентября 1889).
- ¹¹ Сын дипломата Александра Петровича Озерова (1817–1900), впоследствии управляющий удельными имениями в Новгородской губернии. Его старшая

сестра Ольга Александровна (в замуж. Шаховская; 1848–1924) постриглась в монашество с именем София, стала настоятельницей Вировского монастыря («дочернего» по отношению к знаменитой Леснинской обители; мать София была ближайшей подругой леснинской настоятельницы, игуменьи Екатерины (гр. Ефимовской)), а другая сестра – Елена Александровна (1854–?) – была замужем за писателем С.А. Нилусом.

¹² Ломоносовская семинария была учреждена при Лицее в 1872 г. «для бесплатного обучения и содержания способных мальчиков из народа, преимущественно из народных школ <...> с тем, чтобы они приготовлялись к учительскому званию». (Историческая записка Императорского Лицея… – С. 398). На середине обучения самые способные мальчики сдавали экстерном экзамены и с опережением переводились в пятый гимназический класс, остальные доучивались своим порядком. Существовала семинария всего несколько лет. Прошло четыре набора. А.А. Александров, например, пройдя большой конкурс, попал в последний набор, в 1875 г. С 1875 г. Ломоносовская семинария фактически представляла собой «лишь отдельный пансион при Лицее», помещавшийся на Тверской «в четвертом этаже дома г. Шаблыкина» (Там же. – С. 406, 401).

¹³ <Денисов Я.А.?> Два письма К.Н. Леонтьева // Мирный труд. – 1905. – № 2. – С. 210–211.

¹⁴ «Умные красивые карие глаза, высокий прекрасный лоб <...> тонкий, правильный, словно искусно выточенный профиль, волосы в скобку, с пробором с левой стороны, хорошо сшитая русская поддевка <...>. Прятный громкий голос, интересная, живая, крайне своеобразная, самобытная речь, полная ярких образов, неожиданных метких сравнений искрометного остроумия, довершили чарующее впечатление от него и окончательно делали его центром общего внимания <...>. Беседы его действовали на нас чарующе» (Александров А.А. Памяти К.Н. Леонтьева // К.Н. Леонтьев: Pro et contra: Антология: В 2 кн. – СПб., 1995. – Кн. 1. – С. 365–366). Ср. с тем, как передает свое впечатление от первой встречи с Леонтьевым петербуржец И.И. Колышко: «Сухой, жилистый, нервный, с икрящимися, как у юноши, глазами, он обращал внимание и этой внешностью своей и молодым, звонким голосом и резкими, не всегда грациозными движениями. <...> Вслушиваясь в музыку его красивого, ораторского слога и увлекаясь его увлечением, я едва успевал следить за скачками его беспокойной, как молния сверкавшей и извивавшейся, мысли. Она как бы не вмешалась в нем, не слушалась его, загораясь пожаром то там, то сям и освещая далекие, темные горизонты в местах, где менее всего ее можно было ожидать. Это была целая буря, ураган, порабощающий слушателя. <...> ...не слушать его я не мог, как не мог не поражаться его огромной силой логики, огненностью воображения и чем-то еще особенным, что не зависело ни от ума его, ни от красноречия, но что было, пожалуй, сильнее того и другого. <...> Это что-то я иначе не могу назвать, как – благородной воинственностью его духа и блестящей храбростью ума» (Райский П. <Колышко И.И.> Поэт-воин // Гражданин. – 1891. – 30 нояб. – № 332. – С. 4).

- ¹⁵ К.Н. Леонтьев: *Pro et contra.* – С. 365.
- ¹⁶ Там же. – С. 366.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. – С. 366.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 4.
- ²⁰ Измененная цитата: Откр. 3: 16.
- ²¹ «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Изд. подгот. О.Л. Фетисенко. – СПб., 2012. – С. 456–457. (Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Прил. Кн. I).
- ²² «Сквозь нашу призму» – название рубрики, которую Леонтьев вел в 1880 г. в газете «Варшавский дневник».
- ²³ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 32.
- ²⁴ «Личные симпатии в отношениях К. Н. играли огромную роль; для тех, кто ему нравился, он делал очень много, входил в мельчайшие подробности их жизни и старался поддерживать с ними связь до конца своей жизни» (Мирный труд. – 1905. – № 2. – С. 211).
- ²⁵ «Преемство от отцов». – С. 455.
- ²⁶ *Поселянин Евг. <Погожев Е.Н.>*. Леонтьев. Воспоминания // К.Н. Леонтьев: *Pro et contra.* – Кн. 1. – С. 191.
- ²⁷ Из письма А.Н. Волжина от 7 марта 1884 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 7). Ср. в письме Кристи от 18 октября 1883 г.: «Вы так добры, что Вас интересует все, что меня касается». (Там же. – Ед. хр. 157. Л. 9–9 об.).
- ²⁸ Там же. – Ед. хр. 157. Л. 16.
- ²⁹ Александров А. И. Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. С. 13 (письмо от 24 июля 1887 г.).
- ³⁰ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 8, 20 об.–21, 13–13 об.
- ³¹ Датировано днем смерти Каткова – 22 июля 1887 г., впервые опубликовано к годовщине его кончины. – Московские ведомости, 1888. – 20 июля. – № 188. – С. 2.
- ³² Он познакомился с Константином Николаевичем еще будучи оптинским послушником, а потом – уже иеромонахом и студентом Московской духовной академии – встретился с ним в Сергиевом Посаде, ухаживал за умирающим писателем, провел рядом с ним его последние земные часы и участвовал в его погребении.
- ³³ Трифон (*Туркестанов*), митр. Любовь не умирает. Из духовного наследия. – М., 2007. – С. 122.

ПРОГРАММЫ КАТКОВСКИХ ЧТЕНИЙ 2007–2012

Первые Катковские чтения. 21 ноября 2007

Вступительное слово настоятеля храма Всех Святых, что в Краснрм Селе, протоиерея Артемия Владимирова.

1. Священник Стефан Ванеян (Степан Сергеевич), доцент исторического факультета МГУ и Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета.

М.Н. Катков и Церковь.

2. Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор Костромского университета.

Катков и русская литература рубежа XIX–XX вв.

3. Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор философского факультета МГУ.

М.П. Погодин и М.Н. Катков о национально-политическом единстве и целостности России.

4. Хоскинг Джейфри, профессор Лондонского университета.

Катков и имперский патриотизм.

5. Владимирова Елена Борисовна, директор Церковноприходской школы № 1.

Катков и образование.

6. Лесневский Станислав Стефанович, писатель.

Блок и Катков.

7. Николюкин Александр Николаевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИИОН РАН.

Розанов и Катков.

8. Черниченко Людмила Леонидовна, кандидат филологических наук, писательница.

Катков и кн. Барятинского о дворянстве.

Вторые Катковские чтения. 21 ноября 2008

1. Романов Борис Николаевич, поэт, редактор издательства «Прогресс-Плеяда».

Представление книги «Катковский Вестник» (по материалам Первых катковских чтений) Москва, 2008.

2. Протоиерей Артемий Владимиров, настоятель храма Всех Святых, что в Красном Селе, член Союза писателей России.

О достоинствах слога русского публициста Каткова.

3. Гуминский Виктор Мирославович, доктор филологических наук, зам. директора Института мировой литературы РАН.

Сказание инока Парфения в истории русской литературы.

4. Владимирова Елена Борисовна, директор Церковноприходской школы № 1.

Педагогические идеи М.Н. Каткова и их актуальность.

Третьи Катковские чтения. 21 ноября 2009

1. Протоиерей Артемий Владимиров.

Вступительное слово.

2. Лесневский Станислав Стефанович, писатель.

О патриотизме Михаила Каткова.

3. Прокопов Тимофей Федорович, литератор, издатель.

Начало литературной деятельности Каткова.

4. Смолин Михаил Борисович, кандидат исторических наук, директор фонда «Имперское возрождение».

1863 год – начало известности Каткова.

5. Николюкин Александр Николаевич, доктор филологических наук.

Статья Розанова о Каткове и Победоносцеве (архивная находка).

6. Аксёнова Галина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент МГПУ.

Русская национальная идея в творчестве Ф. Солнцева.

7. Климаков Юрий Викторович, кандидат педагогических наук, правнук скульптора А.М. Опекушина.

В.А. Грингмут о Каткове.

Четвертые Катковские чтения. 21 ноября 2010

1. Протоиерей Артемий Владимиров, настоятель храма Всех Святых, член Союза писателей России.

Есть ли кому принять эстафетную палочку из рук М.Н. Каткова?

2. Николюкин Александр Николаевич, доктор филологических наук.

Сообщение о начале издания Собрания сочинений М.Н. Каткова в шести томах.

3. Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор Костромского университета.

Государственное служение М.Н. Каткова (по воспоминаниям кн. Н.П. Мещерского).

4. Волков Владимир Алексеевич, доктор исторических наук. Профессор МГПУ.

«Театральная история» 1851 г. и начало редакторской деятельности М.Н. Каткова.

5. Аксёнова Галина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент МГПУ.

Государственная политика в области охраны рукописного наследия в XIX в.

6. Фетисенко Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, ИРЛИ РАН. С.-Петербург.

К.Н. Леонтьев и Катковский Лицей.

7. Архипов Юрий Иванович, писатель.

Рецензия на первый том Собрания сочинений М.Н. Каткова.

Пятыes Катковские чтения. 21 ноября 2011

1. Николюкин Александр Николаевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Представление третьего тома Собрания сочинений М.Н. Каткова в шести томах.

2. Крылов Алексей Олегович, аспирант исторического факультета МГУ.

Святитель Димитрий Ростовский и концепция древнерусской литературы у Каткова.

3. Чагин Геннадий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, писатель.

Катков и Тютчев.

4. Лесневский Станислав Стефанович, главный редактор издательства «Прогресс-Плеяда».

Энергия патриотизма М. Каткова.

Шестые Катковские чтения. 21 ноября 2012

1. Федосеева Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор Рязанского университета.

Федор Тютчев и Михаил Катков.

2. Кулешова Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук.

Катков и Владимир Соловьёв.

3. Трофимова Валерия Борисовна, кандидат педагогических наук.

М.О. Меньшиков о Каткове.

4. Николюкин Александр Николаевич, доктор филологических наук.

Катков и его современники.

К 125-летию со дня смерти М.Н. Каткова 8 августа 2012 г. был открыт и освящен музей его памяти в здании Всероссийского научно-исследовательского института охраны природы (Минприроды России) в усадьбе Знаменское-Садки (35-й км МКАД), которая принадлежала Михаилу Никифоровичу и где он скончался 1 августа 1887 г. Дворец усадьбы находится в стадии разрушения.

На фотографии в музее участники Катковских чтений (слева направо): журналист Т.Ф. Прокопов; протоиерей Артемий Владимирыов, настоятель храма Всех Святых, что в Красном Селе, где похоронен М.Н. Катков; доктор филологических наук А.Н. Николюкин; секретарь Катковских чтений Е.В. Путинцева; писатель С.С. Лесневский; секретарь Института охраны природы С.Е. Трёшкина.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

В.Б. Трофимова

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.О. МЕНЬШИКОВА

Аннотация

Творчество писателя и публициста М.О. Меньшикова (1859–1918), расстрелянного большевиками, ныне почти забыто. В статье рассмотрены литературно-критические работы Меньшикова, в которых он выходил за пределы изучения особенностей стиля писателей, связывая развитие литературы с историей общественной мысли и политикой.

Ключевые слова: русская литературная критика, публицистика, эстетические взгляды, журналистика, литературный процесс.

Trofimova V.B. The peculiar features of literary and critical views of M.O. Menshikov

Summary. The critical legacy of the Russian writer and publicist M.O. Menshikov (1859–1918) killed by the Bolsheviks now has been nearly forgotten. In the article devoted to his works on literature is argued that Menshikov connected the development of literature with the polics and the history of public thought.

В ряду ярких, непохожих друг на друга по творческим методам и стилю критиков и публицистов рубежа XIX–XX вв. особое место принадлежало русскому политическому писателю и литературному критику Михаилу Осиповичу Меньшикову (1856–1918). Меньшиков получил известность как самобытный публицист и литературный критик уже в 1890-е годы, а с начала XX в. на его долю выпадает поистине всероссийская слава ведущего политического писателя и публициста газеты «Новое время» А.С. Суворина.

В этот период русская критика и публицистика проходят очередной этап своего развития, характерной чертой которого являлось сочетание различных методов литературно-критического

анализа. Методы и инструментарий русские критики заимствовали из литературной критики Западной Европы (от использования по-зитивистской методологии О. Конта, И. Тэна, Э. Геннакена до эстетической идеалистической концепции Ф. Брюнетьера и романтической критики Ш.О. Сен-Бёва, а также эстетических взглядов идеолога философии пессимизма Н. Гартмана).

М.О. Меньшиков родился 23 сентября (05 октября) 1859 г. в г. Новоржев Псковской губернии. В 1878 г. будущий писатель окончил Кронштадтское морское техническое училище, получив должность кондуктора корпуса флотских штурманов. После окончания училища Меньшиков участвует в ряде морских кругосветных экспедиций. С конца 1870-х годов Меньшиков начинает заниматься журналистикой, печатаясь в газетах «Кронштадтский вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Русь». В 1880–1884 гг. в свободные от службы часы слушает лекции в Санкт-Петербургском университете, в том числе у Вл.С. Соловьёва. В этот период Меньшиков знакомится с тогда уже знаменитым поэтом С.Я. Надсоном. По рекомендации С.Я. Надсона главный редактор газеты «Неделя» П.А. Гайдебуров пригласил Меньшикова сотрудничать в газете, где тот сначала публиковал судебные очерки.

В 1892 г. Меньшиков выходит в отставку в чине штабс-капитана и целиком посвящает себя журналистике и литературной деятельности, все более укореняется в русском литературном обществе, знакомясь с А.П. Чеховым, Н.С. Лесковым, Л.Н. Толстым, Н.Н. Страховым, Я.П. Полонским. Все перечисленные писатели благожелательно и с сочувствием отнеслись к начиナющему литератору, отмечая его большой талант.

Разделяя взгляды народников, Меньшиков в 1890-е годы причислял себя к толстовцам; в дальнейшем, когда воззрения Л.Н. Толстого изменились в сторону противостояния с государством, церковью и армией, Меньшиков вел острую полемику с писателем и его последователями. С середины 1890-х годов Меньшиков уже являлся ведущим критиком и публицистом газеты поздних народников «Неделя» и ее журнального литературно-критического приложения – «Книжек “Недели”». В дальнейшем писатель исполнял обязанность фактического заведующего редакцией «Недели».

В период работы в газете «Неделя» и «Книжках “Недели”» Меньшиков опубликовал труды, во многом определившие характер его дальнейшего публицистического творчества в «Новом времени»: статью «Совесть и знание» («Русская мысль», 1895), книгу этической эссеистики «Думы о счастье» (СПб., 1894), сборник литературно-критических статей «О писательстве» (СПб., 1898), книгу-исследование «О любви» (1899), сборник литературно-критических статей «Критические очерки» (СПб., 1899–1902), книгу нравственно-философских эссе «Начала жизни» (СПб., 1901), книгу очерков «Народные заступники» (СПб., 1900).

В 1901 г. газета «Неделя» потерпела финансовый крах. М.О. Меньшиков перешел в «Новое время», где приобрел всероссийскую славу как яркий публицист; с этим изданием связан последний, главный этап жизни писателя. Весной 1917 г. Михаил Осипович был фактически отстранен от работы в «Новом времени». Сыновья и наследники А.С. Суворина срочно переориентировали направление газеты, устранив правых публицистов от работы. Зиму 1917–1918 гг. Меньшиков с семьей провел в г. Валдай Новгородской губернии, где у него была дача.

20 сентября 1918 г. Меньшиков был расстрелян прибывшей из Петрограда выездной карательной спецгруппой на берегу Валдайского озера, у стен знаменитого Иверского монастыря. Меньшикову поставили в вину «неподчинение» Советской власти. В 1993 г. писателя реабилитировали. Заключительные строки на мемориальной доске, установленной на валдайском доме Меньшикова, гласят: «Расстрелян за убеждения».

Остановимся подробнее на работах М.О. Меньшикова рубежа XIX–XX вв., показывающих специфику его литературно-критических взглядов. В течение 1890-х годов Меньшиков публиковал на страницах «Книжек “Недели”» статьи по теории литературы и журналистики, статьи-этюды о творчестве русских и зарубежных писателей. Позднее статьи по теории литературы Михаил Осипович собрал в книгу «О писательстве» (1898), а статьи о творчестве отдельных писателей – в сборник «Критические очерки» (1899–1902). В книге «О писательстве» Меньшиков размышлял о писательстве и чтении, назначении и пределах литературы, литературе будущего, роли литературной критики в литературном процессе и миссии журналистики; в «Критических очерках» он анализировал

творчество отдельных писателей, подводя итоги не только литературы, но и всей европейской цивилизации XIX в. В литературно-критических статьях Меньшиков выходил за пределы рассмотрения собственно литературных вопросов, изучения особенностей стиля писателей, связывая развитие литературного процесса и особенности литературных произведений с историей общественной мысли и политикой. Поэтому размышления Меньшикова о литературе нельзя отделить от его мыслей об обществе, цивилизации, прогрессе, человеке, Боге.

Среди перечисленных работ заслуживает особого внимания статья «О критике» (1894). Михаил Осипович принял участие в дискуссии конца XIX в. о назначении критики, развернувшейся в русской печати. В статье «О критике» Меньшиков подвел итог развития русской критики XIX в., определил ее значения для писательского творчества и место в литературном процессе. Писатель считал, что критика является необходимым слагаемым писательского творчества. Талантливая критика, по мнению писателя, становится искусством и оказывает большое влияние на литературное творчество: «Оговорюсь: под словом “kritika”, как и под словом “искусство”, я разумею талантливую критику и талантливое искусство; то, что не носит на себе печати дарования, в обеих областях я считаю одинаково ненужным, именно тем, что “могло бы не быть”. Речь может идти только о явлениях типических и сильных, о настоящей критике и настоящем искусстве. При этом необходимом ограничении, мне кажется, критика имеет самостоятельное и важное значение в литературе. Она способна не только заимствовать у искусства идеи, но и сообщать ему свои собственные. Она “может не быть” в той же мере, как может не быть и художественная литература; но раз последняя явилась, с нею неизбежно является и критика как органическая принадлежность искусства. Критика есть самый разум того прекрасного, живого и чувствующего тела, которое зовется литературой: говорить о служебной роли критики можно с тем же правом, как и о служебной роли разума вообще. Критика не только не есть нечто постороннее искусству, но входит в самый процесс творчества на всем его протяжении. Ведь первый и самый строгий, неумолимый критик – это художник. “Творческая способность”, “образное миросозерцание” состоят именно в умении выбрать из многих сходных образов самый жиз-

ненный и яркий, а *выбор* предполагает *суждение*. Лишенный критической способности художник тотчас же превращается в помешанного, у которого разрушены координирующие центры. Через его сознание мчатся вихрем образы и картины, создаваемые воображением, но он не в силах ни на одной остановиться и распределить их: он галлюцинирует, бредит, а не творит»¹.

В статье «О литературе и писателях» (1891) Меньшиков строго осуждал натурализм за его чрезмерное приближение к толпе, копирование жизни; литература, по его мнению, потеряла свою власть над людьми, становясь все более демократической («человеческой»), и утратила «божественные свойства»: «Да, литература с каждым днем теряет свое правящее значение, ее облагораживающая сила падает, из хозяина литература делается слугою и даже, как это ни позорно, часто лакеем публики. Не говорите о чрезвычайном развитии журналистики в культурных странах – это-то и есть конец собственно литературе. <...> Литература слилась с журналистикой, сделалась в тысячу раз доступнее, чем прежде; она вошла в ежедневную потребность, как табак, как музыка»².

По мнению Меньшикова, современная ему литературная школа – натурализм – самая «жизненная» из всех других школ, но в то же время и самая «загрязненная». Именно в натурализме художественность сведена до репортёрства. Меньшиков упрекал даже корифеев натурализма – Золя и Мопассана – в отсутствии высокой цели в их творчестве. Михаил Осипович был убежден, что именно литература должна возрождать идеалы в обществе, а современный ему натурализм и другие течения не могли претендовать на эту роль.

Требовательно подходя к литературе, Меньшиков критически оценивал достижения русской литературы XIX в., полагая, что как великие русские писатели-«консерваторы» (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский), так и писатели-демократы (Некрасов, Григорович, Салтыков-Щедрин, Г. Успенский) не смогли оказать достаточного благотворного влияния на общество. Меньшиков обвинял в этом литературу: «Да, виновна. Она виновна, как разум, который не только должен все предвидеть и от всякой опасности предостеречь, но и обязан быть достаточно сильным, чтобы заставить волю повиноваться себе. Литература

виновна в недостижении своих хороших целей уже тем, что их не достигла»³.

Особенно «строг» был Михаил Осипович к Пушкину и Лермонтову, которые хотя и были истинными пророками, «но, к несчастью для общества, они пророчествовали не в меру долга». Меньшиков поставил под сомнение нравственную составляющую творчества Пушкина и Лермонтова: характерными чертами их поэзии не были ни «пробуждение добрых чувств» (если не соединять доброе и красивое), ни прославление свободы, ни милосердие к падшим. По мнению писателя, значительно больше сделали для идейного совершенствования общества другие поэты – Жуковский, Кольцов, Никитин, Некрасов, которых Меньшиков относил ко второстепенным. С пророческой ролью писателя более справились знаменитые прозаики – Тургенев, Гончаров, Толстой, Достоевский. Но и они, по мнению Меньшикова, имели на общество недостаточное влияние, не соответствовавшее мере их дарования. Рассудочность, отсутствие нравственного вдохновения в реалистическом романе не позволяли этим писателям раскрыть свое дарование, нравственно воздействовать на общество. Потому что стихией реального романа являлось знание, а не вера.

Вместе с общим упадком культуры в конце XIX в. наметился кризис литературных форм и методов. Меньшиков предупреждал об опасности изображать в реалистических романах только отрицательные персонажи. По словам Меньшикова, «давящую материальность» ощущали многие великие реалисты – Гоголь, Достоевский, Гончаров, Толстой. В стремлении преодолеть это давление Достоевский вводил в свои романы отдельные трактаты и поэмы, а Толстой – целые исторические и философские отступления. Невозможностью возвыситься до художественной проповеди – высшего назначения писательства, – тщетными попытками создать образы положительных героев, носителей нравственного идеала, объяснил Меньшиков душевые драмы и мировоззренческий переворот Гоголя и Достоевского. В направлении художественной проповеди Меньшиков ожидал эволюции творчества Л. Толстого. В этом ракурсе творчество Л.Н. Толстого рассмотрено в статьях Меньшикова «Работа совести» (1893) и «Сбились с дороги» (рассказ Л.Н. Толстого «Хозяин и работник») (1895), вошедших в книгу «Критические очерки» (1899–1902).

В статье «Пределы литературы» (1893) Меньшиков продолжает исследование проблемы новых литературных форм, зависимости литературы от общих изменений национальной культуры. Меньшиков определил литературу как одно из главных искусств, даже больше чем искусство: «В ряду других искусств художественная литература, бесспорно, самое могучее средство выражения культуры. Она до такой степени всесильна, что ее не хочется даже и называть искусством: она – нечто особое и высшее, нечто самостоятельное, вроде науки или философии. Я в известных отношениях ставлю литературу даже выше философии и науки, как единственного явления, где все мертвые стихии духа – искусства и науки – сливаются в живой организованный состав. Литературу можно назвать изящною наукой или философским искусством»⁴.

В этой статье Меньшиков высказал оригинальную идею: литература способна оказывать влияние и на науку. «В художественном слове одинаково приобретают полноту жизни обе правды, свойственные каждой вещи: то, что *есть*, и то, что *должно быть*, истина бытия (идея) и истина идеала (красота). Художественность – в ее высшем творчестве, поэзия, – есть оживление бытия, освобождение духа, как бы заключенного в каждой вещи. Все науки выработались из искусств; литература как бы занимает пограничную линию этого процесса. В то время как низшие искусства дают представления, литература, кроме них, дает понятия, т.е. то, что служит предметом науки»⁵. Будущее литературы Меньшиков видел в развитии ее нравственной, просветительской функции, тесном слиянии ее с просвещенным обществом.

Таким образом, Меньшиков ставил знак равенства между литературой и просвещением общества. «Если когда-нибудь сбудется мечта пророков, если настанет вечный мир и “народы, распри позабыв, в великую семью соединятся”, то в этом идеальном будущем литература соберет в себе всю нравственную власть общества. Она будет школою общества, судом его, законодательством. Охватив собою “общество мыслящих”, беспрерывно распущее, она явится как бы духовною государственностью, не менее повелительно, чем, например, современная государственность на Западе, где власть уже принадлежит общественному мнению»⁶.

Меньшиков изучал развитие русской литературы в зависимости от нравственного роста русского общества. Писатель был

уверен, что для развития литературы (даже появления лирической поэзии) была необходима достаточная свобода и зарождение самобытной национальной культуры. Поэтому в XVIII в. русская литература не могла сформироваться, а появилась лишь под «освободительным влиянием Запада» в начале XIX в.; расцвет же русской литературы в наивысшем ее проявлении – поэзии – совпал с формированием «более мягкой, гуманной цивилизации».

По мнению Меньшикова, литература должна была содействовать всестороннему развитию общества, но в условиях общеевропейского кризиса культуры литература не смогла выполнить свое предназначение. В статье «Литературное бессилие» (1892) Меньшиков высказывал идеи о формировании, развитии и старении культуры, созвучные взглядам О. Шпенглера. Основным условием расцвета творчества «высокой интеллигенции» Меньшиков считал «напряженное сосредоточение народного духа и веяние новой чужой культуры». Заметным веянием стало влияние на русскую культуру культуры западноевропейской. Но в конце XIX в. и сама культура Европы – источник идейного расцвета и упадка русской культуры – переживала изнеможение, упадок. По мнению критика, упадок европейской культуры стал следствием «великой духовной катастрофы, разгрома культур, системы и миросозерцаний». Создалась цивилизация без культуры. Литературное оскудение было лишь следствием общемирового культурного оскудения, пределы которого были огромны. «Потеря общей цели, анархия направлений духа – вот опасность, преодолеть которую представляет величайшую задачу и для современного общества, и для литературы. <...> Современный прогресс имеет слишком стихийные свойства; он оказался в крайнем своем развитии силою столь же губительную, как и застой, силою, несовместимою с естественною жизнью человеческого духа»⁷.

Выходом из общеевропейского кризиса культуры Меньшиков считал возвращение к природе, естественной жизни, к вечным идеалам мудрости, неизменным во все века. По мысли Михаила Осиповича, литература должна была способствовать формированию великой культуры, а на основе этой культуры и литература снова могла стать великой. Следовательно, необходимость смены литературных направлений, форм писатель связывал с общим поиском новых форм культуры, которые бы содействовали пре-

одолению общеевропейского кризиса культуры. Новые формы обязательно должны быть связаны с духовными исканиями, с «культом», религиозным началом. «То нравственное изнеможение, тот всеобщий упадок духа, на который всюду жалуются, – продукт философского внушения человеку, что он – вещь. Великая ложь материализма – в убеждении, что царство человека – исключительно от мира сего, что сущность человеческой жизни – в ее внешности, что радость ее – вне человека, а не в нем самом»⁸.

В двухтомнике литературно-критических статей Меньшикова «Критические очерки» (1899–1902) писатель на материале русской и зарубежной литературы подводил своеобразный итог идеяным движениям XIX в., выявлял идеологические устремления нового, XX в., анализировал творчество своих современников (Л.Н. Толстого, Я.П. Полонского, Н.С. Лескова, С.Я. Надсона, А.П. Чехова). Среди своих современников писатель также не мог обойти вниманием творчество очень популярного своего младшего современника – А.М. Горького, посвятив его творчеству статьи «Красивый цинизм» и «Вожди народные». Кроме того, Меньшиков представил свою трактовку пьесы «Горе от ума», а также очень необычную интерпретацию творчества писателя, поэта и драматурга графа А.К. Толстого. Меньшиковская трактовка творчества А.К. Толстого в дальнейшем укоренилась в литературоведении. В статье «Клевета обожания» Михаил Осипович дал свою оценку восприятию творчества А.С. Пушкина популярными на рубеже XIX–XX вв. критиками-декадентами, прежде всего его идеологическим противником, влиятельным символистским критиком Акимом Волынским (Флексером). Меньшиков обратился к творчеству французского писателя-натуралиста Э. Золя в связи с развитием современного ему литературного процесса и литературной критики и кризисом натурализма.

В обобщающей статье книги «Критические очерки» «Кончина века» (1900) Меньшиков подвел итог всему XIX в.: «Искусства в этом веке пережили свое второе Возрождение, и если некоторые старые мастера не превзойдут в их индивидуальном стиле, то ряд новых мастеров разvил не менее высокую индивидуальность. <...> Девятнадцатый век обнаружил страшное напряжение человеческой мысли, доведя последнюю до ясновидения. Никогда не было такого обилия великих ученых, философов, поэтов,

никогда литература не разрасталась столь роскошно, не выдвигала столь мощных и оригинальных талантов. Что касается России, девятнадцатый век был первым и единственным веком ее просвещения, золотым (курсив Меньшикова. – В. Т.) веком нашей литературы. Но и в Европе это чудесное столетие было если не единственным, то самым ярким в смысле умственной жизни. Начавшись Байроном, Пушкиным, Гёте, Гюго – оно засияло великими талантами прозы, из которых один или два дошли до конца века: Лев Толстой – как Гибралтар Европу – достойно оканчивает собою это богатырское поколение»⁹.

Одной из самых значимых фигур в русской литературе второй половины XIX в. Меньшиков считал Н.С. Лескова. Без рассмотрения творчества Лескова для Меньшикова было немыслимо подведение итогов русской литературы XIX в., поэтому в книге «Критические очерки» Михаил Осипович посвятил Лескову статьи «Художественная проповедь» и «Прикрытый грех». Наибольший интерес представляет статья «Художественная проповедь» (1893).

Меньшиков указывал, что Лесков занимал в русской литературе особое место, являясь связующим звеном между литературой классического периода и формирующейся литературой XX в.: «И друзья, и враги Лескова признают, что он стоит особняком в литературе, что если он не сознавал своей школы, то и сам ни к какой не примкнул. Почти на каждом из наших романистов вы сейчас же увидите или гоголевское, или тургеневское, или толстовское происхождение; второстепенные таланты бессознательно копируют более сильные, перенимая то, что доступно подражанию – внешние черты. Не то Лесков: литературные школы не наложили на нем резкого отпечатка. Самобытный талант всегда выносит сам из своей жизни, из непрерывного общения с людьми и природой огромный запас и знания, и развития, и свежих чувств. <...> Оригинальность – первый признак таланта и даже великого таланта, но лишь при условии, если оригинальность *естественна*: только тогда она искренна и полна правды»¹⁰. Собрание сочинений Лескова явилось, по словам Меньшикова, «целым курсом для изучения русской жизни, яркой летописью одной из самых памятных эпох нашего быта»¹¹.

Меньшиков сравнивал Лескова со знаменитым французским реалистом Г. Флобером, так как и Лесковставил своей целью изу-

чить до мельчайшей детали весь быт и всю обстановку своих героев. Русский писатель стремился вооружиться всей палитрой красок, всеми выразительными средствами для своей живописи; Лесков, подобно Флоберу, погружаясь в изучаемый материал, иногда терялся в нем, так что поставленные им цели начинали затмеваться изобразительно-выразительными средствами, попросту исчезали в этих подчеркнуто колоритных приемах. Меньшиков так характеризовал особенности стиля Лескова: «Сочинения Лескова похожи на окна с фигурными и цветными стеклами: видимый сквозь них мир окрашен не совсем так, как в действительности, а ярче и фантастичнее, и очертания его не всегда правильны. Как Фет в поэзии, Лесков в беллетристике достигает своих эффектов иногда странными отступлениями от действительности, особенно резко подчеркивающими самую действительность. Впрочем, у Лескова нет одной, определенной манеры письма; все стили и пошибы ему известны. Как писатель-техник, он удивительно образован, но образованность его *заметна*: признак того, что она плод более науки, чем искусства. Разносторонность Лескова отвечает богатству его творчества. Сатирик по преимуществу, он большой мастер и в идиллии; едва ли у кого-нибудь, кроме разве Щедрина, встречаются столь пошлые, столь уродливые типы, но, с другой стороны, припомните хотя бы протопопа Савелия Туберозова из “Соборян” или студента Спиридонова из “На ножах”. Самые крайние настроения в Лескове как-то загадочно переплетаются: тончайший, смертельный яд злобы в сатире и нежное умиление в идиллии – трезвый и черствый ум с самою страстью фантазией»¹².

По мнению Меньшикова, эта «неумеренность, едкость и пряность таланта» и была истинной причиной острой ненависти, которую питала к Лескову не только демократическая, но и в целом либеральная критика второй половины XIX в.; настроение либеральной критики передавалось и демократической читающей публике. Поэтому, по словам Меньшикова, Лескову пришлось идти против течения, т.е. против мнения либеральной критики, которая вдохновлялась чувством обновления, прогресса, освобождения от ветхозаветных форм жизни. Русская либеральная критика видела свою миссию в сбережении всего нового, в защите новых типов людей только потому, что они были новы, не разбирая глубоко, плохи эти новые типы или хороши. Защищая типы новых

героев, не рассуждая, почти по-матерински любя эти новые порождения освободительного периода, демократическая критика порой ожесточенно защищала и пропагандировала даже самые чудовищные порождения того времени, в том числе целую галерею образов русских нигилистов. Предполагалось, что герой нового литературного произведения должен быть непохожим на человека крепостной эпохи, чтобы заслужить одобрение критики и большинства самих писателей. Либеральное течение в русской литературе было настолько сильно, что лишь самые независимые таланты находили в себе силы сопротивляться ему. По словам Меньшикова, только Достоевский в «Бесах», Тургенев в «Отцах и детях» и «Дыме», Гончаров в «Обрыве» позволили себе воплотить распространенный в эпоху реформ тип нигилиста. Даже этим писателям критика и публика не простила их отрицательное отношение к либеральному, как казалось тогда, типу героя. А в отношении Тургенева и Гончарова просто нельзя было не видеть их беспристрастия в изображении нигилизма: изображая комических Ситниковых и Кукшиных, Тургенев рядом создавал внушительную фигуру Базарова; при всей неприязни к Марку Волохову Гончаров наделил этого героя многими положительными чертами. Только Достоевский выступил против нигилистов значительно более резко: он беспощадно осудил нигилизм. Однако, по мнению Меньшикова, в приговоре нигилизму Достоевского чувствовалась жалость, снисхождение к нигилистам как к жертвам, в которых вселились «бесы». Меньшиков полагал, что Лесков был наделен менее уравновешенным темпераментом, чем Тургенев, Гончаров. Поэтому в своем непримиримом и беспощадном отрицании он превзошел не только их, но даже Достоевского. По словам Меньшикова, беспощадно критикуя нигилизм, Лесков был независимее и бескомпромисснее Тургенева, Гончарова и Достоевского: он уже не чувствовал к нигилизму ни капли сострадания, «обрушился на него со всеми имевшейся у него злобой и смешал своих врагов с грязью»¹³.

Именно эту непримиримость, по убеждению Меньшикова, и ставили в вину Лескову либеральные критики. Однако эту непримиримость Меньшиков вовсе не считал виной писателя. Меньшиков первым из литературных критиков определил главную особенность всего творчества Лескова – сочетание гротескного сатирического изображения действительности с предельно реалистич-

ческим изображением, переходящим в религиозно-философское осмысление и подлинную художественную проповедь.

Меньшиков был убежден, что в истории литературы Лесков займет место в одном ряду с Достоевским и Салтыковым-Щедриным, с творчеством которых Николая Семеновича, по словам Меньшикова, роднили характерные жанры, темы, мотивы, стилевые приемы, писательский темперамент. «Все три названных писателя при наличии большого таланта отличаются неуравновешенностью; они как бы одержимы каким-то мятущимся, беспокойным духом или, точнее, сонмищем духов, <...> причем то светлые, то мрачные силы торжествуют. <...> Лесков всегда и непрестанно был в оппозиции, как и Достоевский, как и Щедрин. Сатира есть постоянная, несмолкающая, непримиримая оппозиция, и Лесков остался верен этой основной черте своего таланта. Меньшиков подчеркивал, что Лесков совсем не похож по типу творчества ни на Достоевского, ни на Щедрина, но удивительно родствен им по темпераменту, что доказывается и стилем всех этих авторов: он у них одинаково искусственный, предвзятый, насыщенный всеми пряностями говоров и жаргонов. <...> Как у Щедрина и Достоевского, у Лескова такое же пристрастие к при-чудливому, чрезмерному, резкому и курьезному и, как у них, – способность при случае писать и совершенно спокойным языком»¹⁴.

По убеждению Меньшикова, Лесков, как крупный, самобытный талант, оставался цельным и неизменным на протяжении всего его творчества. Однако и здесь Меньшиков сделал любопытное замечание о специфике творчества Лескова в последние годы его жизни: именно в эти годы у Лескова появилось новое настроение, которым и был проникнут рассматриваемый Меньшиковым последний, одиннадцатый том его Собрания сочинений. Меньшиков обратил внимание, что в жизни многих русских писателей повторяется замечательная черта. Под старость вместо старицкой черствости в них, наоборот, развивается искренний, чисто юношеский идеализм. С физическим увяданием на склоне лет внутренний свет их души не меркнет, как у обыкновенных людей, но как бы освобождается от темных страстей. Этот внутренний свет становится более ярким и умиротворенным. Меньшиков писал: «После укрошенного зноя жизни, в тишине вечерней, на-

ших писателей охватывает как бы молитвенное настроение: с особою силой начинает гореть в них совесть, жажда забытого идеала, предчувствие мировой тайны. Натуры талантливые уже по природе своей религиозны: талант есть особый вид религиозного чувства, он есть откровение духа, в природе скрытого, его правды и красоты. Иногда этот поздний расцвет души писателей кажется реакцией, духовным упадком, как это говорили о Гоголе или о Л.Н. Толстом, но на самом деле это не упадок, а освобождение духа, приближение его к мудрости, которая, по древнему верованию, должна увенчивать достойную старость»¹⁵. Из писателей-современников этот душевный процесс, приводящий, по словам Меньшикова, к «осеннему расцвету идеализма», выраженному в художественной проповеди, был свойствен Л.Н. Толстому и Н.С. Лескову.

Главную особенность позднего периода творчества Лескова Меньшиков видел в том, что в этот период сочинения Николая Семеновича теряют свой резкий обличительный характер, сатира смягчается, становясь наставлением, проповедью добра и правды, «умиленным призывом к согласию и миру». Нравственный подъем в Лескове сказался в сочувствии к идеализму нового христианства и духовному возрождению; это подъем проявился во внимании к народной правде и народной нужде, всей жизни русского народа. По словам Меньшикова, прежний «реакционер» и «мракобес», как называли Лескова либеральные писатели и критики, переходит в либеральные журналы, защищая гуманные и просвещенные начала «против заскорузлого византизма». Несомненно, никаких социальных «утопий» Лесков не проповедовал, но, подобно Л.Н. Толстому, старается пробуждать в людях «чувства добрые»: в народе – свойственное ему стремление к божественной правде, в образованных людях – искреннее сострадание к народу. Меньшиков обратил внимание читателей, что в последнем XI томе Собрания сочинений Лескова подобными образцами являются не только народно-нравоучительные рассказы («Час воли Божьей», «Пустоплясы», «Дурачок», «Невинный Пруденций»), но и повести, «народно-бытовые картины», в том числе знаменитая «рапсодия» под названием «Юдоль», рассказ «Продукт природы». В «Юдоли» Лесков изобразил эпическую картину Николаевской эпохи, одним из кульминационных моментов которой стал народный голод

1840 г. Страшные по натуралистическому изображению сцены крайнего народного бедствия скорбно и беспристрастно представил Лесков. В конце повести «Юдоль» Лесков рассказал о явлении двух светлых ангелов, пришедших в этот скорбный и мрачный мир, – приезде в изнуренную голодом и тифом деревню народных заступниц – двух интеллигентных женщин, русской Полли и англичанки Гильдегарды. Показав картину беспросветного ужаса, в который превращается жизнь, Лесков убеждает нас, что добрая воля и добрые дела отдельных людей освещают темную бездну солнечным лучом, как на самом деле нетрудно помочь народу, если искренне захочет этого. По мысли Лескова, которая была особенно близка Меньшикову, «ангел-утешитель» – не видение, не грэза, это гуманный человек, который искренне хочет помочь другим людям. Меньшиков, как и Лесков, полагал, что каждый человек мог быть ангелом для своих близких, если искренне хотел им быть. История подвига двух прекрасных женщин, Полли и Гильдегарды, из которых одна, княгиня Полли, приходилась теткой автору, а вторая, англичанка-квакерша, простая гувернантка, приехала в глушь Орловской губернии как посланница старой, высокой европейской культуры, не похожей на русскую, но полной любви и подлинного благочестия. По убеждению Меньшикова, эти героини – тот «новый тип», который проявился в русской жизни и русской литературе. В то же время этот тип героя-подвижника очень стар, являясь вечным образом. Меньшиков обращает внимание своих читателей на то, «как стар этот тип, из какой старины и дали он идет»¹⁶.

В статье «Сбились с дороги (По поводу рассказа “Хозяин и работник” гр. Л.Н. Толстого)» Меньшиков акцентировал внимание на духовно-нравственном потенциале этого рассказа и поставил знак равенства между философским трактатом «Неделание» (1893) и этим рассказом. Он напомнил, что всего за несколько недель до опубликования «Хозяина и работника» в журнале «Северный вестник», где этот рассказ печатался, появилась замечательная статья Л.Н. Толстого «Неделание» о религии и нравственности, которая стала итогом его философского учения о величайших вопросах жизни. По мнению Меньшикова, эта статья была написана общедоступным языком, но не получила признания публики,

хотя и была очень интересной и, по сути, рассказывала о том же самом, что и рассказ «Хозяин и работник».

Как и в поздних произведениях Лескова, в рассказе «Хозяин и работник» Меньшиков увидел преодоление язычества хищных людей, подобных хозяину-кулаку Брехунову, христианским смирением, добром и непротивлением смиренного работника Никиты.

В статьях более позднего периода о творчестве Горького («Красивый цинизм», «Вожди народные») и Чехова («Слово о мужиках» и «Три стихии») Меньшиков еще раз проводит мысль о том, что мир спасет не «безумство храбрых», а смирение кротких. В статье «Три стихии» (о рассказе Чехова «В овраге») Меньшиков одним из первых в русской критике обратил внимание на религиозные мотивы в творчестве Чехова: образ кроткой поденщицы Липы воспринимается как извечный образ праведницы, предшествующий образу страшной и беспощадной хищницы Аксиньи Абрамовны. Только смирение и всепрощение Липы спасает проигравших в борьбе с Аксиньей более слабых хищников, которым именно Липа подает кусок хлеба.

В литературно-критических статьях Меньшиков выходил за пределы собственно литературоведческого анализа произведений, рассматривая творчество писателей на фоне обширного общественного контекста, и на материале русской литературы показывал соотношение консерватизма и либерализма, славянофильства и западничества. Противоборство этих течений охватило все стороны жизни русского общества, ярко отразилось оно и в русской литературе. Более того, по глубокому убеждению Михаила Осиповича, не вникнув в суть этих двух идеальных течений, нельзя понять ни русской литературы, ни всей русской национальной культуры.

Меньшиков полагал, что консерватизм не смог поддержать в русском обществе достаточный уровень культуры, патриархальные традиции. Русской культуре не дали сформироваться как на уровне отдельного индивида, так и в масштабах всего государства. Расстройство патриархального быта отрывало русских людей от их корней. Разночинная интеллигенция перемещалась по необъятным просторам Российской империи, не прирастая к определенному месту. Русский интеллигент не мог сформировать себя: это стало причиной появления «лишних людей», пассивных героев, нытиков, гамлетиков. Наиболее ярким отражением этого типа ин-

тэллигента в литературе стали герои Чехова. Отсутствие воли в русском человеке вообще и в русской интеллигенции – в частности, особенно тревожили писателя.

Михаил Осипович назвал свою статью о «Палате № 6» А.П. Чехова «Больная воля» (“Палата № 6”. Рассказ А.П. Чехова), имея в виду больную волю, бездеятельность русской интеллигенции, последствия которой так пугающе натуралистично изображены в знаменитом рассказе А.П. Чехова. Меньшиков считал, что Россия являлась той страной, где было так остро необходимо применение энергии и труда национальной интеллигенции. Однако интеллигенция не спешила применять свои силы, а то и вовсе демонстративно не хотела работать: «Нигде на свете для образованных людей нет более широкого поприща для работы, чем в России. <...> Казалось бы, какое необъятное поле для труда, для творческой, созидательной работы!»¹⁷.

Меньшиков разделял укоренившееся отрицательное мнение других критиков об Обломове и целом поколении «лишних людей», русских гамлетиков, которые не могут и не хотят активно работать, культурно развивать и просвещать свою родину. В то же время Меньшиков выделил более глубокие причины этого явления в среде русской интеллигенции. По мнению писателя, древняя культура Руси, от которой отказались высшие слои общества, была существенно более деятельной, предприимчивой, одушевленной. Он полагал, что упадок духа обнаружился в XVII в. и был связан с отмиранием органических начал старинного уклада общественной жизни и с развитием крепостного права.

Меньшиков трактовал произведение Чехова с точки зрения нравственного закона, соотношения совести и бытового знания. Меньшиков подчеркивал, что рассказ «Палата № 6» не открывает в русской жизни ничего нового, а лишь констатирует печальную данность, но «он ярко и художественно подтверждает старую, печальную истину о безжизненности нашей так называемой интеллигенции»¹⁸.

В статье «Оскорбленный гений (К 100-летию со дня рождения А.С. Грибоедова)» Меньшиков привлек внимание к нравственному потенциалу «Горя от ума», вслед за другими знаменитыми русскими критиками назвав А.С. Грибоедова «великим русским человеком, первым, имевшим мужество стать совестью русского

общества и громко сказать ему горькую правду». В этой статье Меньшиков относит А.С. Грибоедова к ярким представителям русского либерализма и неожиданно выступает как апологет русских либералов-западников (П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского), показывая, как неразрывно были связаны в русской общественной жизни консерватизм и либерализм, славянофильство и западничество, как тесно они переплелись в истории всей русской литературы. «Писанная в течение многих лет, запрещенная в печати, эта пьеса “наперекор стихиям” ворвалась в русское общество, облетела всю Россию, рассыпалась на тысячу пословиц и внедрилась в умы; она заставила признать себя, победоносно вошла на сцену, и с тех пор более полувека господствует на ней, как лучшая, *классическая* (курсив М.О. Меньшикова. – В. Т.) наша драма. Тощая брошюра, которую прочесть можно в час, дала автору место рядом с Пушкиным и Лермонтовым. Очевидно, в двух печатных листах Грибоедов дал нечто *особенно* (курсив М.О. Меньшикова. – В. Т.) нужное для русского общества. Как в небольшом алмазе, в этой маленькой вещи сосредоточено драгоценное сияние. И в самом деле, «Горе от ума» имеет все признаки великого (курсив М.О. Меньшикова. – В. Т.) произведения»¹⁹.

Характерными чертами «великого произведения» Меньшиков считал универсальность изображенных в произведении характеров и нравов, глубину идейного содержания. Это в полной мере можно отнести к комедии «Горе от ума». Кроме того, главной чертой комедии «Горе от ума» как выдающегося классического произведения национальной литературы критик считал ее подлинно национальный язык. «Не умрет и язык комедии – естественный, живой язык, в веках отчеканенный народной мыслью и гением увековеченный»²⁰.

По словам Меньшикова, нравственное значение «Горя от ума» заключалось не только и даже не столько в художественной правде образов, яркости и правдивости языка, сколько в гениальном замысле всей комедии: «Самое дорогое в ней – *благородный* (курсив Меньшикова. – В. Т.) замысел, и в этом отношении она несравненна. Я не знаю другой пьесы, где был бы раскрыт более важный, центральный (курсив Меньшикова. – В. Т.) вопрос русской жизни и где бы он проведен был с такою *возвышенностью*, в связи с общечеловеческими, *вечными задачами*»²¹.

Меньшиков ставил комедию «Горе от ума» даже выше, чем драму А.С. Пушкина «Борис Годунов», драму М.Ю. Лермонтова «Маскарад» и комедию Н.В. Гоголя «Ревизор». Критик видел не-преходящее значение комедии в том, что это произведение не только классической русской литературы, но и произведение, выходящее за пределы национальной литературы, показывающее универсальность драмы свободной личности в несвободном обществе: «Только в “Горе от ума” художественное зрение направлено на самое большое зло жизни, и только в этой пьесе совершается искренняя, нелицемерная, до конца договоренная исповедь общества. <...> Из всех исторических грехов русского народа самый тяжкий – это упадок понятия о человеческом достоинстве, пренебрежение к нравственному идеалу, в котором вся сила личности, а через нее – и вся сила общества. Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь, ни Островский, ни даже Л.Н. Толстой (во “Власти тьмы”) не ставят этого великого вопроса так прямо и ясно, как это удалось Грибоедову. Ни у кого из них не отмечено так ярко появление благородного духа в низкой среде и вся драма возникающей отсюда скорби»²².

Именно личность Чацкого казалась Меньшикову «гениальной», потому что так характерны были ее достоинства и недостатки. По словам писателя, Чацкий является собой гениальную натуру, так как именно гениальный человек поступает в житейской драматической истории настолько нерасчетливо, «отстаивая в каждое мгновение только мысль свою». Меньшиков напоминает, что Пушкин и все современники Грибоедова единодушно считали прототипом Чацкого инакомыслящего философа, западника П.Я. Чаадаева. Меньшиков считал Чаадаева гениальной натурой. Это утверждение показывает объективность Меньшикова как литературного критика, который рассматривал диалектику либерализма и консерватизма. Консерватор и государственник, Меньшиков видел самую суть пьесы «Горе от ума» именно в «появлении в русском обществе не просто умной, а гениальной (курсив Меньшикова. – В. Т.) натуры, и “миллион терзаний”, встречающий ее в родной среде. Умный человек в России благоденствует – страдает и гибнет гений. Разве в Чацком не предсказана печальная судьба наших великих талантов – Пушкина, Лермонтова, самого Грибоедова?»²³.

Меньшиков встает на сторону Чаадаева и тех редких в русском обществе «благородных мечтателей», «оскорбленных гениев», которые в одиночку противодействовали неумолимой среде «исторических дней». Все эти люди, погруженные в грубую и косную, рабскую среду, принадлежали, по мнению Меньшикова, к особой породе «одиноких мечтателей, гуманистов, народолюбцев», осужденных на «миллион нравственных терзаний», на вседневное “оскорблённое чувство”»²⁴.

Подлинным европейцем, поэтом-романтиком в творчестве и в жизни был, по мнению Меньшикова, поэт граф А.К. Толстой. В статье «Поэт-богатырь (По поводу писем гр. А.К. Толстого)» (1895) Меньшиков говорил о своеобразии взглядов А.К. Толстого, его трактовке русской истории, видя в нем идеал русского европейца, иной полюс романтической народности в противоположность Н.А. Некрасову: «Что составляет отличительную черту гр. Алексея Толстого как писателя? <...> Алексей Толстой выделяется совершенно своеобразным историческим миросозерцанием, своими особенностями общественными вкусами. Он не был ни западник, ни славянофил, ни консерватор, ни либерал, ни государственник, ни анархист, а нечто совсем особое, для чего нет еще и названия в русской жизни. <...> “Мы – европейцы, а не монголы!” – готов был кричать с крыши бедный поэт, видя всюду в жизни, и вправо, и влево от себя, монгольские начала. Те, кто слышали его, соглашались, что мы – европейцы, но, как некоторые славянофилы и лжеохранители, проповедовали монголизм, сами того, быть может, не замечая. <...> Алексей Толстой, “двух станов не боец, а только гость случайный”, как он себя характеризует, отвергаемый обоими лагерями – консерваторами и либералами, – я думаю, он был неведомо для себя предвестником новой и в то же время очень старой эры русского сознания»²⁵.

Показывая специфику мировоззрения А.К. Толстого, Меньшиков рассмотрел исторические былины «Змей Тугарин» и «По-ток-богатырь» потому, что именно эти былины Алексея Толстого наиболее характеризовали «заветные идеалы» поэта. Опубликованные в 1890-е годы письма проливали особый свет на эти произведения. Меньшиков подчеркивал, что и во многих других его балладах и исторических драмах звучит та же мысль: о прекрасном начале русской истории и напрасной гибели древней народ-

ной культуры. Ненавидя татарскую и московскую эпохи, Алексей Толстой отрицательно относится и к Петровской реформе (стихотворение «Государь ты, наш батюшка»). «Последний царь московский “палкою” заваривал свою кашу, и вышла она “крутенька”. В сущности, петербургский период (до императора Александра II) явился не отрицанием Москвы, а ее – хоть и не прямым – продолжением, как Москва – своего рода продолжением Золотой Орды. Вспомните в петербургском периоде времена Бирона и Аракчеева. Последнего Алексей Толстой мог еще хорошо помнить. Даже сравнительно гуманное время его царственного друга детства, как видно из первого приведенного письма, не вызывало в поэте полного сочувствия – иначе нет сомнения, он, как киевский богатырь, отдал бы все свои огромные силы на службу новому Владимиру»²⁶.

По мнению Меньшикова, глубокий интерес к русской истории – отличительная черта поэзии графа А.К. Толстого, Меньшиков усматривал в этом интересе преемственность между творчеством А.К. Толстого и наследием Пушкина и Лермонтова: «Только у Пушкина и Лермонтова заметно настоящее чувство народности, искренний интерес к старине и истории. По “Песне о купце Калашникове”, по “Борису Годунову” можно судить, что дали бы эти могучие таланты, проживи они дольше. Пушкин все-таки успел оставить и образцовый исторический роман, и образцовую (в отдельных сценах) историческую драму, и ряд чудесных, хотя и не из русской жизни набросков исторических баллад, и ряд превосходных народных сказок. Менее удачны его исторические поэмы, написанные в чужом для Пушкина роде. Гр. Алексей Толстой примыкает в этом отношении к великим нашим поэтам: не равняясь, конечно, с ними талантом, он почти не уступает им в чувстве народности и, может быть, даже превосходит их в высоте настроения»²⁷.

По мнению Меньшикова, в своем отношении к русской истории А.К. Толстой далеко опередил свое время, приблизившись к писателям рубежа XIX–XX вв. Меньшиков видел в исторических драмах и былинах графа А.К. Толстого одновременно философски и романтически осмысленное отражение истории, в отличие от отношения к истории у Пушкина, который любил историю как художник-реалист. По словам Меньшикова, Пушкин любовался кар-

тинами прошлого, срисовывал их с тем же удовольствием, как чужую, иностранную старину. Великим поэтом в историческом исследовании двигало любопытство. Алексей Толстой относился к старине «как к живой современности, с пылкою заинтересованностью, с осуждением или восторгом. Это не тенденция, от которой он откращивался, это – нравственная впечатлительность». Именно эта «нравственная впечатлительность» отличала А.К. Толстого как писателя-романтика. Отношение к нашей истории у Пушкина было политическое, у Алексея Толстого – строго нравственное.

По мнению Меньшикова, для Пушкина (как и Карамзина) высшим критерием в истории была «внешняя *сила* государства, грубая, побеждающая сила». Именно из этого отношения Пушкина проистекало его преклонение перед Петром Великим и даже Наполеоном, благоговение у гробницы Кутузова. Граф А.К. Толстой, по мнению Меньшикова, был по своему мировоззрению ближе к концу XIX в., так как в его отношении к истории господствовал «исторический критерий – сила не внешняя, а внутренняя – *правда*, человеческое достоинство, гражданский дух. Этот нравственный критерий – явление совершенно новое и весьма еще непрочное в нашем обществе. Алексей Толстой, современник поэтов-славянофилов, первый из них выдвинул нравственный взгляд на историю, чем всего резче он от них и отличался»²⁸.

Нравственное отношение к истории и судьбе народной, по мысли Меньшикова, заставило А.К. Толстого отречься и от прошлого, и от современного ему настоящего, которое было во многом еще омрачено влияниями прошлого. Этим Меньшиков объяснял его неучастие в современной политической жизни, отказ от службы и карьеры. Меньшиков подчеркивал, что А.К. Толстой призывал русских почувствовать себя «кровными европейцами», осознать, что «начала гуманности» – родные русским начала. «Обидно быть работниками Европы, но еще обиднее чувствовать себя и нравственно слабее ее, уступая ей в справедливости и достоинстве жизни»²⁹.

Таким образом, М.О. Меньшиков проявил себя как оригинальный литературный критик и литературовед, рассмотревший творчество крупнейших современных ему писателей, а также пи-

сателей-классиков начала XIX в. В его интерпретациях проявились идейно-философские и литературные искания эпохи.

¹ Меньшиков М. О писательстве. – СПб., 1898. – С. 231.

² Там же. – С. 3.

³ Там же. – С. 6.

⁴ Там же. – С. 272.

⁵ Там же. – С. 264–265.

⁶ Там же. – С. 272.

⁷ Там же. – С. 27–28.

⁸ Там же. – С. 223.

⁹ Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. 1. – СПб., 1899. – С. 376–377.

¹⁰ Меньшиков М.О. Великорусская идея / Сост., предисл. и comment. В.Б. Трофимовой. Т. 2. – М., 2012. – С. 258.

¹¹ Там же. – С. 257.

¹² Там же. – С. 258.

¹³ Там же. – С. 260.

¹⁴ Там же. – С. 282.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 284–285.

¹⁷ Меньшиков М.О. Критические очерки. – Т. 1. – С. 158.

¹⁸ Там же. – С. 187.

¹⁹ Там же. – С. 263.

²⁰ Там же. – С. 263.

²¹ Там же. – С. 263–264.

²² Там же. – С. 265.

²³ Там же. – С. 292.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. – С. 246.

²⁶ Там же. – С. 317–318.

²⁷ Там же. – С. 318–319.

²⁸ Там же. – С. 321.

²⁹ Там же. – С. 328.

А.В. Громова

**«ПОДЛИННЫЙ, НАСТОЯЩИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТАЛАНТ»
(О Л.Ф. ЗУРОВЕ)**

Аннотация

Очерк посвящен жизненному и творческому пути Л.Ф. Зурова (1902–1971) – писателя, принадлежавшего к младшему поколению первой российской эмиграции.

Ключевые слова: Л.Ф. Зуров, русское зарубежье, русская литература XX в.

Gromova A.V. About L.F. Zurov

Summary. The sketch is devoted life and the works of L.F. Zurov (1902–1971), the writer of younger generation of the first Russian emigration.

В настоящее время, когда изучение литературы русского зарубежья первой волны уже достигло значительных результатов, в ее истории еще остается немало белых пятен. К темам, которые предстоит основательно исследовать, относится наследие Леонида Федоровича Зурова (1902–1971).

Его привыкли воспринимать как «второстепенного» писателя русского зарубежья, принадлежавшего к молодому поколению первой эмиграции, а в еще большей степени – как «персонажа примечаний» к биографии И.А. Бунина, с семьей которого он прожил долгие годы. В 1960-е годы отношение к Зурову в Советском Союзе усугубилось из-за борьбы за «бунинское наследство». После смерти Бунина, а затем и его вдовы, В.Н. Буниной-Муромцевой, Зуров стал наследником обширного бунинского архива, который он безуспешно пытался передать в Советский Союз. Переговоры не привели к положительному результату: Зурову от-

ветили, что архив «не имеет ценности», а после того как писатель завещал архив профессору Эдинбургского университета М.Э. Грин, обвинили его в корыстных намерениях. И в современных публикациях продолжают появляться утверждения, что Зуров «продал» бунинский архив¹, хотя наследие перешло в Эдинбург по завещанию писателя уже после его смерти. Негативное отношение советского литературоведческого сообщества к Зурову привело к тому, что в России возник и культивировался искаженный и крайне несправедливый образ писателя как беспаланного, неблагодарного и психически неуравновешенного человека, проживавшего в семье Бунина в качестве нахлебника. Этот образ укоренился не только в беллетристике и кино (повесть В.В. Лаврова «Холодная осень», фильм А.Е. Учителя «Дневник его жены»), но и в некоторых статьях, претендующих на научную достоверность². По этой причине и наиболее глубокие научные работы о Зурове (например, статьи И.З. Белобровцевой) нередко имеют внутреннюю направленность на развенчание несправедливого стереотипа.

Несмотря на то что творчество Зурова получило высокую оценку в критике эмиграции (его ценил Бунин, о произведениях Зурова положительно высказывались Г.В. Адамович, Ю.И. Айхенвальд, М.А. Алданов, А.В. Амфитеатров, К.И. Зайцев, а также представители его поколения – «младшие» эмигранты В.С. Варшавский, Ю.К. Терапиано, Ю. Фельзен, С.И. Шаршун), в России его произведения не переиздавались вплоть до конца 1990-х годов, да и в науке длительное время не уделялось должного внимания его самобытному творчеству. Лишь в 1990-е годы появился ряд публикаций, положивших начало объективному изучению жизни и творчества писателя. Среди первых нужно назвать выпущенный А.Н. Стрижёвым в издательстве «Паломник» сборник рассказов и повестей Зурова «Обитель», содержащий не только переиздания произведений ранее практически неизвестного писателя, но и критико-биографический очерк о нем, а также собранную по крупицам библиографию. Нельзя не упомянуть энциклопедические статьи А.В. Дранова и А.М. Любомудрова, также впервые знакомящие читателей с малоизвестным автором. В 2000-е годы исследователи: И.З. Белобровцева, Р. Дэвис, А. Рогачевский, А.Н. Стрижёв, А.В. Громова – ввели в научный оборот архивные и редкие материалы, позволившие объективно взглянуть на биографию,

личность и творческую деятельность писателя. Появление статей П.С. Глущакова, А.В. Громовой, В.Т. Захаровой, А.М. Любомудрова, А.Г. Разумовской, В.В. Шадурского о проблематике и поэтике прозы писателя свидетельствует о новом этапе освоения его наследия.

Леонид Федорович Зуров родился 5 (18) апреля 1902 г. в г. Остров Псковской губернии. Его отец принадлежал к купеческому сословию, а мать происходила из дворянского рода. Она рано умерла, некоторое время будущий писатель жил с бабушкой по материнской линии, которая также вскоре скончалась, и его воспитание взяла на себя бабушка со стороны отца.

Зуров учился в Псковском реальном училище. Годы обучения в старших классах совпали с началом Первой мировой войны, затем последовали Февральская и Октябрьская революции и гражданская междуусобица. Многие личные впечатления Зурова впоследствии послужили материалом для его художественных произведений, тяготеющих к документальности.

В ноябре 1918 г., «16-летним реалистом», Зуров вместе с отцом записался вольноопределяющимся в формировавшийся в г. Острове 2-й стрелковый полк Северной армии, в отряд светлейшего князя А.П. Ливена (позже включенный в состав Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича), был пулеметчиком, участвовал в наступлении на Петроград, был контужен и дважды ранен. В 1919 г. армия Юденича отступила за реку Нарва в Эстонию, была разоружена и интернирована эстонским правительством. В январе 1920 г. Зуров потерял отца, умершего от тифа, а в феврале был уволен от военной службы в связи с расформированием Северо-Западной армии и поступил санитаром в русский военный госпиталь Нарвы. Условия работы были настолько тяжелыми, что многие санитары и рабочие бежали оттуда. Это был период тифозной эпидемии, во время которой Зуров дважды переболел тифом – сыпным и возвратным. В июне он получил командировку в Ревель «по делам службы» и обратно в госпиталь уже не вернулся, отправившись в Ригу. Там будущий писатель завершил школьное образование, закончив в 1922 г. Рижскую городскую русскую среднюю школу (бывшую Ломоносовскую гимназию).

Получив аттестат, Зуров продолжил обучение в Чехословакии, поступив осенью 1922 г. в Пражскую высшую техническую школу на отделение архитектуры и наземных сооружений. Одновременно он посещал археологический факультет Карлова университета и семинары известного византиниста академика Н.П. Кондакова. Интерес Зурова к истории и археологии был рожден чувством любви к героическому прошлому родной земли и впоследствии нашел выход в его археолого-этнографических разведках на Псковщине.

Проучившись чуть более года, Зуров был вынужден оставить учебу по состоянию здоровья. Мешало и безденежье, и невозможность найти работу в Праге, и территориальная отдаленность от России. Позже Зуров писал об этом периоде Г.Н. Кузнецовой: «В Праге было очень тяжело. В 1924 г. после госпиталя и летнего отдыха я покинул ее, чтобы очутиться около родных полей. К Латвии отошел кусок нашей Псковской губернии. И близость России меня укрепила лучше всех докторов»³.

Вернувшись в Ригу, Зуров перебивался случайными заработками, нередко – на тяжелой работе (работал репетитором, мальяром, рабочим на кинематографической фабрике и в типографии, чернорабочим городской управы на понтонном мосту, такелажником в порту). Несмотря на это, он активно включился в общественную и литературную жизнь: вступил в Общество русского студенчества в Латвии, представительствовал на 2-м съезде студентов-эмигрантов в Праге, в апреле 1924 г. – на конференции Объединения русских эмигрантских студенческих организаций, в марте 1926 г. – на Российском зарубежном съезде в Париже.

На общем собрании Общества Зуров выступил с докладом о необходимости захоронения в братской могиле воинов, павших в Гражданскую войну. Этой же важной для Зурова теме были посвящены его первые выступления в печати: рассказ «Вечерний звон», стихотворение «Цветы на могилу» (опубликованы в рижской газете «Маяк» в 1922), статьи, напечатанные в рижской газете «Слово».

Интерес к литературной деятельности привел Зурова в редакции рижских изданий.

В 1925 г. он помогал в качестве секретаря одному из редакторов сборника «Белое дело» А.П. Ливену, готовил материалы для

«Архива гражданской борьбы с большевизмом». В 1927 г. в альманахе «Белое дело» был опубликован посвященный 12-му Темницкому гренадерскому полку очерк Зурова «Даниловы», написанный на основе рассказов участников событий, воспоминаний полковника А.Д. Данилова и хранившихся у него документов.

История Белого движения, участником которого был Зуров, стала для него важнейшим делом жизни. На протяжении многих лет он занимался сбором материалов по истории Северо-Западной армии (в частности, отряда Ливена, позже переформированного в 5-ю Ливенскую дивизию), включая приказы по армии, рапорты, донесения, финансово-хозяйственные документы, дневники и письма офицеров, а также записи устных рассказов бывших северо-западников. Эти материалы после смерти писателя перешли в составе его архива к М. Грин, которая передала их А.И. Солженицыну, а тот, в свою очередь, – Библиотеке-Фонду «Русское Зарубежье» (ныне переименованной в Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына). В настоящее время эти документы составляют обширный объединенный архивный фонд (Ф. 39. «Северо-Западная армия»).

С 1926 г. Зуров сотрудничал в журнале «Перезвоны», где не только помещал свои публикации, но также исполнял обязанности секретаря редакции, а с 1928 г. входил в число его постоянных сотрудников. В том же издательстве «Саламандра» выходила газета «Слово», в которой Зуров печатался в 1926–1929 гг.

Во второй половине 1920-х годов Зуров окончательно сформировался как писатель. С 1925 по 1929 гг. (до отъезда во Францию) в рижской периодике (газетах «Слово», журнале «Перезвоны» и др.) им было опубликовано около сорока очерков и рассказов. Тогда же определились основные темы его творчества: история Гражданской войны и Добровольческого движения («Этап в Нарве», «Плевок», «Напоминание», «Герой», «Даниловы», «Смерть Бориса»), жизнь русских крестьян старообрядческих деревень Латгалии, которые он неоднократно посещал («В крестьянском доме», «Ярмарка в Пыталове», «Режицкий базар», «В Жоготах и у старообрядцев», «Гребенщиковский молитвенный дом»), история древностей Псково-Печерского монастыря («Старинная икона с рисунком Псково-Печерской обители», «Печерские легенды»).

В писательских кругах русского зарубежья имя Зурова стало широко известно в 1928 г., когда в рижском издательстве «Саламандра» одна за другой вышли две книги его художественной прозы: «Кадет» и «Отчина».

Первый сборник включил повесть «Кадет» и еще семь рассказов, первоначально публиковавшихся в газете «Слово». Центральный герой заглавной повести – 16-летний кадет Митя Соломин, который с оружием в руках отправляется защищать свои идеалы и становится участником Ярославского восстания в июле 1918 г. Повесть можно назвать «автопсихологической», хотя описанные в ней факты не совпадают с реальной биографией Зурова. Тем не менее художественная достоверность изображенного была настолько высока, что оно воспринималось как лично пережитое автором. Художественный пафос повести хорошо прочувствовал современный исследователь А.Н. Стрижев, который писал о первых произведениях Зурова: «Взятое им национально-историческое направление в изображении облика прочных созидательных устоев жизни, в изобличении злодейских приемов разрушения этих устоев и верховенства греха выдвинуло на передний план непреходящее значение религиозно-нравственного идеала»⁴.

Действительно, религиозность, глубоко прочувствованные духовные основы русского традиционного уклада стали константой художественного мира Зурова. Не случайно следующей после «Кадета» книгой стала «Отчина» – «сказание о древнем Пскове».

В 1928 г. издателями альбома «Псково-Печерский монастырь: Общий культурно-исторический очерк» Зуров был командирован в находившийся на территории Эстонии г. Петсери (Печоры) с целью составления описи древностей библиотеки и ризницы Псково-Печерского Свято-Успенского мужского монастыря⁵. В том же году была издана его книга «Отчина: Повесть о древнем Пскове», посвященная истории обители и Псковского края во времена Иоанна Грозного. Книга вышла в художественном оформлении автора, использовавшего для украшения древние киноварные буквы XVI в., рисунки филиграней бумаги и тиснений переплетов, а также собственные рисунки монастырских построек – церкви свт. Николая Чудотворца (Николы Вратаря) и главной звонницы.

Разослав экземпляры книг «Кадет» и «Отчина» ведущим писателям и критикам эмиграции, Зуров получил благожелательные

отзывы Г.В. Адамовича, Ю.И. Айхенвальда, А.В. Амфитеатрова, И.А. Бунина, К.И. Зайцева, А.И. Куприна, П.М. Пильского, И.С. Шмелёва, единодушно отметивших талант начинающего про-заика. Важнейшим фактором признания стал для Зурова положи-тельный отзыв Бунина, который не только с восторгом воспринял первую книгу начинающего автора, но и заинтересовался его судьбой. 7 декабря 1928 г. Бунин обратился к Зурову с письмом, в котором расспрашивал о его жизни. Завязалась переписка, которая продолжалась до ноября 1929 г. После получения второй книги – «Отчина» – Бунин опубликовал в газете «Россия и славянство» рецензию, в которой выделял начинающего автора среди других. Он писал о Зурове: «<...> подлинный, настоящий художественный талант, – именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает, – много, по-моему, обещающий при всей своей молодости»⁶.

Заочное знакомство с Буниным стало поворотным моментом в судьбе Зурова. Бунин начал настойчиво звать молодого писателя к себе, обращался к К.И. Зайцеву и В.Ф. Зеелеру с просьбой посо-действовать Зурову в получении въездной визы во Францию и да-же выслал ему деньги на дорогу.

Получив приглашение Бунина, Зуров не торопился принять решение о переезде, несмотря на то что Париж к этому времени стал признанным культурным центром русского зарубежья, а покровительство Бунина сулило ему поддержку в литературных кругах. Зуров не имел во Франции знакомых, не знал французско-го языка и сомневался, сможет ли найти в чужой стране работу, которая давала бы возможность заниматься литературным трудом. С другой стороны, жизнь в Латвии означала для Зурова близость к России, а это было одним из важнейших факторов его душевного равновесия и творческого настроения. Тем не менее непростое ре-шение о переезде во Францию было принято, и 23 ноября 1929 г. Зуров приехал в Грасс на виллу Бунина.

Его приезд был выразительно запечатлен в дневниковых за-писях В.Н. Муромцевой-Буниной и Г.Н. Кузнецовой, особенно запомнивших, что Зуров привез в качестве подарков антоновские яблоки, клюкву, черный хлеб и плетеные лукошки. Тогда никто не мог предполагать, что Зуров задержится в доме Бунина надолго, спустя годы будет ухаживать за умирающим писателем и еще во-

семь лет после его кончины будет проживать в одной квартире с Верой Николаевной, которая искренне привязалась к Питомцу (такое прозвище получил Зуров в семье Буниных).

Переехав на виллу «Бельведер», Зуров попал в творческую среду, сформировавшуюся вокруг Бунина, в доме которого часто гостили литераторы, а некоторые проживали постоянно. В числе последних в начале 1930-х годов были Н.Я. Рошин (впоследствии уехавший в Советский Союз) и Г.Н. Кузнецова, находившаяся на положении нахлебницы и ученицы. Примерно так же стали воспринимать и Зурова. Творческая атмосфера, поддерживавшаяся Буниным, разрушалась двусмысленностью ситуации, которая недоброжелательно обсуждалась в Париже. Отношения с Буниным складывались у Зурова непросто. Это было вызвано прежде всего нежеланием младшего попадать в моральную и материальную зависимость от старшего. Но реальной возможности обрести в чужой стране финансовую независимость, продолжая заниматься писательством, у Зурова не было. Несмотря на все попытки эмансипироваться (Зуров разводил на вилле огород, устраивался на работу, платил Бунину – единственный из нахлебников – небольшую сумму за проживание), различные объективные обстоятельства (незнание французского языка, начавшийся в 1932 г. туберкулез) не позволили ему обрести полную свободу.

Не меньше мучило и отсутствие адекватной среды, и положение «младшего», и разочарование в «парижских писателях» (выразительные свидетельства моральной угнетенности Зурова содержатся, например, в «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой). Однако нельзя не отметить и благотворности среды, поддерживающей и питавшей молодых писателей из окружения Бунина. Та же Кузнецова в начале 1930-х годов писала Зурову из Парижа: «Наше повышенное отношение к писанию проявлять здесь просто психически невозможно, потому что никто здесь давным-давно не смотрит на это как на священное действие, а как на обычную жизненную функцию, вроде еды, о которой говорить в повышенном тоне просто дурной тон <...>»; «Увы! Никто так не будет здесь беречь наши чувства, как это делаем мы на Бельведере»⁷.

Живя во Франции, Зуров вскоре стал достаточно известен. В 1937–1939 гг. он был председателем Объединения молодых русских писателей и поэтов в Париже, активно посещал литературные

мероприятия, его публикации появлялись в русской зарубежной печати. Зуров печатался в авторитетных парижских изданиях «Последние новости», «Иллюстрированная Россия», «Современные записки», альманахе «Круг»; эстонском журнале «Старое и новое», сборнике «Новь», газете «День русского просвещения», в рижских газетах «Сегодня», «Для Вас», «Наша газета», где в 1930–1944 гг. Зуров также участвовал в подготовке рижского старообрядческого журнала «Родная старина».

В 1930-е годы Зуров создал ряд произведений малой прозы и два романа, действие которых разворачивается на фоне событий Первой мировой и Гражданской войн: «Древний путь» (Париж: Современные записки, 1934) и «Поле» (Париж: Дом книги, 1938). Произведения Зурова имели резонанс в критике: о них положительно отзывались Г.В. Адамович, П.М. Бицилли, В.С. Варшавский, К.И. Зайцев, Ю.Л. Мандельштам, П. Пильский и др. Даже Г.В. Адамович, скептически относившийся к творческой манере Зурова, тем не менее выделял его среди молодых писателей эмиграции, ставя в один ряд не только с Ю. Фельзеном и С.И. Шаршуном, но и с Г.И. Газдановым и Сириным.

Важнейшей стороной деятельности Зурова были его археологические и этнографические изыскания, которыми он занимался на любительском уровне, но с большим энтузиазмом. Еще в 1920-е годы Зуров самостоятельно посещал Латгалию, в 1928 г. участвовал в создании книги о Псково-Печерском монастыре. Тогда же Зуров посетил Изборск и отметил, что Печорский край богат необследованными памятниками зодчества времен вечевого Пскова и Московской Руси. Поразило его не только богатство археологических находок, но и небрежение эстонского государства к славянским древностям: курганы запахивались, крестьяне брали на постройку валуны с могильников, увозили кресты, процветало кладоискательство⁸.

В библиотеке монастыря Зуров обнаружил заброшенную икону XVI в. с изображением обители. Это изображение стало для него образцом, когда в 1935 г. Зуров по поручению Министерства народного просвещения Эстонской республики отправился в Псково-Печерский монастырь для участия в реставрации крыльца и звонницы надвратной церкви свт. Николая (Николы Ратного). Тогда же Зуров посетил Нарву, обследовал Печорский уезд и

открыл Митковицкий Городачек – древнее славянское поселение, а также сделал ряд археологических находок каменного века⁹. Зуров сообщил о своих находках в Министерство просвещения Эстонии, благодаря чему древности были официально зарегистрированы, а Митковицкий Городачек взят под охрану Археологическим кабинетом Юрьевского (Тартуского) университета (правда, в эстонской прессе сообщалось, что он открыт эстонским археологом О. Саарде)¹⁰.

Желая придать своим экспедициям официальный статус и получить финансовую поддержку, Зуров обратился в учреждения, которые могли заинтересоваться результатами его исследований: в недавно открывшийся Парижский музей человека (Трокадеро), археологический институт им. Н.П. Кондакова в Праге, Базельский университет. Переговоры с Музеем человека велись через студента этнологического института, русского эмигранта (впоследствии – героя Французского сопротивления) Б.В. Вильде. Именно ему удалось получить субсидию на поездку. В 1937 г. в Печорский край поехали уже три исследовательские группы: преподаватель из Праги Н.Е. Андреев обследовал церковные древности, его студентка И.Н. Окунева собирала материалы по топонимике края, профессор Базельского университета Э.Э. Малер делала фонографические записи народных песен, Вильде проводил этнографическую, а Зуров – археологическую разведку. Экспедиция была организована под эгидой Парижского музея человека и Министерства просвещения Франции. (Правда, Андреев в своих воспоминаниях утверждал, что экспедиции из Праги и Базеля были организованы и финансировались независимо от парижской миссии¹¹. Тем не менее Зуров выступил объединяющим началом в деятельности этих групп.)

Миссия 1937 г. оказалась весьма продуктивной. На следующий год Зуров вновь пытался получить командировку Музея естественной истории (Музея человека) с целью изучения русских районов Прибалтики (района Сетумаа, Чудского озера и реки Нарва), но ему было отказано. Тем не менее 7 июня 1938 г. Зуров отправился в Прибалтику: экспедиция была организована на добровольные пожертвования и при содействии П.Н. Милюкова, собравшего часть средств. Зуров обследовал Изборск, Малый и Печорский уезд. После изменения политической ситуации в стра-

нах Балтии, при отсутствии официальной миссии и какого-либо гражданства (Зуров был «нансенист», т.е. имел паспорт беженца), исследователь столкнулся с рядом препятствий,чинимых местными властями, – вплоть до вызова в полицейское управление и предписание немедленно покинуть Печорский край. Зурову, однако, удалось плодотворно работать в течение всего лета и начала осени.

В 1939 г. все экспедиционные деньги Трокадеро были сняты на военную оборону, а с 1940 г., когда Эстония была присоединена к СССР, доступ на ее землю для эмигранта Зурова оказался закрыт.

Масштабы археолого-этнографической деятельности энтузиаста-любителя Зурова поистине впечатляют. В результате археологической разведки были обнаружены древние поселения, остатки костей и керамики, каменные топоры, курганы со следами сожжений. Было обследовано до 150 курганов на берегу Псковского озера. Около деревни Зимний Борок были найдены громадные жернова особой формы, очаг и остатки жилища, описаны могильники, сохранившиеся со времен литовского нашествия.

В результате проведенных экспедиций были взяты под охрану многие археологические памятники, Музеем Трокадеро собрана обширная коллекция предметов материальной культуры (льняных свадебных полотенец, плетеных и тканых свадебных поясов, вышивок, домотканых полотен, утвари, игрушек и т.п.), записано несколько сот песен и преданий, составлены планы местности и карты Изборского края, собран богатый материал по топонимике края, сделано более 200 уникальных фотографий. Зурову удалось заснять не только печорский базар, на который съезжались мастера-кустари из всех деревень уезда, но и множество ритуалов, восходящих к древнейшим языческим верованиям: сетуские тризны на старых могилах в Ильинскую пятницу в погосте Зачернье, омовение в священном ручье, лечение ребенка громовой стрелой в деревне Лезги, сетускую свадьбу с участием обрядового кузнеца в деревне Поталово, погребение рыбака в деревне Лесья и отправление его тела в ладью, поклонение священному Иванову камню в Иванов день около деревни Мегузицы, «ночное игрище сетов в Иванову ночь»: гуляние у костров, «женские эротические пляски вечером 24-го июня и старуху, руководительницу женского празд-

ника, символизирующего плодородие»¹² (названия населенных пунктов приводятся в той форме, в какой они даны в записях Зурова. – А. Г.).

Собранные участниками экспедиций коллекции оказались в разных местах: собрание полотенец, поясов и утвари, а также фотонегативы были переданы в Музей человека, материалы по исследованию древностей Псково-Печерского монастыря – в Кондаковский институт в Праге, фонозаписи увезены Э.Э. Малер в Швейцарию, археологические находки сданы в Археологический Кабинет Тартуского университета.

Инициатор этих этнолого-археологических разысканий Зуров составил «Записку о произведенном обследовании древностей Печорского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печорском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведок в 1935, 1937 и 1938 гг.» (1946), которая была передана в качестве отчета в соответствующие учреждения, субсидировавшие миссию. Результаты своих этнографических наблюдений он изложил в «Записке о дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских чудо-эстонцев и крестьян Печорского края» объемом 92 машинописные страницы¹³. На основе этой записи Зуровым была написана статья для шведского научного журнала «Folk-Liv», напечатанная в 1940 г. при содействии шведского фольклориста К. Кнютссона. Она была издана с сокращениями, без сносок и ссылок, неопубликованная вторая часть рукописи оставалась на руках у автора.

Зуров выражал желание, чтобы уникальные материалы по истории славянской культуры были переданы в Советский Союз. 22 декабря 1944 г. он письменно обратился к представителю СССР во Франции с просьбой передать статью с результатами его исследований Печорского края советским научным учреждениям, но письмо вернули Зурову, когда выяснилось, что он не собирается принимать советского гражданства и возвращаться в Россию «при советской власти»¹⁴.

Поездки в Эстонию и посещения Псково-Печерского монастыря дали писателю богатый материал для творчества. Благодаря им писатель имел возможность жить среди русских людей и не чувствовать роковой отдаленности от оставленной родины. Все близко знавшие Зурова отмечали его фанатичную увлеченность темой

России и русской жизни. Например, Г.Н. Кузнецова записала 31 января 1932 г. в своем «Грасском дневнике»: «Лнся еще, сам того не зная, счастливей всех, потому что у него еще есть его любовь к псковским озерам, мужикам, избам и церковкам, и он мечтает о них с каким-то даже осторожением» [36, с. 272]. Близость писателя к русской почве отмечала и критика. Например, Г.В. Адамович в 1938 г. писал в рецензии на роман «Поле»: «Из всех своих сверстников Зуров один постоянно обращен к родной земле и не страдает никаким **отрывом**. Его язык блещет оборотами, которые мало-помалу исчезают из нашего городского, а особенно эмигрантского городского обихода. Его замыслы уходят в глубь народной жизни и как будто растворяются в ней»¹⁵ (выделено Адамовичем. – А. Г.). А в 1971 г. Н.Е. Андреев отметил в итоговой статье, посвященной творчеству Зурова: «<...> Непосредственная близость к осколкам подлинной России <...> определила во многом тематику и отозвалась на его мировоззрении, которое можно определить как “почвенническое”»¹⁶.

Сам писатель осознавал, какое преимущество перед другими изгнанниками имел, благодаря своим этнографическим занятиям. Отвечая в 1958 г. на вопрос проф. П.А. Сорокина, как ему удалось на протяжении многих лет сохранить прекрасный русский язык, Зуров писал: «Я был счастливее многих других эмигрантов, так как до войны неоднократно ездил работать в Прибалтийский край, где я вел археологическую разведку (для Музея человека). <...> Встреча с родиной (а это принаровье, чудской край, берега озер, изборские холмы), встречи с простыми русскими людьми, ночевки в избах, беседы с рыбаками и крестьянами (я бережно слова их храню). Это дорогое наследство»¹⁷.

Осенью 1938 г., вернувшись из последней экспедиции, Зуров остался в Париже, систематизируя собранные материалы. Он не хотел возвращаться в Грасс и мечтал переехать на жительство в Латвию.

Как многие русские эмигранты, Зуров был причастен к масонству: с марта 1939 г. входил в масонскую ложу «Северная звезда» (Париж), но после войны не принимал участия в работе ложи¹⁸.

В 1939 г. Зуров был мобилизован во французскую армию, весной 1940 г. освобожден от службы как больной туберкулезом и долго лечился в санатории, откуда в сентябре 1940 г. вернулся в

Грасс. В годы Второй мировой войны Зуров вновь проживал у Буниных вместе с Г.Н. Кузнецовой, М.А. Степун и А.В. Бахрахом, необъективно запечатлевшим облик писателя в своей мемуарной книге «Бунин в халате».

Зурова дважды арестовывало гестапо. Нельзя забывать о том, что он был хорошо знаком с Б.В. Вильде, который в канун войны помогал ему организовывать этнографические экспедиции в Прибалтику, а в военные годы стал одним из главных деятелей французского Сопротивления.

В конце войны у многих патриотично настроенных русских эмигрантов оформилось настроение доверия к советскому правительству. Зуров принимал участие в деятельности «Союза друзей Советской Родины», сотрудничал в газете «Советский патриот».

После войны Зуров служил сторожем в Буживале под Парижем. Он вновь включился в литературную жизнь, помещал публикации в парижских альманахах «Встреча», «Русский сборник», с 1945 г. печатался в США – в изданиях «Новоселье», «Новый журнал». По материалам рассказов одной из узниц немецкого концентрационного лагеря он написал статью «Аушвиц».

В послевоенные годы стали налаживаться отношения Зурова с Буниным. В 1947 г. Зуров поддержал решение Бунина выйти из Союза русских писателей и журналистов во Франции, после того как из него были исключены литераторы, принявшие советское гражданство. В 1952 г. во время тяжелой болезни Бунина Зуров ухаживал за писателем, а после его смерти поселился в его квартире и помогал В.Н. Буниной в подготовке издания последней книги писателя «О Чехове». После кончины В.Н. Буниной Зуров унаследовал архив семьи писателя, систематизировал его и опубликовал некоторые материалы. Он также переписывался с литературоведами в СССР (А.К. Бабореко, С.М. Макашиным, Н.П. Смирновым, Л.Н. Афониным и др.), сообщал ранее неизвестные сведения о жизни Бунина. В конце 1950-х годов Зуров переписывался с советскими историками и готовил новый обзор своих исследований по истории Псковского края для АН СССР.

В эти годы Зуров не прекращал творческую деятельность. С конца 1930-х годов он работал над романом «Зимний дворец» – первой частью задуманной, но неосуществленной исторической трилогии-эпопеи о событиях революции в обеих столицах и в про-

винции. Стремившийся к наибольшей исторической точности автор тщательно переделывал «Зимний дворец». С 1946 г. в Нью-Йорке печатались отдельные главы романа, в английском архиве писателя сохранилась его обширная рукопись¹⁹. Однако «Зимний дворец», как и две другие части трилогии – «Большое Вознесение» и «Перекати-Поле», – остался незавершенным.

Творческие искания Зурова шли параллельно со сходными поисками А.И. Солженицына. Тем не менее в письме к М.Э. Грин Зуров негативно отзывался об изданном в Париже в 1971 г. романе «Август четырнадцатого», упрекнув его в «надуманности» и искусственностии. По справедливому наблюдению И.З. Белобровцевой, причиной непонимания стала эстетическая установка Зурова на предельную правдивость, которую писатель понимал как скрупулезное следование документу²⁰. Однако, находя все новые и новые материалы об изображаемой эпохе, Зуров так и не смог довести до конца свой масштабный замысел. Неоконченной осталась и повесть о любви «Иван-да-Марья», действие которой происходит в годы Первой мировой войны. Реконструированный И.З. Белобровцевой текст повести был опубликован в журнале «Москва» в 2005 г.

В 1953 г. у Зурова впервые проявились признаки душевного расстройства, которые выражались главным образом в страхах: боязни провокаторов и шпионов, боязни возможного похищения и т.п. Обострение болезни, вызванное нервными потрясениями, пережитыми во время войны, и переутомлением (связанным как с напряженной работой над романом, так и с необходимостью ухаживать за тяжело больным Буниным) привело писателя в больницу. Там Зуров находился до декабря, из-за чего не смог присутствовать на похоронах И.А. Бунина. Крест над могилой писателя на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа был выполнен А.Н. Бенуа по эскизу Зурова с древнерусского памятника псковской земли – «труворова креста».

Еще в 1951 г. В.Н. Бунина развернула кампанию по сбору денег на издание «Зимнего дворца». Однако собранные деньги ушли на лечение, а вместо обещанного романа в 1958 г. вышла последняя книга Зурова «Марьянка» – сборник, состоявший из 21 рассказа, ранее опубликованного в периодике. Автор рассыпал экземпляры книги ранее подписавшимся на «Зимний дворец» и

получил несколько десятков благожелательных отзывов читателей. Сборник также получил хорошие отзывы в критике – в рецензиях Г. Адамовича, Ю. Большухина, В. Варшавского, А. Шика, В. Унковского²¹.

В 1950–1960-х годах Зуров несколько раз посещал Шотландию (по приглашению М.Э. Грин), где собирал сведения по генеалогии рода Лермонтовых. Результаты его изысканий были опубликованы в нью-йоркском «Новом журнале» в 1961 и 1965 гг. Также он собирал материалы по древней истории Бretани.

После кончины В.Н. Буниной Зуров оказался в полном одиночестве. Он проживал в квартире, которую ранее занимали Бунины, в доме неподалеку от дома Б.К. Зайцева. Зуров был дружен с его дочерью, Натальей Борисовной, и ее мужем, Андреем Владимировичем Соллогубом. Н.Б. Зайцева-Соллогуб приняла на себя заботу о писателе, который посещал их дом практически ежедневно. Она относилась к Зурову с большой теплотой, заботилась о нем; она же взяла на себя хлопоты по погребению писателя после его кончины в сентябре 1971 г. Зуров был похоронен 14 сентября 1971 г. на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Большинство близко знавших Зурова людей относились к нему с искренней симпатией. Во многих источниках цитируется отзыв З.А. Шаховской, которая писала в своих мемуарах: «Лёню Зурова все любили. Да и трудно было его не любить. На Монпарнасе Леонид Зуров предстал как добрый русский молодец, высокий, румяный, сероглазый, русый, как бы прямо вступивший из древнего Пскова на парижский асфальт. Говорил он спокойно и благожелательно, в литературных склоках и интригах не участвовал <...> шел своей дорогой»²². Г.Н. Кузнецова в письмах к нему выражала симpatию, писала о родственности их творческих установок. С теплотой вспоминали о Зурове Н.Б. Зайцева-Соллогуб и Н.Е. Андреев. «Таким себе представляю воина Руси Киевской, Руси Новгородской. Воина – певца Слова о полку Игореве, Слова о Погибели Земли Русской. Древнерусская душа, умудренная скорбным и грозным опытом наших лет», – писал в некрологе Зурову его друг Сергей Жаба²³.

Многие критики русского зарубежья отмечали талант и самобытность Зурова, который оставался верен своим творческим

установкам и даже в условиях рассеяния не изменил своей приверженности русской культуре. Этот факт зафиксирован в мемуарах близко знавших его людей. Например, Н.Б. Соллогуб на вопрос: «О чём же он в основном говорил? Что его волновало?» – однозначно ответила: «Россия. Россия. Всё, что было связано с Россией...»²⁴. Об этом же писал В.С. Варшавский, который считал Зурова «исключением» из ряда «младших» литераторов-эмигрантов: «Он всегда писал о России, о русских полях и озерах, о народе на войне и в революции. Древние стихии народной жизни он чувствовал даже глубже, чем кто-либо из старших писателей, разумеется, кроме Бунина»²⁵.

На облик Зурова лег от свет бунинской славы, и его до сих пор воспринимают как «ученика Бунина». Но современные литературоведческие исследования наглядно демонстрируют самобытность творческой манеры этого незаслуженно забытого писателя.

Современники его были убеждены: «Книги Леонида Зурова останутся в русской литературе не в разряде литературных экспериментов, но как важные и правдивейшие свидетельства совестливого и чуткого очевидца русских трагедий и русской стойкости, запечатленные талантливым мастером прозы в полновесном писательском слове»²⁶.

¹ Голубева Л. И.А. Бунин и Л.Ф. Зуров: История отношений // Вопросы литературы. – 1998. – № 4. – С. 372.

² Голубева Л. Указ. соч.

³ «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) / Публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса. Вступ. ст. И. Белобровцевой // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. – М.: Русский путь, 2004. – С. 248.

⁴ Стрижев А. Л. Зуров: Героика и благочестие // Москва. – 2003. – № 1. – С. 228–231.

⁵ Составленная им опись древностей Псково-Печерского монастыря была опубликована в качестве приложения в кн.: Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. В. Синайский. – Рига: тип. «Рити», 1929. – С. 57.

⁶ Бунин И. Л. Зуров // Россия и славянство. – Париж, 1929. – № 4981 (12 января). – № 7. – С. 3.

- ⁷ Переписка Л. Зурова с Г. Кузнецовой // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 50. Лл. 6, 7 об.
- ⁸ Зуров Л. Записка о произведенном обследовании древностей Печорского и Изборского краев, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведок в 1935, 1937 и 1938 гг. (1946) // Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 3. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 4.
- ⁹ Зуров Л. Из истории церкви Николая Ратного в Печерском монастыре. Как был открыт древний город, носящий название Городачек // Новь. – 1935. – Сб. 8. – С. 93–102.
- ¹⁰ Белобровцева И.З. Л. Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. – М.: Флинта; Наука, 2010. – С. 297.
- ¹¹ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Н.Е. Андреева (1908–1982). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – С. 346, 349.
- ¹² Зуров Л. Записка о произведенном обследовании древностей Печорского и Изборского краев, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведок в 1935, 1937 и 1938 гг. (1946) // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 31.
- ¹³ См.: Ковалевский П. Л. Зуров – этнограф // Русская Мысль. – Париж, 1971. – 23 сентября. – С. 9.
- ¹⁴ Зуров Л. Копия письма представителю СССР во Франции // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 3.
- ¹⁵ Адамович Г. Л. Зуров. «Поле» [Рец.] // Последние Новости. – 1938. – 24 марта. – С. 3.
- ¹⁶ Андреев Н.Е. Отчина и ее автор // Новый Журнал. – 1971. – № 105. – С. 140.
- ¹⁷ Зуров Л. Письмо проф. П.А. Сорокину от 10.09.1958 г. Авторизованная машинописная копия // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 137. Л. 19.
- ¹⁸ См.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 1189.
- ¹⁹ Heywood A.J. Catalogue of the Ivan Bunin, Vera Bunina, Leonid Zurov and Ekaterina Lopatina collections. – Leeds: Leeds University Press, 2000. – Р. 299.
- ²⁰ Белобровцева И. Леонид Зуров – писатель-эмигрант, которого нельзя назвать «эмигрантским писателем» // «В рассеянии сущие...»: Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века»: Сб. докл. / Отв. ред. И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 181–190.
- ²¹ Громова А.В. Из истории литературы русского зарубежья: (Сборник Л.Ф. Зурова «Марьянка» в отзывах читателей и критики) // Русская литература. – СПб., 2008. – № 2. – С. 203–211.
- ²² Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. – Москва: Книга, 1991. – С. 274.
- ²³ Жаба С. Памяти друга. (К годовщине смерти Л. Зурова) // Русская Мысль. – Париж, 1981. – № 3386, 12 ноября.

- ²⁴ «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / Авт.-сост. О.А. Ростова; Коммент. Л.А. Мнухин. – М.: Русский Путь, 2004. – С. 215.
- ²⁵ Варшавский В. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – С. 183.
- ²⁶ Андреев Н.Е. Л.Ф. Зуров. Некролог // Новый Журнал. – 1971. – № 105. – С. 275.

ПУБЛИКАЦИИ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРОЕВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: В.Г. БОЛДЫРЕВ

Участники Белого движения во время Гражданской войны в России (1918–1922) оставили немало воспоминаний о тех трагических днях. Только немногие из них, как «Очерки русской смуты» Антона Ивановича Деникина, опубликованы. В архивах, частных собраниях у нас и за рубежом сохранились воспоминания участников Белого движения. Мы впервые печатаем отрывки из воспоминаний генерал-лейтенанта Василия Георгиевича Болдырева, государственного деятеля, историка и публициста, написанные в Японии (Токио) в 1920 г. Материалы представлены его внучкой Людмилой Леонидовной Черниченко (урожд. Болдыревой), которая готовит книгу о В.Г. Болдыреве.

* * *

Гражданская война и ее последствия

Россия, только что вынесшая тяжесть мировой войны, привнесшая едва ли не наибольшие жертвы кровью своих сыновей, вместо мира, устроения от потрясений, произведенных великойвойной, ныне переживает новую еще более разрушительную гражданскую войну. Предвидеть конец этому взаимоистреблению чрезвычайно трудно. Трудно это прежде всего потому, что враждующие стороны слишком противоположны в своих достижениях, и, кроме того, в ходе этой борьбы существенно заинтересованы и наши недавние враги, и наши настоящие союзники. Это последнее обстоятельство гораздо важнее, чем оно могло бы показаться.

Действительно, Германия, вышедшая из войны побежденной, кроме огромных потерь людьми, понесла и огромный материальный ущерб в виде утрат всех своих колоний, потери значительной части своего торгового флота, неизбежным следствием чего является, конечно, и крушение ее морской торговли. В этих условиях взгляды и чаяния Германии, естественно, устремляются на соседнюю Россию. Учитывая разгром нашей промышленности за время войны и междуусобицей и без того слабой культуры, Германия, не без оснований, рассчитывает найти у нас и выгодный рынок для сбыта своих товаров, и все необходимое для ее могучей промышленности. В свою очередь, и правительство советской России, ввиду непрерывного роста антибольшевистских сил и успешного распространения их по европейской России, нуждается в поддержке Германии, откуда оно может получить и необходимое техническое руководство, и недостающие боевые материалы.

Эта взаимная заинтересованность – большой козырь в руках большевиков, недаром, несмотря на блестящие успехи армии генерала А.И. Деникина, союзники настойчиво проводят в жизнь идею блокады советской России, не считаясь со всеми тяжкими последствиями этого мероприятия в отношении мирного много-миллионного населения, находящегося в районе, подвластном большевикам.

Союзники тоже заинтересованы ходом борьбы, им, несомненно, желательно, чтобы истомленный и ослабленный изнурительной борьбой большевизм не был бы в состоянии распространиться за пределы России в той мере, которая нарушила бы мирную трудовую жизнь их стран. Как ни благоразумна демократия Запада, как ни поучителен пример недавней английской забастовки, во время которой правительство и вышедший на улицу миллион рабочего люда показали и изумительную выдержку, и исключительный государственный такт, все же соблазн большевизма гипнотизирует рабочие массы, и правительства должны быть настороже.

Имеет некоторое значение и то обстоятельство, что борьба вызывает значительный спрос на тот боевой материал, который в огромном количестве остается от войны и который, таким образом, сохраняет свою ценность, что, конечно, в интересах тех стран, от которых этот материал поступает. В этих условиях, когда враж-

дующие стороны преследуют взаимно непримиримые цели, когда они располагают огромным запасом людей, имеют возможность получать необходимые боевые материалы, а путем безудержного выпуска бумажных денег и кредита располагают и нужными денежными средствами, борьба может сделаться и крайне жестокой, и бесконечно затяжной.

В истории есть пример, характеризующий, насколько затяжной может быть подобная борьба. В войне Северо-Американских соединенных штатов (1861–1865), где условия борьбы имели много общего с нашими: шесть миллионов «конфедератов» (южан) были принуждены капитулировать перед 12-ю миллионами северных лишь после пятилетней самой упорной и ожесточенной борьбы, и что вождь северян, весьма талантливый генерал Грант, считал, что мир немыслим, если конфедерация не будет раздавлена.

Мы пока боремся более полутора лет, и результаты таковы: случайные боевые организации, которыми располагали обе стороны, выросли в огромные армии, дерущиеся на огромных фронтах. Пожар гражданской войны охватил почти всю огромную территорию России. Крайне слабый транспорт, с трудом обслуживающий все возрастающие потребности армии, лишает население самых насущных жизненных предметов. Живя или в доме, или за счет безграницного выпуска бумажных денег и только покупая, обе борющиеся стороны доводят экономическое положение в занимаемых ими областях почти до полного краха. Население, озлобленное непрерывными мобилизациями и реквизициями, оказавшееся почти всюду в районе боевых действий, теряет возможность мирно трудиться или бунтует открыто и в связи с этим трактуется или большевиками или контрреволюционерами в зависимости от того, на чьей территории оно оказалось. Конечно, военная помощь вооруженной силой могла бы резко изменить картину, особенно год назад, когда и психологически, и материально обстановка была крайне благоприятна для нанесения решительного удара большевизму, тогда еще не располагавшему настоящей организованной силой.

Но союзники этого не хотели или не могли сделать. Особенно сетовать на них за это нельзя. В политике не место сентиментальностям. Трезво смотрящее на дело правительство, конечно, прежде всего соблюдает интересы своей страны. Всякий своему

счастью кузнец – это нам надо твердо помнить. Невольно поражаешься, что до сих пор еще некоторые наивные люди взывают к союзникам и ждут от них какого-то чуда. В этом отношении весьма характерна последняя брошюра Леонида Андреева на французском языке «Au secours» (S.O.S.)¹ – сплошной вопль, с которым он громит и молит союзников, разразившись после Русско-японской войны «красным смехом». Почтенный писатель, видимо, был окончательно потрясен ужасами революции, приветствию которой он немало посвятил вдохновенных слов. Так жизнь учит мечтателей. В порыве отчаяния некоторые патриоты, лишившиеся привычек, благ, клянут не только большевиков, но и весь родной народ, готовы кинуться в любое подданство и все ждут, когда же явится спаситель и совершил чудо.

В изложенных условиях ждать чудес – занятие по крайне мере бесполезное, и всякое дело спасения Родины есть наше собственное дело. Никакая сила, ни Божеская, ни человеческая, никакие обстоятельства не в состоянии нас спасти. Мы сами должны работать для своего спасения, иначе мы погибли... «Нация может быть спасена при помощи новых, до сих пор не употреблявшихся средств, через создание нового порядка вещей» (Фихте. «Речи к германской нации»). Если это так, если слова горячего немецкого патриота должны найти полный отклик и в нашем сознании, необходимо несколько осмотреться, необходимо вдуматься в то, что происходит.

В настоящее время большевики и борющиеся против них правительства решают исход борьбы мечом. Обе стороны готовы или победить, или умереть. Но лозунг «победа или смерть» – не более как красавая фраза. Миллион людей сразу умереть не могут, и руководящим крикунам не лишне задуматься, в каких условиях окажутся они, миллионы, при этом или ином исходе борьбы. Полезно осветить возможные последствия междоусобицы, чтобы в будущем спокойно учесть их, как бы сложны они ни оказались. По моему мнению, представляется чрезвычайно важным. Законы эволюции человеческого общества имеют свою определенную после-

¹ Брошюра Л.Н. Андреева первоначально напечатана во французской газете «La Cause Commune». – Paris, 1919. – 20 mars. – № 39; по-русски под названием «Спасите» в газете «Общее Дело». – Париж. 1919. – 24 марта. – № 40. Авторская дата: 6 февраля 1919.

довательность, и как бы мы ни старались ускорить или изменить ход событий, они все равно сохраняют и свое время, и свое направление. И мы видим, как ни настойчивы стремления к скорейшей ликвидации большевизма, он упорно и цепко держится на своих позициях.

Если в последнее время силы сторон в численном отношении заметно изменяются в благоприятном смысле для стороны, враждебной большевизму, то этот последний, видимо, восполняет невыгодное обстоятельство наибольшим упорством в борьбе усовершенствованием своей вооруженной силы. Этим только и можно объяснить задержки в развитии широкого успеха, начавшегося на юге России, и неустойчивость на Сибирском фронте. А если это так, то при разрешении спора мечом предвидеть весьма желанный скорый конец борьбы крайне трудно.

При затяжной же борьбе в таковую будут втягиваться все большие и большие силы: уже и теперь почти все мужское взрослое население призываются под ружье. Попутно с развитием сил и театра военных действий, а таких в борьбе всегда возможны взаимные временные успехи и неудачи, полны вооруженного люда, перекатываемого с места на место по всей территории России, не только уничтожая накопленные веками ценности, но и создавая условия, невозможные для какого-либо производительного труда; как последствие этого — нищета и голод. Уже и теперь гражданская война создала беженское движение, подобное Великому переселению народов, и, несмотря на все усилия правительской, общественной и иноземной помощи, пути движения беженцев превращаются в аллеи смерти.

Обе стороны невольно разрушают достояние общей Родины, получая извне не средства ликвидации пожара, а лишь горючий материал для его усиления. Мы можем ослабнуть в этом взаимном самоистреблении до такой степени, что сделаемся свободным полем для состязания наших соседей. В состоянии ли мы будем тогда, усталые и обнищавшие, предохранить свое культурное развитие перед мощным давлением, напором иноземщины с ее могучей техникой, на дальнейшее развитие, которое неудержимо устремляется теперь в освободившиеся от войны сил. Конечно, с точки зрения «отбора сильных» эта жестокая встряска, может быть, имеет и свои хорошие стороны. Но каждое напряжение имеет свои грани-

цы. И даже стальная пружина лопается, когда переходит предел ее упругости.

Нищета и голод, физическое и духовное оскудение масс – это первое и важнейшее последствие затяжной междоусобицы. К этому необходимо прибавить, что поголовное вооружение народа и участие его в гражданской войне, несомненно, значительно подорвет основы государственной дисциплины и надолго затормозит установление необходимого для хозяйственной жизни гражданского правопорядка. Затяжной характер гражданской войны, несомненно, способствует все большему и большему стремлению к обособлению отдельных народностей, входивших в состав государства Российского. Каждая попытка отделиться, частью из чувства самосохранения, частью по оперативным побуждениям, стремится выйти из борьбы или вести таковую открыто, за собственный риск, и, таким образом, вся тяжесть междоусобицы ляжет на великорусский центр – основное ядро русской государственности. Постоянное признание политической независимости отчленяющихся народностей, несомненно, в будущем усложнит все объединения и затянет переход из спокойной гражданской жизни.

Лично я приветствую культурно-национальные автономии областей и народностей. Но не мыслю единой и великой России без прочного объединения всех ее составных частей в единое политическое целое. Это необходимо и в интересах России как таковой, и в интересах существования каждой из составляющих ее народностей.

Расчленение России – нежелательное с точки зрения интересов общего обострения сепаратизма – второе весьма важное последствие затяжения гражданской войны. Затяжная вражда, охватывающая обе борющиеся стороны, разжигаясь в затяжной борьбе, будет делать все глубже и глубже пропасть между частями одного и того же народа. У одних страх потерять приобретенное, у других жажда мести за утрату прав и имущественного благосостояния будут затемнять основную цель борьбы – восстановление и укрепление моци России, которая только и возможна при великому самоуправлении и объединенной работе всего народа.

Этот глубокий раскол среди народа – также неизбежное последствие затяжной междоусобицы.

Сказанное, конечно, далеко не исчерпывает сущность затронутого вопроса, но думается, что и приведенные мысли – достаточный материал для размышления.

Токио. 12 ноября 1919 г.

ГАРФ. Фонд 10055. Оп. 2. Д. 4. Л. 14–23.

От публикатора

Мой дед генерал-лейтенант Василий Георгиевич Болдырев родился 5 апреля 1895 г. в Сызрани Симбирской губернии в семье кузнеца. После окончания курса в Пензенском землемерном училище (1893) отправился в Петербург, где сдал экзамен в Военно-топографическое училище, которое окончил в 1895 г. Три года провел на государственных военно-топографических съемках в Эстляндии и Лифляндии. В 1900 г. поступил в Военную академию Генерального штаба, которую окончил по первому разряду в 1903 г. Когда началась Русско-японская война, его отправили в Маньчжурию, где он принял участие в битве на реке Шахе, был ранен в ногу.

В мае 1914 г. защитил диссертацию, получил звание экстраординарного профессора в Николаевской военной академии. Как только началась Первая мировая война, он отправился на фронт: назначен начальником штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. За боевые отличия был награжден орденами. 8 сентября 1916 г. назначен на должность генерал-квартирмейстера штаба армии Северного фронта. В 1917 г. – командующий 43-м корпусом 12-й армии Северного фронта и командующий 5-й армией.

Произведен в генерал-лейтенанты в апреле 1917 г.

В конце октября 1917 г. Болдырев был арестован, отправлен в Петропавловскую крепость. Вскоре был освобожден. Он стал одним из руководителей «Союза возрождения России». На Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г. была создана Директория, в которую вошел Болдырев и был избран Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами России. После переворота А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. и разгона Уфимской дирекции Болдырев решил, что «при создавшихся условиях ему невозможно больше оставаться в Сибири»: уехал в Японию 28 декабря 1918 г., где жил до января 1920 г. После

разгрома войск Колчака выехал во Владивосток. 4 и 5 апреля 1920 г. японская армия фактически захватила Приморье. 7 апреля 1920 г. Болдырев занял пост Главнокомандующего сухопутными и морскими силами Приморья. 29 апреля 1920 г. Болдырев и японский генерал Оой подписали русско-японское соглашение о «нейтральной зоне».

После занятия Владивостока Красной армией 25 октября 1922 г. Болдырев был арестован, отправлен в Новониколаевскую тюрьму (Новосибирск), где подал заявление о своем желании служить советской власти. ВЦИК удовлетворил его просьбу, и в июле 1923 г. он был освобожден. Выйдя из тюрьмы, он подготовил к печати свой дневник «Директория. Колчак. Интервенты» (Ново-Николаевск, 1925). Сначала он работал сотрудником по военным и политическим вопросам в газете «Советская Сибирь», затем в плавновой комиссии по изучению Сибири, стал членом совета Общества содействия жертвам интервенции и членом Западно-Сибирского географического общества; одновременно работал в редакции «Сибирской советской энциклопедии».

В марте 1931 г. был арестован, но вскоре освобожден. 23 февраля 1933 г. вновь арестован в Новосибирске. Следователи ОГПУ предъявили ему обвинение в участии в контрреволюционной организации «Белогвардейский заговор», в которой он якобы был главным идеологом и организатором. Приговорен 5 августа 1933 г. постановлением коллегии ОГПУ к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 20 августа 1933 г. Так трагически оборвалась жизнь крупного военачальника, государственного деятеля, ученого, профессора. В тот год по сфабрикованному делу было уничтожено 1759 человек.

21 марта 1958 г. Управление КГБ при СМ СССР по Новосибирской области, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № 593 376 по обвинению В.Г. Болдырева и других, постановило: «Отменить дело по обвинению их в участии в контрреволюционной шпионско-вредительской, диверсионно-повстанческой организации в соответствии с п. “б” ст. 204 УПК прекратить за недоказанностью состава преступления».

Публикация Л.Л. Черниченко-Болдыревой

КРАСНАЯ ШАПОЧКА ЛЮДВИГА ТИКА

Красная Шапочка – одна из самых известных героинь детских сказок, наряду с Белоснежкой, Снегурочкой, Золушкой, Спящей красавицей и др. По сюжету народной сказки о Красной Шапочке написано немало литературных сказок (Ш. Перро, Л. Тик, Е. Шварц), создано большое количество экранизаций (мульфильм сестер Брумберг «Красная Шапочка» (1937), мюзикл Адама Брукса «Красная Шапочка», 1989), музыкальная сказка С. Рахманинова «Красная Шапочка и Серый волк», детская опера Ц. Кюи «Красная Шапочка» (1911), целый ряд фильмов, переосмысливающих историю Красной Шапочки с различных позиций (например, «Шоссе» (США, 1996), «Оборотни» (1998, аниме, Япония) и др.). История о маленькой Красной Шапочке появилась еще в средние века в Италии и Франции. Сюжет о том, как ее обманул Волк, привлек французского писателя Ш. Перро, братьев Гримм, Е. Шварца (пьеса «Красная шапочка»). Одной из первых литературных обработок была сказка Ш. Перро, опубликованная им в 1697 г. в сборнике «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями» под именем его сына Дарманкура. Первым перевел сказку Ш. Перро о Красной Шапочке на русский язык под названием «О девочке в красненькой шапочке» Лев Воинов: Сказки <так!> о волшебницах с нравоучениями переведены с французского Львом Воиновым. М., печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. (переизд. в СПб. в 1781 и 1795 гг.). Существуют пересказы сказки на русский язык П.Н. Полевого и И.С. Тургенева (оба писателя переводили сказку Ш. Перро).

Во всех вариантах сюжета о Красной Шапочке обыгрывается история о том, как ее и бабушку проглатывает или съедает волк. Эта история может иметь как счастливый, так и печальный конец.

Изначально сказка заканчивалась тем, что волк кормил Красную Шапочку телом и кровью ее бабушки, а затем съедал ее саму. У Ш. Перро, а затем и у братьев Гримм, появляются охотники, спасающие бабушку и Красную Шапочку из волчьего брюха. У Е. Шварца эта сказка вообще приобретает характер полудетективный, когда звери идут вслед за Красной Шапочкой, выслеживая волка, бросаются на ее защиту, а сама девочка заставляет волка чихать от нюхательного табака, который она несет в своей корзинке. У нее там целая аптечка: йод, нашатырный спирт... Однако в ряду произведений, написанных на сюжет сказки о Красной Шапочке, следует упомянуть еще одно имя.

Менее всего известен русскому читателю вариант сказки о Красной Шапочке, написанный юенским романтиком Людвигом Тиком, – трагедия «Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки» (1800). Его пьеса предшествовала сказке братьев Гримм, которые опубликовали свою версию народной сказки в 1812 г. К тому же у Л. Тика впервые сюжет о Красной Шапочке представлен в драматической форме. Существует ошибочное мнение, будто Л. Тик впервые изобразил, как Охотник извлек из брюха убитого Волка живых Бабушку и Красную Шапочку.

О тиковском варианте Н. Я. Берковский писал как о «самом изящном и по юмору самом утонченном»¹ произведении Л. Тика. Исследователь увидел в нем попытку разрушения сказочной иллюзии прозаизмами. Однако, по его мнению, «прозаизмы, актуальности бессильны уничтожить сказку. Она здесь воцарилась во множестве подробностей, в атмосфере, в пейзаже и поэтому бессмертна»². Красная Шапочка входит в волшебный лес, где поют и разговаривают с ней птицы, где все вокруг цветет и радуется жизни. Сказке не мешает то, что у Красной Шапочки много родни, включая пьяницу-отца. И то, что сама она рассудительна, несмотря на свои семь лет, придает ее образу, как нам кажется, дополнительную прелесть. Она дерзкая девочка, любит красный цвет. У нее есть подруга Ханна.

Красный цвет – любимый цвет Красной Шапочки, ее «мировоззрение», о чем она и говорит Охотнику. По красному цвету

¹ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 216.

² Там же. – С. 217.

красногрудые птички распознают в ней свою подругу. Но если в традиционном сюжете сказки девочка дружит с лесными обитателями, то у Л. Тика показано, что она не идеальная героиня, лишенная человеческих слабостей, а простая девочка, которая может издеваться над псом (например, заставляет его таскать тяжелый камень, который сама едва поднимает). В сказке Л. Тика красный цвет – это юношеский максимализм, дерзость, смелость и в то же время цвет тревоги, опасности: Красная Шапочка видит в лесу красные цветы (словно брызги крови). Помимо цвета в целях нагнетания используются также народные приметы: девочка дует на одуванчик и он полностью облетает, пророча ей скорую смерть, кукушка отказывается куковать для нее. Но Красная Шапочка не верит в народные приметы, не слушает предостережений Крестьянина о том, что в лесу появился Волк, и смело идет лесной тропинкой к домику Бабушки.

Н.Я. Берковский также отмечает, что у Л. Тика получает смелую трактовку Волк, разбойничающий «по философским мотивам» и обладающий «законченным мировоззрением», прошедшим «через кризисы и эволюцию»¹. Этот Волк, желавший служить добру и разочарованный в людях, как нам кажется, похож на романтического героя. Волк и Пёс ведут диалоги, напоминающие диалоги в пьесах Шиллера. Тут налицо романтическая ирония, смешивающая трагическое и комическое, серьезное и смешное, возвышенное и обыденное. Традиционно злой, низменный Волк предстает в своей речи как возвышенный трагический герой. Пародируется сам жанр трагедии – ее героями становятся не возвышенные люди, а приземленные, обыденные. Также наряду с волшебной атмосферой сказки в трагедии Л. Тика присутствует натурализм (волк задушил бабушку, наполовину съел Красную Шапочку). Образ Волка – романтическая самопародия. Л. Тик иронизирует над представлениями публики о романтической личности как обязательно гонимой, угнетаемой тяжелыми воспоминаниями, трагичной, суровой и т.д. Монологи Волка – пародия на романтическую гиперчувствительность. Л. Тик, как нам кажется, поддерживает таким образом равновесие между двумя крайностями – характером слишком реалистическим и характером чересчур

¹ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 216.

романтическим, в своих чувствах доходящим до абсурда. Есть у писателя также ирония по поводу сентиментализма. Л. Тик обыгрывает название книги Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», когда в уста Волка вкладывает слова о том, что для описания всех прелестей его возлюбленной Волчицы нужна книга «Элиза или же волчица, какой она должна быть». Л. Тик выступает против господствующих в театре (в пьесах Иффланда и Коцебу), в драматургии напыщенных героев и витиеватых философских монологов. Нужно быть проще – и так будет романтичнее. Потому что творимая жизнь – это не украшательство жизни, а ее естественные изменения, ее естественное течение. И герои его сказки доказывают это своим собственным существованием. Не нарушая традиционного сюжета, они тем не менее в меру реалистичны и в меру романтичны.

Трагедия «Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки» сопоставима с другими пьесами-сказками Л. Тика: «Синяя борода», «Кот в сапогах», «Принц Цербино, или Путешествие в хороший вкус» и др. Она вводит читателя в мир романтической сказки, где поэтическое перемешано с прозаическим, серьезное со смешным, и где нет ничего застывшего, а есть только вечное течение жизни в ее подчас непредсказуемых превращениях

Пьеса-сказка Л. Тика печатается на русском языке впервые.
И.В. Логвинова

Л. ТИК. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ МАЛЕНЬКОЙ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

**Трагедия
1800 г.**

Сцена первая

Комната.

Бабушка сидит с книгой у окна.

Бабушка

Как чист и ясен небосвод,
Как дивно колокол поет,

Теплом и светом залит край,
 Рай на земле, и в душах рай!
 Воскресный звон – особый лад,
 Я вижу: в кирху все спешат,
 Деревья за окном, и те,
 Творят молитву в детской простоте.
 Ах, есть за что благодарить Творца,
 Колени преклонить, раскрыть пред ним сердца!
 Жаль, мне до службы не дойти одной,
 И некому вести меня домой,
 С утра я помолилась, как смогла.
 Болезнь и старость – грустные дела.

Вздыхает и закрывает Библию.

Сегодня куховарит дочь Эльсбет,
 Жду внучку, а ее, плутовки, нет.
 Неужто мне одной сидеть весь день?
 Нет, вот и внученька в беретке набекрень.

Входит Красная Шапочка.

Красная Шапочка

День добрый, бабушка! Не разбудила вас?

Бабушка

Нет, милая, не сплю я в этот час.

Красная Шапочка

А я тихонько приоткрыла дверь:
 и думаю: вдруг спит она теперь...

Бабушка

С рассвета я читала Божье слово,
 Воистину, оно – всему основа.

Красная Шапочка

И вот за благочестие награда –
Мы утром испекли для вас пирог,
Я с ним сюда спешила со всех ног
И вам его вручить безмерно рада:

Бабушка

Пирог на славу удался, спасибо.
Благоухает, да и выглядит красиво.
Рассказывай, чем заняты родители.

Красная Шапочка

Они, должно быть, в кирхе. Вы бы видели,
Какая там толпа! Как раз сегодня
Декан трактует изречение Господне
О том, что не пролезть богатым в рай,
И потому народу – через край,
Как будто проповедь его – к обеду ложка.
У вас песком обновлена дорожка...

Бабушка

Пусть каждый празднует святое воскресенье,
Иначе не обрящет он спасенье.

Красная Шапочка

У нас в семье все соблюдают это.
Смотрите, как я празднично одета:
В цветочках платье, их узор так ярок,
беретка – ваш рождественский подарок.
Я знаю: ничего прекрасней нет,
Чем этот драгоценный алый цвет.
Но, что меня немало огорчает,
На солнце выгорит он, в стирках полиняет,
Поэтому по будням не ношу,
В простом платке из дома выхожу.

Бабушка

Щедрее надо быть и веселей,
 А не дрожать над каждою обновой,
 Тебе идет – носи ее смелей.
 Износится – подумаем о новой.
 С тех про как ты ее надела, тут
 Все Красной Шапочкой тебя зовут.
 Эльсбет уже не раз мне говорила.
 Что с шапкой я и кличку подарила.

Красная Шапочка

Как я была бы счастлива, мой свет,
 В день первого причастия берет
 Такой надеть. Я не ловлю на слове,
 Но смею попросить вас об обнове.

Бабушка

Откуда, не пойму, такая прыть?
 Тебе едва исполнилось семь лет,
 Пока об этом рано говорить.
 Детей не конфирмуют, это – бред!
 Должна ты обучение пройти,
 В воскресной школе, пастор объяснить
 Вам должен к благочестию пути
 И смело ты пойдешь, держась за нить
 Религии. Что можешь понимать
 Ты в ней сейчас? Была серьезней мать.
 Причастие ведь не лесной пикник,
 Здесь нужен черный цвет, высокий воротник..
 Ну что за горе – наша молодежь!
 В беретке красной в кирху не войдешь.

Красная Шапочка

Оттуда я, но на меня вниманья
 Никто не обратил, не сделал замечанья.

Бабушка

Ах, к малышам никто не строг,
 На вас всерьез не смотрит Бог.

Красная Шапочка

Я удивляюсь вашему ответу.
У Бога, стало быть, претензии к берету?

Бабушка

Болтунья, лучше не серди меня!
Мне жить осталось, может быть, три дня.
О, я б хотела жизнь свою продлить,
Тебе на праздник муфту подарить,
Но планы – планами, а краток век земной
И скоро я отправлюсь в мир иной.

Красная Шапочка

Ах, бабушка, не надо так спешить!..

Бабушка

Настанет час и для моей души.
Я знаю, что летит за ней гонец,
И чувствую, что близок мой конец.

Красная Шапочка

Нет, верить не хочу таким словам!
и никаким гонцам вас не отдам.
Когда я соберусь сюда опять,
То куклу положу в свое лукошко.
Мы будем в дочки-матери играть
И вы развеселитесь хоть немножко.

Бабушка

Смерть скоро переступит мой порог...
Но посмотри, как удался пирог!
Еще способна кой на что стряпуха ваша.
Как поживает, кстати, твой папаша?

Красная Шапочка

Он навестит вас непременно.
Жаль, разболелось у него колено.

Бабушка

Лекарство есть, настойка из травы...

Красная Шапочка

Болезни ног идут от головы.
Лекарство у отца на все одно –
Бесцветное прозрачное вино.
Рецепт: перед едой, три раза в день.
Ему лечиться никогда не лень.
Сказал наш пастор, что такое постоянство
Есть не лечение, а хроническое пьянство.
Но папа с пастора пример берет,
Который ведь гораздо больше пьет.
Не знает ни лекарств, ни докторов,
И сам при этом весел и здоров.

Бабушка

Да, водка – многим первый друг,
И отнимает весь досуг.

Красная Шапочка

Ах, право, горя было б мало,
Когда бы только это отнимала.
Мать и соседи говорят,
Что папа стал придуроват
С тех пор, как началось его лечение,
Сказать иначе: к выпивке влеченье.
По вечерам, шатаясь, сам не свой,
С трудом он возвращается домой
Кричит, бранится с кем попало.
Дня не проходит без скандала!

Бабушка

Я заявляю без прикрас:
Всё это не для детских глаз!

Красная Шапочка

От слез не просыхает мой платок.
Я принесла вам из лесу цветок.

Цветы в лесу раскрылись там и тут,
И даже птички веселей поют.

Вынимает мятый цветок из кармана.

Бабушка

Я вижу, ты с ним обращалась плохо.
Какая внучка у меня дуреха!

Красная Шапочка

Когда я шла по узенькой тропинке
Цветы цеплялись за мои ботинки.
Весь лес в крови от лепестков... Однако,
Как страшно лает за окном собака...

Бабушка

Три дня уже, да все пока без толка
Охотники разыскивают волка.

Красная Шапочка

Как близко подступает к дому лес,
Забор в высоком ельнике исчез,
Доносится рожок издалека,
Как будто мы в сторожке лесника.

Бабушка

Таких, как здесь, певцов, таких певиц
Не встретишь ты среди известных лиц.
Лесные птахи создают уют,
Весь день бесплатно для меня поют.

Красная Шапочка

Что там за дерево дрожит,
Как будто наступил мороз?

Бабушка

На нем гордыни грех лежит,
А наказал его Христос.

Красная Шапочка

Пословицу «дрожать, как лист осины»
Я слышала, но что же за причины
Для трепета? Я их не нахожу.

Бабушка

А я тебе охотно расскажу.
Без малого две тыщи лет тому
Сын Божий посетил наш грешный мир
В лесах деревья кланялись ему...

Красная Шапочка

Я знаю, он пять тысяч накормил
Пятым хлебами, отделил овец
От козлищ и вознесся, наконец.

Бабушка

Да, верно. Для твоих годов немало
Ты из Завета Нового узнала.

Красная Шапочка

Я каждый день читаю Катехизис.

Бабушка

От этого в мозгах бывает кризис.
Но ты могла бы более узнать,
Когда б умела не перебивать.
Господь земное принял воплощенье,
Чтоб людям принести свое ученье,
Он страстно проповедовал везде,
В горах, в полях и даже на воде.
И вот, он через рощу как-то шел,
Деревья перед ним приветственно склонялись,
Все как одно, буквально, каждый ствол,
Их ветви до одежд дотронуться пытались,
Листы же преклонялись до земли,
Чтоб след Его поцеловать в пыли.
И лишь высокомерная осина

Не пожелала сделать реверанс
И поклониться в честь Отца и Сына,
Застыла, точно впала в транс.
Сказал Господь: тебе повелеваю,
Раз не хотела ты приветствовать меня,
Дрожать всей кроной, веток не склоняя,
И трепетать, как языки огня.
От этих слов осине стало страшно,
С тех пор заклятье на ее судьбе.

Красная Шапочка

Кто вовремя не слушается старших,
Последствия узнает на себе.
Мне с вами говорить полезно и приятно.
Спасибо за рассказ. Пойду обратно.

Бабушка

Ступай, дитя! Но прежде чем уйти,
Спой песенку, что ты поешь в пути.

Красная Шапочка (поет)

Решила – мяу – кошечка по крыше погулять,
Размяться – мяу – утром в районе чердака,
У голубятни – мяу – ей хотелось побывать,
На свежем – мяу – воздухе, и сцепать голубка.

Такая – мяу – хитрая, недобрая была,
Ее все птички – чик-чирик – боялись, как силка.
Вершила Мурка черные коварные дела
И раз в неделю белого съедала голубка.

Но оступилась лапою, попала в переплет,
Сидит в ловушке для куниц, ловушка глубока,
И плачет – мяу – слезы льет, на выручку зовет:
Ах, верьте, не воровка я, не трону голубка!

Бабушка

Как ярко освещен порок!
 Такая песня – всем урок.
 Привет передавай отцу
 И поцелуй – моей Эльсбет.

Красная Шапочка

Мы скоро свидимся опять,
 Вернусь и принесу обед.

Бабушка

Наверняка закрыть забыла дверь.
 Входи теперь и человек и зверь,
 Растет подобно полевой траве,
 Дикарка, только ветер в голове.
 Откуда взять манеры, этикет,
 Когда его у мамы с папой нет?
 Невеста скоро, времечко идет...
 Но как ей эта шапочка идет!

Сцена вторая

Лес.

Входит Охотник.

Охотник

В деревне – говорю наверняка –
 Есть отдых у любого бедняка.
 Но егеря – особенный народ,
 У нас ведь все, считай, наоборот:
 Кружить по лесу выпадает нам,
 Когда сидят другие по домам
 И пиво пьют у теплой печки,
 А тут мотаешься, как лошадь без уздечки.
 Охотнику – важнейшее условье –
 Необходимо крепкое здоровье,
 Ночь, непогода, не видать ни зги,

А ты давай, наматывай круги,
Беги по следу от зари и до зари,
Не жизнь, а каторга, что там ни говори.

Высекает огонь и раскуриивает трубку.

Как странно: приложи ладонь,
И у тебя в руке огонь.
Что получается от треня
По моему кресалу кремня.
Исправно служит нуждам века
Изобретенье человека.
И создают удобства и уют,
Потребности, как водится, растут,
Вот скоро поумнеют наши дети
И страшно все изменится на свете.

Красная Шапочка входит.

Охотник

Привет, красавица! Зачем в такую рань
Ты посетила эту глухомань?

Красная Шапочка

Я навещала бабушку с утра.
Охота как? Ни пуха, ни пера?

Охотник

Советую идти не напрямик,
Быть осторожнее сегодня надо,
Тут появился серый озорник,
На днях ягненка уволок из стада.

Красная Шапочка

Ах, не пугай меня! У нас в лесу – злодей...
Надеюсь, он не кушает людей?

Охотник

Я думаю, кто уволок ягненка,
Осмелится напасть и на ребенка.

Красная Шапочка

И как ты не боишься сам?

Охотник

Вот этой трубкой он получит по усам!
Я – человек особенного сорта
И не боюсь ни хищника, ни чёрта.

Красная Шапочка

Еще накличешь, Бог ни приведи!..
Как сердце у меня стучит в груди...

Охотник

За безопасность жителей в ответе,
Я с чувством страха вовсе не знаком.
Охотник всех смелей на белом свете,
В противном случае он был бы печником.

Красная Шапочка

Ты в новой куртке, и, похоже,
Она пошита из оленьей кожи.

Охотник

Увидишь, вскоре после нашей встречи
Я шкуру волка натяну на плечи,
Он у меня отучится, шельмец,
Жуть наводить и уводить овец.
Довольно о делах. Как новый мой фуляр?

Красная Шапочка

Тебе идет, отличный экземпляр.
Но куртка красная – совсем другое дело,
Она бы лучше на тебе сидела.

Охотник

Не могут все носить один мундир,
Твоим беретом не накрыть весь мир,
Всех не нарядишь в красные одежды.
Мне из цветов зеленый больше мил,
Цвет леса и лугов, цвет жизни и надежды.

Красная Шапочка

Да зелень и нужна и хороша,
Но не лежит к зеленому душа.

Охотник

Я выскажу простую мысль:
У каждой краски есть свой смысл.

Красная Шапочка

Зеленый цвет – простолюдин,
Его везде всегда полно,
А красный – это господин,
Носить его не всем дано,
Цвет юных губ, цвет краски и огня
И шапочки, такой, как у меня.

Охотник

Глупышка, поцелуй меня разок.

Красная Шапочка

Иди-иди. Табак твой валит с ног.

Охотник

Не любишь запах табака –
Не повстречаешь жениха.

Охотник уходит.

Красная Шапочка.

Хвастун! Решил, что будет мил
Лишь тем, что куртку обновил.

В мечтах я сердцу не перечу:
Жених мой мне идет навстречу.

Две малиновки слетели на землю, прыгают под деревом.

Птицы

Шапочка Красная! Девочка прекрасная!

Красная Шапочка

Чего вы, милые, хотите от меня?

Птицы

Удачного тебе желаем дня.

Красная Шапочка

И грудки алые, и спинки,
Такие птички – радость сердца,
Вы обе как с одной картинки,
Глядеть на вас – не наглядеться.

Птицы

А ты – с головкой алой горлица.
Возьми нас в добрые друзья,
Мы никогда не будем ссориться
И станем, как одна семья.

Красная Шапочка

Не Бог ли наделяет нас
Оттенками волос и глаз
И побуждает с тайной целью
Одних – к печали, а других – веселью.
Не будем глубоко вникать в причины,
От этого случаются морщины.
Но лишь немногим, в предвкушение побед,
Хватает смелости на алый цвет.
Меня в деревне называют недотрогой,
А я борюсь с весельем и с тревогой,
И словно приближаясь к рубежу,
Во взрослый возраст я вхожу.

Она уходит

Птицы

Ты – наша подруга! Ты – наша принцесса.
Как весело солнце сияет над лесом!

Улетают.

Сцена третья

Лесные заросли.

Волк

Отвергнутый небом презренный изгой,
Я вынужден прятаться в чащे лесной,
И с места на место скитаться впотьмах,
Внушая другим отвращенье и страх.
Способен охотник за мною кружить,
Но он не решится со мною дружить.
Хватает отваги следить и убить,
Но кто же осмелится волка любить?
За что я наказан жестокой судьбой
И рано ли, поздно, пойду на убий?
Враждой без пощады отравлены дни
За то, что я, волк, не такой, как они.
Я стал неугоден за то, что не раб,
Свободен как ветер и духом не слаб,
Живу без ошейника, без поводка,
И шерсти моей не касалась рука.
Не ползал на брюхе, из миски не ел
Я всеми отвергнут, но все еще цел.
Лишь пороха людям на волка не жаль,
Но я не печалюсь, чужда мне печаль,
Мораль прописная, свод общих идей.
Я знаю: собаки добрее людей.
Мой милый племянник в союзе с врагом
На службу пошел, сторожит его дом.

Входит Пёс.

Да вот и он сам! Как дела, честный Шпиц?

Пёс

Охочусь на зайца под пение птиц.
Так вот где проводишь ты летний досуг!
Я часто бываю здесь, в нашем лесу
Один и с хозяином, мы с ним друзья,
Хоть я и боюсь нарезного ружья.

Волк

Ты все еще служишь отцу Красной Шапочки?

Пёс

Виляю хвостом, приношу ему тапочки,
Дитя меня мучит, я мучаю кошку,
И каждый при деле. Живем понемножку.
За брошенным камнем я прыгаю в воду,
Рычу на чужих, не давая проходу,
И жизнью доволен, в желудке не пусто.

Волк

Ну что же, всё это – большое искусство!

Пёс

И вот еще новость: уже три недели
Гроссмутер не может подняться с постели,
В беде ее, ясное дело, не бросят,
Эльсбет ей готовит, а внучка приносит,
Мне больше костей достается теперь,
Но смерть уж стучится в старухину дверь.
И землю и дом унаследует зять,
Чтоб вскоре пропить, промотать, проиграть.
На беды людей я смотрю как философ,
Хватает своих нерешенных вопросов.
Буллыжник вчера прикатила девчонка –
Откуда-то силы взялись у ребенка! –

Такие вот глыбы ворочал ледник,
Когда надвигался на наш материк.
Она мне командует: Шпиц, принеси!
А я отвечаю: «Хозяйка, мерси,
Но я его пошевелить не могу!»
Нет, жизни такой не видать и врагу!
С чего это хвост мой завился кольцом?
С того, что весь день я кручусь колесом.
А дочка с мамашей и с пьяным отцом
Хохочут и дразнят меня глупым псом.

Волк

Сочувствую. По совести признаться
Я б не рискнул с тобою поменяться.
У каждого из нас своя судьба,
Ты добровольно выбрал жизнь раба,
Побои и отсутствие свободы,
И так готов прожить не дни, а годы!
Прости, коль скоро я своею речью
Нанес тебе моральное увечье.

Пёс

В теории ты рассуждаешь правильно
Не извиняйся. Я прощаю крайности,
Тем более что взял давно за правило
Не применять теорию к реальности.

Волк

Что говорить! Ты знаешь что по чём,
В людской среде стал тёртым калачом
И выдашь им меня без сожаленья.

Пёс

Я не пойду на это преступленье!
Ведь мы – друзья. Скажи, как мог
Ты бросить мне такой упрек?!

Когда б ты был добрей, мой Волк,
То из тебя бы вышел толк.

Волк

Осталась в прошлом доброта,
Теперь уж музыка не та.
Я вспоминаю со слезами
Как будто было все вчера
Себя с наивными глазами,
С желаньем пользы и добра.
Я все способности, все силы
Стремился людям посвятить,
Хотел служить им до могилы
И на руках у них почтить.
Ах, утро жизни было ясно,
Я род людской боготворил
И начиналось все прекрасно,
Как я тебе уж говорил.

Пёс

Готов я слушать от зари и до зари.
Прошу покорнейше, рассказ свой повтори.

Волк

Когда ты жил как раб у Ганса,
Я захотел полезным быть,
И, глядя на тебя, пытался
Собачью службу изучить.
Мечтал служить не ради шутки,
Но видя в этом высший долг,
И вскоре поселился в будке,
Чего не должен делать волк.
Всё то, что делает собака,
Я повторял по мере сил
И чувствовал себя двояко,
Но утешался тем, однако,
Что пользу людям приносил.
Признайся честно, ведаешь ли ты,
Сколь сладко исполнение мечты?

Пёс

Постой, – как будто заячий скачок...

Волк

Молчи и слушай дальше, дурачок!
Мне ничего не надо лично,
Я душу исчерпал до дна,
Моя история трагична
И эгоизма лишена.
Но в сердце места нет надежде,
В ней месть царит, а не покой
Теперь уж я не тот, что прежде,
И ненавижу род людской.
Всех тех, кого считал друзьями,
И тех, кого любил как брат,
Я разорвать готов когтями
И растерзать зубами рад.
В лесу я встретился с волчицей,
С царицей дивной волчьих снов,
Страсть одаряла нас сторицей
И сотрясала до основ.
Ее пленительное тело,
Ее божественную стать,
Ум, не имеющий предела,
Я не сумею описать.
Мой слабый слог тут не годится,
Здесь книга целая нужна
«Элиза, или же Волчица,
Какою быть она должна».

Пёс

Побереги восторги. Я боюсь,
Что сам в твою красавицу влюблюсь.

Волк

Медовый месяц не кончался.
Мы с нею были как в огне,
То я в лес к милой отлучался,

То из лесу она ко мне.
Печальней не найти сюжета:
Она уснула как-то раз
И не успела до рассвета
Убраться с человечьих глаз.
Жестоким было наказанье,
Крестьяне с криком: «Будешь знать!»
Мою Элизу, перл созданья,
Цепями стали избивать.
Окровавленная, она бежала в лес
И след ее с тех пор, увы, исчез.
О, бедная моя волчица!

Пёс

Да тут любой ожесточится!

Волк

Задам вопрос, раз мы здесь виз-а-ви:
Скажи, что знают люди о любви?
Всегда желая чувства истребить,
Способны ли они всерьез любить?
Я смог свое отчаянье смирить,
Хоть это мне далось не без труда,
И продолжал по-прежнему служить,
Но тут явилась новая беда.
Приход волчицы вызвал подозренье,
И словно обострил людское зренье,
Крестьяне постепенно взяли в толк,
Что служит не собака им, а волк.
Вопросы крови и породы
Сильнее нравственной природы.
Хозяин знал, как я был предан,
Но – так ведется у людей –
Однажды был я подло предан,
Посажен на цепь, как злодей.
Той самой цепью, что Элизу били,
Теперь они меня закабалили.
Как будто я убийца или вор,

А ночью я услышал разговор –
Судьба моя печальная решалась –
И понял: людям недоступна жалость.
Я слышал: «Волка надо заковать,
Так, чтобы мог с трудом хвостом вилять
И выбить зубы острым долотом
Чтоб выгодно продать его потом
Бродячим циркачам. Пусть бродит, как урод,
С медведем в паре веселит народ».

Пёс

Хозяин твой, однако, был шутник...

Волк

Его услышав, не сдержал я рык,
От ярости рванулся до небес
И цепь порвав, бежал в ближайший лес.
С тех пор узнал я тысячи невзгод,
Не прерываясь на день, круглый год
Идет охота, только мрак лесной
Мешал врагам расправиться со мной,
Свистели пули, ждал меня капкан,
Собаки изорвали мой кафтан,
Не знает в мире ни одна душа,
Насколько волчья доля хороша.
Мой дом теперь – непроходимый лес,
Я в нем залег – и до поры исчез.
Во мраке леса, местью обуян,
Лечил я раны и ответный план
Вынашивал. Решил творить я зло,
Зло как искусство и как ремесло.
Признаюсь честно: свежей крови вид
Меня бодрит, пьянит и веселит.
Убийство не считаю я грехом,
С азартом разбиваю я сердца
Невесту разлучая с женихом,
Семейство оставляя без отца.
Все то, что горем называют люди,

Я им дарю, как голову на блюде.
 Им, дурням, жизнь была не дорога,
 Раз воспитали из меня врага.
 Я и тебя порвал бы на куски,
 Но мы как братья и друзья близки.

Пёс

Благодарю тебя за исключенье.
 Но вот вопрос: за эти приключенья
 Ты не боишься загреметь в аду
 На раскаленную сковороду?

Волк

Всё это суеверия, мой друг!
 Мне о далеком думать недосуг,
 Свидетелей и доказательств нет,
 Что волки попадают на тот свет.
 Да, праведным обещан виноград,
 Но кисти слишком высоко висят.
 Лишь то – мое, что здесь и во плоти,
 Что я могу схватить и унести
 Я – скептик. Я не верю в ад и в рай,
 а мой любимый тезис: не зевай!
 И нет мне дела до других идей,
 Когда я нападаю на людей.

Пёс

Тьфу! Право, я стыжусь, что мы – родня.
 Я вас не знаю – вы не знаете меня!
 Не по душе мне эти фразы,
 Уйду от них, как от заразы.

*Уходит.**Волк*

Да, есть такие глупые ханжи,
 Что робко замирают у межи,
 И перейти не в силах Рубикон,

Для них чужое мнение – закон.
Стоят, безвольно пальцы теребя,
И заглянуть боятся внутрь себя.
Я растерзал его бы на куски,
Забыв о том, что были мы близки,
Но мне другая интересна дичь,
И я давно желал ее достичь.
Мне эта месть тем будет дорога,
Что девочка – дочь моего врага.
Враг причинил мне тысячи невзгод,
Я знал, что отыграюсь в свой черед.
Пойду по следу. Вот ее маршрут.
Вражда и Голод пусть меня ведут.

Уходит.

Сцена четвертая

*Тропинка в лесу.
Красная Шапочка и Ханна.*

Ханна

Темнеет. Я должна идти обратно.

Красная Шапочка

Не торопись. С тобою так приятно.

Ханна

Мне тоже, но настигнет ночь в пути.
Не обижайся, мне пора идти.

Входят Петер и его Невеста.

Невеста

Ой, Шапочка! Ты тоже здесь гуляешь?

Петер

Люблю с ней пошутить. Не угадаешь
Ее ответ. День добрый вам, девицы.
Я на одной из вас не прочь жениться.

Красная Шапочка

Нам это слышать более чем лестно,
Мы обе рады, что нашлась невеста.

Петер

Ты можешь стать моей второй женой
И будешь как за каменной стеной.

Невеста

Не слушайте его. Могу признаться,
Он не такой болван, как хочет показаться.

Красная Шапочка

Позволь ему бросать слова на ветер.
Не нужен мне такой жених, как Петер.
Когда я подрасту, невестой став,
Уродлив будет он и слишком стар.
Мой суженый и лучше и моложе.
Надеюсь, и умнее будет тоже.
Ведь иногда не трудно быть умней.

Невеста

Зачем ты начал перебранку с ней?..
Глаза горят, и язычок остерь,
Она умеет людям дать отпор,
Хотя пока что выросла не слишком,
и с виду – безобидная малышка.

Невеста и Петер уходят.

Ханна

Они сказали, ты – малышка...

Красная Шапочка

На что еще способен их умишко?
Как будто им один дан на двоих,
И потому глупы ответы их
И прозвучали неуместно.
Она ему – отличная невеста,
Ей не видать другого жениха,
И в этом смысле пара неплоха.

Ханна

Я прежде чем уйти, немножко поколдую,
Попробую поворожить,
Смотри, вот одуванчик. Я подую,
Узнаю, сколько мне осталось жить.

*Входит Крестьянин**Крестьянин*

В такую пору вы одни в лесу!
Попасться в лапы волку не боитесь?
Домой бегите, вечер на носу,
Здесь хищник бродит, а не добрый витязь.

Красная Шапочка

Я к бабушке иду, несу ей ужин,
И мне ни волк, ни ваш совет не нужен.

Крестьянин

А если ты как раз ему нужна?
Вот дети – родились вчера на свет,
Не понимают в жизни ни рожна,
А им уже не смей давать совет!

*Уходит.**Ханна*

Смотри, я проживу еще лет сто.

Кукушка (за сценой)

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Красная Шапочка

Сто лет – не кое-что!
Не фунт изюма или мармелада,
Я за тебя, как за подругу, рада.

Ханна

Ты не шути. Все будет так точь-в-точь.
Теперь мне не страшны ни волк, ни ночь.

Красная Шапочка

И я попробую.

Дует на одуванчик.

Не верю в эту ложь!
Весь облетел...

Ханна

Как рано ты умрешь!

Красная Шапочка

Да-да, я завещание составлю
И шапочку тебе оставлю...
Мой облетел, а твой – совсем чуть-чуть,
Как видно, у меня сильнее грудь
И легкие. Ты дуешь еле-еле,
Я много здоровей на самом деле,
И дольше проживу. Меня учила мать
Гаданием любым пренебрегать.
Что твой цветок? Блондин, он стал седым,
Потом покрылся пухом, как малютка,
а ветер налетел, развеял пух, как дым,
И нет цветка. Вся жизнь его – минутка.

Кукушка (за сценой)

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Ханна

Кукушка знает обо всех на свете.
Послушай, что она тебе ответит.

Красная Шапочка

Не вызывают у меня доверья
Гадания твои и суеверья,
Я с подозреньем отношусь к приметам
И говорила только что об этом.
Сколько мне жить, мудрейшая Кукушка?

Ханна

Не слышно даже шепота на ушко.
Ах, бедная, прощаюсь я с тобой,
Так велено безжалостной судьбой.
Пред смертью вспомни обо мне опять,
А я при жизни буду вспоминать.

Уходит.

Красная Шапочка

На редкость бестолковая девица.

Кукушка вылетает на сцену.

Что хочет от меня назойливая птица?

Кукушка

Ку-ку, ку-ку, поберегись,
Не говори всего, что хочется,
Ку-ку, ку-ку, за ум возьмись,
Ку-ку, ку-ку, мое пророчество:
Ку-ку, ку-ку, волк на пути,
Ку-ку, ку-ку, нельзя идти.

Улетает.

Красная Шапочка

Ку-ку, ку-ку, а смысла мало
В том, что она сейчас сказала.

Появляется Пёс.

Красная Шапочка

Мой добрый Пёс, какое чудо!
Куда бежал ты и откуда?
Учуял в узелке еду?
Я с этим к бабушке иду.
Есть хочешь – потерпи немножко,
Домой спеши, там ждет кормежка.
И требуха, и сахарные кости,
А мне до темноты успеть бы в гости.

Пёс

Гав-гав! Хозяйка, здесь опасно!

Красная Шапочка

Чего он хочет, мне не ясно.

Пёс

Гав-гав, ты зря разгуливаешь смело,
Гав-гав, решился Волк на злое дело,
Гав-гав, я не умею говорить,
Гав-гав, но прибежал предупредить.
Гав-гав! Готов я на колени стать,
Гав-гав, задумал Волк тебя сожрать!

Красная Шапочка

Беги, гав-гав, пора тебе домой.
Как видно, ты не дружишь с головой.

Уходит.

Пёс

Гав-гав, да, не дружу я с головой.
Язык мой – враг мой. Поспешу домой.

Кукушка

Ку-ку, ку-ку, ку-ку тебе на голову!

Соловей (за сценой)

Тир-лир-лир-ли. Я отличаюсь смолоду
От всех певцов и лучше всех пою.
Концерты здесь не хуже, чем в раю,
У нас в лесу прекрасные солисты,
Они звучат возвыщенно и чисто,
Но я один касаюсь тайных струн...

Кукушка

Ку-ку, ку-ку, ку-ку тебе, хвастун!

Сцена пятая

Комната.

Волк в постели.

Волк

Не заперта калитка, дверь открыта,
Я в дом проник, и вот все шито-крыто.
Старуху задушить – простое дело,
Душа взлетела, остывает тело,
Его я ловко спрятал под кровать,
Пусть привыкает в темноте лежать.
В оконце проникает мало света,
Уже темно, на лапу мне все это.
В чужой постели я дождусь девчонку,
И разорву ее как собачонку.

Красная Шапочка входит.

Красная Шапочка

Бабуля, вы уже в постели?

Волк

Ну наконец-то! Неужели
Мне вновь тебя увидеть повезло?
А я весь день хвораю, как назло.

Красная Шапочка

Эльсбет передавала вам привет
И курочку, вкусней которой нет.
Поешьте и забудете о слабости.
Нам с мамой плохо дома. Мало радости
Жить с пьяницей. Он трезвый-то дурак,
Опять меня удариł – вот синяк –
За то, что я с ним говорила дерзко.
Не хочет, чтобы я сюда ходила,
Сказал, что не нужна тому поддержка,
Кого ждет с нетерпением могила.
Дерется он и спьяну, и от скуки.
Какие же у вас большие руки!

Волк

Чтобы тебя покрепче обнимать.
Иди ко мне и рядышком присядь.

Красная Шапочка

Мне велено, чтоб здесь я ночевала.

Волк

Да, проведи хоть вечер без скандала.
У бабушки и тихо, и уютно,
Заснешь легко, спать будешь беспробудно.

Красная Шапочка

Идти обратно поздно. Я – девица,
Со мною может всякое случиться.
Но почему у вас большие уши?

Волк

Чем больше уши, тем удобней слушать.

Красная Шапочка

Ах, отчего дрожу я, в самом деле?

Волк

Ложись ко мне, согреешься в постели.

Красная Шапочка

Спешила я сюда, как только можно,
Но почему теперь мне так тревожно?
И почему глаза у вас горят?

Волк

Чтоб видеть то, о чем не говорят.

Красная Шапочка

Ваш нос сейчас длиннее, чем всегда.

Волк

Дитя мое, нос длинный – не беда.

Красная Шапочка

Зачем ваш рот велик, как волчья пасть?

Волк

Чтобы тебе навеки в ней пропасть!

Красная Шапочка

На помощь! Помогите, я в ловушке!

Волк

Прощайся с жизнью. Кончились игрушки.

*Полог над кроватью опускается.
Обе малиновки влетают в окно.*

Первая птичка

Я слышала, здесь Шапочка кричала.

Вторая птичка

Ее, должно быть, что-то испугало.

Первая птичка

Сюда забраться мог любой бродяга.
Я посмотрю.

Прыгает под полог.

Вторая птичка

До леса здесь – два шага.
Раскрыта дверь, распахнуто окно,
Ночь на дворе, и в комнате темно.

Первая птичка выпрыгивает из-под полога.

Первая птичка

О, горе нам! О, страшное несчастье!

Вторая птичка

Что с девочкой?

Первая птичка

Разорвана на части!
Убийца, не избегнешь ты суда!

Обе птички

О, горе! О, великая беда!

Охотник заглядывает в окно.

Охотник

О чем кричите, птички? Что случилось?

Обе птички

Подружка наша жизни здесь лишилась!
Волк рядом с телом, и в крови вся пасть,
Будь осторожен, он готов напасть!

Охотник

Я слышу шорох. Выстрелю на слух.

Стреляет внутрь комнаты.

Попал, попал! Волк испускает дух!
Зверь прятался, а я искал с ним встречи,
И думал: не минуешь ты картечи.
Он в юности убийцей стать решил
И много лет осознанно грешил,
Но не ушел злодей от наказанья
И в ад отправится без покаянья.

*Пер. с нем. языка Александра Рапопорта
под редакцией Ирины Логвиновой*

БИБЛИОГРАФИЯ

МИХАИЛ МАТВЕЕВИЧ ХЕРАСКОВ (1733–1807): МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807), видный русский поэт-классицист, автор многочисленных стихотворений разнообразных жанров. В историю русской литературы XVIII в. он вошел как автор произведений лирических, нравоучительных и анакреонтических, а также притчей и басен. Особое место в его творчестве занимают эпические творения: «Россияда», «Владимир Возрожденный» и богатырская сказка «Бахариана». Удостоенный при жизни великих похвал, он после кончины стал все более забываем и менее ценим: новые литературные предпочтения формировали и новые вкусы. В первые ряды выдвигались молодые таланты со свежими силами, закреплялись другие авторитеты. Сдержанное, а то и скептическое отношение к творчеству Хераскова лишь спустя десятилетия постепенно сменилось более справедливым и объективным рассмотрением. Появились серьезные исследования историков литературы и первые обширные библиографические сводки его публикаций и литературы о нем. Так, в 1873 г. М.Н. Лонгинов поместил в «Русском Архиве» (№ 8) обширную статью о поэте с указанием сведений о некоторых его изданиях. В авторитетном «Русском биографическом словаре» (СПб., 1901) помещена энциклопедическая статья литературоведа В.В. Сиповского, где подробно рассматриваются жизнь и творчество М.М. Хераскова с кратким перечнем литературы о нем. Роспись содержания журналов, изданных М.М. Херасковым: «Полезное Увеселение», «Свободные Часы» и др. представлена в «Историческом разыскании о русских повременных изданиях и сборниках» А.Н. Неустроева (1874) и в «Указателе к русским повременным

изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к историческим разысканиям о них», напечатанном этим же трудолюбивым библиографом в 1898 г.

Во второй половине XX в. заметно возрос литературный интерес к наследию М.М. Хераскова: появился ряд ценных библиографических разработок, печатались посвященные ему интересные материалы. В 1968 г. в составе тома библиографического указателя «История русской литературы XVIII века» под редакцией К.Д. Муратовой опубликован подготовленный В.П. Степановым библиографический указатель, посвященный М.М. Хераскову. А двумя годами ранее в капитальном «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (том 3) вышло в свет библиографическое описание всех отдельных изданий Хераскова за тот период, раскрыто содержание каждого выпуска. Большим подспорьем для историков русской литературы явился «Сводный каталог сериальных изданий. 1800–1825» (издание продолжается, вышло три тома). Каталог подготовлен сотрудниками Российской национальной библиотеки. Ценным пособием стала энциклопедическая статья, посвященная М.М. Хераскову (автор Н.Д. Кочеткова), помещена в третьем томе «Словаря русских писателей XVIII века» (СПб., 2010).

В предлагаемой читателям обобщающей Библиографии произведений М.М. Хераскова и литературы о нем широко представлены публикации специальных статей в центральных и региональных изданиях за долгий исторический период, размещенные в хронологическом порядке. Описаны также некоторые иноязычные источники (даны в порядке общего следования).

За помощь в работе составитель выражает благодарность филологу Ирине Владимировне Логвиновой, библиографам Института русской литературы (Пушкинский Дом) и сотрудникам Института научной информации по общественным наукам РАН за ценные указания и рецензирование.

I. Сочинения и переводы М.М. Хераскова

1751

Ода... Елизавете Петровне... сочиненная на торжественное воспоминание победы Петра Великого над шведами под Полтавою... СПб.: при Имп. Акад. наук, 1751. 8 с.

1753

Ода... Елисавете Петровне... сочиненная на высочайший день возшествия ея величества на всероссийский престол, которую усерднейше приносит всеподданнейший раб Михайло Херасков. М., 1753. 8 с.

1758

Венецианская монахиня, трагедия. Михайла Хераскова. М., печ. при Имп. Моск. ун-те, 1758. 62 с. (2-е изд., испр. и умнож. самим сочинителем. М., тип. И. Зеленикова и Б. Соколова, 1793. 84 с.).

1761

Безбожник, героическая комедия, в пяти действиях, в стихах. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1761, 28 с.

Плоды наук, поэма Михайла Хераскова. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1761. 16 с.

1762

Епистола ко всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне имп. Екатерине Алексеевне... принесенная в день высочайшего тезоименитства ея имп. величества Московским университетом. Сочинял Михайло Херасков. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1762. 8 с.

Новые оды Михайла Хераскова. М.: Унив. тип., 1762. 74 с.

Ода... Екатерине Алексеевне... на всерадостное восшествие на престол. Приносит всеподданнейший раб Михайло Херасков 1762 года июля дня. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1762. 7 с.

Ода... Петру Феодоровичу... на всерадостнейшее восшествие на престол приносит всеподданнейший раб, Михайло Херасков. 1762 года января дня. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1762. 8 с.

1763

Епистола ко всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне имп. Екатерине Алексеевне... которую в день высокоторжественного коронования ея имп. величества приносит именем Московского университета Михайла Херасков. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763. 8 с.

Императорского Воспитательного дому высокопочтенным господам членам Опекунского совета. М.: Унив. тип., не ранее 1763. 4 с.

Ода... Екатерине Алексеевне... которую в день высочайшаго рождения ея имп. величества, именем Московского университета, подносит Михайло Херасков. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763. 7 с.

Ода на высокоторжественный день тезоименитства... Екатерины Алексеевны... которую ея имп. величеству именем Моск. ун-та приносит Михайло Херасков 1763 года. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763. 1 с.

Ода на день возшествия на престол имп. Екатерины II. М., 1763. Разыскиваемое издание. Перепечатано в «Творениях» Хераскова (ч. 7, с. 70–74).

Пресветлейшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, Российской империи законному наследнику, на всерадостный день рождения его имп. высочества поздравление Имп. Московским университетом принесенное 1763 года. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763. 4 с.

1764

Нравоучительные басни Михаила Хераскова. Кн. 1–2. М.: Унив.
тип., 1764. Кн. 1. 34 с. Кн. 2. С. 35–75.

Ода на вожделеннейший день преславного восшествия на всерос-
сийский имп. престол... Екатерины Вторая... в изъявление
истинной радости российских муз и верноподданного всех
усердия, сочиненная Михайлом Херасковым июня 28 дня,
1764 года. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1764. 8 с.

1765

Пламена, трагедия. Михайла Хераскова. М.: печ. при Имп. Моск.
ун-те, 1765. 72 с.

Почерпнутые мысли из Екклесиаста. М.: печ. при Имп. Моск.
ун-те, 1765. 4 с.

1766

Ода... Екатерине Алексеевне... которую в день высокоторжествен-
ного коронования ея имп. величества приносит именем Мос-
ковского университета Михайла Херасков. М.: тип. при Имп.
Моск. ун-те, 1766. 7 с.

1767

Мартезия и Фалестра трагедия Михайла Хераскова. М.: печ. при
Имп. Моск. ун-те, 1767. 80 с.

Ода... Екатерине Алексеевне... на всерадостное прибытие ея вели-
чества из Санктпетербурга в Москву 1767 года, февраля дня,
которую приносит именем Московского университета Ми-
хайла Херасков. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1767. 8 с.

Ода... Екатерине Алексеевне... на высокоторжественный день
рождения ея величества, случившейся пред отбытием все-
милостивейшей государыни из Москвы в Казань 1767 года,
апреля 21 дня, которую приносит именем Московского уни-
верситета Михайла Херасков. М.: тип. при Имп. Моск. ун-те,
1767. 8 с.

Ода... Екатерине Алексеевне... на установляемые вновь премудрые законы и на преславные дела ея имп. величества, которую приносит Михайла Херасков. 1776 года, авг. 22 дня. М.: Имп. Моск. ун-т, 1767. 8 с.

Ода имп. Екатерине II, о избрании депутатов к сочинению проекта новаго уложения. М., 1767. Разыскиваемое издание.

Торжественная песнь... имп. Екатерине Алексеевне... на всерадостное прибытие из Казани в Москву 1767 года, июня 14 дня, приносит Михайла Херасков. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1767. 8 с.

1768

На благополучное и всерадостное освобождение ея имп. величества от прививания оспы. Именем Московского имп. университета и всего общества всеподданнейше подносится 1768 года. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. 4 с.

Нума, или Процветающий Рим. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. 180 с. [изд. 2-е, перепр. и доп. М., 1793. 198 с.]

Ода... Екатерине Алексеевне... на отъезд ея величества из Москвы в Санктпетербург 1768 года, в генваре месяце, которую приносит Михайла Херасков. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. 8 с.

1769

Ода... Екатерине Алексеевне... на преславные над турками победы и на взятие Хотина 1769 года, сентября дня, которую всеподданнейше приносит Михайла Херасков. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1769. 11 с.

Ода российскому храброму воинству, при объявлении войны противу Оттоманской Порты, которую сочинял Михайла Херасков 1769 года, в феврале месяце. М.: Унив. тип., 1769. 12 с.

Философические оды или песни. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1769. 72 с.

1770

Ода... Екатерине Алексеевне... на торжественную победу при городе Чесме над турецким флотом. Которую приносит Михайла Херасков. СПб.: Сенатская тип., 1770. 8 с.

Ода на выздоровление от прививания оспы великаго князя Павла Петровича. М., 1770. Рзыскиваемое издание. Перепечатано в «Творениях» Хераскова (ч. 6, с. 164) под заглавием «Ода его имп. высочеству великому князю Павлу Петровичу на всерадостное выздоровление 1770 года».

1771

На возвращение е. с. графа Григорья Григорьевича Орлова из Москвы, по возстановлении в оном городе при жестокой язве спокойства. 1771 года. СПб.: тип. Акад. наук, 1771. 4 с.

Чесмский бой, поема. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1771. 58 с.

1773

Ода на торжественное бракосочетание... великаго князя Павла Петровича и... великия княгини Наталии Алексеевны 1773 года, сентября 29 дня. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1773. 8 с.

Селим и Селима поема. Стихи к будущей любовнице и Разговор Ломоносова с Анакреонтом. СПб.: тип. Морск. кад. корпуса, 1773. 36 с.

[Стихи князю А.А. Вяземскому на наложение Андреевской кавалерии]. Б. м. 1773. Рзыскиваемое издание.

1774

Друг нещастных. Слезная драмма <так!> М.Х. СПб., [тип. Сухопутн. кад. корпуса], 1774. 48 с.

Борислав, трагедия М.Х. СПб.: тип. Акад. наук, 1774. 55 с.

Ода... Екатерине Алексеевне... которою приносит при заключении с Оттоманскою Портою торжественного мира всеподданнейшее поздравление Михайла Херасков. 1774 года июля дня. СПб.: Сенатская тип., 1774. 9 с.

1775

Гонимыя слезная драмма М.Х. Представлена в первый раз на Московском театре 1775 года, генваря 11 дня. М., печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775. 48 с.

Ода е. и.в. ... государыне Екатерине Алексеевне... на всерадостное ея пребытие во престольный град Москву 1775 года, генваря 25 дня. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775. 8 с.

Храм российского благоденствия, посвященный сооружительнице онаго е. и.в. всемилостивейшей государыне Екатерине Алексеевне Второй... Поднесено при всерадостном торжестве о заключении мира с Оттоманскою Портю. В Москве 1775 года, в июле месяце. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775. 15 с.

1776

Веселящаяся Россия. Пролог. М.: Унив. тип, 1776. 4 с.

1777

Ода на всерадостное рождение е. и.в. великаго князя Александра Павловича, поднесенная 1777 года в декабре месяце. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1777. 7 с.

1779

Добрые солдаты, опера комическая, сочиненная на российском языке. СПб., 1779, 66 с. [изд. 2-е. М.: Иждивением Н. Новикова и Компании, 1782. 64 с.].

Золотой прут. Восточная повесть. Пер. с арабского. М., 1782, 160 с. Перевод мнимый.

Ненавистник, комедия в трех действиях, писанная стихами. Сочинена 1774 года. В первой раз представлена на Императорском придворном российском театре в июле месяце 1779 года в Санктпетербурге. М.: Унив. тип. у Новикова, 1779. 88 с.

Почерпнутыя мысли из Екклесиаста; с присовокуплением первых трех глав, из Премудростей Соломоновых. Изд. 2-е, вновь

пересм. и во мн. местах испр. М.: Унив. тип. У Н. Новикова, 1779. 24 с.

Россиада ироическая поэма. М.: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1779, [12], 288 с. [изд. 2-е, испр., пересм. и доп. М., 1786. VI. 280 с.].

1782

Золотой прут, восточная повесть. Переведена с арабского языка. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. 260 с.

Идолопоклонники, или Горислава, трагедия. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. 1–44, 29, 47–64, 65–77 с.

1783

Утешение грешных. Иждивением Н. Новикова и Компании. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. 30 с.

1785

Владимир возрожденный, эпическая поэма. Иждивением Типографической компании. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1785. 246 с. [изд. 2-е. Под загл. «Владимир». М., 1787. 244 с.].

На отшествие из Москвы по кратковременному пребыванию е. и.в. Екатерины II, 1785 года, июня 6 числа. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1785. 6 с.

1786–1787

Эпические творения Михаила Хераскова, действительного советника, Имп. Московского университета куратора, Российской академии члена. Изд. 2-е, испр. пересм. и доп. Ч. 1–2. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1786–1787. Ч. 1. 332 с. Ч. 2. 264 с.

1786

Почерпнутые мысли из Екклесиаста, с присовокуплением первых трех глав из Премудростей Соломоновых. Изд. 3-е. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1786. 24 с.

Россияда, поэма эпическая. Изд. 2-е, испр. пересм. и доп. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1786. VI, 280 с.

Эпические творения. 2-е изд., испр., пересм. и доп. Т. I–II. М., 1786–1787. Ч. I. Россияда. – Чесмесский бой; Ч. II. Владимир. – Плоды наук.

1787

Владимир, эпическая поэма М.Х. Изд. 2-е. М.: тип. комп. типографич., 1787. 1–136, 129–136, 141, 146–244 с.

Ода... Екатерине Алексеевне II, поднесенная от Московского университета во время всерадостного пребывания ея имп. величества в Москве, при вожделенном возвращении от полуденных России пределов. 1787 года июня 28 дня. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. 11 с.

Ода ея имп. величеству на свершившееся двадцатилетие царствования ея. Соч. г. Хераскова. М., 1787. Разыскиваемое издание.

Щастливая Россия, или Двадцатипятилетний юбилей. Пролог, представленный... в день всерадостного на престол вступления Екатерины II. М.: тип. при Театре, у Хр. Клаудия, 1787, 18 с.

1788

Ода на взятие города Очакова 1788 года декабря 6 числа. М., 1788. 8 с.

1789

Кадм и Гармония древнее повествование. М., 1789. Ч. 1. 224 с. Ч. 2. 343 с. [изд. 2-е. Ч. 1–2. М., 1793].

1791

Ода... Екатерине Алексеевне II на день высокоторжественного ея восшествия на всероссийский престол, которую именем Московского университета всеподданнейше подносит Михайла Херасков. М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1791. 8 с.

1792

Ода... Екатерине Второй, на торжественное заключение мира с Оттоманскою Портою 1792 года. В генваре. М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1792. 9 с.

Ода на новый 1792 г. М., 1792. Разыскиваемое издание.

1793

Венецианская монахиня. Трагедия в трех действиях. Изд. 2-е, испр. и умноженное самим сочинителем. М.: тип. И. Зеленникова и Б. Соколова, 1793. 84 с.

Кадм и Гармония, древнее повествование. Ч. 1–2. М.: тип. И. Зеленникова, 1793. Ч. 1. 251 с. Ч. 2. 384 с.

Нума, или Процветающий Рим. Изд. 2-е, переправл. и доп. М.: тип. И. Зеленникова и Б. Соколова, 1793. 198 с.

Ода... Екатерине Второй, поднесенная по случаю присоединения от Речи Посполитой-Польской к Российской империи областей, и на всерадостное обручение е. и. великаго князя Александра Павловича с великою княжною Елисаветою Алексеевною. 1793 года, маия дня. М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1793. 10 с.

1794

Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. 1–3. М.: тип. И. Зеленникова, 1794. Ч. 1. 320 с. Ч. 2. 376 с. Ч. 3. 1–329, 340–346, 337–452 с.

1795

Пилигримы, или Искатели щастия. М.: у Хр. Ридигера и Хр. Клауди, 1795. 164 с.

1796–1803

Творения М. Хераскова, вновь исправленныя и дополненныя. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796–1803. Ч. 1–12 [изд. 2-е. М., 1807–1812].

- Ч. 1. Россияда, поэма эпическая. Изд. 3. 1796. XX, 340 с.
- Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. Изд. 3. 1797. IX, 362 с.
- Ч. 3. Поэмы: Плоды наук. Изд. 3. – Вселенная. – Чесмесский бой.
Изд. 3. – Пилигримы, или Искатели щастия. – Селим и Се-
лима. 1797. 352 с.
- Ч. 4. Трагедии: Венецианская монахиня. – Пламена. – Мартезия и
Фалестра. – Борислав. – Идолопоклонники, или Горислава.
1798. 436 с.
- Ч. 5. Трагедии: Цид. – Юлиян отступник. – Освобожденная Моск-
ва. – Ненавистник. Комедия. Б. г. 400 с.
- Ч. 6. Друг нещастных, слезная драма. – Гонимые, слезная драма. –
Милана, драма с песнями. – Школа добродетели, драма. –
Извинительная ревность, драма. Б. г. 377 с.
- Ч. 7. Почекнутые мысли из Эклезиаста. – Три начальные главы из
Премудростей Соломоновых. – Ода Мир. – Утешение греш-
ных. – Оды торжественные. – Оды... Павлу I. – Анакреонти-
ческие оды. – Оды нравоучительные. – Стихи. Подражание
французским. – Лине. – Сельская муз. – Время. – Тщета.
Б. г. 418 с.
- Ч. 8. Кадм и Гармония, древнее повествование. Ч. 1, попр. и доп.
1801. X, 259 с.
- Ч. 9. То же. Ч. 2. 1801. 365 с.
- Ч. 10. Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. 1. 1802. 256 с.
- Ч. 11. То же. Ч. 2. 1802. 328 с.
- Ч. 12. Нума Помпилий, или Процветающий Рим. Изд. 3, пере-
правл. и доп. 1803. VIII. 165 с.

1796

Ода... Павлу Первому... поднесенная при его всерадостном вступ-
лении на прародительский престол от Московского универ-
ситета 1796 года, ноября 12 дня. М.: Унив. тип., у Хр. Риди-
гера и Хр. Клаудия, 1796. 8 с.

Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича
Орлова, последовавшую 1796 года мая 17 дня. М.: Унив.
тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. 2 с.

1797

Ода... Павлу Петровичу... на день всерадостного его прибытия в Москву для священного миропомазания, поднесенная в Петровском подъездном дворце 1797 года, марта дня. М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. 8 с.

Песнь е. и.в., всемилостивейшему государю Павлу Петровичу... во изъявление всеподданнической благодарности за полученную высочайшую милость посвящает. М.: Унив. тип., 1797. 7 с.

1798

Его имп. величеству, на день рождения великаго князя Михаила Павловича [М.: Унив. тип., 1798]. 1 с.

Освобожденная Москва, трагедия. М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798. 104 с.

Размышление о Боге («Непостижимое рассудку существо...») // Приношение религии. М., 1798. Кн. 1. С. 28–35.

1799

Ода... Павлу Петровичу, на его достопамятныя дела, купно и на обручение... великия княжны Александры Павловны с... эрцгерцогом австрийским Иосифом палатином Венгерским. Подносит Московский университет 1799 года февраля 20 дня. М.: Унив. тип., 1799. 8 с.

1800

Утешение грешных. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800. 42 с.

Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800. 246 с.

1801

Альфика // МЖ. 1801. Ч. 4 (дек.). С. 251–272.

Время («Ты время быстрыми крылами...») // МЖ. 1801. Ч. 1 (янв.).
С. 7–10.

Ода е. и.в. ... Александру Первому, самодержцу Всероссийскому
на всерадостное его прибытие в Москву ради священного
миропомазания, 1801 года в сентябре месяце. М.: Унив. тип.,
1801. 10 с.

Осел и Лира («Осел увидел Лиру...») // МЖ. 1801. Ч. 1 (янв.).
С. 138 (2-я паг.).

1802

Тщета («Ветхий днями наш Творец...») // МЖ. 1802. Ч. 5 (янв.).
С. 5–7.

1803

Письмо к издателю: [С четверостишием Ф.М.А. де Вольтера в пер.
М.М. Хераскова] / Н.Н. // ВЕ. 1803. Ч. 12. № 23/24 (дек.).
С. 208–209.

Стихи во изъявление всеподданнической благодарности за полу-
ченную Высочайшую милость 1802 года, ноября 10 дня
(«Когда б я не был старых лет...») // ВЕ. 1803. Ч. 7. № 2 (янв.).
С. 100–102.

Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из
русских сказок. М., 1803. 478 с.

1804

Пастушок. Разговор в стихах для первого возраста («Маленькая
крестьянка: Кто сидит вдали у речки?...») // Патриот. М.,
1804. Т. 1 (март). С. 34–38.

Просвещение («Царям народ свой просвещать...») // Патриот. М.,
1804. Ч. 1 (янв.). С. 138–141.

Разговор матери с ее сыном младенцем // Патриот. М., 1804
(июнь). С. 1–10.

Стихи к... («Когда любовь у нас из сердца вылетает...») // ДП.
1804. Ч. 4. № 12 (дек.). С. 213.

1805

Поэт. М., 1805. 14 с.

1806

Вечность («Завеса вечности открылась...») // ВЕ. 1806. Ч. 27. № 11 (июнь). С. 161–165.

К портрету Петра Великаго («Россия тмой была покрыта много лет...») // Любитель Словесности. Ежемесячное издание Н. Остолопова. Ч. 3. № 7. СПб., 1806. С. 45.

Ночное размышление («Уже ко западу клонилось...») // ВЕ. 1806. Ч. 26. № 8 (апр.). С. 261–265.

Прошедшее («Где прошедшее девать?...») // ВЕ. 1806. Ч. 26. № 6 (март). С. 104–106.

Солнце («Великолепная планета...») // ВЕ. 1806. Ч. 25. № 3 (февр.). С. 161–164.

Стихи Ея Императорскому Величеству всемилостивейшей государыне Императрице Марии Феодоровне («Астрея наших дней! Мать нежная сирот!..») // Херасков М.М. Сочинения и переводы. СПб., 1806. Ч. 2. С. 65–67.

Часы и весы: (Прислано из Москвы) («Что время пишется с песочными часами...») // Любитель Словесности. Ежемесячное издание Н. Остолопова. СПб., 1806. Ч. 3. № 7. С. 45.

1807

Российскому воинству на победы в начале 1807 года («О вы, непобедимы войски!...») // ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4 (февр.). С. 315–317.

1808

«О ты, питомец муз! На что тебе Беллона...» [Из поэмы «Чесмеский бой»] // Драматический Вестник. СПб., 1808. Ч. 3. № 62. С. 80.

1809

Зареида и Ростислав. Трагедия в пяти действиях в стихах. СПб., Росс. Академия, 1809. 90 с.

1815

- «Астрея наших дней! Мать нежная сирот...» // ДВ. 1815. Ч. 1.
Кн. 3 (март). С. 267.
- «Болезни и труды, покой, вода, огни...» // ДВ. 1815. Ч. 3.
Кн. 1 (июль). С. 31.
- «Весь этот океан лазури и сиянья...». Письмо к моей дочери / А.Б. //
ДВ. 1815. Ч. 1. Кн. 1 (янв.). С. 3–37. (В подстрочн. примеч.
на с. 23 четверостишие М.М. Хераскова).
- «Для душ чувствительных бывает...» // ДВ. Ч. 2. Кн. 2 (май). 1815.
С. 113.
- «Для человека есть наука человек...» // ДВ. 1815. Ч. 3. Кн. 3 (сент.).
С. 218.
- «И нощь и дневный свет...» // ДВ. 1815. Ч. 1. Кн. 1 (янв.). С. 38.
- «Каждая слеза и каждый вздох...» // ДВ. 1815. Ч. 1. Кн. 3 (март).
С. 254.
- «Кто веру в Господе имеет...» // ДВ. 1815. Ч. 1. Кн. 2 (февр.).
С. 135.
- «Кто делал добро, не ищет воздаяний...» // ДВ. 1815. Ч. 3.
Кн. 2 (авг.). С. 109.
- «Мудрец ли, в кротости живущий...» // ДВ. 1815. Ч. 2. Кн. 3 (июнь).
С. 204.
- «Надеждой всяк из нас обманут на земли...» // ДВ. 1815. Ч. 4.
Кн. 2 (ноябр.). С. 117.
- «Учены жезл дает и крылья...» / «Блажен, кто с музами в согласии
живет...» // ДВ. 1815. Ч. 4. Кн. 1 (окт.). С. 11.
- «Что такое есть – родиться?...» // ДВ. 1815. Ч. 2. Кн. 1 (апр.). С. 19–
20.

1817

Владимир [Отрывки] // Друг Россиян и их единомышленников
обоего пола, или Орловский российский журнал. В Орле
(М.), 1817. № 5 (ноябр.). С. 45–48.

- «Вдохни небесное мне, маза! восхищенье...». С. 45.
 «О ты! к которому коснулся Бог рукою...». С. 45–46.
 «Петра Великаго предшественник побед...». С. 46.
 «Владимир свой народ преобразил...». С. 46.
 «Ревнует дух во мне Владимиру святому...». С. 46.
 «Очистив мрачный дух через священну воду...». С. 46.
 «О муж, апостолам в небесном лице равный!...». С. 47.
 Мономах («Является очам великий Мономах...»). С. 48.
 «От искренняго почитателя сочинителевой славы» [Отрывок из
 стих., посв. Ломоносову] // Друг Россиян и их единомыш-
 ленников обоего пола, или Орловский российский ж-л.
 В Орле (М.), 1817. № 4 (окт.). С. 31.
 Святослав («Мечтается в уме моих мне предков слава...») // Друг
 Россиян и их единомышленников обоего пола, или Орлов-
 ский российский журнал. В Орле (М.), 1817. № 5 (нояб.).
 С. 45.

1858

Ода Александру I на вступление царствовать // Библиографиче-
 ские Записки. 1858. Т. 1. С. 288–289.

Письмо А.П. Сумарокову от 23 марта 1762 // ОЗ. 1858. № 2. Отд. 1.
 С. 579–598.

1869

Письмо к Державину (от 3 нояб. 1778 г.) // Державин Г.Р. Сочине-
 ния с объяснительными прим. Я.К. Грота. СПб., 1869. Т. 5.
 С. 308–311.

1879

Письмо М.М. Хераскова к Екатерине Великой. С предисл.
 Г.Н. Александрова // РА. 1879. № 9. Стб. 27–28.
 Письмо Потемкину // РА. 1879. № 9. Стб. 8.

1893

Русская поэзия / Под ред. С.А. Венгерова. Вып. III. СПб., 1893.
С. 488–551 «Россиада». Вст. ст. М. Хмырова. С. 485–488.

1895

Россиада. Поэма в XII песнях. СПб., И. Глазунов, 1895, III, 288 с.
(Русская классическая б-ка, издаваемая под ред. А.Н. Чудинова. Вып. XX). Полный текст поэмы. Перепечатаны отрывки из статей П.М. Строева и А.Ф. Мерзлякова.

1933

Рассуждение о российском стихотворстве // ЛН. 1933. Т. 9–10.
С. 287–294.

1936

Херасков М.М. Редакция текстов и примечания Г.А. Гуковского //
Поэты XVIII века. Л., 1936. (Б-ка поэта. Малая серия). С. 83–152. [Биографическая справка]. С. 83–87; Элегия на человеческую жизнь. Ода («Где слышишь страшный шум борея...»). Элегия («На что тебя, на что, Кларида, я узнал?...»). Эпиграмма. Сонет. Два покойника: Притча. Эпиграммы («Наш медик в рот больным без счету капли льет...»). Стансы. Стансы («Всяк на свете сем хлопочет...»). Анакреонтические оды. Ода I. Истинное благополучие. Ода II. («Тебе приятны боле»). Ода III. («Иные строят лиру...»). Ода IV. («Источники к морям стремятся...»). Пастушка. К Евтерпе. Стансы («Кто мне сыщет человека...»). Нравоучительные басни. Фонтанна и речка. Соловей и лягушка. Оды нравоучительные. Ода I. Благополучие. Ода II. Богатство. Ода III. Злато. Ода IV. («В свирели мы с тобою...»). Ода V. Терпение. Ода VI. Старость. Ода VII. Знатная порода. Прошедшее. Ночное размышление. Россиада. Поэма эпическая. Песнь первая на десять. [Отрывки].

1958

Стихотворения. Поэмы. (К сатирической музе. – О добродетели. – О клеветнике. – Вдова в суде (Притча). – Анакреонтические оды (Ода I. К своей лире. – Ода IV. О воспитании. – Ода V. О суетных желаниях. – Ода IX. Искреннее желание в дружбе. – Ода XIII. – Ода XV. О разуме. – Ода XVIII). Дровосек. – Эпиграмма. – Песенка. – Ответ на песенку. – Нравоучительные басни (Две щепки. – Две собаки. – Два цыпленка). Оды нравоучительные (Ода II. Суeta. – Ода XIII. Непостоянство. – Ода XIX. Лесть. – Ода XXI. Знатная порода). Стихи. – Время. – Чесмесский бой. – Россиада) // Поэты XVIII века. Библиотека поэта. Малая серия / Прим. и биогр. справка И.З. Сермана Л., 1958. Кн. 1. 3-е изд. С. 203–320.

1961

Избранные произведения / Ред. текстов и вступ. статья А.В. Западова. Л., 1961. 409 с. (Б-ка поэта. Большая серия, изд. 2-е). Творчество Хераскова. Вступительная статья А.В. Западова. С. 5–59. Стихотворения. Оды торжественные (Ода на день высочайшего рождения ее императорского величества, 1763 года. – Ода российскому воинству. В феврале 1769. – Ода ее императорскому величеству на день высокоторжественного ее восшествия на всероссийский престол, июня 28 1791 года). – Анакреонтические оды (К своей лире. – Истинное благополучие. – Искренние желания в дружбе. – О важности стихотворства. – Сила любви. – «Тебе приятны более...». – О разуме. – «Иные строят лиру...». – О злате. – Заключение). – Оды нравоучительные (Благополучие. – Богатство. – Злато («Кто хочет, собирай богатства...»). – К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>. – Желания. – Лесть. – Знатная порода. – Разум. – Красота. – Ничтожность. – К музам). – Эпистолы (Письмо. – К сатирической музе. – О клеветнике. – К Евтерпе). – Сонеты (Сонет и эпитафия. – «Коль буду в жизни я наказан нищетою...»). – Стансы («Только явятся...». – «Всяк на свете сем хлопочет...»). – Басни (Сорока в чужих перьях. – Вдова в суде. – Два покой-

ника. – Дровосек. – Источник и Ручей. – Две Щепки. – Две Собаки. – Человек и Хомяк. – Фонтанна и Речка. – Верблюд и Слон. – Котел, Собака, две Кошки. – Комар. – Порох и Водка). – Эпиграммы («Кто более себя в опасности ввергает?...»). – На кривотолков. – «Картежник говорит: “Я в карты век играю”...»). – Разные стихотворения (Ода («Где слышишь страшный шум Борея...»). – Злато («Злато прельщает...»). – «Не пышною славой...»). – Песенка («Что я прельщен tobой...»). – Ответ на песенку («Прекрасное любить...»). – Пастушка. – Комета, явившаяся в 1767 году при начале войны с турками. – Апрель. – Птичка. – Ответ на вопрос. – Прошедшее). – Поэмы (Чесмесский бой. – Россиада. Поэма эпическая. – Бахариана, или Неизвестный. Волшеюная повесть, почерпнутая из русских сказок. Вступление). – Трагедии (Венецианская монахиня. – Освобожденная Москва).

1970

Русская литература XVIII века / Сост. Г.П. Макогоненко. Л., 1970. С. 137–142. *Анакреонтические оды*. Истинное благополучие. Сила любви. «Тебе приятны боле...». Эпистола. К Евтерпе. *Оды нравоучительные*. Богатство. Злато. Знатная порода. Вдова в суде. Дровосек. Источник и ручей. Фонтанна и речка.

1995

Переложение Псалма 64: «Коль славен наш Господь в Сионе...» // Псалтирь в русской поэзии XVIII–XX вв. / Сост. Б.Н. Романов. М., 1995. С. 168–169.

1999

Песнь его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому на знаменитые его подвиги противу Оттоманской Порты // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 9. М., 1999. С. 46–47. (Публикация Б.Н. Морозова).

2000

Стихи на Страшный Суд // Масонство и русская литература. XVIII – начало XIX вв. / Отв. ред. В.И. Сахаров. Предисл. и публ. Г.А. Давыдова. М., 2000. С. 244–247.

2001

Русская поэзия XVIII века. Стихотворения. М., 2001. С. 88–96.
В.И. Фёдоров. Михаил Херасков. (Биографический очерк.
«Коль буду в жизни я наказан нищетою...». «Иные строят
лиру...». Ничтожность «Я некогда в зеленом поле...». Ап-
рель «Дыханьем нежным побежденны...». Ответ на вопрос
«Где сердце у меня...»).

2003

Плоды наук (Дидактическая поэма). М.; Augsburg, 2003. 11 S.
Россияда. / Издание подг. А.И. Любжин. М.; Augsburg, 2003. 184 S.

2005

Истинное благополучие. Сила любви. «Иные строят лиру...».
О злате. Заключение. Разум. Письмо. Сонет. Верблюд и слон
(басня). Порох и водка (басня). Эпиграмма. Прошедшее //
Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...
Кн. 1 / Сост. Г.А. Воропаева. М., 2005. С. 50–63.

II. Литература о М.М. Хераскове**1763**

Сумароков А.П. Ода к М.М. Хераскову // СЧ. 1763. (март). С. 172.

1779

[Б. п.]. Рец. на кн.: Добрые солдаты, опера комическая, сочиненная
на российском языке. СПб., 1779. 66 с. // СПб. Вест. 1779.
Ч. 3. (май). С. 387–389.

Фон Каниц Ю.И. Rossiada, историческая поэма // СПб. Вест. 1779.
Ч. 4. № 8. С. 124–145.

1787

[Б. п.]. Рец. на кн.: Эпические творения. Изд. 2-е, испр., пересм. и
доп. Т. I–II. М., 1786–1787 // Зеркало Света. 1787. Ч. 5.
С. 495–496.

1791

Карамзин Н.М. О книгах. Кадм и Гармония древнее повествование.
Ч. 1–2. М., 1789 // МЖ. 1791. № 1. С. 80–101.

1795

Лопухин И.В. Его превосходительству Михайлу Матвеевичу Хе-
раскову, одному из величайших в мире поэтов, последний
конечно в оном ученик стихотворства посвящает в дар ноябр-
я 8 дня, 1795 года. М., 1795. 3 с.

Срезневский И.Е. Михайлу Матвеевичу Хераскову. (Посвящение
перевода «Плача» Овидия) // Плач Публия Овидия Назона.
М., 1795. С. 5–6.

1799

[Б. п.]. Признательность муз. К М.М. Хераскову («Небесный дар!
Язык священный...») // Иппокрена. М., 1799. Ч. 3. С. 148–
150.

Жуковский В.А. Его превосходительству господину тайному со-
ветнику, Императорского Московского университета кура-
тору и кавалеру, Михайле Матвеевичу Хераскову, на случай
получения им ордена св. Анны I степени – от воспитанников
Университетского благородного пансиона. М., 1799. 1 с.
В конце текста: Восп. Василий Жуковский. 1799 года марта
16 дня.

1801

[Карамзин Н.М.]. О книгах: Кадм и Гармония, древнее повествование, в двух частях [М.М. Хераскова] // МЖ. 1801. Ч. 1 (янв.). С. 84–106.

1804

[Б. п.]. Признательность муз. К М.М. Х[ераскову] («Небесный дар! Язык священный...») // ДП. 1804. Ч. 1. № 2 (февр.). С. 98–99.
 [Б. п.]. Рец. на кн.: Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М., 1803, 478 с. // Патриот. 1804. № 4. С. 107–125.

Хвостов Д.И. Надпись к портрету Михаила Матвеевича Хераскова («Се зрим Хераскова! – бессмертный сей творец...») // ДП. 1804. Ч. 2. № 4 (апр.). С. 33.

1805

К портрету М.М. Хераскова («Напрасно живописец кистью...») // Журнал для пользы и удовольствия. СПб., 1805. Ч. 2. № 4 (апр.). С. 68.

[Раевский В.С.]. Чувство при чтении эпических творений Михайлы Матвеевича Хераскова («Певец Владимира и славной Россияды...») / Касверий // Московский Курьер. М., 1805. Ч. 1. № 14. С. 222.

Хвостов Д.И. Надгробие крестьянину Ивану Сусанину: Посвящающее Михайле Матвеевичу Хераскову («Горация римлян Корнель изобразил...») // ДП. 1805. Ч. 1. № 1 (янв.). С. 23.

Хвостов Д.И. Ода. Зима: Михайле Матвеевичу Хераскову («О ты! Виргилий Rossких стран...») // ДП. 1805. Ч. 4. № 12 (дек.). С. 193–196.

1806

К М*М*X* [Хераскову], на стихи его: Солнце («Твой Гений возсиял на западе своем...») // Московский Зритель. М., 1806. Ч. 1 (март). С. 41.

[Коптев А.А.]. К Хераскову («Царь, Кадм, Чесмесский бой, Владимир, Россияда...») // Московский Курьер. М., 1806. Ч. 4. № 46 (14 нояб.). С. 320.

[Шаликов П.И.]. К NN, на его стихи: Вечность («Пример сильнее всяких слов...») // Московский Зритель. М., 1806. Ч. 4 (нояб.). С. 31. (предполагаемый адресат – М.М. Херасков).

1807

Г.Х. На смерть М.М. Хераскова. Милостивой государыне Елизавете Васильевне Херасковой, на смерть творца Россияды («Печальну стройте, Муза, лиру...») // Друг Юношества. М., 1807. окт. С. 50–52.

Глебов Д.П. На кончину Михайлы Матвеевича Хераскова («Певец Владимира, бессмертной Россияды...») // Минерва. М., 1807. Ч. 6 (окт.). С. 136–138.

Грамматин Н.Ф. Элегия на кончину Михаила Матвеевича Хераскова, основателя Университетского Благородного пансиона, последовавшую сего 1807 года, сентября 27 дня («Прими печальное, Херасков, приношение!..») // ВЕ. 1807. Ч. 35. № 20 (окт.). С. 277–279.

Измайлов В.В. На кончину Михаила Матвеевича Хераскова («Друзья ума, таланта, славы!..») // ВЕ. 1807. Ч. 36. № 23 (дек.). С. 192–193.

1808

Державин Г.Р. Надпись к портрету М.М. Хераскова («Любимец росских муз, в нем наш Виргилий цвел...») // РВ. 1808. № 4. С. 77.

И. [Измайлов А.Е.]. Краткое известие о жизни и творениях М.М. Хераскова // Драматический Вестник. 1808. Ч. 5, приб. С. 75–77.

И.И. Эпитафия М*М*Х* [Хераскову] («Россия, наклоняясь, над урной слезы льет...») // Аглая. М., 1808. Ч. 1. № 2. С. 74.

Измайлов В. Эпитафии Михайлу Матвеевичу Хераскову: 1 («Здесь дружба слезы льет на гробе...»); 2 («Восплачте! уж певец

не дышет...»); 3 («Здесь прах Хераскова: скорбящая супруга...») // РВ. 1808. № 7. С. 94.

Писарев А.А. Краткое известие о жизни и творениях Михайлы Матвеевича Хераскова // Драматический Вестник. СПб., 1808. Ч. 5. С. 75–77.

Письма Российской Академии к супруге Хераскова // РВ. 1808. Ч. 1. № 3. С. 356–360.

Шаликов П.И. Чувство при известии о награждении, определенном Российской Академией новой трагедии покойного Михайла Матвеевича Хераскова («На алом западе, где нет громовых туч...») // Аглая. М., 1808. Ч. 2 (май). С. 83.

1809

[Б. п.]. М.М. Хераскову [Эпитафия] («Нужна ли слава здесь, иль мраморов громада?...») // ВЕ. 1809. Ч. 44. № 8 (апр.). С. 270.

[Б. п.]. Театр. Российский спектакль. Зареида и Ростислав. Трагедия в пяти действиях стихами, последнее сочинение М.М. Хераскова // Цветник. СПб., 1809. Ч. 3. № 8. С. 279–288.

К музам, сетующим по кончине Михайла Матвеевича Хераскова («Владимир, Иоанн, проникши с горя трона...») // Московский Вестник. М., 1809. Ч. 1. Ч. 6. С. 96.

1810

П.П. Эпитафия М.М. Хераскову («Оплачьте, музы...») // Цветник. СПб., 1810. Ч. 5. № 4. С. 108.

1811

Анастасевич В.Г. Херасков М.М. (Био- и библиографические замечания) // Улей. СПб., 1811. № 8. С. 108–115; № 10. С. 362–367.

[Б. п.]. Био- и библиографические замечания. М.М. Херасков // Улей. СПб., 1811. Ч. 1 (май). С. 373–376.

[Б. п.]. Био- и библиографические замечания. Херасков, Михаил Матвеевич // Улей. СПб., 1811. Ч. 2 (авг.). С. 108–115.

[Б. п.]. Творения Хераскова // Улей. СПб., 1811. Ч. 2 (ноябр.).
С. 362–367.

1812

Мерзляков А.Ф. Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии // Труды Общества любителей российской словесности. 1812. С. 94–96.

Победоносцев П.В. Заслуги Хераскова в отечественной словесности // Труды Общества любителей российской словесности, 1812. Ч. 1. С. 111–147. Также: Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности. 1819. Ч. 1. С. 187–232.

1815

[Мерзляков А.Ф.]. Россияда, поэма эпическая г-на Хераскова: (Письмо к другу) // Амфион. М., 1815. Кн. 1 (янв.). С. 32–96; кн. 2 (февр.). С. 36–77; кн. 3 (март). С. 94–123; кн. 5 (май). С. 81–115 (О характерах); кн. 6 (июнь). С. 1–41; кн. 8 (авг.). С. 86–115 (О слоге поэмы); кн. 9 (сент.). С. 49–128 (О слоге).

Строев П.М. О «Россияде», поэме г. Хераскова // Современный наблюдатель российской словесности. 1815. № 1. С. 9–38; № 3. С. 71–82.

Хераскова Е.В. Письмо к графу Д.И. Хвостову. 16 авг. 1808 года // Улей, 1811. № 5. С. 344–346; также: Русская Старина. 1890. № 6. С. 673–674.

1817

[Богданович И.Ф.]. Херасков («Творец прехвальной Россииды...») // Друг Россиян и их единомышленников обоего пола, или Орловский российский журнал. В Орле (М.). 1817. № 4 (окт.). С. 35.

1820

Известия о вновь вышедших книгах // Благонамеренный. СПб., 1820. С. 129–130. (О кн.: «Эпические творения М.М. Хераскова»).

Объявления о книгах [«Эпические творения» М.М. Хераскова] // ВЕ. 1820. Ч. 3. № 11 (июнь). С. 243–244.

Bowring J. Specimens of the Russian poets; with preliminary remarks and biographical notes. Boston, 1822. Р. XVII–XVIII.

1838

Давыдов И.И. Эпическая поэзия отечественная: «Россиада»; поэмы «Владимир» и «Полтава» // Давыдов И.И. Чтения о словесности. Курс третий. М., 1838. С. 283–304.

1843

Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья 1. Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина // ОЗ. 1843. Т. 28. Отд. 5. С. 29–31. Также: Белинский В.Г. Полное собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 112–115.

1845

Евгений (Болховитинов). Херасков Михаила Матвеевич. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, сочинение Митрополита Евгения. М., 1845. Т. 2. С. 235–237.

Макаров М.Н. Воспоминания о Хераскове как о драматическом писателе // Пантеон. 1845. Т. 9. Кн. 2. С. 441–453.

1847

[Б. п.]. Акт, бывший в Университетском благородном пансионе, 14 ноября 1798 года // Москвитянин. М., 1847. Ч. 3. Отд. 3. С. 54–59.

1849

Карабанов А. Основание русского театра кадетами Первого кадетского корпуса. СПб., 1849. С. 63–67.

1850

- Бартенев Ю.Н. Некоторые черты из жизни Михаила Матвеевича Хераскова. (Письмо Ю.Н. Бартенева к А.А.П.) // Москвитянин. М., 1850. № 10. Отд. 3. С. 72–77.
- Погодин М.П. К биографии Хераскова // Москвитянин. М., 1850. № 10. Отд. 3. С. 32–34.

1855

- Шевырев С.П. История Императорского Московского Университета. М., 1855. С. 285–310.

1856

- [Б. п.]. Исторические очерки Казани. (Какой вид имела Казань в XVI столетии?) // Казанские Губернские Ведомости, часть неофициальная. 1856. № 36. 3 сент. С. 277.
- Благовестов Г.Е. Исторический очерк русского прозаического романа (статья 2-я) // Сын Отечества. М., 1856. № 31. С. 91–96.

1857

- Галахов А.Д. О Хераскове. (По поводу библиографической заметки г-на Лонгинова, в № 11 «Современника» на 1857 год) // Московские Ведомости. 1857. № 157. 31 дек. Лит. отд. С. 697–700.
- Лонгинов М.Н. Два псевдонима в «Собеседнике любителей русского слова» (1783–1784). Ода Хераскова императрице Екатерине II (1787) // Современник. 1857. № 5. Отд. 6. С. 69; № 11. Отд. 6. С. 1–8. Также: Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. Т. 1. С. 161–162, 179–187.

1858

- Лонгинов М.Н. Заметка по поводу статьи г. Галахова о Хераскове в № 157 «Московских Ведомостей» 1857 года // Московские

- Ведомости. 1858. № 3. 7 янв. Лит. отд. С. 11–12. Также: Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. Т. 1. С. 323–327.
- Лонгинов М.Н. Ода Хераскова на восшествие на престол Александра I (1801) // Библиографические Записки. 1858. № 9. С. 287–290. Также: Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. Т. 1. С. 347–350.

1861

Шувалов И.И. Письмо П.А. Зубову. Июль 1796 // Библиографические Записки. 1861. Т. 3. № 12. Стб. 353.

1866

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 78–80.

1867

Дмитревский И.А. Известие о некоторых русских писателях. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 129–144.

Лонгинов М.Н. Херасков // Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 117–121.

1869

Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 28–34.

1872

Болотов А.Т. Жизнь и приключения. СПб., 1872. Т. 3. Стб. 945–948.

1873

Лонгинов М.Н. Михаил Матвеевич Херасков // РА.М., 1873. Кн. 2. № 8. Стб. 1453–1479.

1874

Неустроев А.Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографических и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874. С. 82–97.

1875

Неустроев А.Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1875. С. 82–96.

1878

Пикар. Письмо к А.Б. Куракину. 15 апр. 1782 // Русская Старина. 1878. № 5. С. 57.

1879

Бартенев Ю.Н. Рассказы о Хераскове. (Из записок) // РА. 1879. № 9. Стб. 28–30.

1882

[Б. п.]. Херасковы – дворяне // Всемирный Иллюстратор. 1882. № 692. С. 318.

1885

Батюшков К.Н. Чужое – мое сокровище. (Современники наши) // Батюшков К.Н. Соч. СПб., 1885. Т. 2. С. 310–312.

Болотов А.Т. Херасков и его произведение «Полидор» // Библиограф. 1885. № 9. С. 35–37. Также: Губерти Н.В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887. С. 20–23.

Сухомлинов М.И. М.М. Херасков // Сухомлинов М.И. История Российской академии. СПб., 1885. Т. 7. С. 23–38.

1888

Порфириев И.М. М. Херасков // История русской словесности. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1888. Ч. 2. С. 178–199.

1889

Майков Л.Н. Несколько данных для истории русской журналистики // Майков Л.Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 403–406, 410, 416.

Незеленов А.И. Херасков. (Херасков и его ж-л «Полезное Увеселение». Комедии Хераскова. Эпопеи Хераскова) // Незеленов А.И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889. С. 182–212.

1893

Хмыров М.Д. М.М. Херасков // Русская поэзия / Под ред. С.А. Венгерова. Вып. 3. СПб., 1893. С. 485–489.

1895

Глинка С.Н. Посещение М.М. Хераскова // Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 201–202.

1897

[Б. п.]. М.М. Херасков // Русская поэзия / Под ред. С.А. Венгерова. Вып. 4. СПб., 1897. С. 407–408.

1897–98

Светлов С.Ф. Русская опера в XVIII столетии // Ежегодник Имп. Театров. 1897–1898. Прилож. № 3. С. 21–23.

1898

Истомин В.А. Главнейшие особенности языка и слога произведений М.М. Хераскова, А.П. Сумарокова и Екатерины II в лек-

сическом и стилистическом отношениях. Варшава: Тип. Варш. ун-та, 1898. С. 42–85. Также: Рус. Филолог. Вест., 1898. Т. 39. № 1–2. Педагог. отд. С. 1–41.

Неустроев А.Н. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к историческому разысканию о них. СПб., 1898. С. 738–740.

1899

Владимиров П.В. А.С. Пушкин и его предшественники в русской литературе. Киев, 1899. С. 10–11.

1900

Замотин И.И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. (Вадим по представлению М.М. Хераскова) // Филологические Записки. 1900. Вып. 4–5. С. 49–66.

Замотин И.И. Ранние романтические веяния в русской литературе. Варшава, 1900. С. 33–45, 73, 100–103.

1901

Кунцевич Г.З. «Россияда» Хераскова и «История о Казанском царстве» // ЖМНП. 1901. № 1. Отд. 2. С. 1–15; № 11. Отд. 2. С. 175–178.

Сиповский В.В. Херасков Михаил Матвеевич // Русский Биографический Словарь. Т. «Фабер – Цявловский». СПб., 1901. С. 309–318.

Языков Д.Д. Редчайшая ода // РВ. 1901. № 4. С. 483–487.

1902

Каллаш В.В. Историко-литературные мелочи // РА. 1902. № 4. С. 738–739.

1904

Павел I. Рескрипты (2). 16 февр. 1798 – 29 марта 1800 // Русская Старина. М., 1904. № 9. С. 691, 698.

1905

Кунцевич Г.З. Влияние «Истории о Казанском царстве» на «Россиаду» Хераскова // Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 570, 574–589.

1909

Сиповский В.В. Псевдоклассический роман типа «Телемак». (М. Херасков. «Нума», «Кадм и Гармония», «Полидор») // Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1909. Т. 1. Вып. 1 (XVIII век). С. 508–563.

1912

Победоносцев П. Заслуги Хераскова в отечественной словесности // Труды Общества Любителей Российской Словесности. М., 1912. Ч. 1. Кн. 1. С. 111–147.

1914

Сиповский В.В. Херасков // Сиповский В.В. Русская лирика. Пг., 1914. Вып. 1. XVIII век. С. 88–100.

1915

Розанов И.Н. Михаил Матвеевич Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем. СПб., 1915. Вып. 2. С. 38–51. [Репринт – М., 1991].

1917

Смирновский Д. Второстепенные писатели второй половины XVIII столетия. Херасков (1733–1807) // Смирновский Д. Пособие при изучении истории русской словесности. Для средних учебных заведений. М., 1917. Ч. 2. Время от Ломоносова до Карамзина. 15-е изд. С. 394–412.

1933

Берков П.Н. «Разсуждение о российском стихотворстве» (Неизвестная статья М.М. Хераскова) // ЛН. 1933. Т. 9–10. С. 287–294.

1934

Иванов В.Ф. Херасков // От Петра Первого до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934. С. 218–220.

1935

Берков П.Н. Из литературного наследия М.М. Хераскова. (Анонимная статья «О письменах Славенороссийских и тиснении книг в России») // XVIII век. Сб. статей и матер. М.; Л., 1935. С. 366–370.

Берков П.Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы // XVIII век. Сб. ст. и мат-лов. М.; Л., 1935.

Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов). М.; Л., 1936. С. 36–46, 109–117, 192–200, 210–211; переизд. М., 1999.

Николов Е. Нова руска литература. София, 1935.

1938

Гуковский Г.А. У истоков русского сентиментализма // Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 238–246.

1939

Кулакова Л.И. М.Н. Муравьев // Ученые Записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. 1939. № 47. Вып. 4. С. 14–16, 34–35.

1940

Коплан Б.И. Французский источник некоторых «нравоучительных басен» М.М. Хераскова // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940. С. 329–333.

1941

Черняков М.В. Политико-дидактический роман М.М. Хераскова // Наукові записки Харківського педагогічного інституту. Праці філологічного факультету. 1941. Т. 7. С. 99–119.

1945

Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1945. С. 276–286.

1947

Берков П.Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». К вопросу о первом упоминании о «Слове» в печати // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 134–136.

Елеонский С.Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // Слово о полку Игореве. Сб. М., 1947. С. 96–100, 103–105.

Кулакова Л.И. Херасков // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. С. 320–341.

1948

Поспелов Г.Н. У истоков русского сентиментализма // Вестник Московского университета. 1948. № 1. С. 5–27.

Соколов А.Н. Эпическая поэзия Хераскова // История русской поэмы (XVIII – перв. пол. XIX в.). М., 1948. С. 279–340.

1949

Степанов Н.Л. Русская басня // Русская басня. Л.: Сов. писатель, 1949. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 31–33.

1952

Ливанова Т.Н. Русские поэты и музыка. (М.М. Херасков) // Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1952. Т. 1. С. 94–96.

1954

Новиков Н.И. Херасков Михайло Михайлович // Новиков Н.И. Избранные сочинения / Подг. текста Г.П. Макогоненко. М.; Л., 1954. С. 360–361.

1955

Соколов А.Н. На подступах к «Россияде» // Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 144–153.

Соколов А.Н. Теория эпопеи в русском классицизме. Эпическая поэзия Хераскова // Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 66–71, 153–187.

1956

Берков П.Н. Комическая опера А.О. Аблесимова «Поход с непреклонных квартир» // Театральное наследство. М., 1956. С. 191–192.

Ніженець А.М. Поетична творчість Г.С. Сковороди і россійська література XVIII ст. // Учені записки. (Харківський державний університет). Харків, 1956. Т. 70. С. 261–283.

1958

Алексеев М.П. Д. Дидро и русские писатели его времени // XVIII век. Сб. З. М.; Л., 1958. С. 426–429.

Макогоненко Г. Русская поэзия XVIII века // Поэты XVIII века. Л., 1958. (Б-ка поэта. Малая серия). С. 38–44.

1959

Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800–1815). Куйбышев, 1959. С. 257–369. См. также: Ученые записки Куйбышевского педагогического института. 1959. Вып. 25. С. 357–368.

1960

Берков П.Н. Неизданное ранее стихотворение Хераскова // РЛ. 1960. № 3. С. 194–195.

1960–1963

Документы и материалы по истории Московского университета 2-й половины XVIII века. Подг. к печати Н.А. Пенчко. М., 1960–1963. Т. 1–3. (1756–1786).

1961

Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. (Б-ка поэта. Большая серия). Л., 1961. С. 5–56.

1963

Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). Подг. изд. В.С. Нечаевой. (Лит. памятники). М., 1963. С. 46–49; ранее в отрывках опубл.: XIX век. Ист. сб. Кн. 2. М., 1872. С. 224–225.

Макина М. Поэмы Хераскова. (К вопросу о формировании мировоззрения и стиля русского сентиментализма) // Ученые записки (Новгородский педагогический институт). Новгород, 1963. Т. 9. С. 121–134.

1964

Назаретская К.А. Поэзия и проза в московских журналах 60-х годов XVIII века. (К вопросу о формировании сентиментализ-

ма) // Вопросы романтизма в русской литературе. Сб. 2. Казань, 1964. С. 3–25.

1966

Доланский Ю. Херасков и Гавличек // XVIII век. Сб. 7. М.; Л., 1966. С. 213–219.

Пачини-Савой Л. Итальянский дипломат XVIII века, переводчик «Россияды» // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 207–219.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. 3. Р – Я. С. 331–340.

1967

Назаретская К.А. Сентиментальные и предромантические мотивы в творчестве Хераскова и поэтов его школы 60–70-х годов // Ученые записки. (Казанский ун-т). Казань, 1967. Т. 127. Кн. 2. С. 3–37.

1968

Иванов В.П. Анаkreоническая ода М.М. Хераскова. (К вопросу о ритме) // XXI Герценовские чтения. Л., 1968. С. 85–87.

Сидорова Ю.Н. «Россияда» М. Хераскова и «Генриада» Вольтера // Проблемы изучения художественного произведения....: Тез. докладов... М., 1968. Ч. 1. С. 77–78.

Степанов В.П. Михаил Матвеевич Херасков. Библиографический указатель / Под ред. К.Д. Муратовой // История русской литературы XVIII века. Л., 1968. С. 397–400.

1969

Серман И.З. Русская поэзия XVIII века: (От Ломоносова до Державина): Автoref. ...д-ра филол. наук. Л., 1969. 24 с.

Серман И.З. Херасков и Курбский: <Образ князя Курского в поэме «Россияда»> // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 353–356.

Сидорова Ю.Н. О своеобразии русского классицизма («Россияда» Хераскова) // Проблемы стиля, метода и направления в изу-

чении и преподавании художественной литературы. М., 1969. С. 73–74.

1971

Белинкис М. Пространство и система персонажей в повестях М.М. Хераскова // Русская филология. Тарту, 1971. Сб. 3. С. 26–35.

Доланский Ю. Неизвестный чешский отзвук поэм Хераскова // Проблема теории и истории литературы. М., 1971. С. 83–92.

1972

Сидорова Ю.Н. Поэма М.М. Хераскова «Плоды наук» и традиции русского и европейского просвещения // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XXIV съезда КПСС: Тезисы. М., 1972. С. 57–58.

Таршиш Н.Д. Функция документа в художественной системе классицизма: (На материале поэмы М.М. Хераскова «Чесмесский бой» // Ученые записки (Ивановский государственный педагогический институт). Иваново, 1972. Т. 105. С. 54–77.

1973

Пастушенко Л.М. Трагедия М.М. Хераскова «Венецианская монахиня» // Литературоведение: Науч. докл. Л., 1973. С. 7–11.

1974

Пастушенко Л.М. Историческая основа трагедии М.М. Хераскова «Венецианская монахиня» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века... Л., 1974. Вып. 1. С. 63–73.

1975

Доланский Ю. Херасков и Линда // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 135–142.

- Пастушенко Л.М. Драматургическая структура трагедии М.М. Хераскова «Пламена» // XXVII Герценовские чтения / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1975. С. 3–6.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975. С. 43–45, 92.
- Сидорова Ю.Н. «Россияда» М.М. Хераскова и «Казанская история» // Литература древней Руси. М., 1975. С. 97–104.
- Сидорова Ю.Н. Традиции западноевропейского просветительства в поэме М.М. Хераскова «Плоды наук» // Проблемы генезиса и развития реализма в зарубежной литературе: Сб. Красноярск, 1975. С. 3–13.

1976

- Нарышкина Л.Н. Повесть М.М. Хераскова «Золотой прут» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1976. Вып. 2. С. 42–53.
- Пастушенко Л.М. Идейно-художественное своеобразие трагедии М.М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1976. Вып. 2. С. 54–62.
- Сидорова Ю.Н. «Генриада» Вольтера и «Россияда» М.М. Хераскова // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературах. Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 3–22.

1977

- Берков П.Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. 391 с.
- Силуэты пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии... СПб., 1977.

1978

- Борисов Ю.Н. «Горе от ума» и русская стихотворная комедия: (У истоков жанра) // Саратов, 1978. С. 35–44.

Нарышкина Л.Н. Авторские отступления в романе М.М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» // Проблемы изучения рус. лит-ры XVIII в. Л., 1978. Вып. 3. С. 57–78.

Эткинд Е.Г. Материя стиха. Париж, 1978. С. 52–59.

Rothe H. In Cheraskovs Dichtungsauffassung // Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa. Giessen, 1978. S. 93–109.

1979

История романтизма в русской литературе. М., 1979. С. 55–70.

Русская литература XVIII века. 1700–1775. Хрестоматия / Сост. В.А. Западов. М., 1979. С. 267–295. Рассуждение о российском стихотворстве. Венецианская монахиня. Трагедия в трех действиях. К своей лире. О важности стихотворства. «Иные строят лиру...». Злато. Знатная порода. Ничтожность. Время. Чесмесский бой (Отрывок).

1980

Мерзляков А.Ф. «Россияда». Поэма эпическая г-на Хераскова (Письмо к другу. О слоге поэмы) // Литературная критика 1800–1820-х годов / Сост. Л.Г. Фризман. М., 1980. С. 177–187.

Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 215–226.

Строев П.М. О «Россияде», поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.) // Литературная критика 1800–1820-х годов / Сост. Л.Г. Фризман. М., 1980. С. 210–230.

1981

Кошут С.С. Грузино-кавказская тематика в русской художественной литературе XVIII века // Взаимосвязи грузинской литературы с литературами народов СССР: Сб. ст. Тбилиси. 1981. С. 67–82.

1982

- Сахаров В.И. Роман // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982. С. 229–235.
- Татаринов Л.Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. М., 1982. С. 263–273.

1983

- Западов А. «...Есть великая польза роду человеческому»: К 250-летию со дня рождения М.М. Хераскова // В мире книг. 1983. № 11. С. 52–53.
- Пастушенко Л.М. Национально-патриотическая проблематика в трагедии М.М. Хераскова «Освобожденная Москва» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Сб. тр. Л., 1983. С. 74–81.
- Симонова С.А. М.М. Херасков и М.Н. Муравьев // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Сб. тр. Л., 1983. С. 63–73.
- Смирнов А.А. «И в храм бессмертья приведут...» (К 250-летию со дня рождения М.М. Хераскова). // Русская речь. 1983. № 6. С. 8–14.

1984

- Западов А.В. Поэты XVIII века: А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков: Лит. очерки. М., 1984. С. 166–234.

1985

- Rossner U. Zur sprachlichen Widerspiegelung ideologischer Positionen im Roman «Numa Pompilius oder Das aufblutende Rom» von Cheraskov // Die russische Literatur der Aufklärung, 1650–1825. Halle, 1985. S. 82–88.

1986

- Мильман В. Героико-классицистическая поэма в восприятии критики «переходного времени» («Россияда» М.М. Хераскова в

- оценке А.Ф. Мерзлякова) // Особенность восприятия художественного творчества и литературный процесс. Самарканд, 1986. С. 52–61.
- Разживин А.И. Эпическое и лирическое в «Бахариане» М.М. Хераскова // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе. М., 1986. С. 28–36.
- Совалин В.С. «Народные размеры» поэзии М.М. Хераскова // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе. М., 1986. С. 3–28.
- Orlowska A. Poemat klasycystyczny Michała Chieraskowa // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1986. Roch. 35. N 1. S. 27–37.

1987

- Григорьева Т.Н. Из источников думы К.Ф. Рылеева «Иван Сусанин» // РЛ. Л., 1987. № 2. С. 206–208.
- Кочеткова Н.Д. М.В. Ломоносов в оценке русских писателей-сентименталистов // Ломоносов и русская лит-ра. М., 1987. С. 267–280.
- Кузнецова С. Михаил Матвеевич Херасков // Русские писатели в Москве / Сост. Л.П. Быковцева. М., 1987. С. 46–55.
- Сидорова Л.П., Панфилова Е.М. «Демофонт» М.В. Ломоносова и «Мартезия и Фалестра» М.М. Хераскова: (К вопр. о развитии конфликтов и характеров в рус. трагедии XVIII в.) // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 221–235.
- Orlowska A. Poemat klasycystyczny Michała Chieraskowa. Lublin, 1987. 146 p.

1988

- Нарышкина Л.Н. М.М. Херасков. «Кадм и Гармония». (Авторская позиция, художественное своеобразие романа). Тюмень, 1988. 29 с.
- Green M. Italian scandal as Russian tragedy: Kheraskov's «Венецианская монахиня» // Russia and the world of the eighteenth century. Columbus (Ohio), 1988. P. 388–399.
- Levitsky A. Masonic elements in Russian eighteenth-century religious poetry // Russia and the world of the eighteenth century. Columbus (Ohio), 1988. P. 419–436.

1989

Книга из библиотеки Гоголей: (К вопросу об употреблении термина «поэма» в рус. лит.) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 251–255.

Осоргин М.А. Юбилей поэта // Осоргин М.А. Заметки старого книгоеда. М., 1989. С. 222–226.

Zbytrowski Z. [Rec. ad op.: Orlowska A. Poemat klasycystyczny Michała Chieraskowa. Lublin, 1987. 146 p.] // Przeglad rusy-cystyczny. Warszawa; Lodz, 1989. Roch. 12. Z. 2. S. 153–156.

1990

Емельянова Л.А. Поэтика поэмы М.М. Хераскова «Плоды наук» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1990. С. 47–56.

Руднева О.Н. Анакроントические оды М.М. Хераскова (вопросы поэтики и творческого метода) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1990. С. 56–65.

Руднева О.Н. «Ослабленность» композиции как художественный принцип (М.М. Херасков «Россияда») // Актуальные проблемы литературоведения. Воронеж, 1990. С. 142–156.

Rosner U. Cheraskov's Roman «Polidor, syn Kadma i Garmonii» als eine konservative Stellungnahme zu den Ereignissen der französischen Leben in Russland (1789–1825) und die französische Revolution. Halle (Saale), 1990. S. 86–91.

1991

Бакунина Т.А. Херасков // Бакунина Т.А. Знаменитые русские ма-соны / Сост. примеч. А.И. Серкова. М., 1991. С. 16–21.

Нарышкина Л.Н. Вольтер и «восточная» повесть М.М. Хераскова «Золотой прут» // Зарубежная литература в эволюции русского литературного процесса, XVIII–XX вв. Тюмень, 1991. С. 16–26.

Sielicki F. [Rec. ad op.: Orlowska A. Poemat klasycystyczny Michała Chieraskowa. Lublin, 1987. 146 p.] // Acta Univ. wratislaviensia. Wroclaw, 1991. N 1127. Slavica wratislaviensia. N 62. S. 105.

1992

- Гришакова М. Символическая структура поэм М. Хераскова // Сб. В честь 70-летия проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 30–48.
- Мирский С. <Святополк Мирский> История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Пер. с англ. Р. Зёрнова. London, 1992. С. 83.

1994

- Гришакова М. Историко-литературные заметки: Из истории русского утопизма // Новое Лит. Обозрение. М., 1994. № 8. С. 198–203.
- Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 104–106; 108–111.

1995

- Александрова И.Б. Поэтическая теория и поэтическая практика стихотворцев XVIII века – В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова: Автoreф. дис. ...канд. филол. наук М., 1995. 18 с.
- Левицкий А. Оды «Бог» у Хераскова и Державина // Г. Державин: Норвический симпозиум. Нортфилд, 1995. С. 341–360.
- Орловска А. В кругу масонской мистики: Повесть М.М. Хераскова «Золотой прут» // Proza gosyjska... Łódź, 1995. С. 14–15.
- Сахаров В.И. Русская масонская поэзия XVIII века: (К постановке проблемы) // РЛ. СПб., 1995. № 4. С. 3–26.
- Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 91–93.
- Творогов О.В. Херасков Михаил Матвеевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 178–179.

1996

- Богданова Л.А. К вопросу об эволюции художественного метода в поэмах М.М. Хераскова // Короленковские чтения, 15–16 окт. 1996 г. Глазов, 1996. С. 26–28.

- Ермоленко Г.Н. Наследие Д. Мильтона и эволюция жанра поэмы в творчестве М.М. Хераскова // Русская филология: Уч. зап. Смоленск, 1996. С. 72–81.
- Коренева М.Ю. Херасков-переводчик // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII. Т. 2. Драматургия. Поэзия. СПб., 1996. С. 129–134.
- Левицкий А.А. Н.И. Новиков и М.М. Херасков: Масонская тема в творчестве (предпосылки для дальнейшего исследования) // Новиков и русское масонство. Мат-лы конф. 17–20 мая 1994. Коломна. М., 1996. С. 19–29.
- Руднева О.Н. «Ослабленность» композиции как художественный принцип (М.М. Херасков «Россияда») // Короленковские чтения, 15–16 окт. 1996 г. Глазов, 1996. С. 26–28.
- Сахаров В.И. Проза русских масонов. (История и поэтика) // Контекст. М., 1996. С. 338–359.

1997

- Давыдов Г.А. Жанр дружеского послания в поэзии М.М. Хераскова и поэтов его круга // Филологические науки. М., 1997. № 1. С. 92–100.
- Орловская А. Миф России в творчестве М. Хераскова (поэма «Владимир») // Slavica. Debrecen, 1997. Т. 28. Р. 27–33.

1998

- Пастушенко Л.М. Из истории становления русской драматургии второй половины XVIII века (М.М. Херасков). Петропавловск-Камчатский, 1998. 118 с.
- Эткинд Е.Г. К проблеме «типологии поэзии» // Эткинд Е.Г. Материя стиха. СПб., 1998. С. 52–59.
- Orlowska A. Motywy biblijne w liryce i poematach Michala Chieraskowa // Biblia w literaturze i folklorze narodow wschodnioslowianskich. Krakow, 1998. S. 143–181.

1999

- Грин М. Екатерина, Херасков и Моцарт: Масонский эпизод // Синтез культурных традиций в художественном произведении. Н. Новгород, 1999. С. 14–17.
- Давыдов Г.А. Поэтика религиозно-философских поэм М.М. Хераскова // Филологические науки. М., 1999. № 1. С. 59–64.
- Давыдов Г.А. Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1999.
- Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. С. 290–293.
- Саськова Т.В. Пастораль в творчестве М.М. Хераскова и поэтов его круга // Пастораль в русской поэзии XVIII века. М., 1999. С. 50–89.
- Стенник Ю.В. Литературная критика неоклассицизма (А.Ф. Мерзляков) // Очерки истории русской литературной критики. Т. 1. XVIII в. – первая четв. XIX в. СПб., 1999. С. 257–264.
- Rothe H. Literarische Zeitschriften in Russland 1800–1812. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 1219.

2000

- Давыдов Г.А. Поэзия М.М. Хераскова и религиозные исследования русских масонов // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / Отв. ред. В.И. Сахаров. М., 2000. С. 130–143.
- Калягин Н. Чтения о русской поэзии // Москва. М., 2000. № 1–6, 8. С. 154–171.
- Сахаров В.И. Масонская проза: История, поэтика, теория // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / Отв. ред. В.И. Сахаров. М., 2000. С. 207–213.
- Сахаров В.И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / Отв. ред. В.И. Сахаров. М., 2000. С. 66–118.
- Чернышева Л.В. Смысл названия сборника М.М. Хераскова «Анакреонтические оды» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Оренбург, 2000. № 3. С. 65–76.

2001

- Гуковский Г.А. Элегия в XVIII веке // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 90–114.
- Любжин А.И. Техника эпического каталога в «Россиаде» Хераскова // Античность в современном измерении. Казань, 2001. С. 100–102.
- Руднева О.Н. Лирика М.М. Хераскова и русское нравоучительное масонство // Русская классика: Проблемы интерпретации. Липецк, 2001. С. 3–10.
- Серков А.И. Херасков Михаил Матвеевич // Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 851.
- Татаринова Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII века. М., 2001. С. 226–234.
- Фёдоров В.И. Михаил Херасков. Биографический очерк // Русская поэзия XVIII века. М., 2001. С. 88–91.

2002

- Давыдова Г.А. Наследие М.М. Хераскова в оценке Н.А. Полевого // Литературные взгляды и творчество Н.А. Полевого. М., 2002. С. 94–100.
- Джанумов С.А. Херасков Михаил Матвеевич // Русские писатели. XVIII век. Библиографический словарь. А–Я / Сост. С.А. Джанумов. М., 2002. С. 208–212.
- Карамзин Н.М. «Кадм и Гармония, древнее повествование, в двух частях» // Критика XVIII века / Сост. А.М. Ранчин, В.Л. Коровин. М., 2002. С. 330–339.
- Кукушкина Е.Д. Поэзия М.М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 96–110.
- Любжин А.И. Техника эпического каталога в «Россиаде» Хераскова // Сб. научных трудов, посвященный памяти проф. Владимира Даниловича Жигулина. Казань, 2002. С. 512–518.
- Любжин А.И. Эпические источники «Россиады» М.М. Хераскова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2002. № 6. С. 101–107.

- Розанов И.Н. Михаил Матвеевич Херасков // История масонства. М., 2002. Т. 1. С. 410–426.
- Руднева О.Н. Художественный мир «Нравоучительных од» М.М. Хераскова // Русская классика: Проблемы интерпретации: (Мат-лы науч.-практ. конф.). Липецк, 2002. С. 14–20.
- Сахаров В.И. Масонская проза: История, поэтика, теория // Сахаров В.И. Русская проза XVIII–XIX вв. Проблемы истории и поэтики. М., 2002. С. 7–42.
- Херасков Мих. Матв. (1733–1807) [Биографич. справка] // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 3. М.; СПб., 2002. С. 531. [Б. п.].
- Штейн К.Э. (сост.) Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология. Т. 1. Ставрополь, 2002. С. 168–174.

2003

- Любжин А.И. Михаил Матвеевич Херасков // Im Werden Verlag. Augsburg, 2003. 12 S.
- Сахаров В. Встреча в начале пути: Молодой Пушкин и Херасков // Лит. Россия. М., 2003. № 10. С. 16.

2004

- Макаренко Е.К. Комедия М.Н. Хераскова «Ненавистник»: Сюжет и мотивы самозванства. Жанровый аспект // Культура и текст: Миф и мифопоэтика. СПб., 2004. С. 246–252.
- Руднева О.Н. Поэтическая индивидуальность М.М. Хераскова: Философские и эстетические искания: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Елец, 2004. 22 с.
- Руднева О.Н. Религиозно-философские основы творчества М.М. Хераскова // Русская литература и философия: Постижение человека. Липецк, 2004. Ч. 1. С. 43–50.
- Саськова Т.В. Трагическое и утопическое в структуре русских барочного-классицистических романов XVIII в. // XVIII век: Между трагедией и утопией. М., 2004. Вып. 1. С. 208–219.
- Хворостьянова Е.В. Проблема поэтической эквивалентности в русской литературе XVIII века: (Две редакции «Россияды» М.М. Хераскова) // Индоевропейское языкознание и класси-

- ческая филология: Материалы чтений, посвящ. памяти И.М. Тронского. СПб., 2004. № 8. С. 258–294.
- De Dobbeleer M. The figure of Vassian as key to the interpretation (s) of Mikhail Kheraskov's «Rossiad» // *Slavica gandensia*. Gent, 2004. N 31. P. 47–64.

2005

- Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 261–275.
- Из вступительной статьи А. Западова // Пoэзия Московского университета: От Ломоносова и до... Кн. 1 / Сост. Г.А. Воропаева. М., 2005. С. 63–65.
- Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М. Языки славянской культуры, 2005. С. 66–70, 86–89, 99–101.
- Крашенинникова О.М. «Взносись, Российская держава...» (выражение нац. самосознания в рус. оде 1760–1780-х годов) // Русская литература как форма национального самосознания, XVIII век. М., 2005. С. 341–404.
- Крашенинникова О.М. «Служить отечеству трудами и мечом...»: (Жанр эпической поэмы в русской литературе и «Россияда» М.М. Хераскова) // Русская литература как форма национального самосознания, XVIII век. М., 2005. С. 405–443.
- Левицкий А.А. Г.Р. Державин под влиянием «творца бессмертной Россияды» в 1779 г. Часть 1 // Г.Р. Державин и его время. СПб., 2005. Сб. 2. С. 59–72.
- Любжин А.И. Христианские источники «Россияды» М.М. Хераскова // Евангельский текст в русской лит-ре XVIII–XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 86–95.
- Поп А. Эпистола Элоизы к Абеларду / Пер. М. Хераскова; публ. Д. Рицци // *Archivio Russo-Italiano IV / A cura di D. Rizzi e A. Shishin. Salerno*, 2005. 446 p. (Collana di Europa Orientalis. P. 226–242).
- Шмараков Р. Чудесное в героической поэме: Римский образец и его русские трансформации // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 138–159.

2006

- Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. Магнитогорск, 2006. 479 с.
- Вендитти М. Мысли из Экклезиаста Вольтера в переводах Хераскова и Карамзина // Study Group on eighteenth-century Russia. Newsletter, 2006. N 34. P. 35–44.
- Гардзонио С. Динамическое изображение России в «Россияде» М.М. Хераскова: Центр и периферия // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 166–173.
- Кочеткова Н.Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII в. (Посвящения екатерининским вельможам) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 96–124.
- Кочеткова Н.Д. Работа М.М. Хераскова над трагедией «Венецианская монахиня» // Основание национального театра и судьбы русской драматургии. (К 250-летию создания театра в России). СПб., 2006. С. 73–83.
- Кочеткова Н.Д. Херасков в «Московском журнале» Карамзина // РЛ. 2006. № 4. С. 161–165.
- Приказчикова Е.Е. Культурная мифология масонства в русском литературном сознании второй пол. XVIII в.: В поисках образа «чужого» // Изв. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2006. № 41. С. 19–35.
- Руднева О.Н. Проблема духовного самоопределения в поэзии М.М. Хераскова (оды «Мир» и «К Богу») // Русская классика: Проблемы интерпретации. Липецк, 2006. С. 70–74.

2007

- Королева Д.А. «В середине цветника фонтанна верху била»: (Басня М.М. Хераскова «Фонтанна и речка» в контексте развития жанра басни XVIII века) // Русская басня. История и теория жанра. М., 2007. С. 144–151.
- Левицкий А.А. Г.Р. Державин под влиянием «творца бессмертной Россияды» в 1780-е годы. (Часть 2) // Г.Р. Державин и его время. СПб., 2007. Сб. 3. С. 29–43.
- Лиманская Ю.С. Древняя экзотика в романе М.М. Хераскова «Кадм и Гармония» // Русская речь. 2007. № 5. С. 3–6.

- Луняев Е.В. Нравственные идеи масонства в поэтическом творчестве М.М. Хераскова // *Gratias agimus: Филос.-эстет. штудии*. СПб., 2007. Т. 1. С. 124–134.
- Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007.
- Любжин А.И. М.М. Херасков и Гомер (на материале «Россиады») // *Россия и Греция: Диалоги культур*. Петрозаводск, 2007. Ч. 2. С. 252–256.
- Приказчикова Е.Е. Нравственно-религиозная концепция человека в поэме М. Хераскова «Владимир Возрожденный» // Классическая словесность и религиозный дискурс. Екатеринбург, 2007. С. 49–71.
- Руднева О.Н. Феномен человека в поэтическом творчестве М.М. Хераскова и духовная культура эпохи Просвещения // *Филологические зарисовки*. Липецк, 2007. С. 131–139.
- Руднева О.Н. Человек в системе ценностей эпохи Просвещения: Поэтическое творчество М.М. Хераскова // Социализация личности в меняющемся мире: Философские, психологические, педагогические проблемы. Елец, 2007. С. 388–397.
- Федотова Л.Л. Национально-героический эпос М.М. Хераскова как феномен культуры XVIII века // Вест. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. Химки (Моск. обл.), 2007. № 6. С. 227–230.

2008

- Абузова Н.Ю. Календарная лирика поэтов «сумароковской школы» // *Филология и человек*. Барнаул, 2008. № 3. С. 51–66.
- Вендитти М. Истолкование мотивов из Экклезиаста в XVIII веке: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 130–157.
- Кочеткова Н.Д. Державин и Херасков // Державин и культура Казанского края. Казань, 2008. С. 126–130.
- Кочеткова Н.Д. Кружок Н.И. Новикова как явление русской культуры // *Русская литература*. СПб., 2008. № 1. С. 170–180.
- Любжин А.И. Ода М.М. Хераскова на восшествие на престол Императора Александра I // Рукописи. Редкие издания. Архивы:

- Из фондов Отд. редких книг и рукоп.: К 60-летию образования Отдела. М., 2008. С. 181–209.
- Любжин А.И. «Россиада» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция // *Acta Linguistica Petropolitana*. СПб., 2008. Т. 4. Ч. 1. С. 415–452.
- Нестерова Т.П. Позитивное и негативное в литературных интерпретациях личности Вадима Новгородского // *Филол. науки*. М., 2008. № 3. С. 33–40.
- Погосян Е. Момус и Превратный свет в маскараде «Торжествующая Минерва» // И время и место: Ист.-филол. сб. к 60-летию А.Л. Осповата. М., 2008. С. 55–72.
- Руднева О.Н. Духовный смысл поэзии М.М. Хераскова: (К проблеме взаимодействия автора и читателя) // *Вест. Липец. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки*. Липецк, 2008. Вып. 2. С. 187–191.
- Руднева О.Н. Павел I в контексте художественного мира «Торжественных од» М.М. Хераскова: Приглашение к диалогу // *Вест. Липец. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки*. Липецк, 2008. Т. 2. Вып. 1. С. 118–123.
- Салова С. Стихотворное послание А.П. Сумарокова Е.В. Херасковой: «Русский Анакреонт» «новой Сафо» // XVIII век: Женское / Мужское в культуре эпохи. М., 2008. С. 199–207.
- Федотова Л.Л. Религиозно-масонские идеи в поэзии М.М. Хераскова // *Вест. Моск. гос. пед. ун-та культуры и искусства. Химки (Моск. обл.)*, 2008. № 2. С. 286–289.
- De Dobbeleer M. Approaching unity in epic/vs./historiography. Kheraskov's «Rossiad», the «Kazanskaya istoriya» and the Aristotelian plot // *Slavica gandensia*. Gent, 2008. N 35. P. 23–35.
- Klein J. Cheraskov und das heroische Epos // Klein J. Russische Literatur im 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2008. S. 158–164.

2009

- Тарасова Н.А. История отечественной периодики XVIII века. Петрозаводск, 2009.

2010

- Кочеткова Н.Д. Херасков Михаил Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3 (Р–Я). С. 344–361.
Любжин А.И. Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // РЛ. СПб., 2010. № 1. С. 3–25.

2012

- Алпатова Т.А. Проблема «правильной» прозы в романе М.М. Хераскова «Кадм и Гармония» и Н. Карамзин // Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: Поэтика повествования. М., 2012. С. 89–116.
Якушева Г.В. Херасков // Московская энциклопедия. М., 2012. Т. I, книга 6. У–Я. С. 182–183.

Список сокращений

- ВЕ – Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.
ДВ – Детский Вестник. М.
ДП – Друг Просвещения. М.
ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб. (Пг.).
ИРА – Известия Российской академии. СПб.
ЛН – Литературное наследство. М.
МЖ – Московской Журнал. М.
ОЗ – Отечественные Записки. СПб.
РА – Русский Архив. М.
РВ – Русский Вестник. СПб.
РЛ – Русская Литература. Л.; СПб.
СПб. Вест. – Санкт-Петербургский Вестник. СПб.
СЧ – Свободные Часы. М.
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы. Л.; СПб.

Составление А.Н. Стрижёва

ЛЕОНИД ФЁДОРОВИЧ ЗУРОВ (1902–1971): МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

I. Публикации Л.Ф. Зурова

Отдельные издания

Кадет. Рига: Саламандра, 1928. 176 с. [Содержание: Кадет. – Год. – Плевок. – Студент Вова. – Смерть князя Даниила. – О городе и крепостице Санктптербург. – Последний поход. – Тот уголок земли.].

Отчина. Сказание о Псково-Печерском монастыре. Рига: Саламандра, 1928. 112 с.

Древний путь: Роман. Париж: Современные Записки, 1934. 168 с.

Поле: Роман. Париж: Дом книги, 1938. 150 с.

Древний путь: Роман. 2-е изд., испр. и доп. Париж, 1955. 150 с.

Марьянка. Париж: [б. и.], 1958. 164 с. [Содержание: Марьянка. – Ксана. – Русская повесть. – Ударник. – Горцев. – Дозор. – Полынь. – Встреча. – Павловский парк. – Обитель. – Бой. – Ребята. – Партизанская могила. – Слепой. – Земля. – Град. – Семь рассказов. – Ванюшины волосы. – Три горшка. – Гуси-лебеди.].

Отчина: Повесть о древнем Пскове. 2-е изд. Париж: YMCA-press, 1970. 110 с. [Содержание: Малая обитель. – Игумен Корнилий. – Осада Пскова. – Послесловие.].

Поле: Роман. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. 148 с. [Содержание: Андреев Н. Вместо предисловия. – Поле.].

Древний путь: Роман. 2-е изд., испр. и доп. автором. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. 150 с. [Содержание: Древний путь. Гуси-лебеди.]

Отчина: Сказание о Псково-Печерской обители: [для детей] / Худож. С.М. Харламов. Печоры: Свято-Успен. Псково-Печер. монастырь; М.: Сирин, 1994. 80 с.

Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания / Сост. А.Н. Стрижев. М.: Паломникъ, 1999. 623 с. [Содержание: Стрижев А. Л.Ф. Зуров: Биограф. очерк. – Отчина: Повесть о древнем Пскове. – Обитель. – Смерть князя Даниила. – Русская повесть. – Кадет: Повесть. – Град. – Ксана. – Гуси-лебеди. – Молодость. – Первый, второй. – Московское. – Ванюшины волосы. – Три горшка. – Город. – Последний поход: Памяти В.И. Аничкова. – Выручка. – Взгрустнулось [отрывок из романа «Древний путь»]. – В соборе [отрывок из романа «Древний путь»]. – Молебен на передовой [отрывок из романа «Поле»]. – На кургане [отрывок из романа «Поле»]. – Зелень, солнце, облака [отрывок из романа «Поле»]. – Тот уголок земли. – О городе и крепостице Санктпитебург. – Воспоминания. – Монах-иконописец Г.И. Круг. – Приложение: Бунин И. Л. Зуров. – Андреев Н. «Отчина» и ее автор. – Величковская Т. О Л.Ф. Зурове. – Кудрявцев В. Дома и в лодке с Л. Зуровым. – Библиография].

Публикации в периодике и сборниках

Вечерний звон. Цветы на могилу. («Когда тают снега, зеленеют поля...») // Маяк. Рига, 1922. № 7. (Подпись: Л.З.).

Говор могил...: На Покровском кладбище // Слово. Рига, 1925. 27 декабря (№ 38).

Почему? («Почему в этих жутких боях...»). Та ночь. За рубежом // Студенческий альманах. Рига, 1925. № 2.

Могилы, которые необходимо перенести на Братское кладбище // Слово. Рига, 1926. 16 июля (№ 208).

О городе и крепостице Санктпитебург // Перезвоны. Рига, 1926. № 24. С. 741–746.

Плевок // Слово. Рига, 1926. 19 декабря (№ 364).

Этап в Нарве // Либавское русское слово. Либава, 1926. № 264.

- Этап в Нарве // Слово. Рига, 1926. 21 ноября (№ 336).
- Березовская ярмарка // Слово. Рига, 1927. № 581.
- Весна в Латгалии // Слово. Рига, 1927. 5 июня (№ 526).
- Выручка // Перезвоны. Рига, 1927. № 35. С. 1114–1120.
- В Жоготах и у старообрядцев // Слово. Рига, 1927. № 396.
- В крестьянском доме. Из записной книжки «По Латгалии» // Слово. Рига, 1927. № 445.
- Герои и ветераны русско-турецкой войны в 77–78 гг. // Слово. Рига, 1927. № 494.
- Гребенщиковский молитвенный дом // Слово. Рига, 1927. № 524.
- Даниловы // Белое дело. – [Берлин]: Медный всадник, 1927. № 2. С. 158–196.
- Деревня Исмери // Слово. Рига, 1927. № 587.
- Младший брат Великого Новгорода – Псков // Слово. Рига, 1927. № 512.
- Московское // Перезвоны. Рига, 1927. № 28. С. 896–897.
- На яхте // Слово. Рига, 1927. № 531.
- О чем мечтают... // Слово. Рига, 1927. № 490.
- Последний поход. Тот уголок земли // Перезвоны. Рига, 1927. № 32. С. 997–999.
- Предпасхальное // Слово. Рига, 1927. № 483.
- Режицкий базар // Слово. Рига, 1927. № 563.
- Рижское: Маленький фельетон // Слово. Рига, 1927. № 573.
- Рубят липы... // Слово. Рига, 1927. № 522. (Подпись: Л.З.).
- Среди могил Икскуоля // Слово. Рига, 1927. № 516.
- Утро в Режице // Слово. Рига, 1927. 16 января (№ 389).
- У озера Разна // Слово. Рига, 1927. № 557.
- Что мне рассказывал столетний дед // Слово. Рига, 1927. № 541.
- Ярмарка в Пыталове: Дорожные впечатления // Слово. Рига, 1927. № 501.
- Выручка // Школьные годы. Ученический журнал культурно-просветительского кружка русских учащихся Рижской городской русской средней школы. Рига, 1928. № 15.
- Кадет: Повесть // Слово. Рига, 1928. № 953–976.
- Напоминание (1918–1928) // Слово. Рига, 1928. 2 сентября (№ 967). С. 6. (Подпись: Л.З.).
- Печерские легенды // Слово. Рига, 1928. № 1009.

- Старинная икона с рисунком Псково-Печерской обители // Слово. Рига, 1928. 11 ноября (№ 1007). (Подпись: Л.З.).
- Вести из Латгалии // Слово. Рига, 1929. № 1034. (Подпись: З-Ь).
- Герой [Пулемет] // Слово. Рига, 1929. 6 января (№ 1015).
- Конец Дмитрия Соломина // Слово. Рига, 1929. № 1017–1021.
- Л. И-Ь. Ломоносовцы-литераторы // Школьные годы. Рига, 1929. № 15.
- Нерадостные вести // Слово. Рига, 1929. № 1024. (Подпись: Л.З.).
- Опись древностей Псково-Печерского монастыря, в качестве приложения // Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. В. Синайский; снимки с картин и рисунков акад. С. Виноградова. Рига: тип. «Рити», 1929. С. 57.
- Памяти ливенца [Рецензия] // Слово. Рига, 1929. № 1019. (Подпись: Л.З.).
- Праздник русских скаутов // Слово. Рига, 1929. № 1031. (Подпись: Л.З.).
- Смерть Бориса // Россия и Славянство. Париж, 1929. 27 июля (№ 35).
- Шпион Эрдман. Штаб-ротмистр Шуровский // Слово. Рига, 1929. № 1017.
- В избе. Рассказ // Наша газета. Орган русской молодежи Зарубежья. Рига, 1930. 2 апреля (№ 1).
- Емельян Пугачёв // Последние Новости. Париж, 1930. 16 июля.
- Конец Пугачёва: По новейшим данным // Последние Новости. Париж, 1930. 9 ноября.
- Лето // Последние новости. Париж, 1930. 7 июня.
- Псковщина // Последние Новости. Париж, 1930. 16 марта. [Погост. – Волхва. – Слепой. – В избе.]
- Псковщина // Последние Новости. Париж, 1930. 19 августа. [Клад. – Староверы.]
- Пугачёв в Берде // Последние Новости. Париж, 1930. 29 августа.
- Пулемет [Герой] // Иллюстрированная Россия. Париж, 1930. № 290.
- Рубеж // Последние Новости. Париж, 1930. 15 февраля.
- Русь Тишайшего царя: Дорогобужские щуры // Последние Новости. Париж, 1930. 22 июня.
- Свадьба Пугачёва // Последние Новости. Париж, 1930. 26 сентября.

- Старина // Последние Новости. Париж, 1930. 20 апреля.
- Два рассказа // Последние Новости. Париж, 1931. 26 апреля. [Гуси. – Усадьба.].
- Кривичи // Последние Новости. Париж, 1931. 15 февраля.
- Латгалия // Сегодня. Рига, 1931. 14 мая (№ 133). С. 4. [Вышгородок. – Партизанская могила. – Знахарь. – Голод, кровь и хлеб.].
- Петроград // Иллюстрированная Россия. Париж, 1931. № 314.
- Смерть Бориса // Служба Связи Ливенцев и Северозападников. Издание Объединения Ливенцев в Данциге. Данциг, 1931. № 5 (октябрь). С. 17–18.
- Средиземное море // Сегодня. Рига, 1931. 28 июня (№ 176). С. 5.
- Стальная батарея // Последние Новости. Париж, 1931. 25 августа.
- Уездное // Старое и новое. Нарва, 1931. № 1. С. 69–73.
- Дорожная тетрадь // Последние Новости. Париж, 1932. 24 июля.
- Марьинка // Последние Новости. Париж, 1932. 25 сентября.
- Последний вечер // Сегодня. Рига, 1932. № 93.
- Псковщина // Наша газета. Орган русской молодежи Зарубежья. Рига, 1932. 20 марта (№ 10). [Клад. – Три горшка.].
- Древний путь: Роман // Современные Записки. Париж, 1933. № 51. С. 142–177; № 52. С. 152–183.
- Полынь // Последние Новости. Париж, 1933. 21 мая.
- Как отдавали Псков // Для Вас. Рига, 1934. 25 февраля (№ 9). С. 2.
- Осень // Последние Новости. Париж, 1934. 5 августа.
- Павловский парк // Последние Новости. Париж, 1934. 18 ноября.
- Петроград // Иллюстрированная Россия. Париж, 1934. № 314.
- Последний поход // Последние Новости. Париж, 1934. 20 мая.
- Старик // Русский инвалид. Париж, 1934. № 67.
- Из истории церкви Николы Ратного в Печерском монастыре. Как был открыт древний город, носящий название Городачек // Новь. Сборник произведений молодежи ко дню русской культуры. Ревель, 1935. Вып. 8. С. 93–102.
- История // Последние Новости. Париж, 1935. 7 января.
- Кроткая любовь: Из старинных рассказов // Сегодня. Рига, 1935. № 109.
- О древностях Изборского и Печерского края // Последние Новости. Париж, 1935. 26 сентября. С. 3.
- Старина // Сегодня. Рига, 1935. № 45.

- Увоз. Латгальская история // Сегодня. Рига, 1935. № 45.
- Дороги Эстонии // День русского просвещения. Газета Союза русских культурно-просветительных и благотворительных обществ Эстонии. Таллинн, 1936. Май-июнь. С. 3.
- Новый ветер // Круг: Альманах. Париж, [1936]. Кн. 1. С. 70–79.
- Петроград // Журнал содружества. Выборг, 1936. № 10. С. 4.
- Печоры. Очерк и фотографии Л. Зурова // Иллюстрированная Россия. Париж, 1936. № 33. С. 12–13, 21.
- Молодость // Современные Записки. Париж, 1937. № 63. С. 119–130.
- Рождение героя [Горцев] // Последние Новости. Париж, 1937. 10 апреля.
- Степан // Сегодня. Рига, 1937. № 348.
- Ударник. Горцев. Дозор // Русские Записки. Париж, 1937. № 2. С. 72–98.
- Фридрих И.Д. Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Кн. 1. 1936. [Рец.] // Современные Записки. Париж, 1937. № 65. С. 440–441.
- Игумен Корнилий. Из пещерских впечатлений // Сегодня. Рига, 1938. 25 декабря (№ 356). С. 2.
- У Бога всё сделано. Рассказ // Сегодня. Рига, 1938. № 85.
- Древняя земля [О Печорах] // Старый Нарвский листок. 1939. 28 июня (№ 69).
- Живые воды. На боевых могильниках Изборска // Сегодня. Рига, 1939. 24 декабря (№ 355). С. 4.
- Dyrkan av stenar, källor och träd bland setukeser och ryssar i Petseri-området [Традиция поклонения камням и источникам среди сету и русских Печорского района] // Folk-Liv. – Acta ethnologica et folkloristica Europae. 1940.
- Обитель. Печоры // Сегодня. Рига, 1940. 11 февраля (№ 41). С. 4.
- Московское // Новый Путь. Рига, 1944. № 6.
- Аушвиц // Новоселье. Нью-Йорк, 1945. № 21. С. 26–31.
- Дорога [Отрывок из романа «Зимний Дворец»] // Встреча. Париж, 1945. Сб. 2. С. 10–12.
- На родной земле // Советский патриот. 1945. 16 июня, 8 июля.
- Петрополь // Встреча. Париж, 1945. Сб. 1. С. 22–23.
- Астория // Русский сборник. Париж, 1946. № 1. С. 70–86.

- Петроградская ночь [отрывок из романа «Зимний Дворец»] // Новоселье. Нью-Йорк, 1946. № 24 / 25. С. 3–9.
- Полынь. Встреча. Павловский парк. Обитель // Новоселье. Нью-Йорк, 1946. № 29 / 30. С. 35–54.
- Синодик // Новоселье. Нью-Йорк, 1946. № 26.
- Бой. Ребята. Партизанская могила. Слепой. Земля. Град. Семь рассказов // Новоселье. Нью-Йорк, 1947. № 33 / 34. С. 46–49.
- Как они умерли (о Д. Мережковском и З. Гиппиус) // Орион. Париж, 1947. С. 118–135.
- Ванюшины волосы // Новоселье. Нью-Йорк, 1948. № 37 / 38. С. 59–63.
- Дворцовая площадь // Новоселье. Нью-Йорк, 1949. № 39 / 41. С. 76–82.
- Русская повесть // Новоселье. Париж; Нью-Йорк, 1950. № 42 / 44. С. 90–101.
- Марьянка. Ксана. Три горшка. Гуси-лебеди // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1955. № 43. С. 20–32.
- Литературное завещание И.А. Бунина // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1961. № 66. С. 166–168.
- «Тамань» Лермонтова и «L'Orco» Ж. Занд // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1961. № 66. С. 278–281.
- Воспоминания [О дочери С.В. Рахманинова, Т.С. Конюс] // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1962. № 69. С. 51–61.
- Герб Лермонтова // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1965. № 79. С. 98–115.
- Рассыпанный набор // Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. Кн. 85. С. 129–140; Кн. 86. С. 135–138.
- Дон Аминадо // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1968. № 90. С. 114–120.
- И.А. и В.Н. Бунины в канун эмиграции: Из дневника В.Н. Буниной / Публ. Л.Ф. Зурова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1972. № 107. Также: Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под. ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург, 1972. С. 105–106.
- Первый, второй [Матросня] // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1972. № 108. С. 5–15.
- Монах-иконописец Г.И. Круг // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1976. № 124. С. 283–288.
- Дон Аминадо // Поэзия. М., 1991.

- Обитель // Даугава. 1991. № 3–4.
- Древний путь: Роман // Север. Петрозаводск, 1992. № 6.
- Град // Купель. Детский православный журнал. М., 1998. № 2 (6). С. 30–33.
- Тот уголок земли... // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937) / Сост. М.Д. Филин. Т. И. М., 2000. С. 510–519.
- Град // Воскресная школа. 2001. № 21(189). С. 15.
- Дон-Аминадо // Антология Сатиры и Юмора России XX в. Т. 33. Видное: Эксмо, 2004. С. 442–447.
- Московское // Первопрестольная: далекая и близкая. Москва и москвичи в прозе русской эмиграции. Т. 2. Москва: Русский мир, 2004. С. 7–10.
- Кадет. Поле. Древний путь // Купол Св. Исаакия Далматского / А.И. Куприн, Л.Ф. Зуров. М.: Вече, 2007. С. 85–413.
- Иван-да-Марья. Повесть // Звезда. 2005. № 8. С. 61–113; № 9. С. 99–145.
- Кадет. Молебен на передовой // Русская миссия. 2005. С. 3–57.
- Письма о революционных событиях 1968 г. во Франции / Струве Н.А., Зуров Л.Ф. // Вестник русского христианского движения. 2009. № 194(2).

II. Письма, биографические материалы, мемуары современников

- Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 183.
- Владиславлев С. Из записной книжки беженца // Париж, 1963. С. 33–34.
- Кузнецова Г. Грасский дневник. Вашингтон, 1967.
- Андреев Н.Е. Л.Ф. Зуров. Некролог // Новый Журнал. 1971. № 105. С. 274–276.
- Письма И. Бунина к Л. Зурову // Новый Журнал. 1971. № 105. С. 225–231.
- Литературное наследство. Т. 84. И. Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. (См. именной указатель).

- Шаховская З. Отражения. Париж: Имка-пресс, 1975. Также: Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. Москва: Книга, 1991. С. 274–276.
- Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. Нью-Йорк: Товарищество Зарубежных писателей, 1979. С. 22–23.
- Жаба С. Памяти друга. (К годовщине смерти Л. Зурова) // Русская мысль. Париж, 1981. 12 ноября (№ 3386).
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин. Том II. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 189–190, 211–213.
- Величковская Т. О Л.Ф. Зурове // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1981. Кн. 142. С. 149–160.
- Кудрявцев В. Дома и в лодке с Л. Зуровым // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1983. № 152. С. 118–130.
- Шеметилло Г.Т. Из воспоминаний об И.А. Бунине / Публ. Т.А. Геллер // Русская литература. СПб., 1990. № 4. С. 224–228. [Письма Л.Ф. Зурова к Г.Т. Шеметилло. С. 227–228].
- Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Н.Е. Андреева (1908–1982): В 2 т. Т. 1. Таллинн: Авенариус, 1996. С. 29–50.
- Письма Л.Ф. Зурова М.С. Мильруду // Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. 4. Между Гитлером и Сталиным. Stanford (Станфорд, США), 1997. С. 105–109.
- Бабореко А. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 283, 410–413 и др.
- «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / Н.Б. Зайцева-Соллогуб. М.: Русский путь, 2004. С. 210–217.
- «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; Публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1. С. 232–284.
- Письмо Л.Ф. Зурова А.К. Бабореко (о В. Солоухине) // Солоухин В. Прозрение. М.: Голос-Пресс, 2010. С. 23–26.
- «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С.А. Макашина (к 80-летию основания издания) / Публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина; вступ. заметки А.Ю. Га-

лушкина при участии М.А. Фролова; ком. М.А. Фролова и А.Ю. Галушкина // Русская литература. СПб., 2011. № 2.

III. Основные архивные фонды

Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 3. (Архив Л.Ф. Зурова); Ф. 39 (Архив Северо-Западной армии).

Русский архив Лидского университета (Leeds Russian archive. University of Leeds). L.F. Zurov Collections. MS. 1068.

IV. Справочная литература

Pachmuss Temira. Russian literature in the Baltic between the World Wars. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1987. P. 292–293.

Абызов Ю.И. Русское печатное слово в Латвии: 1917–1944 гг.: Био-библиографический справочник. Ч. 2. Stanford, 1990. С. 110–113.

Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х годов в собрании баронессы М.Д. Врангель. Stanford (Станфорд), 1995. 228 с.

Абызов Ю. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. 2. Сквозь кризис. Stanford (Станфорд, США), 1997. С. 135–138.

Дранов А.В. Зуров Л.Ф. // Писатели Русского Зарубежья. Литературная энциклопедия Русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. С. 183–184.

Дранов А.В. Зуров Л.Ф. // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 257–259.

Любомудров А.М. Зуров Л.Ф. // Русские писатели XX в.: Биобиблиограф. словарь: В 2 ч. Ч. II. М., 1998. С. 537–539.

Трубилова Е.М. Зуров Л.Ф. // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998. С. 585–586. (2-е изд. М.: Наследие, 2000).

Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina Collections. Anthony J Heywood. Leeds Russian archive. University of Leeds / Ed. by R.D. Davis, with the assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. P. 291–351.

- Серков А.И. Зуров Л.Ф. // Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 351, 1189.
- Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940. Т. 3. Книги / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2002. 712 с.
- Газета «Слово» 1925–1929. Роспись / Сост. Ю. Абызов. Рига: Даугава, 2003.
- Газета «Сегодня» 1919–1940. Роспись. Ч. 1. – 1918–1930; Часть 2. – 1931–1940 / Сост. Ю. Абызов. Рига: Латвийская Национальная библиотека, 2001.
- Зуров // А издавалось это в Риге: 1918–1944. Историко-библиографический очерк. М.: Русский путь, 2006. С. 135–136.

V. Литература о Л.Ф. Зурове

- Айхенвальд Ю. Литературные заметки. [Рец. на кн. «Кадет»] // Берлин, Руль. 1928. 10 октября (№ 2394). С. 2–3.
- Пильский П. Три молодых беллетристы. В. Мамченко, Л. Зуров, Н. Рощин // Сегодня. Рига, 1928. 3 октября (№ 268). С. 3.
- Т. [Рец. на кн. «Кадет»] // Литература и жизнь. 1928. № 2–3. С. 29.
- Адамович Г. [Рец. на кн. «Кадет»] // Последние Новости. Париж, 1929. 9 мая (№ 2969). С. 3.
- Амфитеатров А. Души полные и души опустошенные. [Рец. на кн. «Кадет»] // Возрождение. Париж, 1929. 9 марта (№ 1376). С. 3–4.
- Бунин И. Л. Зуров // Россия и Славянство. Париж, 1929. 12 января (№ 7). С. 3.
- Зайцев К. Л. Зуров // Россия и Славянство. Париж, 1929. 9 марта (№ 15).
- Мишеев Н. Кадет. Отчина [Рец.] // Слово. Рига, 1929. № 1033.
- Ладыженский В. Дети в революции: (По поводу книги «Кадет» Л. Зурова) [Рец.] // Слово. Рига, 1929. 6 января (№ 1015). С. 8.
- Ладыженский В. Л. Зуров. Отчина // Слово. Рига, 1929. 3 марта (№ 1023). С. 8.

- Слоним М.Л. Литературная хроника // Воля России. Прага, 1929. № 3. С. 142.
- Слоним М.Л. Молодые писатели за рубежом // Воля России. 1929. № 10/11. С. 100–118. Также: Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 2 / Сост., преамбулы, примеч. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Олимп; АСТ, 2002. С. 94–114.
- Адамович Г. Литературные заметки. «Числа». Кн. 4 // Последние Новости. Париж, 1931. 13 февр. С. 5.
- Бицилли П. Л. Зуров. Древний путь. [Рец.] // Современные Записки. Париж, 1934. № 54. С. 460–461.
- Зайцев К. «Древний путь» Л. Зурова // Россия и Славянство. Париж, 1934. 1 февраля (№ 228). С. 3
- Пильский П. Древний путь. Новый роман Л. Зурова // Сегодня. Рига, 1934. 17 февраля (№ 48). С. 2.
- Владовский А. О новых домах в Петсери, работе Л. Зурова, «знатоках» и словоблудии // Вести дня. 1935. 26 сентября (№ 227). Также: Русский вестник. 1935. 28 сентября (№ 78). [О реставрации Зуровым храма св. Николая Чудотворца].
- Адамович Г.В. Л. Зуров. «Поле». [Рец.] // Последние Новости. Париж, 1938. 24 марта. С. 3.
- Варшавский В.С. Л. Зуров. Поле. [Рец.] // Современные Записки. Париж, 1938. № 66. С. 453–454.
- Мандельштам Ю. Л. Зуров. Поле. [Рец.] // Круг. Париж, 1938. С. 176–180.
- Мата д'Ор [Брешко-брешковский Н.Н.] Парижские огни // Для Вас. Рига, 1938. № 44.
- Мирный В.С. «Поле» Л. Зурова // Иллюстрированная Россия. Париж, 1938. № 22 (680). С. 17.
- Мирный В.С. Русские записки // Иллюстрированная Россия. Париж, 1938. № 9 (667). С. 16.
- Пильский П. Женское сердце. Л. Зуров. Поле. [Рец.] // Сегодня. Рига, 1938. № 82.
- Адамович Г. Л. Зуров // Новое русское слово. 1953. 29 ноября (№ 15191). С. 8.
- Адамович Г. Л. Зуров. «Марьянка». [Рец.] // Русская Мысль. Париж, 1958. 11 августа. С. 8.
- Большухин Ю. Л. Зуров. «Марьянка». [Рец.] // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 12 октября. С. 8.

- Варшавский В.С. Л. Зуров. «Марьянка». [Рец.] // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1958. № 54.
- Унковский В.Н. Л. Зуров. «Марьянка». [Рец.] // Возрождение. Париж, 1958. Тетр. 84. С. 129–130.
- Шик А. Л. Зуров. «Марьянка». [Рец.] // Границы. Франкфурт-на-Майне, 1958. № 38. С. 244–245.
- Степун Ф.А. Л. Зуров. «Марьянка». [Рец.] // Библиографический бюллетень (Советская и зарубежная литература). Мюнхен, 1959. Май (№ 15). С. 15.
- Мандельштам Ю.В. [Рец. на сб. «Марьянка»] // Возрождение. 1958. № 84.
- Горбов Я.Н. Л. Зуров. Марьянка. [Рец.] // Возрождение. Париж, 1962. № 129 (сентябрь). С. 142–145.
- Андреев Н.Е. Л.Ф. Зуров. Некролог // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1971. 10 октября (№ 22398). С. 5.
- Андреев Н.Е. Л.Ф. Зуров. Некролог // Русская Мысль. Париж, 1971. 7 октября (№ 2863). С. 8.
- Андреев Н.Е. Л.Ф. Зуров. Некролог // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1971. № 105. С. 274–276.
- Андреев Н.Е. Отчина и ее автор // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1971. № 105. С. 139–147.
- Ковалевский П. Л. Зуров – этнограф // Русская Мысль. Париж, 1971. 23 сентября. С. 9.
- Brom Libor. Leonid Zurov. Ivan Bunin's Proteges. Vol. 1. Fresno, California, 1973.
- Андреев Н.Е. «Бунин в халате» А. Баухаха // Русская Мысль. Париж, 1979. 15 ноября (№ 3282). С. 6.
- Андреев Н.Е. По касательной [отзыв на книгу А. Баухаха «Бунин в халате. По памяти, по записям»] // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1979. 4 ноября (№ 25031). С. 2; 1980. 24 февраля (№ 25127). С. 2.
- Величковская Т. О Л.Ф. Зурове // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1981. Кн. 142. С. 149–160.
- Жаба С. Памяти друга: (К годовщине смерти Л. Зурова) // Русская Мысль. Париж, 1981. 12 ноября (№ 3386).
- Кудрявцев В. Дома и в лодке с Л. Зуровым // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1983. № 152. С. 118–130.

- Батраев Б. Еще раз о памяти разведчика-профессионала, или Вам привет от Заурова: [По поводу статьи Л. Лазарева] // Литературная Россия. М., 1990. № 50. С. 10.
- Лазарев Л. Великолепная память разведчика-профессионала // Литературная газета. М., 1990. № 48. С. 4.
- Мошечков С. Как в Россию возвратился архив Бунина. Из воспоминаний разведчика // Литературная Россия. М., 1990. № 42. С. 15. [Беседа корреспонд. «Л.Г.» с Б.Н. Батраевым, работавшим в середине 50-х годов в Советском посольстве во Франции].
- Не Зауров – Зуров. Поправка [к статье Б. Батраева] // Литературная Россия. М., 1990. № 51. С. 24.
- Линник Ю. Л. Зуров // Север. Петрозаводск, 1992. № 6. С. 65–67.
- Дюжев Ю. Проза высокосного года. Будет ли продолжение? // Север. Петрозаводск, 1993. № 3. С. 153–160.
- Бабореко А.К. Архив Бунина должен быть в России // Литературная газета. 1997. 12 февраля (№ 6).
- Бунин И. Л. Зуров // Он же. Публицистика 1918–1953 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998. С. 286.
- Голубева Л. И.А. Бунин и Л.Ф. Зуров. История отношений // Вопросы литературы. М., 1998. Вып. 4. С. 372–376.
- Стрижев А.Н. Л.Ф. Зуров: Биографический очерк // Зуров Л.Ф. Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания. М.: Паломникъ, 1999. С. 3–10.
- Жаба С. Памяти друга: (К годовщине смерти Л. Зурова) // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937) / Сост. сб. М.Д. Филин. Т. I. М., 2000. С. 519–522.
- Иванова-Гладильщикова Н. Детективная история с открытым финалом. Как вернуть в Россию архив И. Бунина // Известия. М., 2001. 12 января. С. 11.
- Балакшин П. Лица памятных встреч / Публ. А. Хисамутдинова // Новый Журнал. Нью-Йорк, 2002. № 227. С. 147–162.
- Двинятина Т.М. Каталог бунинской коллекции // Русская литература. СПб., 2002. № 1. С. 255. [Рец. на кн.: Heywood A.J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina collections. Leeds, 2000].
- Фёдоров В. Из древнего Пскова на Парижский асфальт // Новости Пскова. 2002. 7 августа.

- Стрижёв А. Л. Зуров: Героика и благочестие // Москва. 2003. № 1. С. 228–231.
- Шадурский В.В. Феномен Л.Ф. Зурова в русском зарубежье // Некалендарный ХХ век. Вып. 2. Великий Новгород, 2003. С. 192–201.
- Литов М. «Некий Леонид Зуров...» // Московский вестник. М., 2003. № 5. С. 221–228.
- Шадурский В.В. Л. Зуров: «Скобарь» в Русском Зарубежье // Русское зарубежье: Приглашение к диалогу: Сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 208–213.
- Белобровцева И. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Звезда. СПб., 2005. № 8. С. 52–60.
- Захарова В.Т. Сюжетообразующая роль лирического начала в прозе Л. Зурова // Пушкинские чтения – 2005. СПб.: САГА, 2005. С. 134–136.
- Иванченко И. А.К. Случевская. Из истории семейного архива // Таллинн: Альманах. 2005. № 124. С. 164–182.
- Белобровцева И.З. Л. Зуров – писатель-эмигрант, которого нельзя назвать «эмигрантским писателем» // «В рассеянии сущие...»: Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15–16 февраля 2005): Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 180–189.
- Глушаков П.С. Жанр исторической повести в литературе русского зарубежья: («Отчина» Л.Ф. Зурова) // Русская литература XX–XXI вв.: Проблемы теории и методологии изучения: Мат-лы Второй Междунар. науч. конф.: 16–17 ноября 2006 г. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 285–288.
- Захарова В.Т. Ратоборческий подвиг русских монастырей в художественном осмыслении Л.Ф. Зурова: (Повести «Отчина», «Обитель») // Православие и гуманитарное знание. Н. Новгород, 2006. С. 63–68.
- Захарова В.Т. Образ храма в мифопоэтическом комплексе «Родина» у писателей русского зарубежья (И. Бунин, Б. Зайцев, Л. Зуров) // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 527–534.
- Громова А.В. Верования сетусского и русского населения Прибалтики в описании Л.Ф. Зурова (1930-е годы) // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 540–547.

- Громова А.В. Б.К. Зайцев и Л.Ф. Зуров: История отношений // Реальность – литература – текст: Мат-лы Всеросс. научно-практич. конф. «Калуга на литературной карте России». Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2007. С. 177–181.
- Громова А.В. Поэтика малой прозы Л.Ф. Зурова: (Сборник «Марьянка») // Пушкинские чтения – 2007. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. С. 281–288.
- Разумовская А. «...И кровь мою воспитывала...» // Север. 2007. № 7/8. С. 232–239. [О Л.Ф. Зурове и повести «Иван-да-Марья»].
- Белобровцева И.З. К проблеме работы с недостоверными источниками // Вопросы философии. М., 2008. № 1. С. 77–89.
- Громова А.В. Из истории литературы русского зарубежья: (Сборник Л.Ф. Зурова «Марьянка» в отзывах читателей и критики) // Русская литература. СПб., 2008. № 2. С. 203–211.
- Захарова В.Т. Фрагмент неоконченного произведения как часть метатекста автора: (На примере прозы Л.Ф. Зурова) // Зеркало истории. М., 2008. Вып. 5. С. 95–99.
- Захарова В.Т. Неореализм в русской прозе XX века: Типология художественного сознания в аспекте исторической поэтики: Учеб. пособие / В.Т. Захарова, Т.П. Комышкова. Н. Новгород: НГПУ, 2008. С. 45–51.
- Громова А.В. Этнографическое наследие Л.Ф. Зурова // Живая старина. М., 2009. № 1. С. 46–49.
- Любомудров А. Христианская традиция в литературе русского зарубежья. Единство веры и многообразие художественных форм // Духовная традиция в русской литературе: Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. Г.В. Мосалева. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. С. 160–172.
- Белобровцева И.З. Л. Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.
- Белобровцева И. Г. Кузнецова и Л. Зуров как авторы и корреспонденты журнала «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 146–160.
- Громова А.В. И.А. Бунин в письмах Г.Н. Кузнецовой к Л.Ф. Зурову (по материалам архива Дома русского зарубежья

- им. А.И. Солженицына) // Орловский текст российской словесности: Творческое наследие И.А. Бунина. Орел: ОГУ, 2010. Вып. 2. С. 83–94.
- Захарова В.Т. Повесть Л.Ф. Зурова «Кадет»: Поэтика жанра // Судьба жанра в литературном процессе: Сб. науч. трудов. Вып. 3. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. С. 99–112.
- Любомудров А.М. Православная традиция в литературе русского зарубежья // Литература в школе. М., 2010. № 1. С. 23–26.
- «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С.А. Макашина (к 80-летию основания издания) / Публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина; вступ. заметки А.Ю. Галушкина при участии М.А. Фролова; комментарии М.А. Фролова (раздел 1) и А.Ю. Галушкина (разделы 2–4) // Русская литература. СПб., 2011. № 2.

Составление А.Н. Стрижёва.

ЗА СВОБОДУ! (ВАРШАВА, 1928)¹
РОСПИСЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1928

А. Хирьяков. О Толстом // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333).
С. 2.

К столетию Л.Н. Толстого.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Чужая любовь. (Новогодний рассказ) // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333). С. 2–3.

А. Закржевская. Ушедший. («Я в одиночестве встречаю Новый год...») // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333). С. 3.
Стихотворение с датировкой: «Варшава. 29. XII. 27 г.».

Ян Каспрович. Из Книги смиренных. Староверные звуки («О, староверные звуки...») / Перев. с польского К.Д. Бальмонт // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333). С. 3.
Стихотворение.

В. Клементьев. Год утраты // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333).
С. 3.
О М.П. Арцыбашеве.

¹ Продолжение. Начало см. в № 27, 28, 29, 30.

Игорь Абугов. В новогоднюю ночь // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333). С. 4.

Рассказ.

Литературное приложение

M. Арыбашев. Без бога. (Глава из неизданного романа) // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333). С. 5–6.

Игорь Северянин. Эстляндские триолеты Сологуба // За свободу! 1928. 1 января. № 1 (2333). С. 6.

Статья.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Предварительное замечание // За свободу! 1928. 5 января. № 4 (2336). С. 2.

К публикации статьи П. Рысса «Академическая дискуссия» в этом же номере.

Петр Рысс. Академическая дискуссия // За свободу! 1928. 5 января. № 4 (2336). С. 2.

Ответ на статью Д.В. Философова «При особом мнении. 1. Уроки парижского процесса» (За свободу! 1927. 13 ноября. № 261 (2293). С. 2).

К.Д. Бальмонт. Светлая страна. Слово к Польше // За свободу! 1928. 5 января. № 4 (2336). С. 2–3; 6 января. № 5 (2337). С. 2–3.

Перепечатка статьи, написанной 11 лет назад для святочного номера московской газеты «Русское слово». Предисловие Бальмента к перепечатке.

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. На Кавказе: Большевики, ислам и Турин // За свободу! 1928. 5 января. № 4 (2336). С. 3.

О сообщении Президиума Совета национальностей при ЦИК СССР в «Известиях» от 31 декабря.

А. Хирьяков. Чудеса Днепростроя // За свободу! 1928. 8 января. № 6 (2338). С. 2.

Пафос советских газет и реальные трудности строительства.

П.Н. Симанский. Мои воспоминания о С.Д. Сазонове // За свободу! 1928. 8 января. № 6 (2338). С. 2.
Встречи 1912–1915 гг.

Литературное приложение

A. X-в. [Хирьяков А.]. Об Александре Чехове // За свободу! 1928. 8 января. № 6 (2338). С. 5.

Воспоминания.

Бальмонт о Ромене Роллане // За свободу! 1928. 8 января. № 6 (2338). С. 5.

Письмо К.Д. Бальмонта в парижскую газету «L’Avenir» переведено на польский Лео Бельмонтом и напечатано в приложении к газете «Глос правды» (25 декабря 1927 г.).

A. Фёдоров. [Рец.]. «Самсон Назорей» (Роман В. Жаботинского, изд. «Слово», Берлин) // За свободу! 1928. 8 января. № 6 (2338). С. 5.

С.Ю. Кулаковский. На берегу великой реки жизни (О творчестве Юлия Каден-Бандровского) // За свободу! 1928. 8 января. № 6 (2338). С. 6.

Статья.

Рода Рода. Нападение // За свободу! 1928. 8 января. № 6 (2338). С. 6.
Рассказ.

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. Балканы без России // За свободу! 1928. 11 января. № 8 (2340). С. 2.

Балканский вопрос в XIX веке, в 1914 г. и в 1928 г.

A. Хирьяков. Странность Некрасова // За свободу! 1928. 11 января. № 8 (2340). С. 3.

К 50-летию со дня смерти.

Д.В. Философов. Таинственный господин Папоушек // За свободу! 1928. 12 января. № 9 (2341). С. 2.

Папоушек – редактор пражского еженедельника на русском языке «Центральная Европа».

Обзор печати: Низины полемики // За свободу! 1928. 12 января. № 9 (2341). С. 2.

Эмигрантская печать о переходе Мережковского и Гиппиус из «Последних новостей» в «Возрождение».

A. Сакмаров. В царстве порнографии // За свободу! 1928. 12 января. № 9 (2341). С. 3.

По поводу стихотворного фельетона Демьяна Бедного о московском «Женском журнале».

B.B. Бранд. Петля // За свободу! 1928. 13 января. № 10 (2342). С. 2–3; 14 января. № 11 (2343). С. 3.

Рассказ.

Фервор. Алексей Максимович не в духе // За свободу! 1928. 13 января. № 10 (2342). С. 3.

По поводу фельетона А.А. Яблоновского в «Сегодня» о Горьком.

E.H. Чириков. Праздничный гость // За свободу! 1928. 15 января. № 12 (2344). С. 2–3.

Рассказ.

Литературное приложение

A.M. Хирьяков. О Толстом // За свободу! 1928. 15 января. № 12 (2344). С. 5.

По поводу материалов сборника петербургского Толстовского музея.

П.Н. Симанский. Канун Нового года. (Из старых воспоминаний) // За свободу! 1928. 15 января. № 12 (2344). С. 5–6.

Москва 31 декабря 1902 г.

Рильке и нищая // За свободу! 1928. 15 января. № 12 (2344). С. 6.

Письмо женщины к Эдмону Жалу, выпустившему книгу о Рильке.

Бернар Шоу в школе // За свободу! 1928. 15 января. № 12 (2344). С. 6.

Анкета лондонского журнала «Школьная учительница».

Словечки Марка Твена // За свободу! 1928. 15 января. № 12 (2344). С. 6.

Конкурс американского общества имени Марка Твена.

Под председательством Вильяма Шекспира // За свободу! 1928. 15 января. № 12 (2344). С. 6.

Преподаватель по имени Вильям Шекспир на лондонском диспуте.

Д.В. Философов. При особом мнении: Воспоминания С.Д. Сазонова // За свободу! 1928. 17 января. № 13 (2345). С. 2–3; 18 января. № 14 (2346). С. 2–3; 19 января. № 15 (2347). С. 2–3.
О книге: С.Д. Сазонов. Воспоминания. Париж: Изд-во Е. Сияльской, 1927.

А. Хирьяков. Большевицкие юдофобы // За свободу! 1928. 18 января. № 14 (2346). С. 2.

Антисемитизм в СССР.

Единение: Вольная трибуна молодежи. № 3.

Ирбор. «Ты – рядом...» // За свободу! 1928. 18 января. № 14 (2346). С. 6.

Стихотворение с пометой: «Ревель».

М. Брянов. «Срубили лес. Сухие ветки...» // За свободу! 1928. 18 января. № 14 (2346). С. 6.

Стихотворение с пометой: «Вильно».

Проф. В.В. Зеньковский в Варшаве // За свободу! 1928. 19 января. № 15 (2347). С. 4.

Лекция Зеньковского «Наука и религия в наше время» в помещении варшавской Русской гимназии, посещение редакции «За свободу!».

Православный. Профессор Зеньковский в Польше // За свободу! 1928. 20 января. № 16 (2348). С. 3.

Беседа с Зеньковским о целях его поездки по Польше.

Старый театрал. Два процента // За свободу! 1928. 20 января. № 16 (2348). С. 3.

Варшавская городская дума утвердила бюджет театров, выделив на авторский гонорар драматургам и композиторам 2 процента от общих затрат.

А.В. Амфитеатров. Итальянский критик русского историка // За свободу! 1928. 20 января. № 16 (2348). С. 3–4; 21 января. № 17 (2349). С. 2.

Гвидо де Рудоверо в журнале Бенедетто Кроче «La Critica» о трудах М.И. Ростовцева, вышедших на английском.

И.В. Порошков. [Философов Д.В.]. «Пан» // За свободу! 1928. 21 января. № 17 (2349). С. 2.
Пан-Европа и Пан-Америка.

Ю.А. Липеровский. «Так говорит... Луначарский!» (Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина) // За свободу! 1928. 21 января. № 17 (2349). С. 3.

Доклады Луначарского в Комакадемии.

Игорь Северянин. Что значит быть царем... («Когда бы быть царем веоикого народа...») // За свободу! 1928. 22 января. № 18 (2350). С. 2.
Стихотворение.

Д.В. Философов. Раппершвиль // За свободу! 1928. 22 января. № 18 (2350). С. 3.

Музей народного гнева и печали перевезен из Швейцарии в Варшаву.

Литературное приложение

А.С. Суворин о Некрасове // За свободу! 1928. 22 января. № 18 (2350). С. 5.

Фрагменты дневника А.С. Суворина из «Нового времени».

Из анкеты о Некрасове // За свободу! 1928. 22 января. № 18 (2350). С. 5.

Анкета К. Чуковского 1919 г.

Три неизданных рассказа Некрасова: Ой, жажда!; Старик; Ямщик и барыня // За свободу! 1928. 22 января. № 18 (2350). С. 6.

Перепечатка московских публикаций К. Чуковского.

Крохи Некрасова // За свободу! 1928. 22 января. № 18 (2350). С. 6.

Перепечатка публикации К. Чуковского.

А.М. Хирьяков. Татьянин день // За свободу! 1928. 25 января. № 20 (2352). С. 2.

Очерк.

Н. Флорентинский. Боги // За свободу! 1928. 26 января. № 21 (2353). С. 2–3; 27 января. № 22 (2354). С. 2.

Рассказ.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.] Немцы и Москва // За свободу! 1928. 27 января. № 22 (2354). С. 2.

Корреспонденция Авгура из Лондона в «Курьере Пораннем».

С. К. [Кулаковский С.Ю.] Вечер поэзии Юлиана Тувима // За свободу! 1928. 27 января. № 22 (2354). С. 3.

Вечер, организованный 24 января кружком полонистов в зале Варшавского университета.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.] Между Варшавой и Москвой // За свободу! 1928. 28 января. № 23 (2355). С. 2.

Переговоры о заключении торгового договора между Польшей и СССР.

Литературное приложение

Великий князь Николай Михайлович и Лев Толстой // За свободу! 1928. 29 января. № 24 (2356). С. 5.

Из заметок вел. кн. Николая Михайловича, опубликованных в «Красном архиве».

Наедине с самим собой // За свободу! 1928. 29 января. № 24 (2356). С. 5.

Из статьи Горького в журнале «На литературном посту».

А.В. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 29 января. № 24 (2356). С. 5–6.

Воспоминания о Плеханове и Александре Павловиче Чехове.

Из записной книжки Чехова: 1885–1890 // За свободу! 1928. 29 января. № 24 (2356). С. 6.

Фрагменты.

Новые анекдоты о писателях // За свободу! 1928. 29 января. № 24 (2356). С. 6.

Жан-Жак Бруссон и Анатоль Франс, Эрнест Ренан.

В. Б. [Бранд В.В.] [Рец.] Евг. Чириков. Между небом и землей. Книгоиздательство «Возрождение» // За свободу! 1928. 29 января. № 24 (2356). С. 6.

Новый роман Синклера // За свободу! 1928. 29 января. № 24 (2356). С. 6.

О романе Эптона Синклера «Нефть».

C. K. [Кулаковский С.Ю.]. Игорь Северянин в Варшаве // За свободу! 1928. 31 января. № 25 (2357). С. 4.

К началу турне Северянина по Польше.

Д.В. Философов. «Злые старички со стажем» // За свободу! 1928. 1 февраля. № 26 (2358). С. 2.

По поводу книги Безсонова «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков».

Дело газеты «За свободу!» // За свободу! 1928. 1 февраля. № 26 (2358). С. 4.

На заседании суда 30 января по делу о напечатании статьи Д.В. Философова «Обреченные» ответственный редактор Е.С. Шевченко был оправдан.

П.Я. Рысс. Дурные нравы // За свободу! 1928. 4 февраля. № 28 (2360). С. 2.

Полемические выпады эмигрантской периодики: П.Б. Струве о Н.Н. Львове, П.Н. Милюков о З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковском.

Д. Философов. Новая угроза Русскому дому: Открытое письмо кн. Д.В. Мещерскому // За свободу! 1928. 4 февраля. № 28 (2360). С. 3.

Русский попечительный комитет может потерять помещение на Маршалковской улице.

А.В. Амфитеатров. Суд над стыдливой Еленой. (Глава из исторического романа) // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 2–3; 7 февраля. № 30 (2362). С. 2–3.

К кончине Бласко Ибаньеса // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 3.

Некролог.

Литературное приложение

Толстой и Пастернак // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 5.

Беседа Г. Света с Л. Пастернаком в связи с берлинской выставкой опубликована в харбинском журнале «Еврейская жизнь».

Премированные французские романы // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 5.

Роман Мориса Беделя «Северная широта» получил Гонкуровскую премию, роман Мари Ле Франк «Grand Lonis, l’Innocent» – премию Фемина.

Мир в 1980 году // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 5.

О брошюре Р.Ш. Франсэ «Феб, или Как Германия будет благополучствовать в 1980 г.» (Мюнхен: Дрей Маскен, 1927).

Юс. «Есть много, друг Горацио...» (Из мира таинственного) // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 5–6.

Рассказ.

Ю.А. Липеровский. О книгах для детей // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 6.

Об изданиях: Евгений Елаич. Указатель изданных за рубежом России книг для детей и юношества. Прага, 1926; Русская школа за рубежом. 1927–1928. Кн. 25.

[Симанский П.Н.] [Рец.:] *А. Деникин.* Офицеры: Очерки. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 6.

П. Симанский. [Рец.:] Артиллерийский журнал. Париж. 1928. № 1 // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 6.

Ю. Л. [Липеровский Ю.А.] [Рец.:] Вестник педагогического бюро. Прага. 1928. № 1 // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 6.

Юрий Липеровский. [Рец.:] Русская школа за рубежом. Прага. 1927–1928. № 25 // За свободу! 1928. 5 февраля. № 29 (2361). С. 6.

A. Сакмаров. Драгоценнейшие сведения // За свободу! 1928. 7 февраля. № 30 (2362). С. 3.

Фельетон о посещении Горького советским человеком.

Д. Философов. Новая непристойность московских «приятелей» // За свободу! 1928. 8 февраля. № 31 (2363). С. 2.

Польская печать о переговорах в Москве.

Был ли Жюль Верн французом? // За свободу! 1928. 8 февраля. № 31 (2363). С. 3.

Краковская «Нова реформа» о польском происхождении Жюля Верна.

Единение: Вольная трибуна молодежи. № 4.

Д. Майков. Над рекой («Я лежу у крутого обрыва...») // За свободу! 1928. 8 февраля. № 31 (2363). С. 5.

Стихотворение с пометой: «Пинск».

Л. Смольская. Я люблю («Я люблю всех несчастных, усталых душою...») // За свободу! 1928. 8 февраля. № 31 (2363). С. 5.

Стихотворение с пометой: «Гродно».

Д. Майков. Снег // За свободу! 1928. 8 февраля. № 31 (2363). С. 5.

Рассказ с пометой: «Пинск, 1927».

Первый конкурс «Единения» // За свободу! 1928. 8 февраля. № 31 (2363). С. 5.

Конкурс на лучшее стихотворение, посвященное памяти М.А. Арцыбашева. Председатель и глава жюри – К.Д. Бальмонт.

Глеб Струве. Томас Харди (1840–1918) [так!] // За свободу! 1928. 9 февраля. № 32 (2364). С. 2.

Некролог.

Из дневника графа Бенкендорфа // За свободу! 1928. 10 февраля. № 33 (2365). С. 2.

Перевод отрывка публикации из «Ревю де дэ Монд».

Юлий Словацкий. Мое завещанье («Я с вами жил, страдал, я плакал вместе с вами...») / Перевел с польского Игорь Северянин // За свободу! 1928. 10 февраля. № 33 (2365). С. 3.

Стихотворение. «Перевод посвящается Лео Бельмонту».

Игорь Северянин в Варшаве // За свободу! 1928. 10 февраля. № 33 (2365). С. 4.

Северянин и Д.В. Философов на приеме у польской писательницы Софии Налковской. Снимок бюста Философова работы сестры хозяйки Биковой-Налковской опубликован в журнале «Swiat».

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Вранье большевицкой газеты // За свободу! 1928. 11 февраля. № 34 (2366). С. 2.

Статья «За неделю» в «Современнике» об инциденте в Москве с польской делегацией.

Юбилей Ратгауза // За свободу! 1928. 11 февраля. № 34 (2366). С. 4.
Празднование в Праге 40-летнего юбилея поэта Ратгауза и
60-летия со дня его рождения.

П.Я. Рысс. Неизвестный солдат печати. (Вместо рассказа) // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 2–3.

Воспоминания о сотруднике «Речи» и «Дня» Абраме Зельмановиче Оскотском.

Е.С. Шевченко. Розы Северянина // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 3.

В преддверии вечера Северянина в Варшаве.

Литературное приложение

В.Л. Бурцев. Был ли Долгоруков составителем пасквилей на Пушкина? // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 5.

Статья.

Дерзновение Гауптмана // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 5.

Постановка в Дрездене шекспировского «Гамлета» в переделке Гауптмана.

С. Кулаковский. Жюль Верн (1828–1905): К столетию со дня рождения // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 5.

Статья.

[Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] *Борис Зайцев.* Странное путешествие. Париж, 1927 // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 6.

Андрей Луганов. *[Вебер-Хирьякова Е.С.]* [Рец.:] *Александр Амфитеатров.* Лиляша (Роман одной жизни). Рига // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 6.

Туберозов. *[Свитич А.К.]* [Рец.:] Воспоминания товарища обер-прокурора св. Синода князя Н.Д. Жевахова. II том. Новый Сад, 1928 // За свободу! 1928. 12 февраля. № 35 (2367). С. 6.

Игорь Северянин в Варшаве // За свободу! 1928. 14 февраля. № 36 (2368). С. 4.

Доклад Северянина «Об эстонской поэзии» 12 февраля в Польском клубе литераторов и журналистов. Вечер поэзии Северянина 12 февраля в зале Гигиенического общества.

Д.В. Философов. Сродство душ // За свободу! 1928. 15 февраля. № 37 (2369). С. 2.

По поводу статьи Красикова «Умирание религии» в «Правде» от 7 февраля.

A. Кисловский. Польские газеты на русском языке. (Письмо в редакцию) // За свободу! 1928. 15 февраля. № 37 (2369). С. 3.

Предвыборные газеты «Голос Полесья», «Наша земля», «Селянская жизнь».

Игорь Северянин в Варшаве // За свободу! 1928. 15 февраля. № 37 (2369). С. 4.

Вечер Северянина в зале Союза еврейских литераторов и журналистов.

C.Ю. Кулаковский. Чрез пылающий восток. (О книгах Фердинанда Гетеля) // За свободу! 1928. 16 февраля. № 38 (2370). С. 2–3.

Статья.

Кн. Д. Мещерский. Судьба Русского дома: Ответ на «Открытое письмо» Д.В. Философова // За свободу! 1928. 16 февраля. № 38 (2370). С. 4.

Объяснение ситуации.

Д. Философов. Примечание // За свободу! 1928. 16 февраля. № 38 (2370). С. 4.

По поводу ответа кн. Д. Мещерского о судьбе Русского дома.

Легенда о польском происхождении Жюля Верна опровергнута // За свободу! 1928. 17 февраля. № 39 (2371). С. 3.

Статья в «Тан», опровергающая легенду.

Игорь Северянин в Варшаве // За свободу! 1928. 17 февраля. № 39 (2371). С. 4.

11 февраля завтрак в эстонской дипломатической миссии, на котором присутствовали Северянин, Ледницкий и Философов. 15 февраля завтрак у Ледницкого, на котором присутствовали председатель Пен-клуба Гетель, Ивашкевич, Философов и др.

Обзор печати: Понедельничная окрошка // За свободу! 1928. 18 февраля. № 40 (2372). С. 2.

«Младоросс» в «Днях» об утомляющих полемиках эмигрантской печати.

A.B. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 18 февраля. № 40 (2372). С. 2–3.

О советской экономике.

Игорь Северянин в Варшаве // За свободу! 1928. 18 февраля. № 40 (2372). С. 2–3.

Поэтический вечер Северянина, устроенный Союзом русских писателей и журналистов в Польше 16 февраля.

Ив. Полосков. [Философ Д.В.]. Линдберг и Гардинг. Бензин и нефть // За свободу! 1928. 19 февраля. № 41 (2373). С. 2.

Подготовка к президентским выборам в Америке.

Д.В. Философов. Как затыкают рот // За свободу! 1928. 19 февраля. № 41 (2373). С. 3.

Письмо Философова В.М. Горлову и ответ.

Джон Голсуорси. Первое разочарование. (Из воспоминаний молодости) / Перев. с англ. // За свободу! 1928. 19 февраля. № 41 (2373). С. 3.

Рассказ.

Игорь Северянин. Письмо в редакцию // За свободу! 1928. 19 февраля. № 41 (2373). С. 4.

Благодарность редакции «За свободу!» и варшавским друзьям.

Литературное приложение

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] М. М. Граф Кромской. Париж: Таир, 1928 // За свободу! 1928. 19 февраля. № 41 (2373). С. 5.

В. Б. [Бранд В.В.]. [Рец.:] Александр Яблоновский. Дети улицы. Париж: Возрождение, 1928 // За свободу! 1928. 19 февраля. № 41 (2373). С. 5.

В.Ф. Клементьев. Пошел // За свободу! 1928. 19 февраля.
 № 41 (2373). С. 5–6.
 Рассказ.

А.М. Хирьяков. Святая борьба // За свободу! 1928. 21 февраля.
 № 42 (2374). С. 2–3; 22 февраля. № 43 (2375). С. 2–3; 23 февраля.
 № 44 (2376). С. 2–3; 25 февраля. № 46 (2378). С. 2–3.

Рассказ.

Д.В. Философов. Проект В.Е. <так!> Саблина // За свободу! 1928.
 22 февраля. № 43 (2375). С. 2.

Письмо Е.В. Саблина в «Возрождении» о необходимости создать в
 эмиграции осведомительное агентство.

В. Маклаков об убийстве Распутина // За свободу! 1928. 22 февраля.
 № 43 (2375). С. 3.

Воспоминания В.А. Маклакова в № 34 «Современных записок».

Единение: Вольная трибуна молодежи. № 5.

Е. Н. «Россия, слушай, в этот день...» // За свободу! 1928. 22 февраля.
 № 43 (2375). С. 5.

Стихотворение с пометой: «Замалинье, 1927».

Наталья Максимова. «Я знаю, кончен путь страданий...» // За
 свободу! 1928. 22 февраля. № 43 (2375). С. 5.

Стихотворение с пометой: «Вильно, Барка поэтов».

Безсонов. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков // За свободу!
 1928. 22 февраля. № 43 (2375). С. 5.

Перепечатка фрагментов книги с редакционным предисловием
 Ант. Домбровского.

В. М. Жизнь молодежи: «Литературное содружество» в Гродно //
 За свободу! 1928. 22 февраля. № 43 (2375). С. 5.

«Единственная организация русской молодежи в Гродно потерпела
 крушение».

Игорь Северянин. Поэзия Эстонии (За сто лет) // За свободу! 1928.
 24 февраля. № 45 (2377). С. 2–4.

Статья с предисловием Е. Ш. [Шевченко Е.С.].

А.М. Хирьяков. Дует... // За свободу! 1928. 24 февраля. № 45 (2377). С. 3.
Рассказ.

П. Я. Жуткое. (Письмо из Парижа): В «Зеленой лампе». Мережковский и Безсонов // За свободу! 1928. 25 февраля. № 46 (2378). С. 3.

Собеседование в «Зеленой лампе» о книге Безсонова.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Современные записки. Книга 34 // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 2–3.

Д.В. Философов. Варвара Ивановна (Памяти бар. В.И. Икскуль) // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 3.
Некролог.

Литературное приложение

Х. Героическое // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 5.
Эссе о покорении Антарктики экспедициями Амундсена и Скотта.
Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] *Павел Тутковский*. Дозволенное и недозволенное. Белград, 1927 // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 6.

Юрий Липеровский. [Рец.:] Вестник РСХД. Париж. 1928. № 2 // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 6.

П. Симанский. [Рец.:] Морской журнал. Прага. 1929. № 1 // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 6.

К. [Рец.:] Wieniec jubileuszowy Franciszka Rychłolowskiego. Вильно, 1928 // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 6.

Игорь Абугов. Внутреннее противоречие РКП // За свободу! 1928. 26 февраля. № 47 (2379). С. 6.

О книге: *Ст. Иванович.* ВКП. Десять лет коммунистической монополии. Париж, 1928.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Дипломатические инциденты // За свободу! 1928. 29 февраля. № 49 (2381). С. 3.
Советско-эстонские отношения.

A. Хирьяков. Юбилей бесстыдства // За свободу! 1928. 1 марта. № 50 (2382). С. 2.

Луначарский на VI съезде работников печати.

I. П. [Философов Д.В.]. Разногласия // За свободу! 1928. 1 марта. № 50 (2382). С. 2.

«Берлинер Тагеблатт» и «Социалистический вестник» о Сталине.

Джек Лондон. Потерянное лицо / Перевод З. Журавской // За свободу! 1928. 1 марта. № 50 (2382). С. 2–3; 2 марта. № 51 (2383). С. 2–3.

Из посмертных рассказов.

A. Сакмаров. Ромен Роллан и палачи // За свободу! 1928. 1 марта. № 50 (2382). С. 3.

Ответ Роллана в «Europe» на письмо эмигрантских писателей.

A. Хирьяков. Душа писателя // За свободу! 1928. 3 марта. № 52 (2384). С. 2.

К годовщине смерти М.П. Арцыбашева.

A.C. Домбровский. Побег // За свободу! 1928. 3 марта. № 52 (2384). С. 2–4.

Рассказ.

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. В женевском зрительном зале // За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 2.

Очередная сессия Лиги Наций.

E.C. Шевченко. У гробового входа: Памяти М.П. Арцыбашева // За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 2–3.

Эпизоды из биографии Арцыбашева и его записных тетрадей.

B. Клементьев. В прошлом году // За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 3.

К годовщине смерти М.П. Арцыбашева.

A. M. По своим // За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 3.
По поводу сатирического стихотворения Маяковского о «товарище Лукомашко» (Луначарском и Семашко).

Литературное приложение

Еще письма Чехова // За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 5.
Госиздат выпустил книгу писем Чехова под редакцией Пиксанова.
C. Кулаковский. Забытое о Мицкевиче // За свободу! 1928. 4 марта.
№ 53 (2385). С. 5.

П. Этtingер о Мицкевиче и Пушкине в «Вядомостях литератцких»
(№ 6 от 5 февраля и № 9 от 26 февраля).

B.H. Сперанский. «Достоевский и Чехов в свете современности» //
За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 5.

Н.А. Бердяев и Н.А. Котляревский о Достоевском. Мнимая безрелигиозность Чехова.

Леонид Тульпа. Пасадэна («В пышных парках Пасадэны...») // За
свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «California, 1921».

«Екатерина Ивановна» в Вене // За свободу! 1928. 4 марта.
№ 53 (2385). С. 5.

Пьеса Л. Андреева «Екатерина Ивановна» поставлена труппой
Рейнгардта в Йозефштадтском театре в Вене.

Золя–Гонкур // За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 6.

Перипетии публикации переписки Золя и Гонкуров.

В. Б. [Бранд В.В.] [Рец.:] В. Корчемный. Человек с геранием. Париж: Возрождение, 1927 // За свободу! 1928. 4 марта. № 53 (2385).
С. 6.

С. К-ий. [Кулаковский С.Ю.] [Рец.:] Бронислав Ивановский. 1) Uczta.
Варшава, 1922. 2) Serze gramoionia. Варшава, 1927 // За свободу!
1928. 4 марта. № 53 (2385). С. 6.

Гауптман входит в академию поэтов // За свободу! 1928. 4 марта.
№ 53 (2385). С. 6.

Герхардт Гауптман согласился вступить в литературную секцию
прусской Академии художеств.

Французский роман из русской жизни // За свободу! 1928. 4 марта.
№ 53 (2385). С. 6.

Роман Луи Дюмора «Dieu protégé le Tsar» («Боже, царя храни») в
«Cahiers de la Quinzane».

Годовщина со дня смерти М.П. Арцыбашева: Панихида на могиле // За свободу! 1928. 6 марта. № 54 (2386). С. 4.

Эпизоды из биографии Арцыбашева и его записных тетрадей.

Д.В. Философов. «Ожиданство» // За свободу! 1928. 7 марта. № 55 (2387). С. 2.

О тактике П.Н. Милюкова.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Религиозные мотивы в русской лирике XIX столетия. (Из доклада, прочитанного в Религиозно-академической группе в Париже) // За свободу! 1928. 7 марта. № 55 (2387). С. 2–3; 8 марта. № 56 (2388). С. 2–3; 9 марта. № 57 (2389). С. 2–3.

Жуковский, Тютчев, Пушкин, Лермонтов, А.Н. Майков, А.К. Толстой.

Актер М. Русский театр в Польше // За свободу! 1928. 7 марта. № 55 (2387). С. 3.

Обзор русских трупп и спектаклей с 1921 г.

Дир. Смех и горе: У Горького зябнут ноги // За свободу! 1928. 7 марта. № 55 (2387). С. 4.

Фельетон о Горьком, просящем нижегородского предисполкома помочь артели инвалидов «Валяное дело».

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. Большевики и немцы // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 2.

Печать о германо-советских переговорах по экономическим вопросам в Берлине.

Лидия Смольская. Об ушедшем // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 5.

К годовщине смерти М.П. Арцыбашева.

Елена Иванова. Памяти М.П. Арцыбашева // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 5.

К годовщине смерти.

Вл. Михайлов. Памяти М.П. Арцыбашева // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 5.
К годовщине смерти.

М. Божерянов. Памяти М.П. Арцыбашева // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 6.
К годовщине смерти.

В. Бранд. Памяти М.П. Арцыбашева («Его слова о родине больной...») // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 6.
Стихотворение.

Е. Н. М.П. Арцыбашеву. («Вождь правды и любви! Ты поднял светлый стяг...») // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 6.
Стихотворение.

Ант. Домбровский. Листок воспоминаний // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 6.
О М.П. Арцыбашеве.

А. Фёдоров. Незабываемое // За свободу! 1928. 8 марта. № 56 (2388). С. 6.
О М.П. Арцыбашеве.

Воззвание русского общества друзей Международной лиги борьбы с большевизмом // За свободу! 1928. 9 марта. № 57 (2389). С. 3.
Текст открывается письмом И. Шмелёва об организаторе Лиги Теодоре Обере.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. О «литературном молодняке» // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 3.
Московский журнал «Читатель и писатель» о начинающих литераторах.

Литературное приложение
Х. Новое о Гейне // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 5.
О книге Г. Губена «Беседы с Гейне».

Игорь Северянин. Поэтам польским («Восторженное настроенье...») // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «Варшава, 31 янв. 1928 г.».

Казимир Вежиньский. Весна и вино / Перевод с польского К.Д. Бальмонта // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 5.

Цикл из семи стихотворений с датировкой перевода: «Capbreton, Landes, Little Cottage, 1928. 28 февраля».

Большевики о писателях эмигрантах // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 5.

Доклад Д.А. Горбова в комакадемии о зарубежной русской литературе.

Казанова женится // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 5.

Иван Мозжухин обручился в Берлине с датской киноактрисой Агнессой Петерсен.

Глеб Струве. Тихий ад: О поэзии В. Ходасевича // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 6.

О книге: *В. Ходасевич.* Собрание стихов. Париж: Возрождение, 1927.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] А.И. Куприн. Храбрые беглецы. Париж: Возрождение // За свободу! 1928. 11 марта. № 59 (2391). С. 6.

A. Сакмаров. Литература и хамы // За свободу! 1928. 13 марта. № 60 (2392). С. 2.

Доклад П.Н. Сакулина в Обществе любителей российской словесности и вызванная им полемика.

Вечер памяти М.П. Арцыбашева // За свободу! 1928. 13 марта. № 60 (2392). С. 4.

Вечер, устроенный группой «Единение» к годовщине смерти писателя. Выступление Д.В. Философова на вечере.

Ив. Погошков. [Философов Д.В.] Пошехонские марокканцы // За свободу! 1928. 14 марта. № 61 (2393). С. 2.

Экономика Донбасса, немецкие спецы и ГПУ.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Горький юбилей // За свободу! 1928. 15 марта. № 62 (2394). С. 2.

К юбилею Горького.

Гаральд Эльдгаст. Умирающий лебедь / Перевод с латышского Г. Нелюбина // За свободу! 1928. 16 марта. № 63 (2395). С. 2–3; 17 марта. № 64 (2396). С. 2–3; 18 марта. № 65 (2397). С. 2–3; 20 марта. № 66 (2398). С. 2–3.

Рассказ.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Новый подвиг Мейерхольда // За свободу! 1928. 16 марта. № 63 (2395). С. 3.

Постановка «Горе от ума».

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Подложный дневник Вырубовой // За свободу! 1928. 17 марта. № 64 (2396). С. 3.

«Правда», «Вечерняя Москва» и «Руль» о дневнике Вырубовой.

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. Нет худа без добра // За свободу! 1928. 18 марта. № 65 (2397). С. 2.

Статья Жюля Зауэрвейна «После Совета Лиги Наций» в «Le Messager Polonais».

Литературное приложение

P. Кавадзи. Современная японская литература / Перевод с японского // За свободу! 1928. 18 марта. № 65 (2397). С. 5.

Статья.

Ян Каспрович. Из «Книги смиренных» («О, великие, сытые люди...») / Перевод с польского К.Д. Бальмонта // За свободу! 1928. 18 марта. № 65 (2397). С. 5.

Стихотворение.

Ив. Молчанов. Троє // За свободу! 1928. 18 марта. № 65 (2397). С. 5–6.

Рассказ.

«Эдип-царь» Игоря Стравинского // За свободу! 1928. 18 марта. № 65 (2397). С. 6.

Новая опера Стравинского идет в Вене.

Мстислав Волковыцкий. Рассказы: I. «Мара». II. Пикник // За свободу! 1928. 18 марта. № 65 (2397). С. 6.

А.М. Хирьяков. Пределы наглости // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 2.

Максим Горький о письме Бальмонта и Бунина Ромену Роллану.

Единение: Вольная трибуна молодежи. № 7.

К. Бальмонт. Кремень («Меня назвали – Константин...») // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 5.

Стихотворение.

Е.И. Найденова. На могилу Михаилу Петровичу Арцыбашеву («Вдохновенна весна! Как дитя в голубом!..») // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 5.

Стихотворение, премированное на I конкурсе «Единения».

Вл. Бурцев. Без Арцыбашева // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 5.

Статья, прочитанная на вечере памяти Арцыбашева 10 марта.

Вл. Лель. В годовщину // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 5.

К годовщине смерти Арцыбашева.

Д. Философов. И возвратят нань, его же прободоша // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 5–6.

Речь, произнесенная 10 марта на вечере памяти М.П. Арцыбашева.

Д.С. Пасманик. Памяти моего великого друга // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 6.

Статья, прочитанная на вечере памяти Арцыбашева 10 марта.

Б. М. На вечере «Памяти Арцыбашева» // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 6.

О вечере, организованном группой «Единение».

Гомолицкий. Литературный кружок в Остроге // За свободу! 1928. 21 марта. № 67 (2399). С. 6.

Трудности существования кружка при всеобщей пассивности.

Ив. Порошков. [Философов Д.В.]. Где труп, там и орлы // За свободу! 1928. 22 марта. № 68 (2400). С. 2.

О германо-советских отношениях.

Вл. Бурцев. Большевицкий трюк // За свободу! 1928. 22 марта. № 68 (2400). С. 2–4.

О фальсифицированном дневнике Вырубовой.

Вильно. (От нашего виленского корреспондента): Вечер памяти М.П. Арцыбашева // За свободу! 1928. 22 марта. № 68 (2400). С. 3.

Вечер, организованный 17 марта по инициативе русских студентов университета.

Д. Философов. Большому кораблю большое плаванье // За свободу! 1928. 24 марта. № 70 (2402). С. 2.

О становлении и престиже польской государственности.

К.Д. Бальмонт. Ромену Роллану // За свободу! 1928. 24 марта. № 70 (2402). С. 2.

Письмо, 16 марта напечатанное по-французски в газете «L’Avenir».

Д.В. Философов. Тени прошлого: Дочь Михайлы Илларионовича Кутузова // За свободу! 1928. 25 марта. № 71 (2403). С. 2–3; 3 апреля. № 78 (2410). С. 2–3.

О людях и документах пушкинской эпохи.

Литературное приложение

Ян Каспрович. Из «Книги смиренных» («Перестал препираться я с Богом...») / Перевод с польского К.Д. Бальмента // За свободу! 1928. 25 марта. № 71 (2403). С. 5.

Стихотворение.

Гуннар Гейберг. Встречи с Ибсеном // За свободу! 1928. 25 марта. № 71 (2403). С. 5.

Из воспоминаний.

С.Ю. Кулаковский. Апостол индивидуализма – Генрик Ибсен: К столетию со дня рождения (20.III.1828–23.V.1906) // За свободу! 1928. 25 марта. № 71 (2403). С. 5–6.

Статья.

Гр. Беляков. Ночная («Всю ночь в седле...») // За свободу! 1928. 25 марта. № 71 (2403). С. 6.

Перепечатка стихотворения из московского журнала «Читатель и писатель».

Глеб Гонцов. Руководство для нелегального // За свободу! 1928. 27 марта. № 72 (2404). С. 2–4.

Перепечатка очерка из «Воли России».

Д. Ф. [Философов Д.В.] 60 лет, или «Подлая» старость // За свободу! 1928. 28 марта. № 73 (2405). С. 2.

«Сегодня» и «Возрождение» о шестидесятилетии Горького.

П.Н. Симанский. Корнилов и первый Кубанский поход. (К десятилетней годовщине Ледяного похода и смерти Корнилова) // *За свободу!* 1928. 28 марта. № 73 (2405). С. 2–3; 29 марта. № 74 (2406). С. 2–3; 30 марта. № 75 (2407). С. 2–3.

Воспоминания.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Марианна Борисовна Черкасская. (Ко дню ее юбилея) // *За свободу!* 1928. 29 марта. № 74 (2406). С. 3.

31 марта в Риге певица отмечает 25-летие творческой деятельности.

Наталья К. Донским певцам («Русской песни любимые звуки...») // *За свободу!* 1928. 29 марта. № 74 (2406). С. 3.

Стихотворение с датировкой: «25-III-1928 г.».

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. Дружба графа с большевиком // *За свободу!* 1928. 31 марта. № 76 (2408). С. 2.

Товарищ Литвинов и граф Бернсторф.

А.М. Хирьяков. Испытание // *За свободу!* 1928. 31 марта. № 76 (2408). С. 2–3; 1 апреля. № 77 (2409). С. 2–3.

Рассказ.

Д.В. Философов. Первые дни Сейма // *За свободу!* 1928. 1 апреля. № 77 (2409). С. 2.

Отзывы в печати о первых заседаниях нового Сейма.

Литературное приложение

Д.С. Пасманик. Литературные нравы // *За свободу!* 1928. 1 апреля. № 77 (2409). С. 5.

Книги Жан-Жака Бруссона об Анатоле Франсе и «Дневники» Гонкуров.

В. Бранд. Ю. Б. («На улице вглядеться... и узнать...») // *За свободу!* 1928. 1 апреля. № 77 (2409). С. 5.

Стихотворение.

О человеческой совести // *За свободу!* 1928. 1 апреля. № 77 (2409). С. 5.

Статья Ант. Рочека в чехословацком журнале «Фронт» о письме эмигрантских писателей.

Вяч. Шишков. Золото // За свободу! 1928. 1 апреля. № 77 (2409). С. 5–6.

Перепечатка рассказа.

Александр Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 1 апреля. № 77 (2409). С. 6.

Вышел первый том «Истории русской литературы» Этторе Ло Гатто.

A. Сакмаров. Горький и Ленин // За свободу! 1928. 3 апреля. № 78 (2410). С. 2.

Опубликованы письма Ленина к Горькому.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Лавры Герострата // За свободу! 1928. 4 апреля. № 79 (2411). С. 2.

Советские публикации к 60-летию Горького.

Вячеслав Шишков. Алые сугробы // За свободу! 1928. 4 апреля. № 79 (2411). С. 2–3; 5 апреля. № 80 (2412). С. 2–3; 7 апреля. № 82 (2414). С. 2–3; 13 апреля. № 86 (2418). С. 2–3; 14 апреля. № 87 (2419). С. 2–3.

Перепечатка рассказа из московского сборника «Алые рассказы».

Мариан Здзеховский. Речь проф. М.Э. Здзеховского. (Произнесенная в «Кружке русских студентов») // За свободу! 1928. 4 апреля. № 79 (2411). С. 3.

Арцыбашев, Мережковский и Е. Трубецкой о русской эмиграции.

Памятник С. Жеромскому // За свободу! 1928. 4 апреля. № 79 (2411). С. 4.

Создан комитет по постройке памятника Жеромскому.

К.Д. Бальмонт. Мещанин Пешков. По псевдониму: Горький // За свободу! 1928. 5 апреля. № 80 (2412). С. 3.

Обвинение в службе большевикам.

Русским зарубежным людям: Призыв группы русских писателей // За свободу! 1928. 5 апреля. № 80 (2412). С. 4.

Призыв помочь инвалидам подписали: М. Алданов, И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, Н.Н. Головин, Б.К. Зайцев, А.И. Куприн, Н.Н. Краснов, Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, В.Ф. Ходасевич и др.

Единение: Вольная трибуна молодежи. № 8.

Ант. Домбровский. Памяти Вождя // За свободу! 1928. 5 апреля. № 80 (2412). С. 5.

О Корнилове.

К. Варягин. «Все тот же серый, как изнанка...» // За свободу! 1928. 5 апреля. № 80 (2412). С. 5.

Стихотворение с пометой: «Прага – Чехия».

С. Концевич. «В полумраке у рояля грежу в дедушкином кресле...» // За свободу! 1928. 5 апреля. № 80 (2412). С. 5.

Стихотворение с пометой: «Радом».

А. Г. С. Арцыбашевский вечер // За свободу! 1928. 5 апреля. № 80 (2412). С. 6.

Вечер памяти М.П. Арцыбашева 10 марта в Русском доме Острогана-Волыни.

А. Сакмаров. Пес Барбос. (Посвящается М. Горькому) // За свободу! 1928. 6 апреля. № 81 (2413). С. 3.

Сказка о разбогатевшем бояке и его псе Барбосе.

С.Ю. Кулаковский. Дон-Кихот // За свободу! 1928. 6 апреля. № 81 (2413). С. 3.

Драматическая фантазия Ст. Милашевского по Сервантесу поставлена в Польском театре.

Ш. [Шевченко Е.С.]. «Хижина дяди Тома» в кино «Splendid» // За свободу! 1928. 6 апреля. № 81 (2413). С. 4.

Экранизация Гарри Поллардом романа Гарриэт Бичер-Стоу.

Д. Философов. Двуличие мещанина Пешкова // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 2.

Еще о Горьком в связи со статьей Бальмонта.

Ив. Просошков. [Философов Д.В.]. Ген. Деникин и революционный «Офицерский союз» 1905 года // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 2.

Воспоминания Мстиславского-Масловского в журнале «Каторга и ссылка».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. «Носитель знамени театрального октября» // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 3. Советская печать о мейерхольдовской постановке «Горе уму».

Литературное приложение

А.М. Хирьяков. Тайна императора // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 5.

О книге: Крупенский П.Н. Тайна императора. Берлин: Медный всадник, 1927.

Петр Великий – редактор // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 5.

К 225-летию со времени выхода первой русской газеты.

Антоний Слонимский о современной польской и русской литературе // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 5.

Визит группы польских поэтов «Skamander» в Прагу и интервью А. Слонимского еженедельнику «Центральная Европа».

Александр Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 5–6.

Серия книг «Русский гений» туринского издательства «Славия».

Александр Кондратьев. Из литературных воспоминаний: Григорий Анатольевич Блох // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 6.

Салон принцессы // За свободу! 1928. 8 апреля. № 83 (2415). С. 6.

Приемы у принцессы Матильды Бонапарт в «Дневниках» и переписке Гонкуров.

Д.В. Философов. «Интервенция» // За свободу! 1928. 12 апреля. № 85 (2417). С. 2.

По поводу очередного «Дневника политика» П.Б. Струве в «России».

Д.С. Мережковский. Черта крови // За свободу! 1928. 12 апреля. № 85 (2417). С. 2–4.

Перепечатка статьи из «Возрождения» от 28 марта.

Д.В. Философов. При особом мнении: Об ориентации и бездорожьи // За свободу! 1928. 13 апреля. № 86 (2418). С. 2.
 О статье Деникина «Пути борьбы» в «Борьбе за Россию».

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. План Доуса для России // За свободу! 1928. 15 апреля. № 88 (2420). С. 2.

Московские «Известия» о проекте, опубликованном в немецкой газете «Бергверкс Цейтунг».

Морис Декобра. На вокзале // За свободу! 1928. 15 апреля. № 88 (2420). С. 2–3.

Рассказ.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Миланское событие // За свободу! 1928. 15 апреля. № 88 (2420). С. 3.

Сходство в покушениях на Наполеона I, Наполеона III и Виктора-Эммануила III.

Литературное приложение

О преступлении Ромэна Роллана // За свободу! 1928. 15 апреля. № 88 (2420). С. 5.

Айхенвальд в «Сегодня» об ответе Роллана Бальмонту и Бунину.

Арсений Формаков. Письмо Игорю Северянину («Когда луны зеленоватый ломтик...») // За свободу! 1928. 15 апреля. № 88 (2420). С. 5.

Стихотворение.

А.В. Амфитеатров. М.Н. Ермолова // За свободу! 1928. 15 апреля. № 88 (2420). С. 5–6.

Воспоминания.

Глеб Рубанов. Угловой // За свободу! 1928. 15 апреля. № 88 (2420). С. 6.

Рассказ.

А. Хирьяков. Неудобный юбиляр // За свободу! 1928. 16 апреля. № 89 (2421). С. 2.

Подготовка к столетию Л.Н. Толстого в СССР.

П.Н. Симанский. Из типов прошлого. (Из личных воспоминаний) // За свободу! 1928. 16 апреля. № 89 (2421). С. 2–4.
Офицеры в 1902 г. под Ярославлем.

В.Ф. Клементьев. Акт // За свободу! 1928. 21 апреля. № 92 (2424). С. 2–4.
Рассказ.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Кн. М.К. Тенишева // За свободу! 1928. 21 апреля. № 92 (2424). С. 3.
Некролог.

И. П. [Философов Д.В.]. Вдовица «молчит, как убитая» // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 2.
Статьи Н.К. Крупской в «Правде».

Д.В. Философов. Будни поэта // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 2–3.
О книге: Дневник Ал. Блока / Под ред. П.Н. Медведева. 1911–1913.
Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928.

Полиграф. Памяти Б.Л. Модзалевского // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 3.
Ходасевич в «Возрождении» о Б.Л. Модзалевском.

А.С. Домбровский. «Осадки» // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 3.
Этюд.

Литературное приложение
Х. Репин о Толстом // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 5.
Отрывок из воспоминаний Репина о Толстом в «Сегодня».
Найден неизвестный пушкинский набросок романа? // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 5.
В архиве Петроградской академии наук найдены наброски Пушкина – материалы для «Романа на кавказском курорте».

В.Бранд. Замкнутый круг // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 5.

О книге: *Довид Кнут.* Вторая книга стихов. Париж.

A. Х-в. [Хирьяков А.М.]. Счастье и радость // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 6.

Эссе.

С. Кулаковский. Памяти испановеда проф. Д.К. Петрова (р. 1872 – ум. 2 мая 1925) // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 6.

О двух томах переводов Д.К. Петрова: Т. I: Лопе де Вега. Звезда Севильи. Фуэнте Овехуна. Т. II: Джон Уэбстер. Герцогиня Амальфи. Париж, 1928.

«Кола, или Портрет итальянца» // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 6.

Роман Марио Пуччини «Cola o il riratlo d'un italiano».

В. Б. [Бранд В.В.]. [Рец.:] Барон Иван фон Нолькен. В курляндском замке. Роман // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 6.

Д.В. Философов. Борьба с наукой: Смертельная опасность грозит Петербургской Академии наук. – Вредная деятельность академиков Ольденбурга, Марра, Ферсмана и Ко // За свободу! 1928. 22 апреля. № 93 (2425). С. 2.

Постановление Совнаркома «О составе учреждений Академии наук и списке академических кафедр».

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. Самоубийство Сталина // За свободу! 1928. 25 апреля. № 95 (2427). С. 2.

О речи Сталина на собрании актива и публикациях в «Правде».

Единение: Вольная трибуна молодежи. № 9.

Ирбор. На четвертом этаже («Красные крыши. Белые трубы...») // За свободу! 1928. 26 апреля. № 96 (2428). С. 6.

Стихотворение с пометой: «Эстония».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] Архив русской революции. Том XIX // За свободу! 1928. 28 апреля. № 98 (2430). С. 3.

С. Мацкевич. «Голова ранним снегом покрыта...» // За свободу! 1928. 29 апреля. № 99 (2431). С. 3.
Стихотворение.

Литературное приложение

A. M. История с одной сказкой / Перевод с польского К.Д. Бальмонта // За свободу! 1928. 29 апреля. № 99 (2431). С. 5.

Б.А. Садовский опубликовал в журнале «Новая Россия» сказку, якобы написанную Блоком.

Ян Лехонь. Из книги «Серебряные и черные» / Перевод с польского К.Д. Бальмонта // За свободу! 1928. 29 апреля. № 99 (2431). С. 5.
Стихотворения:

Любовь и смерть («Что я ценю, спросил ты, из всех вещей узорных...»).

Молитва («Звезд и месяцев сеятель, что висят там в эфире...»).

A. C-в. Обидели // За свободу! 1928. 29 апреля. № 99 (2431). С. 5.

А. Бек в советской «Нашей газете» недоволен литературными образами советских торговых служащих.

А.И. Фенин. Пушкин и Николай I у большевиков // За свободу! 1928. 29 апреля. № 99 (2431). С. 5–6.

Статья Вл. Боцяновского в «Красной газете» «Ящик с грязью (О Пушкине)» о книге П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина».

«Подлинное лицо красной России» // За свободу! 1928. 29 апреля. № 99 (2431). С. 6.

Книга Жозефа Дуйе «Moscou sans veiles».

Столетие рождения Ипполита Тэна // За свободу! 1928. 29 апреля. № 99 (2431). С. 6.

Вклад Тэна в литературу и историю.

Д.В. Философов. При особом мнении: Керенский и Богомолов // За свободу! 1928. 1 мая. № 100 (2432). С. 2–3; 2 мая. № 101 (2433). С. 2–3.

Богомолов и Керенский о польско-русских отношениях.

Торжество Юлиана Тувима // За свободу! 1928. 3 мая. № 102 (2434). С. 3.

Впечатления Тувима и его коллег в «Курьере червонном» после вручения Тувиму литературной премии г. Лодзы.

Д.В. Философов. «Праздник» // За свободу! 1928. 5 мая. № 103 (2435). С. 2.

Польская печать об инциденте во время празднования 1 мая.

A. Хирьяков [Хирьяков А.М.]. С.Р. Минцлов // За свободу! 1928. 5 мая. № 103 (2435). С. 3.

К 40-летию литературной деятельности Минцлова.

Ш. [Шевченко Е.С.]. Кинематографические пакости // За свободу! 1928. 6 мая. № 104 (2436). С. 4.

Фильм «Любовь Жанны Ней» по сценарию И. Эренбурга.

Литературное приложение

А. Хирьяков. [Рец.:] Léon Tolstoi. Les quatres livres de lecture. Paris, 1928 // За свободу! 1928. 6 мая. № 104 (2436). С. 5.

Р-он. [Рец.:] Гр. Е. Малинский. Как спасти Европу // За свободу! 1928. 6 мая. № 104 (2436). С. 5.

А.В. Амфитеатров. Гольдони и русская комедиография // За свободу! 1928. 6 мая. № 104 (2436). С. 5–6.

Обзорная статья.

Читатель. Сказания об иконах Богоматери // За свободу! 1928. 6 мая. № 104 (2436). С. 6.

О книге С.Ю. Кулаковского.

Фильма будущего и будущее фильмы // За свободу! 1928. 6 мая. № 104 (2436). С. 6.

Анкета «Фильмрейтинг».

Д.В. Философов. Несчастье // За свободу! 1928. 8 мая. № 105 (2437). С. 1.

О покушении Ю.Л. Войцеховского.

Глеб Алексеев. Жертва // За свободу! 1928. 8 мая. № 105 (2437). С. 2–3; 9 мая. № 106 (2438). С. 2–3.

Перепечатка рассказа из «Молодой гвардии».

Сергей Савинов. Живой след // За свободу! 1928. 10 мая. № 107 (2439). С. 3.

Рассказ.

Д.В. Философов. Выстрелы Войцеховского и польская печать // За свободу! 1928. 11 мая. № 108 (2440). С. 2.
Отклики на покушение Войцеховского.

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. Весенний сезон в Китае // За свободу! 1928. 13 мая. № 110 (2442). С. 2.
Военные события в Китае и позиция Японии.

Литературное приложение

Над полюсом (рассказ Вилькинса) // За свободу! 1928. 13 мая. № 110 (2442). С. 5.
Вилькинс в «Матэн» о полете над Северным полюсом.

Ян Каспрович. Несколько песен / Перевод с польского К.Д. Бальмонта // За свободу! 1928. 13 мая. № 110 (2442). С. 5–6.

Три «горных песнопения», начинающихся одной и той же строкой «Приношу тебе несколько песен...», с предисловием Бальмонта «Горная песня».

Актёр М. По петербургским театрам // За свободу! 1928. 13 мая. № 110 (2442). С. 6.

По страницам журнала «Рабочий и театр».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] Ив. Шмелев. Свет разума. Новые рассказы о России. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 13 мая. № 110 (2442). С. 6.

Роман гувернантки // За свободу! 1928. 13 мая. № 110 (2442). С. 6.

Новый роман Шницлера «Тереза, повесть женской жизни».

Единение: Вольная трибуна молодежи. № 10.

А. Лабзов. На смерть генерала Врангеля («Пусть потеряли мы Отца...») // За свободу! 1928. 16 мая. № 112 (2444). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «20-IV-1928 г. София».

С.В. Лачкевич. На смерть генерала Врангеля («Умер... Снесли на чужое кладбище...») // За свободу! 1928. 16 мая. № 112 (2444). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «28-IV-1928 г.».

Из эмиграции о Врангеле // За свободу! 1928. 16 мая. № 112 (2444). С. 5–6.

Фрагменты статей В.В. Шульгина, П.Б. Струве, А. Карташева, Г. Трубецкого, И.А. Ильина, В. Даватца из «России».

Д.С. Пасманик. Интервью с М. Горьким // За свободу! 1928. 17 мая. № 113 (2445). С. 2–3.

По поводу «интервью» Горького с Вильгельмом II, Николаем II и американским миллиардером.

Д.В. Философов. Не антисемитизм, а гонение на евреев в советской России // За свободу! 1928. 19 мая. № 114 (2446). С. 2.

По поводу статей Д.С. Пасманика «Евреи под большевиками».

День русского инвалида. Русским зарубежным людям. Призыв группы русских писателей // За свободу! 1928. 19 мая. № 114 (2446). С. 3.

Повторное обращение с похожим текстом и теми же подписями (см.: За свободу! 1928. 5 апреля. № 80 (2412). С. 4).

Внимание к писателям-эмигрантам // За свободу! 1928. 19 мая. № 114 (2446). С. 3.

«Красная газета» о злоупотреблениях с гонорарами умерших и эмигрировавших писателей и композиторов.

Х. «Русский инвалид» // За свободу! 1928. 20 мая. № 115 (2447). С. 2–3.

Новый номер однодневной газеты выпущен при участии Алданова, Амфитеатрова, Бунина, Зайцева, Куприна, Тэффи, Шмелева и др.

Литературное приложение

Х. День праздника // За свободу! 1928. 20 мая. № 115 (2447). С. 5.

Б. Харитон в «Сегодня» о том, как возникла мысль о праздновании дня русской культуры.

Последний литературный салон и его хозяйка // За свободу! 1928. 20 мая. № 115 (2447). С. 5.

Корреспондент «Нойе Фрейе Пресс» о салоне графини де Ноайль.

Лидия Сейфуллина. Павлушкина карьера // За свободу! 1928. 20 мая. № 115 (2447). С. 6.

Перепечатка рассказа.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] А.А. Волков. Около царской семьи. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 20 мая. № 115 (2447). С. 6.

Д.В. Философов. Об одном неприличии // За свободу! 1928. 22 мая. № 116 (2448). С. 2.

Отзыв «Известий» на заявление члена польской миссии в Москве корреспонденту «Трибуны».

Д. Воротынский. Атаман // За свободу! 1928. 23 мая. № 17 (2449). С. 2–3.

Рассказ.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Международное значение германских выборов // За свободу! 1928. 24 мая. № 118 (2450). С. 2.
Отзывы зарубежной печати о выборах.

Лекция А.В. Амфитеатрова во Флоренции // За свободу! 1928. 24 мая. № 118 (2450). С. 4.

Лекция на итальянском языке «Италия в русской классической поэзии».

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Япония в Китае // За свободу! 1928. 26 мая. № 120 (2452). С. 2.

Вмешательство Японии в гражданскую войну в Китае.

А.М. Хирьяков. Предатель: Драматический этюд в одном действии (Сюжет заимствован) // За свободу! 1928. 27 мая. № 121 (2453). С. 2–3.

Тезисы лекции «Италия в русской классической поэзии», прочитанной на третьей книжной ярмарке во Флоренции.

Литературное приложение

А.В. Амфитеатров во Флоренции // За свободу! 1928. 27 мая. № 121 (2453). С. 5.

Тезисы лекции «Италия в русской классической поэзии», прочитанной на третьей книжной ярмарке во Флоренции.

A. Сакмаров. О бывшем писателе // За свободу! 1928. 27 мая. № 121 (2453). С. 5.

Предисловие М. Горького к книге Д. Горбова «О белоэмигрантской литературе».

Ла-Брэ. [Рец.:] Светлое уныние. (Антология лунных поэтов). Перевод с лунных наречий С. Ревокатрат // За свободу! 1928. 27 мая. № 121 (2453). С. 6.

Предисловие М. Горького к книге Д. Горбова «О белоэмигрантской литературе».

Писатель, который хочет быть пророком // За свободу! 1928. 27 мая. № 121 (2453). С. 6.

Поль Моран выпустил книгу «1958».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Степные дали // За свободу! 1928. 30 мая. № 122 (2454). С. 2–3; 31 мая. № 123 (2455). С. 2. Рассказ.

A. M. Литературные чубаровцы // За свободу! 1928. 30 мая. № 122 (2454). С. 3.

В московском суде разбирается дело об изнасиловании комсомолки Исламовой писателями Альтшулером, Анохиным и Андрущенко.

D. Философов. Смерть ген.-лейт. Крымова // За свободу! 1928. 1 июня. № 124 (2456). С. 2.

Предисловие к перепечатке из «Сегодня» статьи И.С. Шабловского «Генерал Крымов был убит».

A.M. Хирьяков. Вино, любовь и свободная мысль // За свободу! 1928. 3 июня. № 126 (2458). С. 2–3.

О книге: Омар Хайям в переводах Ив. Тхоржевского. Париж, 1928.

Э. Фридель. Вольтер // За свободу! 1928. 3 июня. № 126 (2458). С. 3. К 150-летию со дня смерти.

Литературное приложение

D. Философов. Два Калибана // За свободу! 1928. 3 июня. № 126 (2458). С. 5.

Горький и Шаляпин.

Искусство Афганистана // За свободу! 1928. 3 июня. № 126 (2458). С. 5.

Статья.

Из воспоминаний С.Я. Елпатьевского // За свободу! 1928. 3 июня. № 126 (2458). С. 6.

Перепечатка из «Красной нови».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] Современные записки. Книга XXXV // За свободу! 1928. 5 июня. № 127 (2459). С. 3.

Ив. Полосков. [Философов Д.В.]. Рим и Белград // За свободу! 1928. 6 июня. № 128 (2460). С. 2.

О новом сербо-итальянском конфликте.

Пантелеймон Романов. Голубое платье // За свободу! 1928. 6 июня. № 128 (2460). С. 2–3; 7 июня. № 129 (2461). С. 2–3.

Перепечатка рассказа из «Красной нови».

Д. Философов. Переоценка ценностей // За свободу! 1928. 9 июня. № 130 (2462). С. 2.

По поводу инцидента во время стычки полиции с коммунистами в Берлине.

Литературное приложение

А.М. Хирьяков. Лев Толстой и русская культура // За свободу! 1928. 10 июня. № 131 (2463). С. 5.

По поводу инцидента во время стычки полиции с коммунистами в Берлине.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. На заре русского театра // За свободу! 1928. 10 июня. № 131 (2463). С. 5–6.

Театр XVIII в.: А.П. Сумароков, Ф.Г. Волков, И.А. Дмитревский, Плавильщиков, Сандунов, Я.Е. Шушерин, А.С. Яковлев.

И. Лаговский. Переходящее наследство // За свободу! 1928. 10 июня. № 131 (2463). С. 6.

Перепечатка статьи о Серии Радонежском из альманаха «Родная земля».

A.B. Амфитеатров. Памяти Врангеля. (К 40 дню кончины) // За свободу! 1928. 12 июня. № 132 (2464). С. 2–3; 13 июня. № 133 (2465). С. 2.

Ла-Брэ. Санкт-Петербург (1703–1928) // За свободу! 1928. 13 июня. № 133 (2465). С. 3.

Стихи эмигрантов о Санкт-Петербурге: Т. Грэвс, В. Сирин, Н. Агнивцев.

Д. Философов. Чичиковы // За свободу! 1928. 15 июня. № 135 (2467). С. 2.

О соблюдении авторских прав советских писателей: письмо издательства «Петрополис» в «Руле».

A. М-ский. Чекисты и Горький // За свободу! 1928. 16 июня. № 136 (2468). С. 2.

«Сегодня» о визите Горького в колонию беспризорников им. Дзержинского.

M. Пришвин. Радий // За свободу! 1928. 16 июня. № 136 (2468). С. 2–3.

Перепечатка рассказа из собрания сочинений 1928 г.

Старый театрал. Кепура и Венявский // За свободу! 1928. 16 июня. № 136 (2468). С. 3.

Выступление Кепуры в Варшаве и постановка оперы Венявского «Освобожденный».

Д. Философов. Столичная тайга // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 2.

Бандитская романтика в литературе и в жизни.

Литературное приложение

Э. Фридель. От колыбели до эшафота // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 5.

Роман Лео Бельмонта «От колыбели до гильотины».

«Товарищ с глазами и без ресниц» // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 5.

Новое произведение д'Аннуцио.

К. Оленин. Беседа с пирамидами. (Из Словацкого) («Пирамиды, дело чести...») // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «3 июля 1927 г. Ровно».

К. Оленин. В альбом Софии Бобер. (Из Словацкого) («Зося, стихов от меня ты не требуй...») // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «15 февраля 1928 г. Ровно».

Жюль Берто. Бриллианты актрисы / Перевод с французского // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 5.

Рассказ.

М. Пришвин. Маленькие рассказы: Книга хорошего обращения. Книга слепого Онуфрия // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 6.

Перепечатка рассказов из собрания сочинений 1928 г.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Русская земля: Альманах для юношества. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 6.

Александр Кондратьев. [Рец.:] *Андрей Блох.* Стихотворения. Париж: Родник // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 6.

В. Б. [Бранд В.В.] [Рец.:] *Алексей Ремизов.* Оля. Париж: Вол, 1927 // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 6.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] *A. Амфитеатров.* Лиляша. II и III части. Рига, 1928 // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 6.

А. Х. [Хирьяков А.М.] [Рец.:] *П. Муратов.* Магические рассказы. Париж: Возрождение, 1928 // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 6.

М. [Рец.:] Ив. Лукаши. Дворцовые гренадеры. Париж: Возрождение, 1928 // За свободу! 1928. 17 июня. № 137 (2469). С. 6.

Д. Философов. Тверской земец: Памяти Ивана Ильича Петрунекевича // За свободу! 1928. 21 июня. № 140 (2472). С. 2–3.

Некролог.

Старый театрал. Русская музыка за границей: 21-й сезон «Русских балетов» в Париже. – «Ода» Набокова, «Аполлон» Стравинского // За свободу! 1928. 22 июня. № 141 (2473). С. 3.

Стихотворение с датировкой: «1927 г.».

Литературное приложение

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Ф.И. Тютчев. (К 55-летию со дня кончины) // За свободу! 1928. 24 июня. № 143 (2475). С. 5.

Статья.

Леонид Тульпа. Странники (Из венка сонетов) // За свободу! 1928. 24 июня. № 143 (2475). С. 5.

Перепечатка стихотворений из «Нового русского слова»:

13. Вселенские странники («Цветок, паук, и птица в дали рвется...»).

14. Тишина («Туда, на юг, где расцвели луга...»).

15. Странники («Тайга горит. Дымок в горах синеет...»).

«Бальзак нагишом» // За свободу! 1928. 24 июня. № 143 (2475). С. 6.

Эмиль Анрио в «Тан» о готовящейся к выходу книге Шарля Леже о Бальзаке.

Иест Зегекранц. Недуг графа де-Салас / Перевод с французского // За свободу! 1928. 24 июня. № 143 (2475). С. 6.

Рассказ.

A. Залетаев. [Рец.:] Вопросы религиозного воспитания и образования. Париж // За свободу! 1928. 24 июня. № 143 (2475). С. 6.

Д. Философов. Церковный собор в палате общин // За свободу! 1928. 26 июня. № 144 (2476). С. 2–3.

О заседаниях английского парламента 13 и 14 июня, на которых рассматривалась новая редакция литургического Служебника.

A.B. Амфитеатров. Мистагог: Глава из исторического романа // За свободу! 1928. 27 июня. № 145 (2477). С. 2–3; 28 июня. № 146 (2478). С. 2–3; 29 июня. № 147 (2479). С. 2–3.

Глава из третьей части романа «Вчерашние предки».

Д. Философов. «Старая курица» // За свободу! 1928. 29 июня. № 147 (2479). С. 2–3.

По поводу статьи сенатора Познера о Европе «Путями мира» в «Работнике».

К. Оленин. Четвероногому другу («Когда мой маленький, четвероногий друг...») // За свободу! 1928. 29 июня. № 147 (2479). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «1927 г.».

Литературное обозрение

П. Бицилли. Пушкин и Николай I // За свободу! 1928. 1 июля. № 148 (2480). С. 5.

Перепечатка статьи из «Звена».

Итоги римской конференции // За свободу! 1928. 1 июля. № 148 (2480). С. 5.

Конференция для пересмотра Бернской конференции по авторскому праву проходила в Риме с 7 мая по 2 июня.

Э. Золя. Красавчик Валентин // За свободу! 1928. 1 июля. № 148 (2480). С. 5–6.

Рассказ.

Х. О спасении детей и родины // За свободу! 1928. 1 июля. № 148 (2480). С. 6.

По поводу редакционной статьи «Русского колокола».

В. Б. [Бранд В.В.] [Рец.:] Ив. Наживин. Прорва. Роман. Рига // За свободу! 1928. 1 июля. № 148 (2480). С. 6.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Ив. Янушкевич. Казнь: Прокурорские очерки и рассказы. Новый Сад, 1928 // За свободу! 1928. 1 июля. № 148 (2480). С. 6.

Х. [Рец.:] Владимир Чайкин. В стране волшебной сказки. Варшава, 1928 // За свободу! 1928. 1 июля. № 148 (2480). С. 6.

Лоллий Львов. Парижские письма: Театр Вахтангова в «Одеоне» // За свободу! 1928. 3 июля. № 149 (2481). С. 2–3.

«Принцесса Турандот» Карло Гоцци, «Чудо святого Антония» Метерлинка, «Карета святого причастия» Мериме, «Виринея» Сейфуллиной.

В.Ф. Клементьев. Иерей // За свободу! 1928. 5 июля. № 151 (2483). С. 2–3.

Рассказ.

А. Сакмаров. Достижения Максима Горького // За свободу! 1928. 6 июля. № 152 (2484). С. 2.

По поводу проекта журнала «Наши достижения».

Д. Философов. Рыцари светлого и печального образа // За свободу! 1928. 6 июля. № 152 (2484). С. 2–3.

О средневековых рыцарях, готическом искусстве и рыцарях мальтийского ордена.

Д. Философов. Глас вопиющего в пустыне: Заместитель местоблюстителя // За свободу! 1928. 7 июля. № 153 (2485). С. 2; 10 июля. № 155 (2487). С. 2; 11 июля. № 156 (2488). С. 2.

О деятельности митрополита Сергия в России и в эмиграции и о послании митрополита Евлогия.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Грозный обличитель // За свободу! 1928. 7 июля. № 153 (2485). С. 3.

Публицистика Михаила Кольцова.

Литературное приложение

В гостях у Метерлинка // За свободу! 1928. 8 июля. № 154 (2486). С. 5.

Фредерик Лефевр о своем визите на дачу Метерлинка в Ницце.

Роземунда Жерар (Г-жса Ростан). Бессмертная песнь («Я буду старенькой, Ты будешь стариком...») / Перевод с французского К. Оленина // За свободу! 1928. 8 июля. № 154 (2486). С. 5.

Перевод стихотворения с датировкой: «12 апреля 1928 г.».

Лоллий Львов. «Мир искусства» в Брюсселе // За свободу! 1928. 8 июля. № 154 (2486). С. 5–6.

Выставка русского искусства в Брюсселе.

Из воспоминаний Вас.Ив. Немировича-Данченко // За свободу! 1928. 8 июля. № 154 (2486). С. 6.

Перепечатка из «Сегодня».

A. X-в. [Хирьяков А.М.] P.M. Бланк. Америка. Париж: Международное издательство, 1928 // За свободу! 1928. 8 июля. № 154 (2486). С. 6.

M. Звено // За свободу! 1928. 8 июля. № 154 (2486). С. 6.

Прекратился парижский журнал «Звено».

От Союза русских писателей и журналистов в С.Х.С. // За свободу! 1928. 11 июля. № 156 (2488). С. 3.

О проведении с 25 по 29 сентября 1928 г. в Белграде съезда представителей заграничных союзов русских писателей и журналистов.

Е.С. Шевченко. Советская «культура» // За свободу! 1928. 12 июля. № 157 (2489). С. 3.

Статьи в журнале «Революция и культура» и «Красной газете».

Муррей. Записки бунтаря // За свободу! 1928. 13 июля. № 158 (2490). С. 2–3; 14 июля. № 159 (2491). С. 2–3.

Мысли о революции и гражданской войне во время путешествия по Европе с примечанием редакции: «Статья эта принадлежит молодому инженеру-эмигранту, рекомендованному нам нашими заграничными друзьями».

Леонид Тульпа. Скит (Сонет) («О Господи, какая тишина...») // За свободу! 1928. 15 июля. № 160 (2492). С. 3.

Стихотворение.

Отъезд Д.В. Философова // За свободу! 1928. 15 июля. № 160 (2492). С. 4.

На время отъезда Философова из Варшавы редактирование газеты с 14 июля принимает на себя А.М. Хирьяков.

Литературное приложение

Л. Козловский. Поэт человеческой души // За свободу! 1928. 15 июля. № 160 (2492). С. 5.

О «Книге смиренных» (Варшава: Добро, 1927) Яна Каспровича в переводе К. Бальмонта.

А. Хирьяков. «Книга смиренных» // За свободу! 1928. 15 июля. № 160 (2492). С. 5–6.

О «Книге смиренных» (Варшава: Добро, 1927) Яна Каспровича в переводе К. Бальмонта.

С. С. [Рец.:] «Неугасимая лампада»: Сборник памяти М.П. Арцыбашева. Издание группы «Единение» // За свободу! 1928. 15 июля. № 160 (2492). С. 6.

Ла-Брэ. 150-летие кончины Руссо // За свободу! 1928. 15 июля. № 160 (2492). С. 6.

Статья.

A.B. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 19 июля. № 163 (2495). С. 2–3.

Религиозное движение «иоаннизма» в Италии.

Дир. Мерзавцы стыдливые и бесстыдники // За свободу! 1928. 20 июля. № 164 (2496). С. 3.

Большевики о близящемся столетнем юбилее Л.Н. Толстого.

В.Ф. Клементьев. Безумство храбрых: Восстание в Ярославле (6–22 июля 1918 г.) // За свободу! 1928. 21 июля. № 165 (2497). С. 2–3.

Очерк.

Леонид Тульпа. Байкал («В горах фантастических линий...») // За свободу! 1928. 22 июля. № 166 (2498). С. 3.

Стихотворение.

Литературное приложение

Е. Шевченко. Недосказанное слово В.Г. Короленко // За свободу! 1928. 22 июля. № 166 (2498). С. 5.

К 75-летию со дня рождения В.Г. Короленко.

C. T. [Турчинович С.В.]. Забытое имя (Фед. Антон. Туманский + 1853 г.) // За свободу! 1928. 22 июля. № 166 (2498). С. 5.

Статья.

С.Ю. Кулаковский. Разум сердца. (Новеллы и романы Софии Налковской) // За свободу! 1928. 22 июля. № 166 (2498). С. 5.

Статья.

Ибсен в действительности // За свободу! 1928. 22 июля. № 166 (2498). С. 6.

Доктор Рауль Блондель в гостях у Ибсена.

Маргит Бетлен. Письменный стол / Перевод с немецкого // За свободу! 1928. 22 июля. № 166 (2498). С. 6.

Рассказ.

П. Павленко. Современная былина: Война в Сирии // За свободу! 1928. 22 июля. № 166 (2498). С. 6.
Перепечатка из «Красной нови».

Николай Амурский. В стране Восходящего Солнца // За свободу! 1928. 27 июля. № 170 (2502). С. 2–3; 1 августа. № 174 (2506). С. 3.
Очерк о Японии.

Фредерик Бутэ. Избавление / Перевод с французского А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] // За свободу! 1928. 29 июля. № 172 (2504). С. 2–3.

Рассказ.

Литературное приложение

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] В. Корсак. Забытые. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 29 июля. № 172 (2504). С. 5.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Николай Московский. Рассказы Терпсихоры. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 29 июля. № 172 (2504). С. 5.

А. Д. [Рец.:] Лео Бельмонт. Леди Гамильтон. Издательство «Ренессанс», 1928 // За свободу! 1928. 29 июля. № 172 (2504). С. 5.

Д. Ф. [Философов Д.В.] Из прошлого: Сенатор Д.Н. Бологовской (1775–1852) // За свободу! 1928. 29 июля. № 172 (2504). С. 5–6.

Предисловие к перепечатке из второго тома писем Пушкина справки Б.Л. Модзалевского о Бологовском.

Конец известного литературного кафе // За свободу! 1928. 29 июля. № 172 (2504). С. 5–6.

В Берлине закрылось Кафе дес Вестенс.

И. П. [Философов Д.В.]. О самоорганизации снизу (По поводу «Записок бунтаря») // За свободу! 1928. 31 июля. № 173 (2505). С. 2–3.
Отклик на публикацию Мурея (За свободу! 1928. 13 июля. № 158 (2490). С. 2–3; 14 июля. № 159 (2491). С. 2–3).

Ал. Шк-лев. Из записок моего приятеля // За свободу! 1928. 1 августа. № 174 (2506). С. 2–3; 2 августа. № 175 (2507). С. 2–3;
3 августа. № 176 (2508). С. 2–3.

Рассказ.

«Дневник Вырубовой» // За свободу! 1928. 2 августа. № 175 (2507). С. 3.

Подробности фальсификации.

Ла-Брэ. Спекуляция именем // За свободу! 1928. 2 августа. № 175 (2507). С. 3.

О книге В. Каменского «Пушкин и Данте».

Д.В. Философов. Н.Д. Соколов // За свободу! 1928. 4 августа. № 177 (2509). С. 2–3.

Умер Н.Д. Соколов, причастный к составлению «Приказа № 1».

Посмертная повесть Короленко // За свободу! 1928. 4 августа. № 177 (2509). С. 3.

А. Горнфельд в «Еврейском вестнике» о повести Короленко «Братья Мендели».

С. Турчинович. Н.Г. Чернышевский (К столетию со дня рождения) // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 2–3.

Статья.

A. Хирьяков. Теория и практика // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 2–3.

Фельетон о хозяйственных и экономических ошибках большевиков.

K. Бальмонт. Письмо в редакцию // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 3.

Письмо и список опечаток к вышедшей в варшавском издательстве «Добро» «Книге Смиренных» Яна Каспровича в переводе К. Бальмента, которому не дали вторую корректуру.

Литературное приложение

Письма Достоевского // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 5.

Перепечатка двух писем Ф.М. Достоевского к брату Михаилу из Семипалатинска от 13 и 18 января 1856 г. из 27 тома «Красного архива».

A. M. [Рец.:] Рыбинский Н. Наказанная добродетель: Комедия-шутка в 1-м действии. Белград: Изд-во Белградск. рус. худож.-драматич. об-ва, 1928 // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 5.

A. M. [Рец.:] Томаровский. Забытое. Ницца, 1927 // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 5.

Д. Ф. [Философов Д.В.] Из прошлого. П. Иван Савельич: Московский шут пушкинской эпохи. – «Дурак» Сальников и «умники» братья Булгаковы. – Иванушка, Трибулэ и Распутин // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 6.

По материалам второго тома «Писем Пушкина» (М., 1928).

Джек Лондон. Джим / Перев. с англ. // За свободу! 1928. 5 августа. № 178 (2510). С. 6.

Рассказ.

В.Ф. Клементьев. Из воспоминаний. 1918 г. // За свободу! 1928. 10 августа. № 182 (2514). С. 2–3.

Аресты членов Союза защиты родины и свободы в Москве в мае 1918 г.

Бласко Ибаньес. Девы неразумные // За свободу! 1928. 11 августа. № 183 (2515). С. 2–3.

Рассказ.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Николай Иванович Новиков // За свободу! 1928. 12 августа. № 184 (2516). С. 2–3.

Статья к 110-летию со дня кончины.

В. Бранд. «Не обволакивай меня своей любовью...» // За свободу! 1928. 12 августа. № 184 (2516). С. 3.

Стихотворение.

Опять Жюль Верн // За свободу! 1928. 12 августа. № 184 (2516). С. 3.
О романе Ж. Верна «500 миллионов индийской принцессы» и проекте Андерсена создать международный город Космополис.

Литературное приложение

Письма Достоевского. 2 // За свободу! 1928. 12 августа. № 184 (2516). С. 5.

Перепечатка из «Красного архива» письма Ф.М. Достоевского брату Михаилу от 9 ноября 1856 г.

Адам Мицкевич. «Пан Тадеуш» (из кн. IV. стр. 479–541) / Перев. К. Оленина // За свободу! 1928. 12 августа. № 184 (2516). С. 5.

Стихотворный перевод.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Из прошлого. III. 1) Бунт московских театралов в 1830 году. – 2) Поэт и цензор Глинка на гауптвахте // За свободу! 1928. 12 августа. № 184 (2516). С. 5–6.

По материалам второго тома «Писем Пушкина» (М., 1928).

A. Гарри. Штурм у Надежды. (Экспедиция для спасения Нобиле) // За свободу! 1928. 12 авг. № 184 (2516). С. 6.

Перепечатка из «Известий» от 1 августа материала о полярной экспедиции на ледоколе «Малыгин».

C. Кулаковский. [Рец.:] Новые книги: *Андреев Вадим.* Недуг бытия: Вторая книга стихотворений. Париж, 1928; *Диксон Владимир.* Ступени. Париж, 1924: Он же. Листья. Париж, 1927; *Кобяков Дмитрий.* Горечь. Кн. III. Париж. 1927 // За свободу! 1928. 12 августа. № 184 (2516). С. 6.

Умер, не оставив адреса / Перевод с французского В. Д. // За свободу! 1928. 14 августа. № 185 (2517). С. 2–3.

Рассказ без указания автора.

Mуррей. Записки бунтаря. II // За свободу! 1928. 15 августа. № 186 (2518). С. 2–3; 17 августа. № 187 (2519). С. 2.

Эссе о революции и социальной психологии.

A. Хирьяков. Барабанная поэзия // За свободу! 1928. 17 августа. № 187 (2519). С. 2.

Ал. Маклецов в «Борьбе за Россию» о стихах комсомольских поэтов.

Леонид Тульпа. Бессмертие («О дивный запах тополей...») // За свободу! 1928. 17 августа. № 187 (2519). С. 3.

Стихотворение с датировкой: «Бостон 1928 г.».

Пьер Миль. Змея и ее друг / Перев. с франц. С. Т. [Турчино-
вич С.В.] // За свободу! 1928. 17 августа. № 187 (2519). С. 3.
Рассказ.

A.B. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 19 авгу-
ста. № 189 (2421). С. 2–3.

«Война и мир» Л. Толстого в итальянском переводе графини
д'Андриа и «Театр Пушкина» в переводе Ринальдо Кюфферле.

Литературное приложение

Письма Достоевского. 3 // За свободу! 1928. 19 августа. № 189 (2421).
С. 5.

Перепечатка из советского издания.

Д. Ф. [Философов Д.В.] Из прошлого. IV. Котлеты пожарские и
баранки валдайские // За свободу! 1928. 19 августа. № 189 (2421).
С. 5.

По материалам второго тома «Писем Пушкина» (М., 1928).

T. Теодорович [Рец.:] C. Троицкий. Что такое живая церковь. Вар-
шава, 1927 // За свободу! 1928. 19 августа. № 189 (2421). С. 6.

M. Пришвин. Кость // За свободу! 1928. 19 августа. № 189 (2421).
С. 6.

Перепечатка рассказа из «Красной нови».

Фердинанд Гетель. Комиссия / Перевод с польского С. Кулаков-
ского // За свободу! 1928. 21 августа. № 190 (2422). С. 2–3; 22 авгу-
ста. № 191 (2423). С. 2–3; 23 августа. № 192 (2424). С. 2–3.

Рассказ.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Друг Пушкина // За сво-
боду! 1928. 23 августа. № 192 (2424). С. 3.

О С.А. Соболевском.

A.B. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 24 авгу-
ста. № 193 (2425). С. 2–3.

Ледокол «Леонид Красин», бывший «Святогор», и состояние рос-
сийского флота.

З.Н. Гиппиус. Глаза лани // За свободу! 1928. 26 августа. № 195 (2427). С. 2–3.

Дополнения к статье Д.В. Философова «Н.Д. Соколов» (За свободу! 1928. 4 августа. № 177 (2509). С. 2–3) по записям из дневника 1917 г.

В. Бранд. «Кто унес пустоту моих глаз...» // За свободу! 1928. 26 августа. № 195 (2427). С. 2–3.

Стихотворение с датировкой: «11-V-28».

Литературное приложение

Письма Достоевского. 4 // За свободу! 1928. 26 августа. № 195 (2427). С. 5.

Перепечатка из советского издания.

С.Ю. Кулаковский. Радость земли (Лирика Казимира Вежинского) // За свободу! 1928. 26 августа. № 195 (2427). С. 5.

Статья.

Антоний Ланге. Поцелуй. Имени Тани Осиповой / Перевод спольского К.Д. Бальмонта // За свободу! 1928. 26 августа. № 195 (2427). С. 6.

Стихотворения «Хотел бы...», «Египетские четырехстрочия», «Сельская свирель», «Очи», сопровождаемые предисловием и комментариями Бальмонта.

Новонайденная шутка А.П. Чехова // За свободу! 1928. 26 августа. № 195 (2427). С. 6.

Перепечатка из «Сегодня» юморески Чехова «Об августе» (впервые в «Осколках» № 34 23 августа 1885 г.).

С. Т. [Турчинович С.В.] О Бласко Ибаньесе // За свободу! 1928. 26 августа. № 195 (2427). С. 6.

Статья.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Голос минувшего на чужой стороне. Кн. 6. 1928 // За свободу! 1928. 28 августа. № 196 (2428). С. 2–3.

Поездка Амфитеатровых // За свободу! 1928. 28 августа. № 196 (2428). С. 3.

А.В. Амфитеатров планирует выступить с лекциями в Белграде, а его сыновья М. и Р. (виолончелист и аккомпаниатор) отправляются в турне с концертами по Балканам.

Пантелеймон Романов. Машина // За свободу! 1928. 29 августа. № 197 (2429). С. 2–3.

Перепечатка рассказа из «Красной нови».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] А.Н. Апухтин // За свободу! 1928. 30 августа. № 198 (2430). С. 2–3.

Статья к 35-летию со дня смерти.

В.Ф. Клементьев. Тучи // За свободу! 1928. 31 августа. № 199 (2431). С. 2–3; 1 сентября. № 200 (2432). С. 2–3.

Рассказ.

Эдисон и Конан Дойль // За свободу! 1928. 2 сентября. № 201 (2533). С. 3.

Английские газеты об обмене письмами между изобретателем и писателем.

Литературное приложение

Письма Достоевского. 5 // За свободу! 1928. 2 сентября. № 201 (2533). С. 5.

Перепечатка из «Красного архива» письма Ф.М. Достоевского к брату Михаилу от 9 октября 1859 г.

Пантелеймон Романов. Легкая служба // За свободу! 1928. 2 сентября. № 201 (2533). С. 5–6.

Перепечатка рассказа из «Красной нови».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Из недавнего прошлого (Георгий Иванов. Петербургские зимы. Париж, 1928) // За свободу! 1928. 2 сентября. № 201 (2533). С. 6.

Статья.

Пантелеймон Симанский. [Рец.:] Зарубежный Морской сборник. Орган объединен. Рус. морских организаций в Чехословакии. Прага, 1928. № 1, июль // За свободу! 1928. 2 сентября. № 201 (2533). С. 6.

Рыцари духа // За свободу! 1928. 4 сентября. № 202 (2534). С. 3.
О редакторской статье в новом номере «Русского колокола».

P. П. Записки Седерхольма // За свободу! 1928. 4 сентября.
№ 202 (2534). С. 3.

В «Возрождении» опубликованы записки Седерхольма, побывавшего в ЧК.

Возвращение Д.В. Философова // За свободу! 1928. 4 сентября.
№ 202 (2534). С. 4.

Философов вернулся в Варшаву после шестинедельного пребывания в санатории доктора Чопа (Тешинская Силезия).

Д.В. Философов. 18 // За свободу! 1928. 5 сентября. № 203 (2535). С. 2.

О высылке русских эмигрантов из Польши.

Ив. Шмелев. К родной молодежи. Славные русские девушки! // За свободу! 1928. 6 сентября. № 204 (2536). С. 2–3.

Ответ на письмо воспитанниц выпускного класса Мариинского Донского института (в Белой Церкви, Югославия).

Ив. Полосков. [Философов Д.В.] Келлог и Литвинов // За свободу! 1928. 7 сентября. № 205 (2537). С. 2.

Пакт Келлога и нота Литвинова французскому послу.

Александр Кондратьев. Славянские боги // За свободу! 1928. 7 сентября. № 205 (2537). С. 2–3.

Статья.

В.Н. Сперанский. Л.Н. Толстой об антисемитизме. (К столетию со дня его рождения) // За свободу! 1928. 9 сентября. № 207 (2539). С. 2–3.

Статья.

Литературное приложение

София Стакович. Слова Л.Н. Толстого, записанные Л.А. Стакович. (Из материалов толстовского музея) // За свободу! 1928. 9 сентября. № 207 (2539). С. 5.

Л.Н. Толстой. Крейцерова соната: Неизданная глава. (Из материалов толстовского музея) // За свободу! 1928. 9 сентября. № 207 (2539). С. 5.

А.М. Хирьяков. Толстой и стихи // За свободу! 1928. 9 сентября. № 207 (2539). С. 6.

Статья.

С.В. Турчинович. Из детских воспоминаний // За свободу! 1928. 9 сентября. № 207 (2539). С. 6.

О чтении «Детства и отрочества» и «Холстомера» Л.Н. Толстого.

В.Г. Чертов. Причины влияния Толстого // За свободу! 1928. 9 сентября. № 207 (2539). С. 6.

Перепечатка из «Бюллетеня Московского вегетарианского общества имени Л.Н. Толстого».

Д.В. Философов. «В нетях» // За свободу! 1928. 11 сентября. № 208 (2540). С. 2.

Эмигрантская реакция на высылку русских из Польши.

П. Ш. Жизнь Толстого // За свободу! 1928. 11 сентября. № 208 (2540). С. 2–3.

О книге: *Polner T. Leo Tolstoi und Seine Frau.* Berlin: Hensel & Co.

В. Бранд. «Я не знаю, кому и зачем это нужно» (из песни «На смерть Александровских юнкеров») // За свободу! 1928. 12 сентября. № 209 (2541). С. 3.

О высылке А.В. Фёдорова.

Лев Толстой. Ванька Каин: Неизданная рукопись // За свободу! 1928. 14 сентября. № 211 (2543). С. 2–3.

Перепечатка из «Сегодня» № 224.

Вл. Лазаревский. Советская богема // За свободу! 1928. 14 сентября. № 211 (2543). С. 3.

По поводу статьи Рейснера в журнале «Печать и революция».

Евг. Чириков. Русские чехам // За свободу! 1928. 14 сентября. № 211 (2543). С. 3.

Перепечатка из сборника статей к 10-летию чехословацкого государства.

Ив. Порошков. [Философов Д.В.]. Друг Чичерина // За свободу! 1928. 15 сентября. № 212 (2544). С. 2.

Берлинская «Фоссише Цайтунг» о покойном графе Брокдорфе-Ранцау.

Николай Амурский. Бедствия Приамурья // За свободу! 1928. 15 сентября. № 212 (2544). С. 2.

Новое наводнение в Приамурье.

Д. Философов. К обыску в «Россике» // За свободу! 1928. 15 сентября. № 212 (2544). С. 3.

«Сегодня» и «Экспресс Поранний» о конфискации запрещенных советских изданий в варшавской «Россике».

Дир. Чествование Толстого в Москве // За свободу! 1928. 15 сентября. № 212 (2544). С. 3.

Выступление Стефана Цвейга на торжественном заседании в Большом театре.

К съезду русских писателей и журналистов в Белграде // За свободу! 1928. 15 сентября. № 212 (2544). С. 4.

От редакции газеты «За свободу!» на съезд выезжают Д.В. Философов и А.И. Фёдоров.

Ив. Порошков. [Философов Д.В.]. Плач друзей // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 2.

Михаил Кольцов в «Правде» и Ш. в «Известиях» о графе Брокдорфе-Ранцау.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Обезвреженный Толстой // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 3.

К проведению юбилея допущены только надежные коммунисты, отодвинуты все, кто знал Л.Н. Толстого.

Литературное приложение

Письмо Н.Н. Пушкиной о Пушкине // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 5.

Письмо Н.Н. Пушкиной к В.А. Жуковскому.

Чествование Толстого в Берлине // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 5.

Из речи Ю. Айхенвальда, опубликованной в «Руле».

Анкеты И.С. Тургенева // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 5.

«Руль» об анкете И.С. Тургенева.

В.Г. Короленко. На Ниагаре // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 5.

Перепечатка очерка из советского издания.

С. Сергеев-Ценский. Прах Аджи-Османа // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 5–6; 23 сентября. № 219 (2551). С. 5–6.

Перепечатка рассказа из «Красной нови».

Н. Р. «Пан Тадеуш» в украинском переводе // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 6.

Перевод М. Рыльского вышел в киевском «Слове».

И. Антология литовской поэзии // За свободу! 1928. 16 сентября. № 213 (2545). С. 6.

В Ковно готовится антология литовской поэзии на польском языке.

Ив. Посошков. [Философ Д.В.]. В.М.Р.О. // За свободу! 1928. 20 сентября. № 216 (2548). С. 2.

Правительственный кризис в Болгарии и Внутренняя македонская революционная организация.

А.М. Хирьяков. Наши достижения // За свободу! 1928. 20 сентября. № 216 (2548). С. 3.

Журнал Горького «Наши достижения» и публикации «Рабочей газеты» и «Комсомольской правды».

Старый театрал. Театральные заметки: Вечно-мещансское и вечно-жандармское в пьесах г-жи Запольской // За свободу! 1928. 21 сентября. № 217 (2549). С. 2–3; 23 сентября. № 219 (2551). С. 2–3. Пьесы Запольской «Мораль г-жи Дульской» и «Прежний» возобновлены в «Театре Польском».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] Современные записки. Кн. 36 // За свободу! 1928. 22 сентября. № 218 (2550). С. 2–3.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Русские беженцы и Лига наций // За свободу! 1928. 22 сентября. № 218 (2550). С. 3.

Эмигрантская и иностранная печать о женевских обсуждениях вопроса беженцев.

А.М. Хирьяков. Братьям писателям // За свободу! 1928. 23 сентября. № 219 (2551). С. 2.

К открытию съезда русских писателей в Белграде.

Библиограф. Стыдно, г-н Студент! // За свободу! 1928. 23 сентября. № 219 (2551). С. 3.

Ответ-фельетон студенту А. С. на вопрос, за какие заслуги Вельмин едет на белградский съезд.

К. Бальмонт. Сердцедуги («Порожденные от солнца...») // За свободу! 1928. 23 сентября. № 219 (2551). С. 3.

Стихотворение.

Литературное приложение

Иностранцы о Толстом // За свободу! 1928. 23 сентября. № 219 (2551). С. 5.

Томас Манн, Поль Судэ, Рауль Ауэрнгеймер о юбилее Толстого. Перед съездом русских писателей и журналистов // За свободу! 1928. 23 сентября. № 219 (2551). С. 5.

Программа съезда русских писателей и журналистов в Белграде.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] Александр Амфитеатров. Вчерашиние предки. Роман в пяти частях. Издание русской типографии С.Ф. Филонова. Новый Сад С.Х.С. // За свободу! 1928. 23 сентября. № 219 (2551). С. 6.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] Русская религиозная поэзия. Избранные стихотворения. Собрал и издал проф. С.С. Груздев. Прага, 1928 // За свободу! 1928. 23 сентября. № 219 (2551). С. 6.

В.Ф. Клементьев. Встреча // За свободу! 1928. 25 сентября. № 220 (2552). С. 2–3.

Рассказ.

Ив. Порошков. [Философов Д.В.] Меньшинственный тупик // За свободу! 1928. 26 сентября. № 221 (2553). С. 2.

По поводу статьи «Охрана меньшинств и Лига Наций» в журнале «Центральная Европа».

Бор. Пильняк. Земля на руках // За свободу! 1928. 26 сентября. № 221 (2553). С. 2–3.

Перепечатка рассказа из «Красной нови».

Д. Ф. [Философов Д.В.] Две телеграммы // За свободу! 1928. 26 сентября. № 221 (2553). С. 2.

Телеграммы московского корреспондента в «Курьере Варшавском» от 24 сентября.

З.Н. Гиппиус. Около Толстого // За свободу! 1928. 27 сентября. № 222 (2554). С. 2.

К юбилею Толстого – выписки из собственного дневника 1915–1917 гг.

Как советская Россия праздновала столетие Толстого: Письмо Пауля Шеффера в «Берлинер Тагеблатт» // За свободу! 1928. 27 сентября. № 222 (2554). С. 3.

О посещении Ясной Поляны.

Старый театрал. Театральные заметки: По поводу «Пиковой дамы» в «Большом театре»: Г-жа Шерешевская в роли Старой Графини // За свободу! 1928. 28 сентября. № 223 (2555). С. 2.

Постановка варшавской оперы.

А.И. Фёдоров. Ссора пролетарских писателей // За свободу! 1928. 28 сентября. № 223 (2555). С. 3.

Горький о «Разгримированной красавице» Н. Асеева.

Д. Философов. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! // За свободу! 1928. 29 сентября. № 224 (2556). С. 2.

Никольский в «Руле» о колебаниях на заседаниях Лиги Наций.

A.B. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 29 сентября. № 224 (2556). С. 2–3.

Идеи Вольтера и Руссо: Либерализма и уравнительного распределения. Толстой и Руссо.

Литературное хулиганство // За свободу! 1928. 29 сентября. № 224 (2556). С. 3.

Сын Диккенса судится с автором книги «Лицемерная сторона идолопоклонства» Бехгофером Робертсом.

Д. Философов. Враги еврейства // За свободу! 1928. 30 сентября. № 225 (2557). С. 2.

По поводу статьи Б.Д. Бруцкуса «Еврейское население под коммунистической властью» в «Современных записках» № 36.

Съезд русских писателей и журналистов // За свободу! 1928. 30 сентября. № 225 (2557). С. 3.

Списки делегатов и первые дни съезда.

Литературное приложение

Письма Л.Н. Толстого к дочери Татьяне Львовне // За свободу! 1928. 30 сентября. № 225 (2557). С. 5; 7 октября. № 231 (2563). С. 5–6; 14 октября. № 237 (2569). С. 5–6; 21 октября. № 243 (2575). С. 5.

Перепечатка из «Современных записок» № 36.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] *Ив. Шмелев*. Мэри. Париж: Возрождение, 1938 // За свободу! 1928. 30 сентября. № 225 (2557). С. 5.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] *Леонид Зуров*. Кадет. Рига: Саламандра, 1938 // За свободу! 1928. 30 сентября. № 225 (2557). С. 5.

По поводу статьи Б.Д. Бруцкуса «Еврейское население под коммунистической властью» в «Современных записках» № 36.

Сын знаменитости // За свободу! 1928. 30 сентября. № 225 (2557). С. 5.

Скандал вокруг пьесы Мориса Ростана «Наполеон IV».

Н.Г. Чернышевский. Наталья Петровна Свирская. (Из неопубликованных рассказов, написанных в крепости) // *За свободу!* 1928. 30 сентября. № 225 (2557). С. 6.

Рассказ 1864 г.

Николай Амурский. Мексиканка. (Мытарства одной беженки) // *За свободу!* 1928. 4 октября. № 228 (2560). С. 2.

Очерк.

Путник. Кинематографическая Россия // *За свободу!* 1928. 4 октября. № 228 (2560). С. 3.

Мода на русские темы в иностранном кино и советские фильмы.

Куприн в Белграде // *За свободу!* 1928. 5 октября. № 229 (2561). С. 2.

Куприн покорил сердца сербов и сам покорен Белградом.

Д. Ф. [Философов Д.В.] Эксцельзиор. (Из сборника Поля Морана «Черная магия») // *За свободу!* 1928. 5 октября. № 229 (2561). С. 2.

Предисловие к публикации очерка Поля Морана.

Поль Моран. Эксцельзиор // *За свободу!* 1928. 5 октября. № 229 (2561). С. 2–3; 6 октября. № 230 (2562). С. 2–3.

Очерк из сборника «Черная магия».

Д.В. Философов. После русских съездов в Белграде // *За свободу!* 1928. 6 октября. № 230 (2562). С. 2.

По поводу съезда русских ученых и съезда русских писателей.

Русские писатели и журналисты у сербского короля // *За свободу!* 1928. 6 октября. № 230 (2562). С. 2.

Волковыский в «Сегодня» о приеме делегатов съезда у короля Александра.

Закрытие съезда русских писателей // *За свободу!* 1928. 6 октября. № 230 (2562). С. 2.

Списки членов Совета созданного на съезде Зарубежного союза русских писателей и журналистов.

Д.В. Философов. Ответ д-ру Королю // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 2.

По поводу письма в редакцию депутата П.О. Короля в № 230 о детях русских эмигрантов в польских гимназиях.

Закрытие съезда русских писателей и журналистов // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 2.

Перепечатка резолюции съезда из «Нового времени».

Литературное приложение

Путник. Толстой в Германии // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 5.

«Внимание немецкого литературного мира к памяти Толстого носило скорее внешний характер».

Как Толстой писал «Воскресение» // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 5.

Надзиратель Бутырской тюрьмы Виноградов о беседах с Толстым.

В. Бранд. Из окна вагона («Сентябрьский лес задумчив, свеж и тих...») // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 5.

Стихотворение с датировкой: «9-IX-28».

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Литература и жизнь: Ежемесячный журнал о русских писателях и русской книге за рубежом и в СССР // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 5.

Первый номер журнала вышел в Риге под редакцией Петра Пильского.

Ив. Шмелев. Зарубежный Литературный фонд // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 6.

Обращение к съезду с предложением создать Литературный фонд.

Ин. Властитель дум // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 6.

110 лет со дня рождения и 45 лет со дня смерти Майн Рида.

Новый роман Сельмы Лагерлеф // За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 6.

Роман «Анна Сверд».

Невер-Мор. Мелочи варшавской жизни. «Анна Каренина» // За свободу! 1928. 9 октября. № 232 (2564). С. 3.

Американский фильм «Анна Каренина» идет в варшавском кинотеатре «Сплендида».

Путник. Распутин на экране // За свободу! 1928. 9 октября. № 232 (2564). С. 3.

Мартин Бергер поставил в Берлине «Любовные похождения Распутина».

А.М. Хирьяков. Союзная чайная // За свободу! 1928. 11 октября. № 234 (2566). С. 3.

О журнале «Двуглавый орел».

На приеме у короля // За свободу! 1928. 11 октября. № 234 (2566). С. 3.

А. Яблоновский о разговорах короля Александра с В.И. Немировичем-Данченко, Мережковскими, Куприным, Рудневым.

Д. Шершер. Из архива Особой комиссии по расследованию зверств большевиков // За свободу! 1928. 12 октября. № 235 (2567). С. 2; 13 октября. № 236 (2568). С. 2.

Очерк.

А.М. Хирьяков. А.Н. Плещеев. (К 35-летию со дня смерти) // За свободу! 1928. 14 октября. № 237 (2569). С. 2–3.

Статья.

А.В. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1928. 14 октября. № 237 (2569). С. 3.

Полемика Левина с сенатором де Монзи в газете В.Л. Бурцева «La Cause Commune».

Литературное приложение

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Т. Полнер. Лев Толстой и его жена. История одной любви. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 14 октября. № 237 (2569). С. 5.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] В. Сирин. Король, дама, валет. Берлин: Слово, 1928 // За свободу! 1928. 14 октября. № 237 (2569). С. 5.

-ъ. [Рец.:] Гирии Бендер. Этика иудаизма. Рига, 1928 // За свободу! 1928. 14 октября. № 237 (2569). С. 5.

Адам Мицкевич. Пан Тадеуш. (Из книги III, отр. 532–653). Наблюдения за облаками («Итальянское небо, как лед голубой...») / Перевод К. Оленина // За свободу! 1928. 14 октября. № 237 (2569). С. 5.

Перевод с датировкой: «9 марта 1928 г.».

В.Ф. Клементьев. Не совсем так. (К истории Союза защиты родины и свободы) // За свободу! 1928. 16 октября. № 238 (2570). С. 2–3. Поправки к публикациям в № 19 «Голоса минувшего на чужой стороне», «Красной книге ВЧК» и № 13 екатеринбургских «Отечественных ведомостей» (24 ноября 1918 г.).

А.М. Хирьяков. «Золотая цепь» // За свободу! 1928. 17 октября. № 239 (2571). С. 2.

Гонорары Горького от Госиздата.

Беседа польского журналиста с Д.С. Мережковским // За свободу! 1928. 17 октября. № 239 (2571). С. 3.

Перевод интервью, опубликованного в «Речи посполитой» за подпись Old.

М. Щербаков. Закон тайги // За свободу! 1928. 18 октября. № 240 (2572). С. 2–3.

Перепечатка рассказа из № 36 «Современных записок».

Д. Философов. Письмо в редакцию // За свободу! 1928. 19 октября. № 241 (2573). С. 3.

О переписке с П.П. Антиленко по поводу статьи «Ответ д-ру Королю» (За свободу! 1928. 7 октября. № 231 (2563). С. 2).

Ив. Просоиков. [Философов Д.В.] Отъезд д-ра Гермеса // За свободу! 1928. 21 октября. № 243 (2575). С. 2.

Вновь затормозились торговые переговоры Германии и Польши.

А.В. Амфитеатров. Повесть о премудром Акире. (По спискам Румянцевского музея и Погодинского древлехранилища Имп. публ. библиотеки) // За свободу! 1928. 21 октября. № 243 (2575). С. 2–3; 23 октября. № 244 (2576). С. 2–3.

Литературное приложение

Всеволод Байкин. Смерть («Я буду жить, но я не буду я...») // За свободу! 1928. 21 октября. № 243 (2575). С. 5.

Стихотворение.

М. Пришвин. Косыч // За свободу! 1928. 21 октября. № 243 (2575). С. 5–6.

Перепечатка рассказа из книги, выпущенной Госиздатом.

Пьер Миль. Об уме животных / Перевод с французского // За свободу! 1928. 21 октября. № 243 (2575). С. 6.

Перепечатка из «Нового русского слова».

А. Л-в. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Воспоминания об авторе книги «Пол и характер» // За свободу! 1928. 21 октября. № 243 (2575). С. 6.

Воспоминания Германа Свободы о Вейнингере напечатаны в «Нейес Винер Журнал».

Дир. О писателе Вересаеве // За свободу! 1928. 23 октября. № 244 (2576). С. 2.

Письмо Вересаева в редакцию «Известий» об избиении его жены.

Д. Ф. [Философов Д.В.] Малый театр: «Соломенные вдовцы», ком. в 3 акт. Эвери Хопвуда // За свободу! 1928. 24 октября. № 245 (2577). С. 4.

Отзыв о спектакле.

Кн. В. Барятинский. Последняя царица. (По личным воспоминаниям) // За свободу! 1928. 25 октября. № 246 (2578). С. 2–3.

Перепечатка из «Последних новостей».

Вл. Лазаревский. Русская революция в изображении Керенского // За свободу! 1928. 26 октября. № 247 (2579). С. 2–3.

О книге: *Kerenski A. La Révolution russe.* Paris: Payot, 1928.

Литературное приложение

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] *Анатолий Штейгер.* Этот день. Стихи. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 28 октября. № 249 (2581). С. 5.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] *С.Р. Минцлов.* Приключения студентов: Исторический авантюрный роман. Рига: Сибирское

книгоиздательство, 1928 // За свободу! 1928. 28 октября. № 249 (2581). С. 5.

А. Хирьяков. [Рец.:] Сергиевские листки. 1928. № 12 и 13 // За свободу! 1928. 28 октября. № 249 (2581). С. 5.

Лидия Сеницкая. «Моя душа хранит так нежно и любимо...» // За свободу! 1928. 28 октября. № 249 (2581). С. 5.

Стихотворение.

Н.А. Рязанцев. Бывший человек // За свободу! 1928. 28 октября. № 249 (2581). С. 5–6.

Рассказ с посвящением: «Другу Б.М. Сокальскому».

Москва в изображении Стефана Цвейга // За свободу! 1928. 28 октября. № 249 (2581). С. 6.

Впечатления Цвейга о посещении дней памяти Толстого в «Нейе Фрейе Прессе».

Шофер поэт // За свободу! 1928. 28 октября. № 249 (2581). С. 6.

Пьер Лагард в «Comedia» о встрече с таксистом-поэтом Жаном Базаном.

И.В. Полосков. [Философов Д.В.]. Оживление // За свободу! 1928. 30 октября. № 250 (2582). С. 2.

Новый этап в отношении иностранных держав к России.

Д.В. Философов. Письмо сенатора Богдановича // За свободу! 1928. 31 октября. № 251 (2583). С. 2; 1 ноября. № 252 (2584). С. 2.

Письмо сенатора польского парламента В.В. Богдановича в № 248 «За свободу!» и архиастырское послание архиепископа Елевферия о православной церкви в Польше.

Андрей Луганов. Яков Петрович Полонский (К 35-летию со дня его смерти) // За свободу! 1928. 31 октября. № 251 (2583). С. 2–3.

Статья.

Петр Крачкевич. К съезду русских писателей и журналистов в Белграде // За свободу! 1928. 31 октября. № 251 (2583). С. 2–3.

По поводу доклада Вельмина 26 октября в Русском Доме о белградском съезде.

Странник. Бублички // За свободу! 1928. 1 ноября. № 252 (2584). С. 3.

О происхождении песни.

Mуррэй. Записки бунтаря. III // За свободу! 1928. 3 ноября. № 253 (2585). С. 2–3.

О влиянии социал-демократов на рабочих.

Капэ. «Павел I» Д. Мережковского в Вильно в театре «Редута» // За свободу! 1928. 3 ноября. № 253 (2585). С. 3.

Премьера польской постановки.

Литературное приложение

Ив. Шмелев. Открытое письмо Ив. Шмелева Томасу Манну // За свободу! 1928. 4 ноября. № 254 (2586). С. 5.

О распродаже за рубежом национальных сокровищ России.

В. Вересаев. У черного крыльца // За свободу! 1928. 4 ноября. № 254 (2586). С. 5.

Перепечатка рассказа.

Д.С. Пасманик. Страшная книга // За свободу! 1928. 4 ноября. № 254 (2586). С. 5–6.

О книге: *Федотов Г.П.* Святой Филипп, митрополит московский. Париж: YMCA-press, 1928.

Перепечатка рассказа.

Судьба одной книги // За свободу! 1928. 4 ноября. № 254 (2586). С. 6. О рукописи «Алисы в стране чудес».

H. Р. По поводу одной непристойности // За свободу! 1928. 6 ноября. № 255 (2587). С. 3.

Публикации Д. Донцова в редактируемом им львовском журнале «Літературно-науковый вістник».

«Бег» Булгакова признан неблагонадежным // За свободу! 1928. 6 ноября. № 255 (2587). С. 3.

Главрепертком запретил пьесу.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. О русском языке // За свободу! 1928. 7 ноября. № 256 (2588). С. 3.

О книге: *Волконский А., Волконский С.* В защиту русского языка. Берлин: Медный всадник, 1928.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Великие комбинаторы // За свободу! 1928. 8 ноября. № 257 (2589). С. 2–3.
 О романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев».

Вильно. Резолюции съезда писателей // За свободу! 1928. 8 ноября. № 257 (2589). С. 4.

Завершился проходивший в Вильно 1–4 ноября общепольский съезд писателей.

Д.В. Философов. Занятие не столько вредное, сколько бесполезное. (Последний ответ В.В. Богдановичу) // За свободу! 1928. 9 ноября. № 258 (2590). С. 2.

Продолжение полемики с сенатором польского парламента В.В. Богдановичем, ответ на его публикуемое тут же письмо «Принципиальные вопросы».

В.В. Богданович. Принципиальные вопросы. (Письмо в редакцию) // За свободу! 1928. 9 ноября. № 258 (2590). С. 3.

По поводу статьи Д.В. Философова «Письмо сенатора Богдановича» (За свободу! 1928. 31 октября. № 251 (2583). С. 2; 1 ноября. № 252 (2584). С. 2).

Д.В. Философов. Наша анкета // За свободу! 1928. 11 ноября. № 260 (2592). С. 2.

К публикации анкеты о русско-польских отношениях.

Д.В. Философов. У г-на Александра Ледницкого // За свободу! 1928. 11 ноября. № 260 (2592). С. 2–3.

Беседа с Ледницким о русско-польских отношениях.

Толстой и Герцен о Польше

Л.Н. Толстой. За что // За свободу! 1928. 11 ноября. № 260 (2592). С. 5.

Отрывки из рассказа.

А.И. Герцен. Смерть Ворцеля // За свободу! 1928. 11 ноября. № 260 (2592). С. 5.

Отрывки из статьи 1857 г.

Ю. Словацкий. Анхели. Гл. V / Перевел с польского Леонид Львов // За свободу! 1928. 11 ноября. № 260 (2592). С. 6.
Глава из поэмы в прозе.

С.В. Турчинович. Из прошлого // За свободу! 1928. 11 ноября. № 260 (2592). С. 6.

Воспоминания о детстве в Варшаве.

Ант. Домбровский. Памяти деда // За свободу! 1928. 11 ноября. № 260 (2592). С. 6.

Воспоминания о деде – участнике польского восстания 1863 г.

К делу Эрдмана. (Письмо в редакцию) // За свободу! 1928. 13 ноября. № 261 (2593). С. 3.

Письмо С. Мельгунова об Эрдмане-Петровском и сообщение от редакции «За свободу!» о том, что Д.В. Философов также получал от некоего Петровского письмо, оставшееся без ответа.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.] Герберт Хувер, Германия и Россия // За свободу! 1928. 14 ноября. № 262 (2594). С. 2.

Международные отношения после избрания Гувера президентом.

Проф. Марианн Здзеховский. Открытое письмо проф. Мариана Здзеховского на имя Д.В. Философова // За свободу! 1928. 14 ноября. № 262 (2594). С. 2–3.

О русско-польских отношениях.

Д.В. Философов. Виленский мечтатель и его реализм // За свободу! 1928. 16 ноября. № 264 (2596). С. 2.

Статьи депутата Мацкевича, редактора виленского «Слова».

А.М. Хирьяков. Свободное слово // За свободу! 1928. 16 ноября. № 264 (2596). С. 2.

Советские лубочные картинки и донос О. Брика на советских писателей в «Комсомольской правде».

Д.В. Философов. Юпитер рассердился // За свободу! 1928. 17 ноября. № 265 (2597). С. 2.

Политический обозреватель «Нашего Пшегленда» N. S. рассердился на то, как «За свободу!» освещает львовские события.

M. Пришвин. Адам // За свободу! 1928. 17 ноября. № 265 (2597). С. 2–3.

Перепечатка рассказа.

В Союзе русских писателей и журналистов в Польше // За свободу! 1928. 17 ноября. № 265 (2597). С. 4.

Чрезвычайное всеобщее собрание, на котором выступили делегаты белградского съезда писателей.

I. П. [Философов Д.В.] Америка, Германия и сов. Россия // За свободу! 1928. 18 ноября. № 266 (2598). С. 2.

Сотрудник «Фоссише Цайтунг» Церер о ставке большевиков на Америку.

Литературное приложение

Д.С. Пасманик. Исторические параллели // За свободу! 1928. 18 ноября. № 266 (2598). С. 5.

О книге: Maurice Soulie. La reine scandaleuse, Caroline de Brouns-wick, reine d'Angleterre.

Л.Н. Толстой. Путевые заметки // За свободу! 1928. 18 ноября. № 266 (2598). С. 5–6; 23 ноября. № 270 (2602). С. 5–6; 2 декабря. № 278 (2610). С. 5–6; 9 декабря. № 284 (2616). С. 3–4.

Перепечатка из № 36 «Современных записок».

Из жизни г-жи Пилсудской // За свободу! 1928. 18 ноября. № 266 (2598). С. 6.

Статья Марии Домбровской «Александра Пилсудская» в польском еженедельнике «Современная женщина».

A. Л-в. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Андрей Задонский. Ступени. Рига: Изд. М. Дидковского, 1928 // За свободу! 1928. 18 ноября. № 266 (2598). С. 6.

A. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] Стивенсен. От улик до скамьи подсудимых. Рига: Orient, 1928 // За свободу! 1928. 18 ноября. № 266 (2598). С. 6.

A. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.] [Рец.:] «Красный архив», том 30-й // За свободу! 1928. 22 ноября. № 269 (2597). С. 2.

Н. Николин. Пражские дни. Юбилей Л.Н. Толстого // За свободу! 1928. 22 ноября. № 269 (2597). С. 3.
Юбилейные мероприятия в Праге.

Д.В. Философов. Памяти Гаральда Вильямса. (Страницка из воспоминаний) // За свободу! 1928. 23 ноября. № 270 (2602). С. 2.
Некролог.

Литературное приложение
Письмо Ф.М. Достоевского из тюрьмы // За свободу! 1928.
25 ноября. № 272 (2604). С. 5.

Перепечатка письма к брату от 29 декабря 1849 г. из французского издания.

Александр Кондратьев. Волынь («Ты знаешь край холмистый и счастливый...») // За свободу! 1928. 25 ноября. № 272 (2604). С. 5.
Стихотворение с датировкой: «1910–1911 г.».

A. Mai. Встреча («В моей душе, как в келье, в этот вечер...») // За свободу! 1928. 25 ноября. № 272 (2604). С. 6.

Стихотворение с датировкой: «1927».

A. L. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] *П.Н. Краснов.* Мантык. Париж, 1928 // За свободу! 1928. 25 ноября. № 272 (2604). С. 6.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.] Память сердца // За свободу! 1928. 25 ноября. № 272 (2604). С. 6.

О книге: *Александр Амфитеатров.* Знакомые музы. Париж: Возрождение, 1928.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. «Самая передовая» политическая система // За свободу! 1928. 30 ноября. № 276 (2608). С. 2.
Речь Сталина на пленуме ЦИК 19 ноября.

Из воспоминаний полк. Б. Венявы-Длugoшовского. 1918 г. / Перевод с польского // За свободу! 1928. 2 декабря. № 278 (2610). С. 2–3.

Перевод отрывков мемуаров «Из моих приключений на Украине и в Советской России», опубликованных в газете «Głos Prawdy».

Литературное приложение

Александр Кондратьев. Сергей Кречетов // За свободу! 1928. 2 декабря. № 278 (2610). С. 5.

К 25-летию литературной деятельности.

Кончина Германа Зудермана. // За свободу! 1928. 2 декабря. № 278 (2610). С. 6.

Умер немецкий романист и драматург.

М. Пришвин. Слуга времени // За свободу! 1928. 2 декабря. № 278 (2610). С. 6.

Перепечатка рассказа из книги, выпущенной Госиздатом.

Старый театрал. Театральные заметки: Варшавский негр. (Пьеса Антона Слонимского в «Театре Малом») // За свободу! 1928. 5 декабря. № 280 (2612). С. 3.

О жанре пьесы.

Николай Амурский. Русские в Китае // За свободу! 1928. 6 декабря. № 281 (2613). С. 3.

Очерк.

Ив. Бунин. Потерянный рай («У райской запретной стены...») // За свободу! 1928. 6 декабря. № 281 (2613). С. 3.

Перепечатка стихотворения из № 1 «России и славянства».

Д.В. Философов. Единый православный фронт // За свободу! 1928. 7 декабря. № 282 (2614). С. 2.

Статья «Польское общество и православие» в варшавской вечерней газете «День польский» и резолюция Верховного совета РНО.

З.Н. Гиппиус. Письмо о Югославии // За свободу! 1928. 7 декабря. № 282 (2614). С. 2–3; 8 декабря. № 283 (2615). С. 2–3.

О съезде русских писателей в Белграде.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Богач о нищих // За свободу! 1928. 8 декабря. № 283 (2615). С. 2.

Новые статьи Горького о собственности, написанные в Сорренто.

Литературное приложение

Е.С. Шевченко. Леонид Каннегисер. Поэт-террорист // За свободу! 1928. 9 декабря. № 284 (2616). С. 3.

О книге: Леонид Каннегисер. Статьи Георгия Адамовича, М.А. Алданова и Георгия Иванова. Из посмертных стихов Леонида Каннегисера. Париж, 1928.

Л. Каннегисер. Снежная церковь («Зима и зодчий строили так дружно...») // За свободу! 1928. 9 декабря. № 284 (2616). С. 3.

Стихотворение с датировкой: «Нижний Новгород, март 1918 г.».

Между двух революций // За свободу! 1928. 9 декабря. № 284 (2616). С. 3.

В лейпцигском издательстве Гесселя вышел на немецком языке роман И. Каллиникова «Frauen und Münche».

Из книги «Леонид Каннегисер» // За свободу! 1928. 9 декабря. № 284 (2616). С. 4.

Отрывки из статей Алданова и Георгия Иванова.

Ам. Француз Бобовников // За свободу! 1928. 9 декабря. № 284 (2616). С. 4.

Французский писатель с русскими корнями Эммануэль Бов.

Старый театрал. Театральные заметки: Трагедия ассимиляции. (По поводу пьесы Ант. Слонимского «Варшавский негр») // За свободу! 1928. 11 декабря. № 285 (2617). С. 2–3.

Об идеях пьесы.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.?]. Дух соглашательства // За свободу! 1928. 13 декабря. № 287 (2619). С. 2.

Предисловие к перепечатке статьи В. Злобина из № 4 журнала «Новый корабль».

Злобин В. Дух соглашательства // За свободу! 1928. 13 декабря. № 287 (2619). С. 2–3.

Перепечатка статьи из № 4 журнала «Новый корабль».

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.?]. Раскопки в Соловках // За свободу! 1928. 13 декабря. № 287 (2619). С. 3.

Об истории Соловецкого острова и монастыря, археологических находках и советском концлагере.

[Рец.:] Советский учебник // За свободу! 1928. 13 декабря. № 287 (2619). С. 3.

Рецензия-фельетон о новом учебнике «Рабочая книга по орфографии» С.И. Абакумова и В.Н. Клюевой (М.; Пг.: Госиздат, 1928).

Литературное приложение

A. Хирьяков. Из литературных воспоминаний: Искусственная опечатка // За свободу! 1928. 16 декабря. № 290 (2622). С. 5.

Ложная поправка в петербургской «Русской жизни» во избежание запрещения газеты.

Курьезы газетных опечаток // За свободу! 1928. 16 декабря. № 290 (2622). С. 5.

Перепечатка из «Красной нови».

Д.С. Мережковский. 1. Вдруг («Иногда бывает так скучно»); 2. Сонное («Что это, утро, вечер...») // За свободу! 1928. 16 декабря. № 290 (2622). С. 5.

Перепечатка стихотворений из «Нового корабля».

Я. Полонский. Книгохранилище русских иезуитов // За свободу! 1928. 16 декабря. № 290 (2622). С. 5–6.

Перепечатка статьи из № 2 «Временника Общества друзей русской книги».

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Оливер Голдсмит // За свободу! 1928. 16 декабря. № 290 (2622). С. 6.

К 200-летию со дня рождения писателя.

Михаил Пришвин. Домашние боги // За свободу! 1928. 16 декабря. № 290 (2622). С. 6.

Перепечатка рассказа из книги, выпущенной Госиздатом.

Д.В. Философов. Открытое письмо председателю Верховного совета РНО д-ру П.А. Королю // За свободу! 1928. 18 декабря. № 291 (2623). С. 2–3.

О предложении Верховного совета РНО обратиться к третейскому суду в конфликте газеты «За свободу!» с Н.С. Серебренниковым.

Д.В. Философов. К делу Войцеховского // За свободу! 1928. 20 декабря. № 293 (2625). С. 2.

Юрий Войцеховский обвинялся в покушении 4 мая 1928 г. на варшавского торгпреда Лазарева.

Д.С. Пасманик. Мысли одинокого. 11. Европа или Азия // За свободу! 1928. 20 декабря. № 293 (2625). С. 2–3.
Полемика с идеями евразийцев.

А. Л. [Вебер-Хирьякова Е.С.?]. Первые месяцы войны. (Воспоминания Р. Пуанкарэ. Т. V) // За свободу! 1928. 20 декабря. № 293 (2625). С. 3.

О вышедшем в парижском издательстве «Plon» 5 томе воспоминаний Р. Пуанкаре «На службе Франции».

Д.В. Философов. Две меры // За свободу! 1928. 21 декабря. № 294 (2626). С. 2.

Строгость польских властей к эмигрантской печати и боязнь обидеть большевиков.

Д.В. Философов. Новый Статут православной церкви // За свободу! 1928. 23 декабря. № 296 (2628). С. 2.

Заявление министра исповеданий Свитальского в бюджетной комиссии Сейма о выработке Статута православной церкви в Польше.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. [Рец.:] «Новый корабль». Кн. 3 и 4. Париж. 1928 // За свободу! 1928. 23 декабря. № 296 (2628). С. 2–3.

Андрей Луганов. [Вебер-Хирьякова Е.С.]. Далекий призрак. (Из петербургских воспоминаний) // За свободу! 1928. 25 декабря. № 297 (2629). С. 2–3.

Романтический случай на Васильевском острове.

Курьезные воспоминания // За свободу! 1928. 25 декабря. № 297 (2629). С. 3.

Воспоминания доктора Курта Паризера в «Фоссише Цайтунг» о русских пациентах, среди которых В.Н. Коковцов, П.Н. Дурново, В.А. Маклаков, граф Витте.

И. Нохим Липовский // За свободу! 1928. 28 декабря. № 201 (2630). С. 2.

Скончался создатель еврейского народного театра в Вильно.

Г.А. Орлов. Музыкальные заметки. Большой театр. «Моцарт и Сальери», муз. Римского-Корсакова // За свободу! 1928. 28 декабря. № 201 (2630). С. 2.

Постановка варшавского Большого театра.

Старый театрал. Театральные заметки: По поводу «Моцарта и Сальери» // За свободу! 1928. 29 декабря. № 299 (2631). С. 3.

Отзывы польской печати о пушкинском «Моцарте и Сальери».

А. Хирьяков. Конкуренция воров («В Петербурге идут разговорчики...») // За свободу! 1928. 30 декабря. № 300 (2632). С. 3.

Сатирическое стихотворение.

Литературное приложение

Письма гр. Алексея Константиновича Толстого // За свободу! 1928. 30 декабря. № 300 (2632). С. 5.

Перепечатка из журнала «Литература и жизнь».

Ла-Брэ. Новогоднее происшествие. (Из парижских былей) // За свободу! 1928. 30 декабря. № 300 (2632). С. 5–6.

Рассказ.

Пьер Бост. Жалованная грамота // За свободу! 1928. 30 декабря. № 300 (2632). С. 6.

Рассказ.

Составление О.А. Коростелёва.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Громова Алла Витальевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета.

Тел.: 8 916 5009602. E-mail: gromovaav@mail.ru

Дмитриев Андрей Петрович (р. 1963), кандидат филологических наук, заведующий Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени ИРЛИ РАН. Автор монографий: «Первый карельский епископ» (2004), «Приозерская земля: История и культура» (2004, в соавт.)

E-mail: apdspb@gmail.com

Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор Костромского университета. Автор книг: «Человек в пространстве культуры» (1999), «Художественное сознание модернизма: Истоки и мифологемы» (2002).

E-mail: entelechia@ksu.edu.ru

Крылов Алексей Олегович (р. 1987), аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Тел.: 8 495 7520430

Николюкин Александр Николаевич (р. 1928), доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Автор 12 монографий по американистике и истории русской литературы.

Тел.: 8 499 1377052

Трофимова Валерия Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории литературы ФГНУ «Институт художественного образования» Российской академии образования. Автор работ по истории русской литературы и критики Серебряного века.

E-mail: vbtrofimova@yandex.ru

Федосеева Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Автор монографии «Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма», учебных пособий по истории и теории русской литературы, статей о русской поэзии и прозе XIX века.

E-mail: t.fedoseeva@rsu.edu.ru

Фетисенко Ольга Леонидовна (С.-Петербург), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН. Автор работ по русской литературе второй половины XIX в., истории общественной мысли, творчеству К.Н. Леонтьева.

Тел.: 812 3281901

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2013 – № 32

Художник В.Д. Дольский
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор И.Б. Пугачева

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 23/X-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,75 Уч.-изд. л. 15,0
Тираж 400 экз. Заказ № 175

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

